

Амброджо Донини

У ИСТОКОВ
ХРИСТИАНСТВА

86.3
Д67

Ambrogio Donini

STORIA DEL CRISTIANESIMO

dalle origini a Giustiniano
2 ed. riveduta e corretta
Milano, Nicola Teti e C ed.

1977

Под общей редакцией проф. И. С. СВЕНЦИЦКОЙ
Перевод с итальянского И. И. КРАВЧЕНКО
Перевод на русский язык (С) ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.

глава I
ПРОБЛЕМА ИСТОКОВ:
ИУДАИЗМ И ХРИСТИАНСТВО
В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ОТКРЫТИИ

История христианской религии насчитывает теперь уже две тысячи лет, однако ее идеологические и ритуальные истоки можно обнаружить примерно за столетие до начала новой эры. Наряду с буддизмом и мусульманством христианство ныне - одна из трех наиболее распространенных религий мира, как по ее географии, так и по числу исповедующих ее людей.

Статистические данные на этот счет, особенно когда они касаются образа мыслей людей и их поведения, следует всегда воспринимать с большой осторожностью. Определение принадлежности к той или иной форме культа в соответствии с семейным происхождением человека, его этническими или национальными связями, а не подлинными убеждениями, - весьма типичное явление. Все же, пусть даже в самом грубом приближении, можно сказать, что почти две трети населения Земли связаны с этими тремя религиозными направлениями - буддизмом, христианством и исламом - без учета их глубоких внутренних подразделений и каких бы то ни было исходных учений их основателей.

Около трети жителей планеты включается церковной статистикой в общее определение "христиане". Это определение постоянно принимается во внимание, когда речь идет о почти полном преобладании религии, которая опирается на евангелия. Еще примерно треть почти равно поделена между буддистами и мусульманами. Прочие культы - число их очень велико - заслуживают, естественно, не меньше внимания, но они составляют далеко не столь значительные группировки, за исключением индуизма и конфуцианства, которые, впрочем, никогда не выходили за пределы их четко очерченных национальных границ.

"Неверующие" - все, кто не исповедуют никакого культа и которых определяют, пожалуй упрощенно и двусмысленно, как атеистов, "безбожников", словно лишь вера в одно определенное божество характеризует религиозное чувство, - обычно не учитываются церковной статистикой, хотя они насчитываются ныне сотнями миллионов. Дело, конечно, в том, что неверие глубоко подрывает корни всех религий, находящихся в контакте с наиболее развитыми типами социальных структур, политической и культурной организацией

общества, возникшей в мире в эти последние десятилетия. Большое число неверующих в странах, которые исторически формировались в русле хри-стианской идеологии, не должно вызывать удивления в наше время. Кризис капитализма и развитие его естественного антагониста - социалистического общества способствовали возникновению этой новой ситуации.

БУДДИЗМ, ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ

В странах распространения буддизма и ислама несомненно имеет место заметное брожение сил национального и общественного прогресса. Нет оснований отрицать, что религиозная вера в целом противодействует этим силам и тормозит их, хотя порой она может способствовать их разрыванию. Религия неизбежно связана с социальными дисфункциями, обусловленными в буддийских и исламских странах неравномерным развитием современного общества. Хотя дисфункции эти и обречены на исчезновение, они долго еще будут давать о себе знать.

Каковы реальные факты, которые обнаруживаются в ходе развития трех крупнейших религий, неоправданно, впрочем, именуемых "историческими", словно дру-гие религии складываются вне истории? Буддийская, христианская религии и ислам возникли в различных социальных, национальных и духовных условиях, но неизменно в рамках одного и того же процесса перехода от высшего этапа утверждения рабовладельческой системы к дифференцированным формам полусвободного положения, вассальной и крепостной зависимости в деревне на той ограниченной части земного шара, которая простирается от средиземноморских стран до Южной Индии, охватывая почти целиком пустынные районы Аравийского полуострова. Буддизм опередил при этом на пять или шесть толетий наступление христианской эры, ислам же возник шестью веками после нее.

Религия мира

(в абсолютных цифрах и процентах)

Христиане: 1200 млн. 30%

католики 650 млн. 16,2%

протестанты 350 млн. 8,7%

православные 150 млн. 3,8%

прочие (копты, эфиопы, несториане и др.) 50 млн. 1,3%

Буддисты (большого и

малого "путей") 550 млн. 13,7%

Мусульмане (сунниты и шииты) 600 млн. 15%

Индуисты (и сикхи) 500 млн. 12,5%

Конфуцианцы (и даосисты) 450 млн. 11,2%

Синтоисты (в Японии) 30 млн. 0,8%

Иудаисты 14 млн. 0,4%

Приверженцы первобытных культов

(тотемизма, анимизма, фетишизма,

шаманизма и т. п.) 56 млн. 1,4%

Неверующие 600 млн. 15%

(Эти приблизительные данные относятся к 4 миллиардам глобального населения Земли, согласно официальной статистике ООН на 1974 г.)

Это был период, когда на фоне безысходных бедствий несметных масс людей, лишенных каких бы то ни было свобод и перспектив на этой Земле, обозначилось учение о некоем "спасении", проповедовавшее надежду на счастливую жизнь, равенство хотя бы в ином мире, - ожидание, бесспорно, иллюзорное, которое, однако, несло в себе мощный заряд человеческих чувств, различно выражавшихся и преломлявшихся в социальном окружении, политической и культурной среде своего времени.

Но буддизм, возникший в противовес жесткой и авторитарной классовой структуре древней ведической религии одного небольшого государства северной части Индии, где она теперь практически исчезла, нашел пути, по которым он смог распространиться по всей Восточной Азии, мало-помалу смешиваясь почти со всеми существовавшими здесь до него культурами, опираясь при этом на экономическую и социальную организацию общества, которая в основном оставалась неизменной вплоть до последних десятилетий. Ислам, устремившийся в сильнейшем порыве в первые столетия своего существования в сторону средиземноморской Европы, вынужден был, оставив там глубокие и неисчислимые следы, отступить в области, где он зародился, а также в районы Северной Африки и Западной и Центральной Азии, от Гибралтарского пролива до Индонезии, постоянно удерживаясь в пределах одной достаточно целостной идеологической и политической структуры, чем объясняется относительная компактность этой религии. Христианство же, хотя и связанное происхождением с иудаизмом и со своими первичными формами на земле Палестины, формировалось в совершенно ином окружении, возникшем в процессе политического, экономического и культурного сплочения, навязанного Римской империей всем народам греко-римского мира, жившим в бассейне Средиземноморья.

Таким образом, в отличие от буддизма и ислама, христианская религия очень рано оказалась связанной с людьми и странами, совершенно отличными от тех людей и стран, которые ее породили. И в дальнейшем на процесс формирования и развития культа, доктрины и институтов христианской религии оказывали определяющее влияние сначала постепенное расшатывание железных оков рабовладельческого общества, затем - социальные институты средневековья и, далее, - разрушивший их прорыв торговых мануфактурных групп, ковавших новое промышленное общество. На всех этапах этого процесса обновлялась нравственная, понятийная, теологическая традиция этой религии, неизменно отягченная, однако, обращением к прошлому, балласт которого так или иначе довлеет над ней и поныне.

Как от христианской веры в пришествие "царствия небесного", которое первоначально было наделено всеми характерными чертами устройства земной жизни, прежде чем оказалось перенесенным в потусторонний мир, так и от наступательного порыва ислама, вдохновлявшегося стремлением арабских племен к национальному объединению и самостоятельности во имя единого бога (аллаха) и его пророка (Мухаммеда), качественно отличной была буддийская проповедь отказа от существования, обращенная к страждущим массам Центральной и Восточной Азии. Сравним это учение с "волюнтаризмом" христианского благовещения, оставленным в наследство грядущим поколениям верующих, и программой действий, предписанных Мухаммедом, выразителем божественного Предначтения. Это сравнение поможет объяснить исторические судьбы масс, связанных с буддийским учением, которое ориентирует человека на пассивное восприятие мира и тем самым закрепляет его зависимость от господствующих социальных сил.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА

Подобные соображения, имеющие смысл общего ориентира, ни в коем случае не следует воспринимать в качестве этической и социальной оценки религий. К тому же убедительность их сильно снижается, стоит лишь перейти к рассмотрению сложной проблемы происхождения трех упомянутых религий.

Будда мог быть или не быть историческим лицом, умершим за несколько лет до рождения Конфуция, действовавшего между VI и V в. до н. э. Во всяком случае, его биография подвергалась постоянным переделкам в течение первых четырех или пяти столетий после начала буддийского движения, прежде чем сформировался более или менее определенный образ Будды и сложились основы новой религии. Мы тем не менее имеем дело с однородной этнической и языковой средой, благодаря чему оказывается достаточно легко выявить исходное ядро приписываемого Будде учения. Даже если язык, на котором говорили Будда и его первые последователи, не был ни санскритом, классическим языком ведической

религии, ни пали, на котором составлен наиболее важный канон новой религии, а одним из многих индоевропейских наречий, распространенных в северной части Индостанского полуострова, у подножия Гималаев, - магадхи, все-таки мы остаемся в рамках одного общего языкового окружения, которое помогает нам выявить за лексическими различиями и диалектными колебаниями достаточно ясную совокупность обрядов и мифов и процесс их передачи во времени.

Историческая ценность наиболее древних буддийских текстов часто спорна, а достоверная реконструкция жизни основателя учения из тумана легенд не всегда легко осуществима. Но о содержании религиозной терминологии, посредством которой формируется центральное ядро проповеди Будды, исследователь может судить с определенной уверенностью. Первоначальная форма буддизма, в которой первые поколения последователей его распространяли, не слишком отлична от более поздней и от сохранившейся донныне, несмотря на влияния и местные добавления к культу, Будда (причастие прошедшего времени от ведического глагола "бодхати" - "пробуждаться") означает "прозревший", "озаренный", "просветленный (высшим знанием)", "осененный (истиной)" - тот, кому было особое откровение относительно проблемы страдания и смерти, кто обрел понимание ее и передал его другим. Таков изначальный смысл термина, таким он остается и сегодня, несмотря на различия богослужбных, молитвенных и институциональных выражений религиозных чувств четырех или пяти сотен миллионов верующих, которых буддизм насчитывает в обширнейших пространствах Восточной и островной Азии.

С еще большим основанием возможно подобное рассуждение о Мухаммеде, жизнь которого со всеми ее превратностями через шестьсот лет после начала нашей эры доступна историческому освещению, несмотря на мифологические прикрасы и перелицовки, в которых она передается в Коране (от арабского "кур'ан" - "чтение") - учении о едином национальном боге (аллахе) и абсолютном повиновении всех бедуинских племен, рассеянных и подчиненных разнообразным формам господства, его воле ("ислам"), почитаемой как откровение, учении, разработанном и сформулированном, естественно, не богом, а человеком. Язык же, на котором оно сформулировано, в основном идентичен современному языку арабов, с теми лишь изменениями, которые происходят в самом языке, а также вызываються постоянными этническими и культурными контактами. Язык Корана стал одним из наиболее действенных факторов, которые способствовали укреплению не только религиозного, но и юридического и государственного единства мусульманского мира на протяжении его истории.

Неизбежная трансформация верующими образа Мухаммеда происходила в рамках единой языковой и этнической реальности. Термины, используемые для обозначения основателя веры и его учения, остались без изменения, хотя время от времени они толкуются в соответствии с процессом становления религиозного движения в конкретной исторической ситуации (во всей его сложности и постоянном развитии), которое дало основание для расколов и различных ересей.

Что же касается христианства, то в этом отношении мы сталкиваемся с совершенно иным положением, которое можно, пожалуй, назвать парадоксальным.

Поиски исторической основы исходного ядра христианского учения сложны и порой неосуществимы на языке наиболее древних текстов, к которым мы вынуждены обращаться, чтобы реконструировать учение если не по существу (что вообще представляется в итоге, по большей части бесплодных, изысканий более чем безнадежным предприятием), то по крайней мере в сколько-нибудь удовлетворительной форме, даже если не принимать во внимание изменения в христианском мире в результате постепенного его развития на протяжении двух последних тысячелетий.

Трагическая судьба основателя христианства, Иисуса, прозванного Христом, локализована в текстах, отражающих верования и чаяния его первых последователей в Палестине. В основе этих верований лежит совокупность мифов, с незапамятных времен связанных с библейским откровением, обращенным к маленькому народу Израиля: вестью о торжественном "союзе", или Ветхом завете, заключенном между племенным божеством Яхве, хранителем судеб нации среди несчастий, которые угрожали независимости народа, и избранными

приверженцами бога.

Ветхий завет

Закон ("Тора"): Бытие, Исход, Левит, Числа и дейтерономий (или Второзаконие [Deuteronomium - [дейтерономий] - латинизированная форма греческого слова, означающего "там, где вторые законы". В православной Библии принято название "Второзаконие". - Прим. пер.]). Эти первые пять свитков составляют Пятикнижие.

Пророки ("Невиим") - книги "старших" пророков (Иисус Навин, Судей израилевых, Руфь, I и II книги Самуила, I и II книги Царей), "младших" пророков - (Исайя, Иеремия, Иезекииль) и двенадцати "малых" пророков, собранные в один свиток (Осия, Иоиль, Амос, Авдий, Иона, Михей, Наум, Аввакум (Хабаккук), Софония, Аггей, Захария и Малахия). Священные, или агиографические, писания ("Кетубим"): Псалмы (Псалтирь), Притчи Соломоновы, Иов, Песнь песней, Плач Иеремии, Екклесиаст, Эсфирь, Даниил, I и II книги Эзры (Ездры) и Не-емии, I и II книги Хроник [В другой редакции говорят об одной книге Эзры (Ездры) и о книге Неемии. В синодальном тексте православной Библии I и II книги Самуила и I и II книги Царей именуется I, II, III и IV книгами Царств. Книги Хроник именуется их греческим названием - I и II Паралипоменон. - Прим. ред.].

27 книг, или свитков, составляют каноны (правила, каталог), признанные евреями и сложившиеся в конце I в. до н. э. Другие числом около десяти, не получили признания, так как они были первоначально составлены на греческом языке (книги Товита (Товиота), Иудифь, Премудрости Соломона, пророка Варуха, Послание Иеремии, Молитва Манассии, I и II книги Маккавеев (или Маккавейские), затем некоторые части книги Даниила и книга Ездры на арамейском языке). Для палестинских евреев критерий "боговдохновенности" состоял в том, что Яхве мог бы говорить только по-еврейски. Евреи, жившие в эмиграции, и первые христиане отнесли к этим последним книгам как к "вторичному канону", как к "второзаконным", предназначенным войти во второй и более обширный закон. Католики их признают и по сей день; для протестантов это "апокрифы", то есть недостоверные, "скрытые под неистинным именем" сочинения; чтение их, однако, рекомендуется. Сотнями исчислялись "псевдоэпиграфы", небиблейские тексты, которые циркулировали под вымышленными именами. Лишь немногие из них дошли до нас [В православной Библии Ветхий завет включает все эти книги, а также Премудрости Иисуса, сына Сирахова, II и III книги Ездры и III книгу Маккавейскую, но не содержит Молитву Манассии. - Прим. ред.].

Мессия Иисус, "помазанник" господен, столь долгожданный царь пророческой литературы и народной фантазии, представлялся основателем, глашатаем этого соглашения, настоящего двустороннего договора ("ты будешь поклоняться мне, я буду твоим защитником"), и сегодня признаваемого действующим в христианском вероучении и в теологических разработках. Таким договором впоследствии стал "новый союз", Новый завет.

Новый завет

Четыре евангелия (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна), из которых два - от апостолов (Матфея и Иоанна). Первые три именуется "синоптическими", поскольку на первый взгляд они обнаруживают, если их расположить рядом в три колонки, существенные совпадения и сходства (synopticos, что в переводе с греческого языка означает "охватывающий единым взглядом", "общий вид").

Деяния, или, лучше, как в греческом оригинале, Деяния святых апостолов, автором которых согласно традиции должен быть сам евангелист Лука, предполагаемый ученик св. Павла.

Послания, числом двадцать одно: тринадцать, приписываемых св. Павлу (к римлянам, два - к коринфянам, к галатам, к ефессянам, к филиппинцам, к колоссянам, два к фессалоникийцам, два к Тимофею, к Титу и Филимону), семь

якобы принадлежащих различным апостолам (три - Иоанну, два - Петру, одно - Иакову, одно - Иуде, естественно не Искариоту) и Послание к евреям.

Апокалипсис, то есть "откровение последних событий", приписанное Иоанну.

27 книг Нового завета, составленных на греческом языке, были включены между концом II и началом V в. н. э. в канон не без колебаний и противоречий. Существовали, однако, другие бесчисленные тексты (евангелия, деяния, послания и откровения), приписанные легендарным фигурам ранней христианской истории. Первоначально воспринятые народной верой, они были затем большей частью отвергнуты как "апокрифы", плод воображения, или прямо как еретические писания. Для историка же все они имеют равное документальное значение. Деление текста Нового завета на главы и стихи было введено ради удобства при цитировании только в конце средних веков.

Те немногие письменные документы, в которых говорится об Иисусе (то есть четыре евангелия, Деяния апостолов, двадцать одно каноническое послание и Апокалипсис - двадцать семь в целом, как двадцать семь книг в Библии и двадцать семь букв в еврейском алфавите), до нас дошли не на том языке, на котором говорили в те времена и в тех местах, где якобы происходили описанные в библейских текстах события, то есть не на арамейском и даже не на еврейском языке, хотя священнослужители стремились передавать в своей среде "слово божие" без изменений, даже если оно становилось непонятным. Эти документы составлены на разговорном народном греческом языке униженных и обездоленных масс средиземноморского мира - на койне, который был принят в последние два или три столетия до нашей эры (не без изменений и переделок) большей частью работников, ремесленников иудейского происхождения, евреями, эмигрировавшими из Палестины и рассеянными почти по всем прибрежным городам Римской империи и целым зонам Малой Азии, Греции и Египта.

Имя Христос (греческая форма еврейского слова "машиах" - "помазанник", "царь"; мессия - прозвище, а не собственное имя) и такие термины, как апостол (особый посланец, которому поручено приносить в Иерусалим пожертвования на поддержание храма), пресвитер ("старейшина"; отсюда современное "священник" [От греческого presbuteros ("старец"). Латинизированная форма presbyter дала в современных романских языках слово "священник", в итальянском - prete [прете], во французском - pretre [прэтр], в испанском - preste [преете]. Ср. также английское priest [при:ст], немецкое Priester [пристер] и т. п. - Прим. пер.), епископ ("наблюдатель"), крещение ("очистительное омовение"), агапы ("любовь", затем, в переосмыслении, - "братское вкушение пищи"), причащение (выражение благодарности, ритуальная священная вечеря), апокалипсис ("откровение") и даже евангелие ("весть о каком-либо счастливом событии") и церковь [Русские религиозные термины в ряде случаев существенно отличаются от греко-латинских, перешедших в западные языки и католическое богослужение. Так, "крещение" в тексте А. Донины обозначается как производное от латинского baptisma [баптисма], в свою очередь происходящего от греческого baptizein [баптизейн] - "погружать", откуда современные французское baptême, итальянское battesimo и т. д.; "агапы" - греческое agape ("привязанность", "любовь"); "откровение" - как "апокалипсис" (от греческого apokalypsis); "причащение" - как "евхаристия" (от греческого eukharistia - акт благодарения); "церковь" (по предположению от греческого kurgikon (из kurgios - "господь"), превратившегося через посредство готского языка, изменения "к" в "ц" и других переделок на славянской почве в современное слово. А. Донины передает романскими производными от греческого ekklesia [эkklesia] - "собрание": во французском - eglise [эглиз], в итальянском - chiesa [кьеза], в испанском - iglesia [иглезия] и т. д. - Прим. пер.), имели неоспоримое религиозное значение для евреев, живших в эмиграции, или диаспоре. Достаточно ограниченный мир диаспоры ограждал религиозные понятия от неправильного употребления или интерпретации не в духе иудаизма. Но эта же среда явилась тем каналом, через который только что возникшая новозаветная проповедь осваивалась людьми совершенно иного происхождения и

иной культуры, для которых старая религиозная терминология значила уже весьма немного. Достаточно вспомнить, что только в двух случаях в евангелии транскрибируется по-гречески еврейское слово "мессия" (Евангелие от Иоанна, 1:41 и 4: 25), и автор чувствует себя вынужденным напомнить верующим, которые явно уже не знали, что это слово в переводе означает Христос.

Не исключено, что некоторые тексты, вошедшие в канон Нового завета в течение первых трех веков истории христианства, были первоначально составлены на арамейском или непосредственно на еврейском языке. Но от них нам остались только немногие уцелевшие выражения, которые повторяются и сейчас, но уже без знания их прежнего смысла. Например, абба ("отец") [Арамейское слово abba [абба] дало в ряде современных европейских языков слова, обозначающие настоятеля монастыря: abbe [абе] во французском, abbate [абате] в итальянском и т. д. - Прим. пер.], рабби ("господин мой") [Откуда еврейское наименование священнослужителя - раввин. - Прим. пер.], аллилуйя ("хвала богу") [Слово, принятое во всех христианских вероисповеданиях (от еврейского hallelou-yah - "восхвалим Вечного"). - Прим. пер.], аминь ("истинно", а не "да будет так", как думают) [От еврейского amen [амен]; некоторые этимологи (например, А. Доза) действительно переводят смысл этого термина "да будет так", - Прим. пер.], осанна ("даруй нам победу", "спаси нас"), эффата ("отворись"), талиф кумй ("девица, встань") - слова, сказанные по поводу чудесного воскрешения дочери Иаира в Евангелии от Марка (5:41) или воскрешения Серны: "Тавифа! встань!" - читаем мы в аналогичном эпизоде воскрешения из мертвых, приписанного Петру в Деяниях апостолов (9 : 40).

Во всяком случае, типичное значение употребительной в иудейских общинах терминологии в период, предшествовавший крушению их национальной независимости в 70 г. н. э. при императоре Тите и затем в 135 г. при императоре Адриане, переходя из центров эмиграции к массам нееврейского происхождения, обращенным в новую веру, было уже иным. Оно соотносилось отныне с другими религиозными идеями и другими культовыми приемами, несовместимыми с традиционной библейской верой, но непосредственно воспринимавшимися людьми "без истории", которых римское завоевание низвело до положения личной рабской зависимости или полного экономического и социального порабощения и поражения в правах, безотносительно к глубоким внутренним противоречиям и к игре взаимоположенных интересов различных форм культа.

ПАЛЕСТИНСКИЙ ИУДАИЗМ И ИУДАИЗМ ДИАСПОРЫ

В начале нашей эры евреи не были единственным народом, который жил в организованных общинах за пределами своих территориальных границ, в основных зонах иммиграции средиземноморского мира.

У нас есть сведения о диаспоре сирийцев с их звездным культом; о диаспоре персов и народностей Понта и Коммагены с их непобедимым Митрой; об азиатской диаспоре носителей культа великого женского божества - "божественной матери" на анатолийском побережье; о диаспоре египтян, поклонявшихся Серапису и Иси-де, прославленной Апулеем в "Метаморфозах" (или "Золотом осле"), вездесущей "владычице элементов", "матери природы"; о диаспоре вавилонян, известных своими занятиями астрологией; об африканской диаспоре выходцев из Нумидии, Мавритании и Карфагенского побережья с их пуническими божествами плодородия и спасения, не говоря уже о диаспоре эллинов, гордившихся своими многообразными философскими и этическими системами.

Все эти группы жили совместно и в дружбе, общаясь в собраниях, на погребальных церемониях, на рынках, в корпорациях, местных органах управления и на скамьях университетов в Афинах, в Коринфе, в Тарсе и Александрии Египетской, в Фессалониках и Антиохии, на Родосе, Кипре и в Риме.

Однако евреи с их жестким монотеизмом и ритуальными и культурными особенностями составляли, бесспорно, более обособленную среду, чем другие

народы.

Так, для еврея, жившего в эмиграции, привыкшего с рождения пользоваться греческим языком, термин Христос (от глагольного прилагательного от слова "хрию" - "умазать") имел политико-обрядовый смысл ("тот, кто формально облечен в результате священного действия изливаемого масла самым высоким царским или жреческим достоинством") действия, которое распространялось порой даже на статуи и изображения богов, на священные камни и деревья. Это же понятие стало применяться в христианском религиозном движении, целью которого было установление "нового царства" - всеобщего состояния счастья и благополучия на земле, замысленного несколькими древними пророками Израиля и глашатаями нового откровения, презираемыми иудейской аристократией, но тем более высоко почитаемыми и признанными народными массами [Доказательством тому стало недавнее открытие еврейских и в меньшей части арамейских манускриптов, спрятанных девятнадцать столетий назад в пещерах, вырытых за укрытием скалистых откосов, которые возвышаются над безрадостными водами Мертвого моря, в районе, который арабы захватили почти 1 400 лет назад и назвали Кумран. Манускрипты принадлежали небольшой общине евреев, отложившихся от Палестины, считавшихся "еретиками", которые не признавали неоспоримой власти высшего иерусалимского духовенства и развращенных господствующих слоев, ибо, согласно убеждениям этих людей, ставшим впоследствии преобладающим взглядом христиан, клир и власть имущие нарушили торжественный "союз", заключенный еврейской нацией со своим исключительным, требовательным и ревнивым богом Яхве, которого даже нельзя было называть по имени, а следовало именовать вслух только Адо-най ("господь мой"). Когда в древний еврейский консонантический текст Библии были введены между V и X в. гласные буквы, имя этого бога стало звучать в традиционной произношении Иегова].

В эмиграции прозвание Христос как имя глашатая и открывателя столь желанного мессианского царства не могло не утратить постепенно своего первоначального значения: оно стало толковаться как новое имя божества, сына бога или самого бога, еще до того, как его стали отождествлять с Иисусом. На латинском языке оно и звучало не как "помазанник", а как Христос, имя собственное. В Евангелии от Марка, например, выражение "Иисус Христос" встречается только в прологе (1:1) - это некая составная формула, поздняя, отражающая эллинистическую терминологию, а не палестинскую. В остальной части повествования Марк везде говорит Иисус, а не Христос, и уж совсем не Иисус Христос. В то же время автор посланий, приписываемых Павлу из Тарса, преимущественно употребляет имя Христос в манере диаспоры.

Термин "христианин" (от греческого *christianos* через латинскую форму *christianus*), в котором греческий корень [*Khristos* от глагола *khriō* - "умазать". - Прим. пер.] служит для образования латинского прилагательного (субстантивированного, ставшего существительным. - Прим. ред.), встречается тоже редко, не более трех раз в Новом завете. Он возник не в палестинской среде. Не исключено, что его употребляли в ироническом и уничижительном смысле ("помазанные", "напомаженные"), чтобы отличать новообращенных, странных нестриженных людей, напоминающих современных "длинноволосых", от правоверных синагогальных евреев. Деяния апостолов сообщают, что ученики Иисуса в первый раз стали называться христианами в Антиохии, столице римской провинции Сирии, где жила колония эллинизированных евреев, происходивших из Кипра. Это уже второй век. Оставалось, однако, ждать посланий Игнатия, тоже из Антиохии, "мученика Поликарпа", апологетов и ересиологов, чтобы подобное прозвание стало общеупотребительным. И очень скоро само звучание имени Христа (Христос, Крестус в латинском произношении) должно было противопоставить его носителям "цезаризма", привилегированным классам, приобщенным к дому Цезарей. О таком противопоставлении Цезаря и Христа сообщают Эпиктет и Ап-пиан; это одно из наиболее достоверных явлений, свидетельство о которых мы можем обнаружить и в древней церковной литературе.

Не удивительно поэтому, что первые римские авторы, которые писали о новой религии, от Плиния Младшего до Тацита и Светония, говорят только о

Христе, или о Хресте, порой смешивая его с каким-то именем раба или с восточным богом спасения ("благодетель", "превосходнейший"), и никогда об Иисусе. Не удивляет и отсутствие какого бы то ни было упоминания о личности Иисуса в исторических сочинениях еврея Иосифа Флавия, перешедшего на сторону римских завоевателей в ходе иудейской войны 67 - 73 гг. н. э. Однако не ранее начала II в. н. э. рвение верующих привело к выдумке некоего Иисуса, которая со временем приобрела видимость достоверности, уподобилась своего рода "обману во имя благочестия", возникшему из побуждений глубокой иррациональной веры, как это не раз случалось во всех религиях. Достаточно вспомнить знаменитую фальсификацию переписки прокуратора Понтия Пилата с императором Тиберием по поводу суда над Иисусом, его осуждения и смерти, или апокрифическую переписку Сенеки и св. Павла, либо послания, которыми обменивались сам Иисус и эдесский царь Абгар V, властитель Осроенского государства. А если обратиться к менее далеким от нас временам, можно напомнить псевдодарение Константина, которым папы на протяжении всего средневековья аргументировали свою власть над столь большой частью Италии.

СТРАНА ЗА ПРЕДЕЛАМИ РЕАЛЬНОСТИ

Тот факт, что писания, на которые опираются доказательства достоверности проповеди, крестной муки и смерти Христа, были составлены - или в некоторых редких случаях переведены - *feeiejeles* за пределами Палестины и к тому же значительно позже описываемых в них событий, что тексты эти сотканы из анахронизмов, несоответствий и противоречий, следует, в частности, из слабого и смутного представления их авторов о географии, политическом и религиозном облике тех мест, о которых они пишут, и о ритуальных и культурных традициях иудейского народа.

Палестина, которую они описывают, это страна абсолютно нереальная.

Евангелисты именуют "морем" Геннисаретское озеро (на еврейском языке Киннерет или Киннарот), имеющее всего 11 км в ширину и 20 км в длину. Они говорят о Ти-вериаде (имя этого города, впрочем, не встречается нигде, кроме одного спорного места в Евангелии от Иоанна, 6:23) так, точно речь идет о некоем важном городском центре, недавно сооруженном и возведенном в ранг столицы Галилеи не ранее 61 г. н. э. И чтобы вернуть Иисуса из Тира к Геннисаретскому озеру, они заставляют его пройти через Сидон, который расположен в 35 км к северу, вынуждая обойти озеро "среди земли Декаполиса", то есть пройти через десять городов Трансиордании, которые образовали союз со Скитополем в Самарии, находившейся в прямой зависимости от Рима, по территории, лежащей абсолютно вне района, о котором идет речь в связи с Иисусом.

Описание многих населенных центров этой условной, скорее символической, нежели реальной, страны порождает серьезные топографические проблемы, начать хотя бы с названия города Назарета, который не упоминается ни одним иудейским автором ранее IX в. н. э. - ни разу в Ветхом завете, ни у Иосифа Флавия, который между тем перечисляет почти все наиболее важные местности земли, откуда он был родом. Весьма похоже, что Назарет как родина Иисуса был "изобретен" на основе ложной этимологии слова "назарянин" (или "назорей"), которое означало попросту некую местную секту "чистых" и аскетов.

Указания евангелий на гору, где происходило распятие на кресте и был погребен Иисус (на арамейском диалекте Голгофа, или "череп", - "маковка", на латинском языке *calvarium* [кальвариум] от слова *calvus* [каль-вус] - "лысый") [А. Донини приводит эту форму, так как она дала в современных западноевропейских языках название Голгофы и крестной муки (например, французское *calvaire* [кальвэр], итальянское *cal-vario* [кальварио] и т. п.). - Прим. пер.], неясны и противоречивы. "Точное" место казни, впрочем, было "открыто" только при Константине, не ранее 326 г., при обстоятельствах, которые вызывают много сомнений, поскольку местность эта была посвящена Венере и ее стремились христианизировать, уверяя, что там находилась могила Христа.

О растительности и животном мире Палестины в новозаветных текстах

сообщаются столь общие сведения, что их можно отнести к какой угодно другой стране Средиземноморья.

Упомянуты фиговые, оливковые, виноградные лозы, однако не называются типичные растения этого района, как кедр или финиковая пальма, а в одном известном изречении о горчичном зернышке, о кустарнике, который достигает максимум метровой высоты, говорится как о настоящем дереве с немислимой сплетенностью ветвей. Животные те же, что встречаются в Малой Азии, в Италии или Северной Африке: волк, гадюка, ворон, свинья, коза, домашний осел, саранча. Но синоптические евангелия простодушно сообщают, что в стране Гергесинской (Матфей, 8:28 - 34) или Гадаринской (Марк, 5:1 - 19, или Лука, 8:26) [В католических евангелиях расхождения в названиях этой страны, которые приводит А. Донини, еще больше - Геразская (Марк, 5 : 1 - 20), Гадаренская (Матфей, 8 : 28 - 34) и Гергезенская (Лука, 8 : 26 - 39). - Прим. пер.], именно там, где свинья была животным в высшей мере нечистым, можно было встретить двухтысячное стадо их, которое опрометью бросилось в воды озера [Речь идет о пресловутом "чудесном исцелении" одержимого бесами, которые вселились в свиней, после того как Иисус изгнал их из его тела (Лука, 8 : 27 - 39). Свиньи, одержимые бесами, бросились в озеро и утонули. - Прим. пер.]. В действительности существовал эллинистический обряд очищения, но в эмиграции, в Элевсине; он состоял в том, что в море бросали свиней, "отягченных" всеми грехами общины, - это был языческий эквивалент иудейского "козла отпущения" и христианского "агнца божия", который нес на себе все "грехи мира".

Голубка, которая опускается на Иисуса как "дух божий" в момент крещения, была священным животным самаритян, ненавистного и презираемого правоверными евреями племени, к членам которого относились как к чужестранцам и еретикам. Но в эмиграции, в Сирии и греко-римском мире, ей приписывали божественные атрибуты как символу Астарты и Афродиты-Венеры. Евангелисты верили, что в ночь казни на кресте петух дважды пропел в Иерусалиме. Однако Талмуд, сборник комментариев к Библии и толкований иудейских этико-юридических норм, составленный немногим позднее апостолической эры, сообщает нам, что в священном городе не существовало петухов. Известный эпизод превращения воды в вино по случаю не менее известного бракосочетания в Кане Галилейской (упоминаемого только в Евангелии от Иоанна) - первое чудо Иисуса (2 : 1 - 11) - в действительности соотносится с обрядом очищения в ходе "священных бракосочетаний" культа Диониса, который ради наилучшего празднования этой иерогамии наделил менад властью обращать воду в вино в день открытия сосудов, каменных кувшинов, обычно применявшихся евреями для омовений.

Подобные примеры можно было бы умножить.

В евангелиях Иудея - страна, где никогда не бывает дождей и холодов и где зимой пастухи проводят ночи на открытом воздухе. В Галилее крестьяне и сами ученики Иисуса одеваются в греческие одежды: биматион, хитон и хламиду, а не в те, что характерны для людей этой местности. Апостолы носят большей частью греческие имена: Филипп, Андрей, Фаддей (эквивалент Тевда или Досифея), оба Симона, но это иное имя, чем Симеон в Евангелии от Луки (2:25), и Иоанн - имя, которое не могло происходить от еврейского "ионах", ("голубка"), даже если подобное созвучие способствовало возникновению легенды о нисшествии божественного "духа" Яхве, вызванного Иоанном Крестителем. Матфей, прозванный также Леви, Варфоломей (сын Птолемея по-арамейски), Фома (грецизированная форма слова *toth* - "близнец", неизвестно, впрочем, чей) и два Иуды - Искарот и другой, названный в некоторых местах Библии вместо Фаддея, - это, несомненно, семитские имена. Напротив, Иаков (от Иакуб), по-гречески Иакобос, может быть смешан с Иаккос, одним из мистических имен Диониса, - "громогласный", тот, кто кричит. Может быть, отсюда его прозвище, распространенное также на его брата Иоанна, - Воанергес, которое переводится в Евангелии от Марка (3:17) с арамейского как "сыны Громы", но которое в действительности означало по-гречески "могучий глас".

В области собственно религиозных понятий идея пить кровь и вкушать

плоть Христа в момент тайной вечери в память о его самопожертвовании могла возникнуть только в нееврейской среде, поскольку иудаистский закон строго запрещает употреблять в пищу кровь (Бытие, 9:4 - 5; Левит, 3 : 17, 17: 10). Подобное табу признается также в Деяниях апостолов в числе иных установлений так называемого "закона Моисеева" (15:20) и соблюдается иудеями по сей день. Если бы кто-нибудь сказал в Палестине: "Пейте, вот вам моя кровь", его бы тут же забросали камнями. Не так обстояло дело в эмиграции, где подобный обряд был обычен во многих мистических культах. В египетском обряде культа Исида жрец, благословляя чашу, произносил ритуальную фразу: "Ты есть чаша вина, но не вина, а лона Осирисова". Точно так же и вкушение плоти бога, то есть самого всевышнего, было чем-то невыносимым для еврея. Однако восточные божества Аттис и Митра перед смертью установили во время собрания, напоминающего тайную вечерю, обряд причащения хлебом, который символизировал употребление в пищу их тел.

Невозможен на земле Иудеи известный эпизод с монетой, которую Иисус заставил подать себе в Иерусалиме, чтобы подтвердить законность денежного оброка кесарю, то есть золотого или серебряного динария - медная монета появилась лишь много позже - с изображением императора. Учитывая отвращение евреев к изображению человека, пусть даже просто на монете (древнее табу, присущее также арабским народностям), римляне в качестве уступки разрешили им чеканку бронзовых монет без всяких изображений человека. В диаспоре динарий кесаря был бы естественной вещью; в Иерусалиме же он вызвал бы инциденты и протесты. Фарисеи наказали бы Иисуса на месте преступления не столько из-за уплаты "подати", сколько из-за этого святотатственного обхождения с нечистой, неприкасаемой монетой. Возможно, впрочем, что весь этот рассказ соотносится с полемикой, возникшей между евреями, жившими в эмиграции во времена Домициана, в конце I в., вслед за приказом, изданным после разрушения Иерусалимского храма в 70 г., вносить в императорскую казну налоги, которые раньше направлялись в Иерусалимский храм.

Что касается сложной проблемы "отвержения", или развода, то Евангелие от Матфея объявляет его дозволенным только в случае прелюбодеяния супруги (19:9); Евангелие же от Марка вкладывает в уста Иисуса также слова о том, что жена, которая "разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует" (10: 12), обнаруживая при этом полное незнание еврейского брачного права, которое не признавало развода по инициативе супруги. Подобное событие было нелепо в Иудее, но в эмиграции, особенно в Риме, оно бывало нередко. Так мы вновь оказываемся перенесенными в среду, полностью отличающуюся от той, что существовала на земле, где возникло христианство.

Для палестинского еврея провозгласить себя "сыном бога" помимо естественного признания родства, приписанного божествам почти всех религий, значило совершить преступление, караемое немедленной смертной казнью (Марк, 14 : 64; Иоанн, 19 : 7). Подобное заявление было, однако, вполне нормально в эмиграции, в греко-римских городах, вплоть до того, что имя Диониса, фракийско-фригийского божества, вошло именно в этом смысле в культы эллинистических мистерий (*pnosos* [нюзос] означает "сын"). "Сын бога" мог также умереть. Так и случилось с самим Дионисом-Орфеем, не говоря уж об Асклепии, убитом молниями Зевса, и Геркулесе, погибшем в пламени.

"Сынами бога" именовали также римских императоров. I реческая надпись, открытая на мраморном пьедестале в Пергаме, в Малой Азии, приветствует Августа в качестве "сына бога", что, по-видимому, и соответствует латинской формуле *devi filius* [деви филиус] - "сын бога".

Чтение евангелий обнаруживает, хотя и в разной степени, но всегда достаточно четко, стремление убедить, что Иисус осуществил в своей жизни и своих деяниях пророчества и мессианские предначертания Ветхого завета.

Поражает при этом тот факт, что все памятные места в Библии переведены на греческий язык не непосредственно с еврейского, как можно было ожидать. Они неизменно заимствуются из варианта библейского текста александрийского происхождения, называемого Септуагинтой [Так называемый перевод семидесяти толковников (переводчиков); Септуагинта - его латинское название, от слова *septuaginta* - "семьдесят". - Прим. пер.], который был распространен в

иудаистских эмигрантских общинах. Известно, что этот перевод, о котором нам рассказывает в начале II в. до н. э. известное "Послание Аристея" брату Филократу, существенно разошелся с принятым еврейской традицией текстом. Как говорит легенда, этот перевод был выполнен по приказанию царя Птолемея Филадельфа (282 - 246 гг. до н. э.) для нужд более чем миллионной еврейской иммиграции в Александрии Египетской. Согласно преданию, перевод был сделан по божественному вдохновению семьюдесятью (или семьюдесятью двумя, по шести на каждое племя Израиля) знатоками за семьдесят или семьдесят два дня. В действительности он потребовал более полувека работы. Вместе с переводом в народный греческий язык койне вошли многие семитизмы и местные лексические элементы. Лишь много позже, между I и II в. н. э., появились варианты Библии, созданные Аквилеем, Симмахом и Теодоционом, еще более далекие от истоков, чем Септуагинта.

Переработки библейского текста породили, кроме всего прочего, некоторые догматы, как, например, утверждение о непорочном зачатии Иисуса, в основе которого лежит грубая ошибка перевода.

"Молодая женщина" ["Дева" в тексте синодального издания православной Библии. - Прим. пер.], "холмах" по-еврейски, согласно пророку Исае (7 : 14), выражение, которое повторяет в мессианском смысле одно лишь Евангелие от Матфея (1:23), якобы должна была зачать и родить сына до того, как царь Сирии и царь Израиля совместно попытались захватить приступом Иерусалим. Уже в версии этого текста, вошедшего в Септуагинту, может быть под влиянием партеногенетических солнечных мифов, связанных с культом Исида, эта женщина стала "девой", "девственницей" - отсюда идея чудесного рождения мессии, непостижимая для сознания палестинцев, но приемлемая на эллинистической территории. Христос в еврейской традиции должен был быть человеком "Давидова семени", а не божественной особой, рожденной сверхъестественным образом.

В греко-римском мире, напротив, приход в мир исключительных существ нередко связывали с чудесным вмешательством, а то и прямо с эпизодами партеногенеза (рождение девственницей). Так, например, объясняли рождение Пифагора, Платона и самого Августа. Персей был рожден Данаей, девственницей, оплодотворенной золотым дождем; впоследствии, во II в. н. э., христианский апологет Юстин даже увидит в этой аналогии дьявольское наваждение, предназначенное совратить людей с праведного пути (I Апология, IV).

Нечто похожее обнаружится позже в одном из многих апокрифических, то есть отнюдь не боговдохновенных, текстов, "скрытых" под ложным именем, что, однако, не делает их менее ценными для восстановления первичной церковной идеологии. Речь идет о "Евангелии псевдо-Матфея", где в 14-й главе младенец Иисус представляется нам расположившимся в яслях "меж двух животных" - волон и ослом, стоявшими в стойле, как гласит легенда. На деле же речь идет о банальном промахе переводчика одного места у "малого" пророка Аввакума из греческого текста Септуагинты (3:2), где мы читаем, что будущий спаситель Израиля заявит о себе "между двух эпох", то есть в наше время, в наши дни: для родительного падежа множественного числа слов "животное" и "эпоха" греческий язык имеет одну форму. В латинском же переводе это место передано: "среди двух животных".

Можно было бы привести и другие подобные примеры. Результат, впрочем, будет всегда один: евангелия были задуманы и составлены далеко от Палестины, в среде, еще связанной с иудаизмом, но уже находившейся под влиянием восточных и эллинистических религиозных мотивов, почерпнутых не из Библии.

ОППОЗИЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Между тем возможность обратиться к оригинальному еврейскому языку или к его арамейскому диалекту, чтобы изложить мистические мессианские видения и правила общинной жизни

тех времен, о которых повествуют евангельские сказания, не может более исключаться, и сегодня она неоспорима. Такую возможность дают многочисленные рукописи, недавно открытые в Палестине на берегах Мертвого моря. В этом и состоит значение находки

Еврейские рукописи Мертвого моря

Семь свитков из I пещеры: Устав общины, Устав войны [А также несколько других "Уставов" - текст "Двух колонок", Устав благословений], полный текст книги пророка Исаяи, фрагменты текста пророка Исаяи (с главы 38-й до конца), гимны, комментарий к Хаваккуку, апокрифическая книга Бытия (на арамейском языке) и др.

Медный свиток, прозванный "Свитком сокровищ" (из III пещеры).

Общинная библиотека: отрывки комментариев Библии, патриаршие благословения, богослужебные молитвы, гороскопы, книга мистерий, плачи, различные апокрифы (из IV пещеры).

Псалтирь (пять новых псалмов) и текст от Малки-цидека (из XI пещеры).

Документ, прозванный Дамаскским, найденный в ге-низе (священной сокровищнице) синагоги, посвященной Ездre, в старом Каире и в отрывках обнаруженный в IV и VI пещерах Кумрана.

Эти рукописи были спасены от гибели и спрятаны с наивными, но действенными уловками в бесчисленных пещерах Кумрана в той части побережья Мертвого моря, которая славилась минеральными богатствами (отсюда наименование Мертвого моря - "Асфальтовое озеро", которое ему дали географы). Мы знаем наверняка, что рукописи были спрятаны в момент появления римских завоевателей во времена первого великого иудейского восстания, подавленного легионами Веспасиана и Тита между 67 и 73 г. н. э. Мы знаем также, что обладатели рукописей, выступившие на священную борьбу, победный исход которой они предсказывали в некоторых своих писаниях (особенно в трактате "Война сынов света против сынов тьмы"), были все истреблены, так что никто из них уже не смог вернуться назад, чтобы забрать документы, свидетельствующие об их вере и их химерических надеждах.

Случайное открытие обнаружило рукописи лишь через девятнадцать столетий, уже после 1945 г. Отдельные находки отмечались также и до того. В средние века поисками древних рукописей занимались некоторые раскольнические еврейские группы - "караиты", или "преданные пещерам", но их деятельность была во всех отношениях непостоянной и незначительной. Новейшие раскопки выявили археологические остатки других родственных общин в пяти селищах, расположенных на протяжении 2 км вдоль берега Мертвого моря, примерно в 15 км к югу от основного селения Кумрана. Там были найдены светильники и монеты времен Ирода Великого Архелая и Агриппы I, примерно 42 - 46 гг. н. э., почти 600 могил того же типа, что и в Кумране, с еврейскими надписями, очень сходными по начертанию с письменами ранее найденных свитков. Так называемый "Дамаскский документ", открытый в конце прошлого века в тайнике одной каирской синагоги, напоминал о существовании некоей мессианской общины и давал ей своего рода право на существование с того момента, когда "единственный учитель" был взят на небо, и вплоть до пришествия мессии Аарона и Израиля.

Мессианские группы были, таким образом, гораздо более тесно сплочены и распространены, чем можно было думать.

Нельзя исключать, что аналогичной, завершившейся исчезновением, была судьба еврейских и арамейских текстов, в которых была запечатлена память о другом пророке и реформаторе - "галилейском учителе", главе отколовшейся группы, преследовавшейся, вероятно, жреческой аристократией и правящими кругами, сотрудничавшими с римскими оккупантами. Что-либо более определенное мы, возможно, узнаем об этом в один прекрасный день новых открытий. Но это все - из области предположений. Исторически достоверным является лишь то, что при всех исходах разыгравшейся в Палестине Драмы, которая была сама по себе достаточно локальной, о чем повествуют евангелисты, рассказ о событиях и его перевод, не только с филологической, но, прежде всего, с содержательной стороны, могли быть осуществлены только за пределами самой Палестины, в кругах иудаистской иммиграции, в контакте с носителями эллинистических языков и нравов.

Все это, естественно, лишает новозаветную литературу какой-либо

ценности непосредственного текстуального источника. Профессиональные теологи и историки тщетно пытаются выйти из этой ситуации, исходя из фидеистских предпосылок, не прибегая к каким-либо рациональным умозаключениям, точно так же, как поступали поколения христиан второго и третьего столетий, стремившихся придать исторический смысл тому, что было прежде всего вопросом веры.

Впрочем, действительное значение в развитии любого религиозного движения имеет не столько последовательность четких доктринальных идей, независимо от их конкретного воплощения и от того, что они почти документально связаны с их вымышленными носителями, сколько люди во крови и плоти, которые реально порождают эти идеи, их образ жизни и мыслей, их труд и особенно их чаяния, противопоставляющие их господствующим слоям, которые всегда стремились монополизировать счастье не только на земле, но также иерархически распределить его и в потустороннем мире.

На этих реальных людях мы и должны сосредоточить наше внимание, прежде чем заняться идеологией, фантазиями, навязчивыми мечтами, выразителями которых они оказались. Таким путем мы освободимся от противоречий и абсурдов, в которых завязли новозаветная критика и реконструкция истоков христианства после столетий непоследовательных изысканий.

Не будем никогда выходить за грани исторического времени. Провозглашение "благой вести" не есть творение из ничего, как полагал Антонио Лабриола в своем прекрасном эссе "От века к веку", написанном более семи десятков лет тому назад. Требуется вновь проследить весь путь, который прошли массы от библейского иудаизма, от культов мистерии и морального кризиса всего греко-римского общества к восприятию новой веры и новой морали.

Новозаветные писания - это плод веры, мистической работы сознания, уходящего за пределы реальности в область вымысла и ритуальных верований. Но авторы текстов Нового завета - и тут не имеет значения, действительно ли их именовали Матфей и Иоанн, Павел и Петр, Иаков и Лука, поскольку перечень их гораздо обширнее ограниченного числа упомянутых в каноне и выходит за его пределы, - были реальными людьми, сыновьями своего времени, выходцами из определенной среды, были связаны с определенными историческими событиями и выступали глашатаями призыва, объяснение и обоснование которого кроется в социальных, экономических и культурных условиях, в которых эти люди формировались.

В древние времена и в значительной части в средние века голос оппозиции всесилю правящих классов, почти всегда созвучный религиозным мотивам, подавлялся и, чтобы как-то звучать, бывал приневолен к разного рода хитростям и притворству: анонимату, приписыванию мифическим или стоящим вне подозрений персонажам, которых признавали господствующие силы, авторства различных произведений. Так было с "Сивиллой Эритрейской", которую бедняки Израиля в конце концов признали прямой родственницей Ноя, а римляне связали с "Сивиллой Кумской" из "Четвертой эклоги" Вергилия. И все же эта форма протеста, проявившаяся в целом потоке видений, пророчеств, прорицаний космических и социальных катастроф, в которых более или менее открыто предвещался конец старой эпохи и господствовавших в ней классов и провозглашалось пришествие "новой эры", достигла такого размаха, что захватила представителей наиболее утонченной культуры в среде самих властвующих классов, как и случилось с Вергилием.

Согласно Овидию, Сивилла должна была отводить героев в преисподнюю и выводить их оттуда через тысячу лет в Елисейские Поля, к блаженству. Но в эклоге Вергилия мы находим нечто иное и весьма отличное от образа, описанного Овидием: пророчество "пришествия с неба некоего нового порождения" и восстановления мира между людьми и подавленной свободой. Это была мечта поработанных рабовладельческой экономикой масс. Голос протеста масс, переживших неудачу вооруженных восстаний, звучал не только в земле иудеев, но и на всех наиболее обездоленных окраинах греко-римского мира, от Сицилии до Малой Азии, от Северной Африки до Боспорского царства (нынешние территории Приазовья, Крыма и Северного Кавказа), от Галлии до областей,

оспаривавшихся римлянами у аборигенов Месопотамии и Сирии, где зародится со временем миф о "воскресшем Нероне", который заставит империю рассчитаться за все совершенные ею злодеяния.

Отсюда также идет представление о "тысячелетнем царстве" - эпохе счастливого изобилия и справедливости для бедных, которая не имеет ничего общего с пресловутой боязнью конца света на пороге тысячного года, изобретенного романтической школой. Согласно 89-му псалму Библии, пред очами господина "тысяча лет, как день вчерашний", и поскольку творение продолжалось семь дней, жизнь мира должна продлиться неделю тысячелетий, а день седьмой будет "субботой великого отдыха", "тысячелетним царством". Восьмой день, "день вечности", начнется вслед за ним. Персидское учение о хазаре, или царстве, длящемся тысячу лет, которое должно было подготовить пришествие царства Ормузда (Ахура Мазда), доброго бога зороастровского дуализма, без сомнения способствовало укреплению доверия к этому благу иудео-христианскому фантазерству.

К оппозиционной литературе, которая может рассматриваться как подлинная предыстория всего христианского движения, в первую очередь относятся апокалиптические тексты, приписанные легендарным библейским персонажам или вообще иудейскому миру, замысленные и составленные на еврейском или арамейском языке, почти неизменно утраченные на языке оригинала и известные в позднейших переводах на греческий и латинский и сохранившиеся на многих других языках, в среде народов, чувствовавших потребность в пламенном слове обличения несправедливости и в вере в явление "новых небес и новых земель", которое обещало впоследствии христианство.

К этим текстам мы и должны прежде всего обратиться, чтобы лучше понять духовные и социальные мотивы авторов наиболее древних из них, вдохновлявшихся уже несомненно христианскими настроениями. Первый из них - Апокалипсис, включенный в новозаветный канон и приписанный одному из многих Иоаннов, которыми так богата история ранней церкви. Исполненный трепета солидарности со всеми "униженными и оскорбленными" того времени, сплоченными ненавистью к Риму, Апокалипсис (Откровение Иоанна) представляет собой непревзойденной ценности документ при условии его прочтения как главного свидетельства веры в неминуемую победу "праведных", устремленных к новой жизни в мире, оторгнутом у сатаны, иначе говоря, у императорского Рима, а не как примитивное преддверие учения о "последних событиях", о "преставлении" в тривиальной католической эсхатологии (учении о смерти, страшном суде, аде и рае).

Апокалипсис - это идеологический эквивалент мистической литературы греко-римского мира в религиях мистерий, культов страстей, смерти и воскресения бесчисленных божественных или полубожественных спасителей (Диониса, Орфея, Деметры, Осириса, Адониса, Аттиса и Митры) и особенно тех папирусов и золотых пластинок, которым были вверены чаяния на земное блаженство и бессмертие на небесах для людей, отлученных и в земной, и в загробной жизни от всех благодеяний официального культа, являвшегося не чем иным, как переводом в религиозные термины человеческих представлений об экономическом, политическом и культурном господстве.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФЕРМЕНТЫ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ДУАЛИЗМ

На заре нашей эры иудаистская религия была совсем иной, чем та, которая засвидетельствована в писаниях Ветхого завета. Об этом говорят наиболее достойные доверия источники от II в. до н. э. и вплоть до II в. н. э., то есть начиная с наиболее яркой вспышки борьбы за независимость под руководством пяти братьев Маккавеев (по-еврейски "молотобойцы" - "гонители врага"), восставших в 168 г. до н. э. против сирийско-эллинистической оккупации, и до окончательной утраты иудеями как политической, так и территориальной целостности в 135 г. н. э.

Библейский рассказ завершается примерно эпохой новой династии Хасмонеев. Но когда соперничество между царями Аристовбулом и Гирканом

позволило Помпею вступить в Иерусалим и осквернить храм в субботний день осени 63 г. до н. э., на сцену выступил некий изворотливый выходец из Иудеи, незадолго до того обращенный в иудаизм, друг римлян, который в 40 г. до н. э. был признан Римским сенатом царем Галилеи. Имя его - Ирод, по прозвищу Великий. В последние годы его царства по преданию и родился Иисус.

После краха двух древних царств - Израиля и Иудеи, уничтоженных соседними рабовладельческими империями

Месопотамии и Ирана (авилонянами, ассирийцами, мидянами и персами) между VII и V в. до н. э., религия южной части Палестины, Иудеи, центром которой был Иерусалим, получила название иудаизма. Два других района - Галилея на севере и Самария в центре страны - оказались полностью перестроенными, заселенными народностями иноземного происхождения.

Самария, население которой не достигало и полумиллиона жителей, отныне получила свою собственную религиозную базу с храмом на горе Геризим, посвященным божеству, соперничавшему с иерусалимским Яхве. Столица ее, Самария, разрушенная Иоанном Гирканом I в 107 г. до н. э., была восстановлена Иродом и посвящена императору Августу под названием Севастии. На восточном фланге Самарии, за рекой Иордан, были расположены греческие города: это так называемое Десятиградие (Декапо-лис) было самостоятельно в политическом и социальном отношениях. Менее состоятельные евреи относились к его обитателям с глубоким отвращением и часто нападали на них.

Галилея - самая плодородная часть страны - бывала театром и наиболее острых социальных конфликтов. Она была силой обращена в иудаизм Хасмонеями к 104 - 103 гг. до н. э. Но в ней всегда удерживался мятежный дух, и народ ее не скрывал неприязни к господам из Иудеи. После Помпея большая часть палестинских восстаний неизменно начиналась в Галилее. Центральная власть отвечала на них вооруженной борьбой, уничтожением урожая и истреблением целых семей.

Во времена Иисуса прозвище "галилеянин" превратилось почти в синоним слова "разбойник". Разбой, впрочем, действительно стал занятием, к которому нередко прибегали доведенные до крайности обедневшие земледельцы и рабы не только в Палестине. Ничего нет удивительного поэтому, что первые группы христиан впоследствии отождествлялись еврейскими националистами и правоверными иудеями с галилеянами. "Бродяги и плуты, - напишет со временем Иосиф Флавий в "Иудейской войне" (II, 13 - 14), - укрываясь под маской божественного вдохновения, доводили толпы до неистового беснования и толкали их в пустыню, где бог, как они учили, якобы оставил знаки скорого освобождения"; в действительности же они "стремились лишь к преобразованиям и переворотам".

Израиль и израильтяне были всегда названиями, к которым прибегала иудаистская традиция, чтобы определить "избранный богом народ", памятуя о временах единой монархии. Напротив того, евреями соседние народы называли племена налетчиков-бедуинов, обосновавшихся по ту сторону Иордана. Это наименование применялось редко, хотя впоследствии возобладало. В Новом завете оно встречается лишь три раза и ни единожды во всех четырех евангелиях. Крайне редко мы встречаем имя израильтяне и почти всегда - иудеи.

Несмотря на антисемитские настроения, которые уже тогда существовали в средиземноморском мире скорее на социальной основе, нежели на подлинно этнической и религиозной, прозвание "иудей", естественно, еще не имело того презрительного и предосудительного смысла, которое оно приобрело впоследствии в христианской традиции, прежде всего вследствие надуманного отождествления еврейского народа с "предателем" Иудой из легенды. Это имя было как бы почетным и горделивым титулом для тех, кто чувствовал себя связанным законами Моисея. В диаспоре только оно обычно и употреблялось.

Конечно, доходящая до граней расизма вера в некое высшее существо, владетельное, требовательное, отражала специфику господствующих отношений и сильно задевала нееврейское население окружающего мира. Эта вера возникла в условиях, которые были характерны в среде двенадцати племен израилевых, описанных в самых древних книгах Библии в эпоху, наступившую вслед за

первобытным анимизмом и политеизмом земледельческих народностей, преодоленными утвердившейся монархией, но так и Тіе изжитыми на народном уровне. Мы должны предпринять определенные усилия, если хотим выйти из тумана мифа и стать как можно ближе к реальной жизни масс, чтобы понять, что ритуальный монотеизм иудейского правящего класса был не чем иным, как идеологическим отражением его претензий обладать монополией на власть. В то же время для угнетенных слоев и даже для тех элементов господствующих групп, которые оказались в кри-висном положении в результате бурных событий в жизни народа, верования во всякого рода благодетельные или вредоносные силы, которые господь небесный сдерживает с таким же великим трудом, как и земные господа, существенно обосновывали сам принцип единственности бога.

Сатана - враг, "обвинитель", согласно библейской теодицее, "бунтарь", в основном, однако, подчиненный Яхве, - в конце концов обрел осязаемый образ, умноженный в различных лукавых божествах, имена которых выдают их связи с древними, отрешенными от власти богами: Вельзевул отождествляется с "богом мух"; Астарот-та - со сладострастной Астартой из финикийских культов любви и плодородия; Велиар - с Ваалом, или Велем, - могущественным ханонейским богом, постоянно поминаемым в рукописях Мертвого моря (имя его синонимично слову "владыка"). Принято думать, что этот тенденциозный дуализм возник у евреев под влиянием персидской религии, для которой типична тема противоборства доброго бога Ормузда (Ахура Мазда) и его антагониста - злого духа Аримана (Ангра Майнью). Такое объяснение удобно, но оно не учитывает, что любая религия коренится в конкретной действительности, а не в передаче религиозной тематики. Дуализм лежит в основе любого религиозного представления с тех пор, как человеческое общество раскололось на противоположные классы, и ему соответствуют проявления аналогичных ситуаций в политике и общественных отношениях.

Дуалистичны были культы спасения. Дуалистично различие материи и духа. Глубоко дуалистическим всегда было и остается христианство, которое отводит демоническим силам самостоятельное, вечное существование, плохо совместимое с монотеистической теологией. Отсюда не случайно Ориген, один из крупнейших представителей патристики, утверждал уже в первой половине III в., что ад не может существовать вечно, и предвидел времена, когда праведные и дурные вновь сольются в единой божественной природе. Положение это недавно вновь было выдвинуто некоторыми представителями современной теологии после II Ватиканского собора. У них были предшественники, например монсеньор Рафаэлло Ламбрускини, выступавший с подобными же идеями более столетия тому назад.

Элементы дуализма обнаруживаются особенно явно в писаниях пророков Израиля. Затем они распространяются во всей так называемой апокрифической литературе, кото"рая начиная со II в. до н. э. продолжала, на более высоком уровне, традицию пророчества. Таковы Псалмы Соломона, книга Еноха, книга юбилеев, Завещания двенадцати патриархов, IV книга Ездры, Успение Моисея, Апокалипсисы (Откровения), приписанные Баруху, Ездре и другим легендарным библейским персонажам. Конечно, пришествие лучших времен связано в этой обширнейшей литературе на еврейском, арамейском, а иногда и на греческом языках с ожиданием некоего царя, мессии, который бы держал врагов Израиля под своим игом. Он представлялся человеком по самой своей сути: "сын человеческий" (Даниил, 7 : 13), предварающий мессианское призвание Иисуса. Но на уровне масс на эти политические и национальные мотивы, которые интересовали главным образом аристократию и властвовавшие в широком смысле слова круги, наслаивались также настоятельные социальные требования. Врагами были богатые, хозяева, а не только чужеземные порабощители. Согласно Малахии (4:1), властители будут спалены огнем, как в печи, когда "взойдет солнце правды".

Мессия из племени Давида, создатель земного царства для униженных масс, отождествляется также с образом искупительной жертвы, он поработен, как и они: "Сколь был обезображен паче всякого человека лик его" (Исайя, 52 : 14), точно раб, который был призван своей мукой искупить страдание всего народа, подобно богам эллинистических культов спасения. Согласно 130-му псалму

Библии, "спасение" означало первоначально "освобождение с уплатой выкупа". Таков смысл еврейского термина "падах".

Все эти мотивы сливаются воедино и взаимодействуют весьма примечательным образом на грани античной эры и христианской эпохи в рукописях иудаистских общинников Мертвого моря, которые создали свои коммуны на таких безрадостных топких берегах, что, казалось, сама природа там умирала.

МЕССИАНСКИЕ ОБЩИНЫ

Авторы кумранских текстов, строго говоря, не могут именоваться христианами, поскольку для них мессия (Христос) еще не пришел. К тому же в этой фигуре порой явно сдваиваются мессия жреческий (Христос Аарона) и мессия политико-военный (Христос Израиля). Но в терминологии найденных рукописей, в описании характерных обрядов общинной жизни, в почитании, которое связывает общинников с их "учителем праведности", быть может распятым на кресте его гонителями, вознесенным на небо, нового появления которого как спасителя ждали верующие общины (ее называли "Новым союзом" или "Новым заветом"), - во всем этом уже содержались все новые моменты первоначального евангельского рассказа и богослужебного опыта самых ранних христианских церквей.

Многих поражает, что в Новом завете не упоминается об общинах, столь близких по идеологии к христианству. Но следует помнить, что евангелия и все другие новозаветные писания появились позже катастрофы 70-х годов и отражают лишь смутные и отрывочные воспоминания о событиях прошлого. И от саддукеев не осталось следов после разрушения Иерусалимского храма. Сведения о них в евангелиях неточны и маловероятны. Фарисеи, напротив, выжили и остались пламенными защитниками иудаистской ортодоксии. Против них и была направлена яростная полемика первых христиан, которые оказались в оппозиции синагоге.

Мессионистов из Кумрана (откуда вышли вышеупомянутые еврейские манускрипты) никоим образом нельзя отождествлять с эссенами или ессеями (возможно, от "асия" - "слуги божьи", "святые" по-арамейски): один только культ солнца вполне исключает такое отождествление. Историки того времени описывали ессеев как настоящих и убежденных аскетов, хотя и не всегда безбрачных, но живших вдали от мира. Филон Александрийский говорит о них как о братстве "чистых", о мистиках почти пифагорейского типа. Плиний Старший, опиравшийся, правда, на сведения из вторых рук, указывает, что они располагались на некотором удалении от безжизненных берегов Мертвого моря, километрах в пятнадцати на запад от Кумрана, в пустыне Энгади, и добавляет, что они жили коммуной "без женщин и без денег" ("Естественная история", V, 17). Иосиф Флавий, напротив, указывает в "Иудейской войне", что они были рассеяны по разным местностям Палестины, сплоченные менее строгими, но все же тесными узами сообщества. И он сравнивает их с пифагорейцами - наиболее подходящим для читателей греко-римского воспитания термином (подобным же образом он отождествлял фарисеев со стоиками, а саддукеев - с эпикурейцами).

Одна из групп ессеев обосновалась в Египте близ Ма-реотидского болота и приняла наименование "терапевтов" ("врачевателей" на службе у бога).

Поиски ессеями ритуальной чистоты проявились в чистоте их одежд, о чем напоминают "белые одежды" избранников в Апокалипсисе (Откр., 7: 13), а также в частых омовениях. Согласно Иосифу, они собирались по утрам, чтобы приветствовать молитвой восход солнца, как если бы они молили его показаться ("Иудейская война", II, 8), потом следовал совместный прием пищи, сопровождавшийся благословением еды. Под угрозой страшного возмездия они должны были давать зарок полнейшей секретности всех своих дел. Они презирали чувственные удовольствия, не допускали рабовладения, считали противным божественному волеизъявлению изготавливать и продавать оружие, но эти пацифистские тенденции, за которыми, вероятно, скрывались оппозиционные антиримские настроения, не помешали им принять участие в войне 67 - 73 гг. под предводительством Иоанна-ессея. Несмотря на героизм ессеев, эта борьба

завершилась их полным поражением. Римляне подвергли их жестоким пыткам, чтобы заставить выдать спрятанные ими книги, религиозные сочинения и трактаты о магии, но не получили ничего.

После этого восстания ессеи исчезли из истории.

Община кумранских мессионистов, достаточно многочисленная, сгруппировалась в некое подобии грандиозного монастыря на скалистых откосах Иудейской пустыни, спускающейся к берегам Мертвого моря, в ожидании финального конфликта, который освободит свет от тьмы. Они тоже обнаруживают некоторые формы совместной, общинной жизни, которые сближают их с христианскими общинами. Но сходство это сводится к способам поддержания существования в условиях коммуны.

Организационная структура строго иерархична: во главе каждого десятка стоит священник, есть один управляющий, "меваккер" (слово, которое можно перевести на греческий язык как "епископ", "надзиратель"), и совет старейшин, руководивший жизнью общины. В течение трех лет послушничества вступающие в общину передавали в общую кассу все свое достояние и получали от нее все для удовлетворения каждодневных потребностей. Работа, которой были заняты общинники, состояла в переписке библейских текстов и оригинальных трактатов на еврейском и арамейском языках. Соблюдался разработанный "Устав" с предписаниями и запретами, которые часто шли вразрез с жреческой практикой Иерусалима: практиковалось омовение крестильного типа, публичное исповедание грехов и сакральная общинная трапеза, сопровождавшаяся литургией мессианского содержания.

Общинники не были сторонниками безбрачия: на открытом по соседству с внушительным сооружением кладбище есть захоронения женщин и детей. Они, однако, не только отвергали окружавшее их общество в духовном отношении, но и с презрением отворачивались от него.

В ходе великой войны против римлян и они навсегда сошли со сцены.

Их "учитель праведности", может быть казненный на кресте праведник, и был прообразом Христа. По правде говоря, если кумранские тексты и упоминают о его высшей муке, то лишь в неявной форме. Однако это ничуть не должно удивлять нас. Экзальтированное отношение к кресту как к орудию пытки и одновременно прославления могло зародиться только за пределами Палестины, в среде еврейской эмиграции, в странах, где веками подобный подлый способ наказания соответствовал бесправному положению рабов и мятежников. Вспомним массовые казни на кресте, которыми завершилось восстание Спартака в 71 г. до н. э. после его подавления Лицинием Крассом; истребление уцелевших моряков-корсаров Секста Помпея или возвращение Августом для казни на кресте свыше шести тысяч беглых рабов, воспользовавшихся смутой, порожденной гражданскими войнами, чтобы попытаться вырваться на свободу.

Распятия имели место и в Палестине во время восстания Маккавеев при Антиохе IV Эпифане, затем при Хас-монях, при Ироде и во времена римской оккупации. Но там они использовались преимущественно как средство устрашения самих высших слоев, враждовавших с приверженными язычеству властями, или в качестве репрессий в ответ на открытые мятежи. В Риме же и в странах диаспоры распятие имело четкий классовый характер: осуждение на смерть на кресте римского гражданина и вообще свободного человека было строжайше запрещено даже в случае самых тяжких преступлений.

В еврейских манускриптах Мертвого моря звучит эхо народного возмущения этим типом казни, считавшимся чуждым иудейской традиции. В одном из уцелевших в отрывках текстов, найденных в IV пещере Кумрана, с гневом обличается "бешеный львенок", который "вешает живых людей... <...> ...чего прежде не бывало в Израиле" ("Комментарий к книге пророка Наума", 5 - 8). По мнению большинства толкователей, это намек на царя Александра Йанная, сына Гиркана, который за столетие до н. э. приказал распять на кресте b(JO) фарисеев и задушить на их глазах жен и детей.

Все это - еще поле внутренней борьбы между различными иудейскими группировками. Но в апокалиптической и апокрифической литературе, широко распространенной именно в среде общинников Кумрана, мы находим достаточно доказательств для обоснования того вывода, что с потерей национальной

независимости "силы зла" все чаще отождествлялись со сменявшими друг друга иноземными завоевателями страны: ассиро-вавилонянами, пер-Сами, македонцами, египтянами, сирийцами Антиоха IV Эпифана и Деметрия III Евкария, иудейскими преторианцами Ирода и, наконец, римлянами, которые в рукописях Мертвого моря обличаются из вполне естественных опасений под библейским именем "киттиим". Это историческое соответствие теперь уже вне всяких сомнений.

Свиток Устава войны, именуемый также "Война сынов света против сынов тьмы", предваряет в чисто фантастических терминах неудачную войну 66 - 73 гг. н. э. против римлян, которая положила в тот же период конец общине кумранитов. В наивной уверенности в своей безопасности эти ясновидцы, которых обычно отождествляли с ессеями (или эссенами), но которые на деле были гораздо ближе к первым ячейкам христианского типа, уверовали в победу над римскими захватчиками непобедимых сил национального бога, "Яхве воинов", господина Саваофа. Их разочарование должно было стать невыносимым для небольшой группы людей, уцелевших вдали от родных мест, навсегда покинутых ими.

Ритуальные действия, которыми отмечались важнейшие моменты общинной жизни, совпадают с обрядами первых христианских ассоциаций: крестильное очищение в воде, публичное покаяние в грехах, раздача хлеба и вина во время причастительной трапезы, символизирующей мессианское царство. То же можно сказать и об их организационных формах: непримиримая обособленность от остального населения, добровольное принятие новой веры, не связанное ни с рождением, ни с социальным положением, возвеличение бедности, а также сельского и ремесленного труда, создание коллективной кассы для повседневных нужд, воздержанная семейная жизнь и в некоторых случаях безбрачие, которое пока еще обусловлено не аскетическими соображениями и не пресловутым "отвращением к плоти", а потребностью ощутить себя более свободным для служения богу и для участия в тяжелых испытаниях неминуемой финальной драмы, - "это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники" (Откров., 14:4). В молитвах и богослужении, которыми поминалось самопожертвование основателя, его подлинное имя никогда не называлось, поскольку не его земной образ имел значение, а его способность предварять царство, соотноситься с ним подобно тому, как Иоанн Креститель относился к Иисусу.

Общинники скрупулезно воспроизводят все табу древнего закона Моисеева, точно так же, как поступали фарисеи, против которых впоследствии выступили с яростным осуждением евангелисты. Но и наиболее древние христианские общины Палестины, - не следует этого забывать, - известные под именем эбионитов ("бедных"), от них не отличались. Они соблюдали полный отдых по субботам, в день, посвященный Яхве, и исполняли главные иудейские торжественные обряды в порядке, который уже отличался от иерусалимского и приближался к христианскому календарю с его компромиссом между лунным и солнечным циклами. Они предпочитали именовать себя "сынами Са-дока", по имени великого библейского жреца, с которым связаны также саддукеи. Речь идет, однако, о полемическом противопоставлении этим последним, потому что истинным священником, с точки зрения "Сынов Садока", был не тот, кто посвящает животных храму, но тот, кого привлекают в культе одухотворенные поиски истины, как того и пожелают со временем первые последователи Христа.

Решающим, однако, было сознание того, что, вступая в их группу, человек становился членом некоего религиозного общества, которое глубоко отличалось от традиционного общества, являлось "новым союзом"; другими словами, в соответствии с латинским переводом еврейского термина "берит" ("союз") посредством греческого слова "диатеке" ("соглашение"), которое имеет также значение "завещательный акт", превращается в "Новый завет".

Хотя кумранские мессионисты и полагались на божественное вмешательство для достижения своих целей, они готовились и к вооруженной борьбе. Их идеалом стало отныне учреждение новой монархии - высшей государственной формы, которой достигла цивилизация древнего мира и к которой тяготели также угнетенные массы, неспособные к самостоятельному самоутверждению. Вопрос власти еще не ставился в духе отрицания господствующей общественной системы,

он принял форму выбора сверхъестественного "царства", призванного действовать на благо обездоленных, к которым относились и ранние христиане.

Исчезновение этой группы совпадает с рождением христианских общин.

Но диссидентские и мессианские общины в Палестине были приспособлены к изолированному от остального общества существованию, а не "внедрены" в мир, как древние христианские церкви.

Нет ничего странного, что Новый завет не хранит никакого непосредственного воспоминания о них. Общины, которые в нем описаны, моделируют иммигрантские ассоциации. Хотя сами эти общины и расположены в Палестине, они лишь отчасти соприкасаются с другими родственными группами.

Сотни и сотни отрывков текстов евангелий и других новозаветных писаний обнаруживаются в литературе, найденной в пещерах Кумрана. Но неоспоримую связь между религиозным опытом этих двух этапов выявить нелегко, поскольку, кроме всего прочего, они разделены известной временной дистанцией.

Новый язык иммиграции, отличный от языка оригинала, придает новое звучание идеям, которые толковали люди, потерпевшие поражение на берегах Мертвого моря.

ПОДЛИННЫЕ ИСТОКИ ХРИСТИАНСТВА

Если в Палестине, особенно в народе, иудаизм стал отныне чем-то весьма отличным от того, чем он был во времена патриархов, царей и пророков, то и условия жизни евреев диаспоры не менее изменились, начиная с VI в. до н. э. Исторические корни рассеяния - не будь которых, христианство или любая другая религия приобрела бы совершенно иной облик и иные масштабы - совершенно определены. Начать с того, что несколько десятков тысяч членов знатных еврейских семей и ремесленников (крестьяне были оставлены в стране, чтобы возделывать землю для новых господ) последовательно выслались сначала в Месопотамию (после захвата Иерусалима Навуходоносором в 586 г. до н. э.), затем в Малую Азию и Сирию в эпоху войн Антиоха IV Эпифана, в Грецию и в прибрежные города Средиземноморья, включая Рим. Евреи составили после этого заметную часть городского ремесленного и торгового населения, так как ремесло и коммерция считались "трудом" и, как таковые, признавались недостойными свободного человека. Немалое число евреев нашло себе занятие, став солдатами. Многие были обращены в рабство; но, по-видимому, это было в целом редким явлением, по крайней мере не часто состояние зависимости, в которое они попадали, доходило до лишения их всякой свободы и любой экономической и семейной самостоятельности.

В границах Римской империи евреи пользовались даже некоторыми преимуществами; однако их теократический идеал, в силу которого религиозная община стремилась к отождествлению с государством, не мог быть реализован, а если и осуществлялся, то в весьма незначительной мере.

Евреи утратили в диаспоре прежнее социальное и идеологическое единство. Классовые контрасты всплыли в эмиграции на поверхность. Действовавшие в Палестине Моисеевы законы более не сдерживали их. Библейское вероучение сохранилось, однако, во всей его совокупности в достаточно чистом виде. Эллинистические культы спасения не сумели освободить в эмиграции официальный иудаизм от нетерпимости и замкнутости, которые обусловили его противостояние первым христианским церквям. Были и исключения, например смешение фракийско-фригийского бога мистических культов Савватия и Яхве-Саваофа (предводителя войска), которое дало имя любопытной синкретической секте "савватиян" в иудаистских общинах Малой Азии.

В эмиграции воспринимаемый издали мессия утратил многие признаки династического и военного освободителя, особенно после крушения попыток Ирода реставрировать царство. Буквальное соблюдение закона ограждало эмигрантов от опасности поглощения их гигантской плавильней людей и цивилизаций, какой стала Римская империя. Немногие привилегированные желали отказаться от своих обычаев и ритуальных табу: обрезания, запрета есть мясо забитых животных, если те не были тщательно обескровлены, соблюдения

субботнего отдыха, отправления крупных денежных вкладов в Иерусалимский храм. Но в кварталах городской бедноты вера в табу и привязанность к стеснительным привычкам - повод для насмешек со стороны соседей и товарищей по работе - начинали ослабевать.

В этом, в частности, а не только в стремлении привлечь новообращенных, причина беспрепятственного пользования в диаспоре народной апокрифической литературой, переведенной на греческий язык наряду с Библией.

Крайне показательным в этом отношении распространение в Александрии Египетской исполненных ненависти к Риму сложенных гомеровскими гекзаметрами "Сивиллиных оракулов", несомненно вдохновленных иудаистскими источниками. Можно сказать, однако, что лишь стихотворный размер сближает эти писания с греко-римской культурой. За вычетом этого они не несут никаких следов влияния греко-римского общества: отсюда мы должны сделать вывод о незначительном взаимопроникновении господствовавшей культуры и подчиненных культур в то время. Именно в разделявший их вакуум и могла проникнуть проповедь первых христиан, которая отвечала многим запросам наиболее бедных и бесправных еврейских масс.

В той же Александрии Египетской, надо сказать, целая плеяда иудейских экзегетов и теологов всячески старалась изложить концепцию единого недоступного божества в терминах философии Платона и стоиков, формируя тем самым основы трансцендентного рационализма. Такие термины, как "имя", "слово", "мудрость", "мысль" бога, которые согласно библейской традиции заменяли собственное имя бога, имя Яхве (в том же значении они используются и в рукописях Мертвого моря), у Филона станут понятиями "логос", "глагол", "божественный разум" - понятиями, опосредующими отношения между творцом и творением. Абстрагирование терминологии и станет идеальным средством обожествления древнего мес-сии Израиля: слово станет плотью, как сказано в прологе к Евангелию от Иоанна, возникшему в иммигрантской среде.

В начале нашей эры евреи составляли семь миллионов в империи, население которой можно определить в 65 - 70 миллионов. Таким образом, один житель из десяти был евреем; на эллинистическом Востоке эта пропорция доходила до одного к пяти. Из этих семи миллионов не более четвертой части, согласно переписи, проведенной по повелению Августа, имели права римских граждан, то есть были свободными подданными. В иммиграции в целом численность евреев достигала заметной величины - пяти миллионов. Три основных элемента поддерживали их единство: монотеистическая вера, синагога и празднование субботы. Вопрос о будущем мессии их, напротив, разделял. Концепция некоего "царства" - крестьянского, патриархального, дезорганизованного, воплощавшего противоречия между городом и деревней, - теперь казалась не соответствовавшей их сложным проблемам.

Книги Нового завета - зеркало этой ситуации. Все в них выглядит искаженным, когда речь идет о подлинных условиях жизни Палестины, их далекой родины.

Спиритуализация мессианства - иначе говоря, рождение "христианства", поскольку оба эти термина эквивалентны, - могла произойти только в иммиграции. Тот факт, что язык первых евангелий был греческим, а не еврейским, выходит поэтому за рамки чисто филологической констатации: это важнейшее явление, которое образует прочную основу для решения всей проблемы происхождения христианства.

ГЛАВА 2

ИИСУС В РАННЕЙ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ

Иисус - это сокращенная форма Ешошуа, что означает по-еврейски "Яхве есть спасение". "Бог-спаситель" - это и есть "спаситель" народных верований (сотер на греческом языке, как в восточных мистических культах и нередко в династических прозваниях, - Птолемей I Сотер, царь Египта, Деметрий I Сотер, царь Сирии). Имя Иисус передается в Библии также именем Иошуа, однако

сокращенная форма Иисус применяется гораздо чаще.

В иудейской религиозной традиции упоминается среди других персонажей, носивших имя Иисус, некий Иисус, сын Сирахов, прозванный впоследствии в греческой традиции Сирацидом. Ему приписывалась одна из наиболее спорных книг Ветхого завета - Екклезиаст, исключенная из еврейского канона, но признанная ранними христианами. Имя Иисус часто встречается в еврейской истории в I и II вв. н. э. Известно до двадцати исторических лиц, носивших это имя. Среди них - имя человека, который, как считают, возглавил одно бесплодное восстание во времена Ирода Агриппы II. О нем рассказывает Иосиф Флавий в своей "Археологии", или "Иудейских древностях", - книге, которая начинается повествованием о разразившейся в 67 г. войне (67 - 73 г. н. э.); не следует исключать возможности того, что в некоторых наиболее древних мессианских общинах образ этого Иисуса, едва подернутый дымкой времени, сливался с образом Христа.

По меньшей мере три Иисуса, отличающиеся от традиционного, упоминаются в Новом завете: Вариисус (по православной Библии) - лжепророк на Кипре в Деяниях апостолов (13:6), Иисус, прозванный Иустом ("праведным"), соратник Павла в письме к колоссянам (4:11), и таинственный Иисус-Варавва в некоторых греческих списках Библии и в сирийских и армянских переводах одного места из Евангелия от Матфея. Это имя встречается так же у евреев диаспоры в Египте. При сирийской оккупации Иудеи во II в. до н. э. имя Иисус бывало порой эллинизировано и приносилось Ясон.

ЗАГАДКА ИОСИФА ФЛАВИЯ

В среде историков христианства в последние десятилетия возникло множество вопросов, вызванных публикацией нескольких фрагментов - всего их оказалось пять - перевода с древнеславянского (или старорусского) языка XI - XII вв. другого сочинения Иосифа Флавия - "Иудейская война".

Мы обнаруживаем в них достаточно странную версию осуждения и смерти Иисуса, человека "более чем человеческого вида", который якобы был вовлечен помимо его воли в вооруженный заговор против римских захватчиков: подобие "царя, который никогда не царствовал". Разочарованные его отказом вступить в Иерусалим и истребить римский гарнизон, "вожди евреев" и "законоучители" якобы дали 30 талантов Пилату, чтобы он позволил им казнить его на кресте "вопреки закону предков".

Некоторые детали этого рассказа несомненно абсурдны: упоминания о чудесах, приписанных Иисусу, его арест и освобождение Пилатом, эпизод с 30 динариями, скопированный с евангельского повествования. Отмечаются признаки одной или двух переделок этого текста. Но если речь идет об интерполяциях, принимая во внимание, что весь этот эпизод отсутствует в греческом оригинале труда Флавия, следует отнести их к более ранним временам, нежели XI - XII вв. Ясно, что ни один христианский переписчик средних веков не мог бы изобрести его, когда образ Христа уже устойчиво сложился на теологической основе. Подобный эпизод, возможно, встречался в каких-нибудь древнейших списках книги Флавия на арамейском или греческом языке и затем мог быть сохранен на Балканах, как бы в заповедном углу христианского Востока.

История иудейского мира той эпохи полна попыток различного рода антиримских возмущений, начиная с восстания под предводительством Иуды из Гамалы (прозванного Галилеянином) против опиши имущества, произведенной по велению Августа сирийским легатом Сульпицием Квиринием в 6 г. н. э., и вплоть до кровавых подвигов Тев-ды - "египтянина" с четырьмя сотнями (или тысячами) его сподвижников, собравшихся в пустыне и там истребленных между 44 и 46 г. В Деяниях апостолов эти две безуспешные попытки вспоминаются с известной горечью и служат выводом о том, что "если это предприятие и это дело - от человека, то оно разрушится, а если от бога, то вы не можете разрушить его" (5:35 - 39).

Немало других примеров тщетности борьбы человека могли назвать свидетели событий того времени. Так, вскоре после смерти Ирода Великого некий раб из дома царя, по имени Симон, выходец из долины Иордана, предал

огню царский дворец в Иерихоне и провозгласил себя "царем", то есть мессией. О нем рассказывает Тацит в своей "Истории" (V, 9). Повстанческое государство во главе с пастухом Атронгом существовало короткое время в Галилее; но вскоре Атронг трагически погиб. Когда в Галилее же Иуда, сын Иезекии, напал на склад оружия, он был убит римлянами вместе с его сообщниками.

В "Иудейских древностях" (XVIII, 4) Иосиф Флавий вспоминает об аванюре одного самаритянского пророка, который в 36 г. н. э. обещал своим ученикам показать священные предметы, спрятанные, согласно легенде, Моисеем на горе Геризим. Огромная толпа собралась с оружием в руках, но была разогнана отрядом солдат, посланным на место событий Понтием Пилатом. Возможно даже, что именно этот эпизод был причиной его внезапного отъезда в следующем году из Иудеи: самаритяне, друзья Тиберия, подали протест сирийскому легату Вителлию, и Пилат должен был срочно покинуть страну.

В "Иудейской войне" (II, 3) речь идет еще об одном "пророке", египетского происхождения, который собрал в пустыне между 52 и 58 г. н. э. более 30 тысяч вооруженных людей и выступил на Иерусалим, но был разбит и спасся бегством.

Все эти эпизоды жестокой борьбы, заканчивавшиеся катастрофой, не могли не способствовать зарождению религиозных откликов на нее: в условиях того времени революционное брожение и мессианские порывы неизбежно перерождались в миф. И облаком этого мифа был окутан также тот эпизод из славянского перевода Иосифа Флавия, о котором шла речь.

Впрочем, очевидно, что и другие свидетельства об Иисусе, которые содержатся в XVIII и XX книгах греческого текста "Иудейских древностей", также явно ложны.

Иосиф - мятущаяся и в то же время неординарная фигура еврейского интеллектуала той эпохи. Его труды - основной нехристианский источник сведений о Палестине и событиях тех лет; другие авторы, например, географ и натуралист Плиний Старший, погибший во время извержения Везувия в 79 г. н. э., или Павсаний, даже сам Тацит автор "Истории", добавляют к ним весьма немного.

Иисус в славянском переводе из Иосифа Флавия

Тогда явился нам некий человек, если его можно назвать человеком. Его облик и внешние черты были человеческими, но выглядел он чем-то большим, нежели человек, и дела его были божественными: чудеса, которые он совершал, были удивительны и могущественны. <...> Некоторые говорили о нем: "Это наш первый законодатель, который воскрес из мертвых, совершив много исцелений, он доказал, на что он способен". Другие полагали, что он послан богом. Однако во многих вещах он не повиновался закону и не соблюдал субботы согласно обычаям отцов; впрочем, он не делал ничего нечистого, ни какой-либо ручной работы, а пользовался только словом. Многие в толпе следовали за ним и слушали его наставления; и умы многих людей приходили в волнение, они думали, что благодаря ему племя израилюе могло бы освободиться от рук римлян. Обычно он останавливался перед городом, на Масличной горе. <...>

Видя его силу и что он словом совершал все, чего желал, попросили его войти в город и перерезать римское войско и убить Пилата и царствовать над ними. Но он не заботился об этом. Потом главы евреев узнали о нем, собрались с первосвященником и сказали: "Мы бессильны и неспособны сопротивляться римлянам, как ослабевший лук. Пойдем и скажем Пилату то, что мы чувствуем, и не будет нам неприятностей". <...> И пошли донести на него Пилату.

Тот послал людей, приказал убить многих в толпе и арестовал творца чудес. Он узнал лучше его и, видя, что тот делал добро, а не зло, и не был ни бунтовщиком, ни охотником за царской властью, освободил его; и в самом деле тот излечил его жену, которая находилась при смерти. И вернувшись в свои привычные места, снова взялся за свои обычные дела: и вновь еще большее число людей собиралось вокруг него. <...> Блюстители закона, которых одолела зависть, дали тридцать талантов Пилату, чтобы он приказал его убить. Тот их взял и дал им разрешение совершить самим то, чего они желали. Так они

схватили его и распяли, вопреки закону отцов.

(Из "Иудейской войны", славянский перевод, книга II)

Родившийся около 37 или 38 г. н. э. в жреческой семье фарисеев, сам священнослужитель при Иерусалимском храме, Иосиф был вовлечен в первую иудейскую войну 67 г. Ему было поручено командование войском и руководство сопротивлением в Галилее, которую он знал достаточно хорошо. Потерпев поражение, он почти тотчас же перешел на сторону римлян. И чтобы добиться расположения Веспасиана, в доме которого он якобы впоследствии получил прозвание Флавий, он пошел на многое, вплоть до утверждения, что еврейский народ был введен в заблуждение ложными пророчествами и что настоящий мессия, предвозвещенный таинственными оракулами, был не кто иной, как победоносный римский завоеватель, взошедший затем на римский престол в 69 г., накануне падения священного города.

Эти события Иосиф описал в семи книгах своей "Иудейской войны", составленной вначале на арамейском языке, а затем переведенной им самим в 75 - 79 гг. на греческий. За ней последовали "Иудейские древности" в двадцати книгах, написанные непосредственно по-гречески в 93 - 94 гг., чтобы люди лучше знали политические, религиозные и культурные традиции народа, который он предал, но с которым всегда чувствовал себя связанным. Это писатель продемонстрировал в последние годы жизни: в 97 г. в памфлете "Против Апиона", грамматиста-антисемита, и в своей тенденциозной, но показательной в этом отношении "Автобиографии", завершенной в 99 г., незадолго до смерти, когда в Риме разгорелась антиеврейская кампания в связи с тем, что многие иудейские общины отказались тогда, после разрушения Иерусалима в 70 г., передать имперскому фиску деньги, которые были первоначально предназначены диаспорой для нужд Иерусалимского храма. На них обрушились в то время репрессии Домициана.

"Свидетельство Флавия"

("Иудейские древности", XVIII, 3)

Появился к тому времени Иисус, мудрый человек, если можно назвать его человеком: он совершал в самом деле необычайные поступки, наставник людей, которые благорасположены к истине. И привлек многих иудеев и также многих из греков. Это был мессия (Христос). И после того как Пилат, по доносу главнейших людей среди нас, наказал его распятием на кресте, те, кто любили его с самого начала, не перестали его любить. Он и в самом деле появился на третий день, снова живой, сдержав предсказанные божественным пророком эти и тысячи других чудесных вещей, сотворенных им вокруг себя. И еще теперь не стало меньше племя тех, кто получил от него имя христиан.

Достаточно и этих кратких сведений, чтобы убедиться, что Иосифу Флавию никак не могли принадлежать те два свидетельства, приписанные ему в "Иудейских древностях" - книге, дошедшей до нас только в трех греческих списках, самый древний из которых не старше IX - X вв.

В первом отрывке, известном под наименованием "Флавиева свидетельства", говорится об Иисусе как о "мудром человеке, если можно назвать его человеком", одаренном необыкновенными качествами, осужденном на смерть Пилатом, воскресшим на третий день и почитаемом теми, кого "он назвал христианами". И уточняется: "Он был мессия".

Однако мы знаем, что для Иосифа мессией был Веспасиан. Вмешательство безвестного набожного христианского переписчика, пораженного тем, что в подробном повествовании Иосифа нет ни малейшего упоминания об Иисусе, столь очевидно, что даже подавляющее число современных теологов, как католических, так и протестантских, ставят под сомнение подлинность всего отрывка. Мы даже можем уточнить эпоху, в которую эта интерполяция была включена в текст, учитывая, что Ориген в первой половине III в. еще ничего не знал о ней (в своей книге "Против Цельса", 1, 47, он даже заявляет, что Иосиф не верил, что Иисус был мессия), тогда как Евсевий Кесарийский, придворный историк

времен Константина, живший в начале IV в., неоднократно воспроизводит эпизод, о котором идет речь, с явным сочувствием, так что нет ничего удивительного в его фабрикации.

Не менее ложной должна быть признана другая короткая вставка в "Иудейских древностях", где речь идет о насильственной смерти Иакова, "брата Иисуса, прозванного мессией" (XX, 9), - и по тем же мотивам. Напротив, эпизод смерти Иоанна, прозванного Крестителем, приводится Иосифом без всякой связи с Иисусом (XVIII, 5). Он говорит только, что Ирод Антипа повелел арестовать и зверски убить в крепости Махеронта какого-то неугодного ему пророка, потому что тот собирал вокруг себя большие фанатичные толпы и призывал их креститься и "жить праведно". Евангелия добавляют к этому, что Иоанн язвительно обличал кровосмесительный союз царя с Иродиадой, супругой сводного брата Ирода Филиппа, и что по ее наущению Иоанн и был обезглавлен, с чего и началась публичная проповедь Иисуса.

Нет сомнений, что мы имеем дело здесь с позднейшей переработкой фактов, о которых Иосиф Флавий рассказал с совершенно иными побуждениями.

Историю первой иудейской войны напсал также по-гречески Юстин Тивериадский родом из Галилеи, умерший около 100 г. н. э. От его текста уцелели только незначительные фрагменты; однако византийский патриарх Фотий, который в IX в. еще читал его целиком, не обнаружил в нем никаких упоминаний об Иисусе.

В свидетельствах об Иисусе других нехристианских авторов той эпохи, вплоть до середины II в. н. э., - все они, впрочем, редкие, без исключения спорные и, может быть, даже представляют собой позднейшие вставки (речь идет о сочинениях Плиния Младшего, Тацита, Светония и Адриана) - встречается только имя Христос, которое уже превратилось в ритуальное наименование некоего божественного искупителя. Все они придают весьма мало убедительности историческому существованию личности Иисуса.

Его имя встречается, однако, достаточно часто в официальной иудаистской литературе первых веков нашей эры, и нередко в форме резких нападок. Талмуд, возникший из соединения Мишны (наставления, урока) I - III вв. и Ге-мары (комментария) III - V вв., утверждает, что Иисус якобы был сыном римского солдата по имени Пантера или Пандера и некоей еврейки-полупроститутки, которую звали Мария, и что он был "подвешен к дереву" (то есть к кресту) как шарлатан, чародей и обманщик. Следы этой полемической биографии Иисуса Носри (Назорейнина) обнаруживаются также у нескольких нееврейских писателей: философ Цельс в конце первой половины II в. пересказывает ее в своем антихристианском трактате под названием "Правдивое слово", ныне утраченном, но целиком воспроизведенном в опровержении Оригена ("Против Цельса", I, 32, 33, 68).

Ясно, что речь идет о предпринятой задним числом попытке обратить легенду против образа Иисуса, с противоречивыми и парадоксальными деталями, позаимствованными из популярных жизнеописаний Иисуса. Можно даже вполне обоснованно думать, что имя Пантера или Пандера - это не что иное, как переделка греческого слова "пар-тенос" ("девственница"), то есть карикатура на верование в чудесное оплодотворение Марии, о котором рассказывают Евангелия от Матфея и Луки. Точно так же и "Толе-дом Ешу", и различные "Порождения Иисуса", возникшие не ранее VIII в., не имеют исторического основания. Все это - иудаистские реконструкции жизнеописаний Иисуса, с теми же сведениями, что и в христианской легенде, но деформированные в самых характерных для христианского вероучения аспектах.

КАНОНИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ И ЕВАНГЕЛИЯ АПОКРИФИЧЕСКИЕ

Таким образом, если мы хотим составить себе представление о том, что думали в первые века о личности Иисуса, мы должны обратиться к Новому завету - других источников у нас нет. Есть лишь четыре традиционных Евангелия, приписанные соответственно двум апостолам - Матфею и Иоанну и двум ученикам апостолов - Марку и Луке, если не считать упоминаний об Иисусе, скорее теологического характера, чем биографического, рассеянных в

Деяниях апостолов, в посланиях Павла и в немногих других уцелевших документах, включая Апокалипсис. Будучи наверняка одним из самых древних, по крайней мере в своей основе, этот последний текст тем более поражает полным отсутствием каких-либо упоминаний об Иисусе, не считая совершенно мифологических, абстрактных или еще чисто теологических.

Писания, вошедшие в Новый завет, дошли до нас в нескольких сотнях списков - все они восходят не ранее чем к IV в.; кроме того, известно скудное количество фрагментов на папирусе, самый древний из которых, вероятно, не старше конца II в. Однако это были не единственные тексты, которые циркулировали в ранних общинах христиан.

Процесс отбора канонических текстов, основанный на критерии "бог вдохновения", на деле же имел целью воспрепятствовать распространению интерпретаций, которые отныне признавались чуждыми официальному учению. Он начался в конце II в. и завершился только в начале VI в.

Канон - греческое слово, означающее "мера", "правило", "норма"; это, следовательно, список, перечень, признанный единственно верным. Самый старый такой канон относится к последним десятилетиям II в. Этот канон получил название "Мураториев канон", по имени Лу-довико Антонио Муратори, открывшего его в 1740 г. в одном древнем кодексе из Боббио. Ныне он находится в Ам-вросианской библиотеке в Милане. Первоначально он был написан по-гречески, до нас же дошел на латинском языке. Наряду с обычными новозаветными книгами в него внесены некоторые другие, которых мы уже не знаем, такие, как "Пастырь", сочинение Гермы, считавшегося братом римского епископа Пия (140 - 155). Другие, напротив, в него не вошли. В начале IV в. Евсевий Кесарийский еще не признавал второго послания Петра, посланий Иакова и Иуды и двух последних писем Иоанна. Западная церковь признала каноническим Послание к евреям только в 400 г.; восточная приняла Апокалипсис лишь около 500 г., во времена Юстиниана.

Сам евангелист Лука упоминает в начале своего повествования многих своих предшественников, писавших на ту же тему. В самом деле, евангелия насчитывались несколькими десятками: Евангелие евреев, Евангелие назореев, Евангелие эбионитов, то есть "бедных", евангелия детства, Петра, Никодима, псевдо-Матфея, протоевангелие Иакова, Евангелие истины, Евангелие от Филиппа - вплоть до Евангелия от Фомы, отрывки из которого предполагали в цитатах церковных авторов и лишь позднее выяснили, что это был за текст на самом деле, когда открыли его полный список в коптском переводе III в.

Письменный коптский язык (от арабского "гупт" или "купт"; аллитерация греческого "Аи-гуптос" - Египет) - это последняя стадия эволюции древнего египетского иероглифического письма, транскрибированного буквами греческого алфавита с некоторыми дополнениями для передачи звуков, не существующих в греческом языке. Он сохранялся в трех по меньшей мере народных диалектах самой бедной части страны, где существовали древние христианские общины. Текст Евангелия от Фомы был найден вместе с пятью десятками других писаний, считающихся "гностическими", в 1945 г. в окрестностях Наг Хаммади, в Верхнем Египте, в зоне древнего Хенобоскиона ("радость очей"), где в начале IV в. Пахомий основал христианский монастырь. Текст Евангелия от Фомы заслуживает самого пристального внимания, и не только из-за своего содержания.

Это евангелие составлено в самой элементарной форме собранных апостолом Фомой (Дидимом) и приписанных "живому" Иисусу "заветных слов" ("Иисус сказал"). На коптский язык, очевидно, был переведен греческий текст, в свое время переведенный с арамейского. Это позволяет отнести Евангелие от Фомы к более раннему периоду, нежели наши канонические евангелия; только Евангелие от Матфея могло быть составлено первоначально на арамейском или еврейском языке, три других наверняка написаны по-гречески, и передаваемая ими атмосфера весьма отличается от текста Матфея.

Небольшая часть этого собрания "изречений" была открыта в 1903 г. в трех греческих фрагментах в Оксириин-хе, в Египте. Историки сразу же представили их как сенсационный отрывок некоей "Логии" - более обширного "собрания речей, или изречений" Иисуса, которое независимо друг от друга популяризировали наши евангелия, о чем есть указания в древнейшей

патристике.

Речь, однако, шла о настоящем евангелии, хотя и непохожем на традиционные.

Подобная литература, которая получила определение "апокрифическая" (иначе говоря, недостоверная), обычно недооценивается историками происхождения христианства, поскольку она содержит лишь фантастические измышления, фольклор, порожденный народной набожностью или желанием восполнить некоторые пробелы канонических текстов: скудные сведения о детстве Иисуса, о членах его семьи, о так называемых "восемнадцати годах молчания" в его жизни (Матфей и Лука умалчивают о целом периоде - с 12 до 30 лет, Марк начинает с крещения в Иордане, Иоанна интересуют только три последние пасхи), о его отношениях с римлянами, об обстоятельствах его смерти, о событиях, случившихся с ним после воскресения.

Но что представляют собой сами наши евангелия, если не воображаемую благочестивую реконструкцию важнейших моментов биографии мессии, скопированных, как пра-вило, со старых библейских текстов?

Многие апокрифические евангелия несомненно возникли достаточно поздно - в IV, V, VI вв., если не позже. Их использование возможно в исследовании истории христианства, особенно для объяснения процесса распространения и развития христианской идеологии в соответствии со временем и различиями социального и религиозного окружения, в котором она прививалась. Но некоторые из евангелий относятся к древнейшим временам, о чем свидетельствуют наименования палестинских общин, для которых они были предназначены, - иудеи, назореи, эбиони-ты, возможно мандеи (последователи мифического Иоанна Крестителя), тогда как канонические евангелия задуманы и составлены вне Палестины, на греческом языке, в центрах иммиграции.

Если бы все апокрифические евангелия сохранились в первоначальном виде, и прежде всего на языке оригинала, многие аспекты ранней христианской проповеди выглядели бы сегодня в более ясном свете. Но и в том виде, в котором они до нас дошли, они должны рассматриваться как важный вклад в формирование легенды об Иисусе. Это, естественно, не "исторические" источники, как, впрочем, и те четыре евангелия, которые вошли в канон; между теми и другими нет пропасти, как уверяют теологи и церковные историографы. Естественны различия между культурой и национальной средой, в которой возникли апокрифические и канонические писания, а также коллективной ориентацией, вызвавшей их к жизни; поэтому мы и должны в первую очередь искать в этих текстах не идеи, а людей, которые их толковали.

Одна из типичных характеристик религиозного отчуждения - это истолкование верующими жизни в фантастической, иррациональной форме веры, которая, однако, отображает изменение той социальной и культурной основы, которая обуславливает саму веру. На этом явлении мы теперь и остановимся.

"ЕВАНГЕЛИЕ ИИСУСА"

Но прежде сделаем замечание о самом наименовании всех этих писаний.

Евангелие (от греческого "евангелион") не сразу получило значение доброй, благой вести, которое стало впоследствии традиционным и встречается в еврейском эквиваленте в некоторых отрывках рукописей Мертвого моря ("...и он принесет благою весть", - говорится об основателе движения, "учителе праведности").

В классическом греческом языке этот термин первоначально означал вознаграждение, которое полагалось носителю доброй вести, а затем - акт благодарения, жертвоприношения богам в знак признательности за сообщение о каком-либо радостном событии. На народном греческом языке койне он мог означать либо вообще любое доброе известие, либо сообщение о предстоящем прибытии некоего известного лица. Декрет в греческих городах Малой Азии от 9 г. до н. э. о введении юлианского летосчисления Ввзвещал, что день рождения Августа, 23 ноября 63 г. до н. э., был для мира "началом евангелия", то есть явлением новой эры блаженства. Другая греческая надпись сообщает о приезде самого императора в город, как о его "евангелии".

Каким бы ни было содержание первоначального христианского послания, которое на греческом языке отцов церкви обозначалось скорее понятием "керигма" - "проповедь, провозглашение" (термин, который теперь снова стал модным среди верующих, когда церковному языку стремятся придать более глубокомысленное значение), не следует забывать, что выражение "евангелие Иисуса Христа" должно было звучать в иммиграции по-гречески для новообращенных попросту как "пришествие Иисуса мессии", в частности "его возвращение на землю ради тысячелетнего царства". Сходный смысл имеет весть о "вечном евангелии" в Апокалипсисе (14:6), которая получила такой резонанс в средние века, в мистико-социальном движении аббата Иоахима Флорского, глашатая третьего века пришествия "духа", эры свободы и справедливости для масс, угнетенных крепостной зависимостью и тиранией феодальных иерархов в XII - XIII вв.

Подобное выражение понимали с полуслова. Оно обращало души к ближайшей цели в реальном мире. Когда же вера в скорый конец мира и возвращение Иисуса на землю была поколеблена, стало неизбежным все более очевидное изменение значения этого слова: отныне оно указывало на проповедь Иисуса, облаченную в солидные теологические одежды.

Вместе с другими писаниями Нового завета четыре евангелия дошли до нас в весьма поздней рукописной форме, хотя и в очень многих списках (170 рукописей унциального письма, подобного заглавным знакам, и около 260, написанных прописью, или курсивом). Но наиболее древние из них восходят лишь к концу IV и началу V в. и отстоят на значительной дистанции от исходных текстов. Большие унциальные кодексы происходят из трех собраний греческих манускриптов, которые возникли в IV в. в Александрии, Цезарее и Иерусалиме. Вначале их было более 3 тысяч, но почти все они были утрачены еще до VI в. 80 фрагментов на папирусе преимущественно соотносятся с Евангелием от Иоанна. Возникшие в диаспоре, эти тексты возвращают нас не ранее чем к началу III в. Пресловутое "открытие" фрагмента Евангелия от Марка, 9 посланий на греческом языке в VII пещере Мертвого моря, вновь обследованной в 1955 г., поэтому ни в коем случае и не могло иметь места, хотя о нем и трубила в эти последние годы популярная пресса.

Несколько латинских переводов из доставшихся нам отрывков более древних новозаветных текстов, чем "Вульгата" св. Иеронима, а также их переводы на другие языки, особенно на сирийский, позволяют нам подняться к наиболее древнему тексту евангелий, составленному до IV в. То же можно проделать с многочисленными цитатами первых отцов церкви, когда они происходят не из официальных текстов и могут быть прямо взяты или переведены с оригиналов. Но настоящее систематическое изучение всех этих материалов еще не осуществлено.

Текстуальные различия между евангелиями многочисленны и весьма заметны. Наши евангелия переделывались непрерывно. Цельс в конце II в. писал, что христиане его времени не испытывали угрызений совести, перекраивая по своему вкусу "трижды или четырежды и даже более" первоначальный текст евангелия, "чтобы опровергнуть различные обвинения в свой адрес" (из сочинения Оригена "Против Цельса", глава XX). Достаточно сказать, что две древнейшие копии Евангелия от Марка, которыми мы располагаем, заканчиваются восьмым стихом 16-й главы; последние 12 глав с рассказом о воскресении Иисуса и его вознесении на небо были добавлены позже. Один манускрипт, о котором сообщили недавно некоторые историки, дает основание считать, что эта часть была написана неким Аристоном, пришедшим из Иерусалима в Малую Азию в начале II в., прозванным Папием из Гиераполя, "учеником господина".

Но даже не принимая во внимание бесчисленные текстуальные различия между евангелиями, вызванные культурным и социальным темпераментом переписчиков и религиозным климатом, в котором они жили, можно различить четыре главных течения в рукописной передаче их текстов: александрийское, антиохийское, так называемое западное и североафриканское, которое почти без изменений отразилось в древнейших латинских переводах "Африка в древней Италии". Мало-помалу, по мере приближения эпохи великих соборов IV - V вв., которые занялись догматической систематизацией исходного наследия веры, устанавливалось большее единообразие евангельских эпизодов. В действие

вступил новый фактор стабилизации передаваемого из поколения в поколение текста.

Утверждалось понятие "боговдохновенность", которое происходило из иудаизма и опиралось на крайне зыбкие и искусственные основы. "Писанное слово" бога отождествляется с самой идеей "данной в откровении" раз и навсегда и неизменной "истины". Процесс стабилизации протекал медленно и противоречиво. Он завершился лишь с окончательной победой церкви при императоре Феодосии в конце IV в., в тот самый момент, однако, когда начал углубляться разлад между Востоком и Западом.

Представление об абсолютной неизменности слова божия способствовало сохранению в течение столетий стабильного текста Нового завета, так же как это имело место с Ветхим заветом. Древнейший сохранившийся еврейский манускрипт Библии относится к IX в. н. э. [Рукопись Британского музея 895 г.; две рукописи Ленинградской публичной библиотеки относятся к 916 и 1008 гг. (в том числе знаменитый Ленинградский кодекс - Codex Leningradensis). В 1960 г. стало известно, что рукопись Библии из Алеппо начала X в. н. э., считавшаяся утраченной, уцелела. - Прим. пер.] Открытие ряда свитков в пещерах Кумрана, которые по крайней мере на 900 лет старше этого текста, позволило обнаружить лишь немногочисленные, хотя и характерные, варианты в сравнении с текстом, который стал каноническим в I в. н. э.

История передачи текста - это всегда история людей, которые его выработывали. Особенно верно это в отношении передачи собрания народных преданий о жизни, муках и смерти Иисуса, выработанных поколениями христиан первых веков.

Столкнувшись с совпадениями и расхождениями, которые обращают на себя внимание при первом же взгляде на канонические евангелия (первые три сопоставимы друг с другом, четвертое отлично от них в результате отраженной в нем теологической разработки вероучения), исследователи попытались вывести все четыре текста из одного общего оригинала, отождествляя их то с гипотетическим арамейским Евангелием от Матфея, то с первичным Евангелием от Марка, то с собранием памятных изречений Иисуса, или "Логией", которая стала предметом фантазирования уже во II в. Находки Оксиринхских и Хенобоски-онских папирусов показали, что "изречения" Иисуса на деле составляли самостоятельное евангелие, приписанное апостолу Фоме, наполненное достаточно необычными понятиями, присущими группе, к которой принадлежал автор: сильным пантеистическим акцентом, подчеркнута дуалистической моралью, явно выраженным антифеминизмом, экзальтацией инфантильной простоты.

Попытка объяснить происхождение евангелий "историей форм", в которые выливались обряды, культ, молитва и более поздняя "демифологизация" текстов, освобождающая их от мишуры легенд, наслоений времени, не считается с тем фактом, что любая религиозная информация откладывается в сознании верующих в мифологической иррациональной, отчужденной форме. Стремление придать религиозному мифу "историческое" оформление не есть плод целенаправленного, волевого решения, оно составляет элемент процесса религиозного отчуждения масс.

С этой точки зрения даже проблема исторического существования Иисуса становится второстепенной.

Желание вернуться вспять, к тому, что может быть "подлинным" в евангелиях, не только неосуществимое, но и глубоко антиисторическое предприятие: миф как выражение некоей духовной потребности и историческое окружение, в котором он возникает, идентифицируются неразрывно.

Это присуще прежде всего тому, о чем евангелия говорят либо не говорят нам, неотъемлемой основе любого исторического исследования: сведениям о месте, даже и об обстоятельствах рождения Иисуса, о его семье, национальном, социальном и религиозном окружении.

НАЗАРЕТ ИЛИ ВИФЛЕЕМ?

В евангелиях Иисус почти неизменно именуется Назореем или Назорейянином.

Возможна латинизация этой последней формы, превращение прилагательного в существительное, субстантивация, подобно тому как это было с понятием "ессей", - "ессеян" и самим словом "христианин". В некоторых случаях говорится "того... из Назарета" (Иоанн, 1 : 45), а соответствующее название местности представляется как его "родина" (Марк, 6 : 1), то есть город, в котором, согласно древнейшему преданию, он был рожден.

Ни имя Назорей, ни прозвание Назореянин ни в коей мере не могут быть связаны с названием города Назарет, который к тому же не упоминается ни у одного автора. Прозвище, которое дали Иисусу - Назорей или Назореянин, означает попросту "чистый", "святой" или даже "отпрыск" - так назывались различные персонажи Библии; под этими названиями они встречаются и в рукописях Мертвого моря.

То место из Евангелия от Матфея, которое якобы цитирует пророков: "...что он Назореем наречется" (2:23), как предвидение будущего мессии, попросту не существует в Библии.

Христианская традиция первых веков знает, однако, группу назореев, сохранявшуюся многие века и имевшую отношение к Иисусу, которого они "почитали как праведного человека". Епифаний называет так одну иудео-христианскую секту, которую помещает в Месопотамии и относит к концу IV в. Мандеи из устья Евфрата, которые поклоняются Крестителю, а Иисуса считают чуть ли не демоном, еще и сегодня именуют себя на диалекте арамейского языка "Nazoraеe".

Лингвистическая связь между словами "Назореянин" и "Назарет" на семитской земле была невозможна, но она вполне вероятна, однако, в эмиграции, в еврейской и иной среде средиземноморского мира. Впоследствии, в эпоху Константина, евангельский Назарет будет отождествлен с одним полусельским, полугородским поселением чисто иудаистского типа в Галилее. Однако самые старые его памятники относятся только к византийской эпохе.

Ортодоксальные евреи относились к Галилее с недоверием. Они составляли в ней меньшинство. В столице Галилеи Капернауме синагога была построена только при римском протекторате. Еще во времена, когда было написано четвертое евангелие, полагали, что "из Назарета может ли быть что доброе?" (Иоанн, 1:46). Галилеянином назовут позже Иисуса, а галилеянами - его сподвижников, порой в уничижительном смысле. Теперь общепринято мнение, что галилеяне, против которых предупреждает Симон Бар-Кохба, мятежный мессия второй иудейской войны 132 - 135 г. н. э., в одном из посланий своим приверженцам (найденном в 1952 г. в пещере примерно в 19 км к югу от Кумрана), были, возможно, палестинскими группировками христианской ориентации.

Точное указание на Назарет как на родину Иисуса сталкивается с другим преданием, которое желало видеть мессию выходцем из дома Давида, рожденным в его городе, в Вифлееме. Эта версия, которая встречается только в двух евангелиях - от Матфея и от Луки, впоследствии возобладала и была обогащена целой серией легендарных деталей, таких, как приказ Ирода умертвить всех первенцев в округе, рожденных за два года до того (Матфей, 2:16). Нет никаких следов подобного эпизода ни у одного историка времен Ирода, хотя он мог быть отголоском в народной памяти лютой жестокости этого властелина, в самом деле приказавшего истребить некоторых собственных детей.

Чтобы "увести" - несколько необычный термин - отца и мать Иисуса из Галилеи в Иудею, в Вифлеем, автор Евангелия от Луки прибегает к помощи смутного воспоминания о некоей "переписи", которая предписывала всем жителям отправиться для регистрации в родные края. Перепись и в самом деле была в Палестине, но за десяток лет до предполагаемого рождения Иисуса; однако странное предписание, о котором идет речь в евангелии, обязывавшее, если бы оно имело место в действительности, целые народности поменять место пребывания, было чуждо административной практике римлян, и о нем нигде не сообщается за всю историю империи.

Ясли, в которые новорожденный Иисус был помещен матерью, как сообщает Евангелие от Луки (2:7),

предполагают хлев, а хлев - пещеру. Когда гражданские и церковные

власти после Константина пытались удовлетворительным образом систематизировать топографию Палестины, они даже открыли около 400 г., как сообщает св. Иероним, "пещеру рождения": именно в ней многие века стоял храмик, посвященный Атону (или Таммузу), "спасителю" восточных мистических культов. Дионис, Гермес, Гор, Зевс и, конечно, Митра были рождены в пещере. Поклонение "магам", жрецам иранского Митры, символизировало к тому же поклонение наиболее значительному народному божеству - сопернику Иисуса.

Эпизод бегства в Египет упоминается в Евангелии от Матфея (2 : 3 - 17) как бы в исполнение старого мессианского предсказания, о котором говорит пророк Осия: "Из Египта воззвал я сына моего".

Таким образом, мы движемся в пространстве, изобилующем постоянными столкновениями мифов - постоянным порождением веры, а не произвольным искажением "исторической" истины, которую историку происхождения христианства следует искать совсем в ином направлении.

ДАТА РОЖДЕНИЯ

Евангелия ничего не сообщают о годе, месяце и дне рождения Иисуса. Исчисление новой эры, начиная с 753 - 754 гг., со дня основания Рима, ставшего ее первым годом, установлено только в первой половине VI в., при Юстиниане, благодаря трудам некоего скирского монаха Дионисия Малого, который исходил из воображаемых расчетов, заимствованных из Евангелия от Луки. Если же принять за основу повествование от Матфея, которое совмещает рождение Иисуса с временами царя Ирода (2:1), то нам придется отнести начало новой эры по меньшей мере на пять или шесть лет назад, поскольку Ирод Великий умер в 4 г. до н. э.: это единственная точная дата. Бесполезно пытаться выбраться из этой неразберихи - мы ведь находимся в области веры, а не исторической хронологии.

Что касается месяца и дня, то они не должны были особенно беспокоить евангелистов, поскольку существенной для древнейшей литургии была не дата рождения, а дата смерти и воскресения мессии. Первые отцы церкви и не приводили точных данных об этих датах. Только в начале IV в. были предложены для рождества 25 и 28 марта, 2 и 19 апреля (этот последний день Климент Александрийский считал более вероятным) и иногда - 29 мая. Описанная в Евангелии от Луки сцена с пастухами, которые провели ночь под открытым небом, чтобы стеречь стадо (2:8), давала основание предполагать скорее весну, чем зиму.

Выбор 25 декабря был сделан в эпоху Константина и был связан с древним обрядом поклонения солнцу.

С далеких времен этот день, который римский календарь связал с зимним солнцестоянием, праздновали на Востоке и в средиземноморском мире по случаю "возрождения" солнца, наиболее распространенного божества, отождествлявшегося также с Митрой. Одержавшей победу церкви было нетрудно приобщить к своему культу это исключительно популярное празднование, учитывая, что апологеты уже представили Иисуса подлинным и единственным "солнцем спасения" с прозрачными полемическими намеками в адрес соперничавшего культа.

Другая, не менее древняя по происхождению традиция претендовала на то, чтобы день "откровения", или египетской фаннии бога-солнца, приходился на 6 января. Эта дата и оставалась в некоторых христианских церквях днем рождения Иисуса.

Что наше рождество происходит от культа солнца, это факт неоспоримый. Но церковные календаристы очень рано принялись искать теологические основания этого факта, используя сложную систему рассуждений.

В соответствии с весьма распространенными в иудео-христианских кругах той эпохи магическими правилами числовых значений распространялось поверие, что между рождением и смертью исключительного лица должно пройти точное число лет, ни одним днем больше или меньше. Согласно преданию, Иисус умер тридцати или тридцати трех лет в неделю еврейской пасхи, которая приходится на весну; "точная" дата была переменной - между 25 марта и 6 апреля. И

поскольку начало жизни человека возводилось к моменту зачатия, а не появления на свет, день воплощения должен был приходиться на 25 марта или 6 апреля, а дата рождения, естественно через девять месяцев, - на 25 декабря или 6 января.

Обе даты вызвали продолжительные споры.

На Западе преобладает празднование рождества 25 декабря. Другая дата сдвигает рождество с празднованием епифании, или "откровения" Иисуса людям, символизировавшимся в астральных культах магами, астральными жрецами, которых в некоторых апокрифических текстах более трех, а порой и до двенадцати, по числу главных народов на земле, согласно верованиям того времени. Ко всем этим событиям были присовокуплены многие другие плоды народной фантазии, такие, как "восходящая на востоке звезда", миф о воле и осле, легенда о яслях, которая, кстати, возникла только при св. Франциске, в XIII в., культ чествования дерева, особенно распространенный в северной Европе в связи с празднованием Нового года и вошедший затем также в празднование нашего рождества. И естественно, там, где сезоны не совпадают с нашими, как, например, в южном полушарии земного шара, миссионеры встретили много трудностей при попытках заставить принять празднование рождения Иисуса в декабре, поскольку начало жизненного цикла года в этих районах приходится на самую середину нашего лета.

СЕМЬЯ ИИСУСА

О семейной ячейке, в которой якобы родился Иисус, евангелия сообщают мало известий, дающих, однако, много пищи для воображения верующих: в ней есть отец, мать, четверо братьев и не менее двух сестер. Образ отца, Иосифа, скорее туманен. Те, кто видят в нем ремесленника, могут вывести это его занятие из одного места в Евангелии от Матфея (13:55), где Иисус именуется "сыном плотника". Однако они забывают, что это выражение на арамейском диалекте означает попросту "плотник", так же как "сын человека" означает только "человек". В одном более древнем тексте, в самом деле, написано: "Не плотник ли он, сын Марии?" (Марк, 6:3).

Стремление вывести Иосифа из семьи Давидова рода, должно быть, выявилось, когда еще не созрела идея божественного происхождения мессии. Если Иисус рожден не от Иосифа, а от "духа" бога, эта генеалогия уже не имеет смысла; давняя и запутанная, она связывает отца Иосифа с династией Давида, в соответствии с Евангелиями от Матфея (1 : 1 - 17) и от Луки (3:23 - 38). Противоречие это перестали замечать, когда чисто иудаистская традиция, в которой происхождение мессии представлялось человеческим, слилась с верованиями иммигрантов в греческие мистические божества и перестроилась на сверхъестественные представления о мессии.

Согласно Евангелию от Матфея, Иосиф был сыном Иакова; в соответствии с Евангелием от Луки - сыном Илии. Чтобы привести его генеалогию в соответствие с некоторыми магическими формулами (три раза по четырнадцать), были опущены целые группы его предков. Только апокрифические евангелия разрабатывают некоторые стороны его биографии. Культ св. Иосифа впоследствии разрабатывается на чисто мистических основах. Но и по сей день этот процесс еще не закончен, если верно, что перед II Ватиканским собором в среде теологов говорили о возможности распространить на Иосифа догму непорочности и вознесения на небо.

Авторы евангелий считали его настоящим отцом; об этом свидетельствует упоминание о братьях и сестрах Иисуса.

Матфей и Марк сообщают нам имена его братьев; Иаков, Иосиф (или Иосеф по-арамейски), Иуда и Симон. О его сестрах известно только, что их было две и что они жили в Галилее. Согласно протоевангелию от Иакова, их звали Мельха и Эсха. Первые поколения христиан не знали никаких сомнений на этот счет: Иисус был первенцем, рожденным чудесным образом; до его рождения Иосиф и Мария не имели супружеских отношений; "наконец родила она сына, своего первенца" (Матф., 1 :25), из чего следует, что были и другие дети. Таковы

указания наиболее древних и авторитетных источников.

Эта нормальная семейная жизнь не вызывала никаких вопросов, не возбуждала никаких препирательств. Один из "братьев господ" упоминается даже в некоторых источниках как преемник Иисуса в качестве руководителя небольшой группы учеников в Иерусалиме после вознесения Иисуса на небо. Верили, что он был казнен Иродом Агриппой, когда тетрарх Галилеи получил из рук римлян царский трон в Иудее.

Но существование братьев Иисуса во плоти начало порождать некоторые трудности, когда из аскетических соображений, связанных с постепенным обожествлением образа "спасителя", упрочилась идея вечной девственности матери Иисуса, до и после его чудесного рождения на свет.

Тогда речь пошла об иных родственных отношениях Иисуса, на них есть указания в одном апокрифическом евангелии: братья Иисуса на деле не родные братья ему, а сводные, рожденные в предшествовавшем браке Иосифа, о котором никто никогда ничего не говорил. Таково мнение ряда отцов церкви, таких, как Ориген в III в. и Е.пи-фаний в IV в. Евсевий Кесарийский открыл в самую пору расцвета эры Константина существование второй Марии, сестры Девы, супруги некоего Клеофа, или Клопа, брата Иосифа. Так что братья Иисуса стали его кузенами.

На гребне поднявшейся волны сексуального ригоризма, который связывает религиозное совершенство с состоянием девственности, подобные представления в конце концов возобладали, хотя и не без противоречий.

Чтобы убедить епископов, которые не принимали эту новую трактовку, св. Иероним в конце IV в. прибег к ловкому филологическому приему. Он стал утверждать, что по-арамейски термин "брат" означает также и "кузен", как, впрочем, принято и по сей день в деревенской среде. Этот маневр имел успех и еще сегодня принимается большей частью теологов и самими католическими историками. Однако он лишен каких бы то ни было оснований. Верно, что в еврейском и арамейском языках нет специального термина для обозначения понятия "двоюродный брат" и употребляется иной раз в этом значении слово "ах" или "ага" - "брат". Но наши евангелия написаны по-гречески, а не на семитском языке. И в классическом греческом языке, как и в народном языке койне, слово "адельфос" ("брат") не могло иметь иного значения, кроме "зачатый в том же лоне", "единоутробный". Нет доказательств, что оно когда-либо использовалось в более общем смысле - брат вообще.

Это новое толкование, сочиненное Иеронимом, определяется эволюцией идеологии марианства ["Марианский", "марианская" (идеология, теория, движение, празднества и т. д.) - принятые на Западе термины, связанные с различными отправлениями культа Девы Марии. - Прим. ред.], а не хваленой эрудицией филолога-библеиста.

Мария, мать (Мариам, или Мириам, - весьма распространенное в палестинской ономастике имя), упоминается в евангелиях редко и не всегда с тем почтением, которого следовало бы ожидать, учитывая внушительный подъем культа Марии в церковной истории.

Легенды об экстрачеловеческом зачатии, весьма частые в классической мифологии, не были сами по себе новыми и в самой иудаистской традиции. Древняя легенда об ангелах, которые соединялись с "дочерьми человеческими", как рассказывает Библия, очень способствовала распространению в последние века до нашей эры веры в непорочное зачатие. В одном писании, обнаруженном в I пещере Кум-рана, содержащем комментарий на арамейском языке к первым главам книги Бытия, первоначально называвшемся Апокалипсисом от Ламеха, повествуется об одной незаметной семейной трагедии, которая может быть сближена, в определенном отношении, с историей Иосифа.

Патриарх Ламех, прослышав об ангелах, которые соблазняют женщин, и видя, что его новорожденный сын наделен необыкновенным физическим обликом (от таких союзов, согласно Библии, якобы рождались гиганты), усомнился в непорочности своей супруги, о чем потребовал сведений у ее родных, однако был тотчас успокоен самой его женой, напомнившей ему о "наслаждении", которое он доставил ей в супружеских объятиях (Апокриф Бытия, 2:1-18).

Однако в мифе о девственном зачатии Марии накладываются друг на друга

элементы, которые никакой палестинский еврей не смог бы принять, как, например, вмешательство "духа" бога в качестве того, кто зачал. Кстати сказать, в еврейском языке термин, означающий "дух", женского рода - "руах", и никоим образом религиозная фантазия семита не могла бы преодолеть это лингвистическое препятствие. Это настолько очевидно, что в некоторых апокрифических христианских текстах иудаистско-го происхождения первое представление о божественной троичности, которое присуще почти всем религиям (естественно, что наиболее простой тип человеческой семьи проецируется на небеса, где все отношения подобны земным), оформляется как троичность "Отца, Сына и Матери". "Дух", следовательно, является женским началом. В Евангелии евреев, цитируемом Оригеном, мы видим Иисуса, вырванного из этой триады и вознесенного на небо. Мухаммед, который получил представление о христианстве от групп религиозных раскольников, рассеянных по окраинам Аравии, и не мыслил иного толкования христианской концепции троичности.

Евангелия сообщают и другую версию сверхъестественного происхождения Иисуса, плохо согласующуюся с первой: он якобы стал "сыном бога" только в момент крещения в Иордане. В момент, когда "дух" опустился на него в образе голубки, некий голос свыше провозгласил: "Ты сын мой возлюбленный; в тебе мое благословение. Тебя сегодня я породил". Эти последние слова были затем вычеркнуты из официального текста евангелия (Лука, 3:22). Но они сохранились в одном из самых значительных манускриптов V в., в кодексе D, который содержит так называемую "западную версию", и в некоторых малых кодексах, не считая многих цитат отцов церкви. Согласно Епифанию (IV в. н. э.), эти слова еще можно было прочесть в Евангелии эбионитов, а в несколько иной форме - в Евангелии назореев, как о том свидетельствуют два места из него, упомянутые Иеронимом. Эбиониты ("бедные") верили также, что именно мать и братья побудили Иисуса креститься.

Практически же Мария не фигурирует в евангелиях после рассказа о рождении Иисуса. Она вновь появляется в момент смерти сына вместе с Марией Магдалиной, которую недавно открытое Евангелие от Филиппа именуется "женой Иисуса". В различных случаях Иисус, по-видимому, прямо отвергает свою семью: "...вот мать моя и братья мои", - заявляет он, указывая на своих учеников (Марк, 3:34). В другом месте, еще более обескураживающем, "свои" пытаются силой водворить его в дом, утверждая, что "он вышел из себя" (Марк, 3:21). Это достаточно унижающее отношение евангелий к родителям и родственникам мессии, оказывается, имеет прецедент в еврейской литературе Мертвого моря. В "Гимне II" "учитель праведности" сетует: "Мой отец не знал меня, и моя мать меня покинула". Это не лишены значения детали.

В Апокалипсисе Иоанна, названного в Библии "возлюбленным учеником", которому Иисус якобы поручил свою мать, стоя у креста, чудесное рождение мессии представлено в терминах астрального культа: роженица, "жена, облаченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд" (Откров., 12: 1) уже не имеет человеческих черт.

В культе Марии детали жизни богородицы впоследствии умножились, однако с определенным запозданием; Легенда поместила ее в Эфес, где она и была взята на небо. Этот город был известен издревле покровительством главного женского божества - Артемиды, и песнопения в честь Девы Марии почти дословно повторяют литании во славу богини Исиды, частично сохранившиеся в рукописях на папирусе ("Звезда в море", "Покровительница мореплавателей", "Утренняя звезда", "Царица земли", "Водительница войска"). Дискуссии V в. о справедливости либо необоснованности присвоения Марии титула богородицы завершились долго оспаривавшейся победой более жестких формул поклонения ей.

Согласно новой доктрине, богородица не могла быть рождена в первородном грехе, который тяготеет над всеми смертными от Адама до наших дней. Уместно напомнить, поскольку это отнюдь не ясно даже для верующих, что догма "непорочного зачатия" не имеет ничего общего с девственным рождением Иисуса, а подразумевает непорочное рождение самой Марии: в отличие от людей, которых грех Адама сделал подверженными смерти, Мария не могла умереть, и ее тело должно было быть взято на небо.

Для процесса отчуждения, который совершается во всяком религиозном

движении, типичен факт фиксации всего этого материала веры в культе и обряде и его последующей разработки в вероучении. Действительно, католическая церковь признала в качестве догмы "непорочное зачатие" только в 1854 г. при Пие IX, который использовал эту догму как вызов иррационализма светскому либерализму XIX в. Догма же о вознесении Марии на небо была признана почти столетием позже, в 1950 г., по инициативе другого папы, который умел маневрировать оружием сверхъестественного в политической и социальной борьбе. Это случилось через год с небольшим после обличения им марксизма в 1949 г. [Речь идет о папе Пие XII и отлучении в 1949 г. от церкви коммунистов и сочувствующих им. - Прим. ред.] Показательна эта связь между догматикой и политикой: для Пия XII коммунисты и социалисты заняли место либералов XIX в.

Вероучение, с присущей ему "логикой" иррационализма, которая претендует на ориентацию чаяний верующих, включает и реконструкцию жизни Иисуса, которая разворачивается как цепь беспрестанных противоречий, с огромным трудом сплетенных в нить одного связного рассказа.

"ЦАРСТВО БОЖЬЕ"

Из всех евангелий лишь Евангелие от Луки пытается привести некоторые сведения относительно начала проповеднической деятельности Иисуса, связывая ее с Иоанном Крестителем; "В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахом итской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе..." (Лука, 3:1 - 2).

Эти данные, почерпнутые в лучшем случае из сочинений Иосифа Флавия, предназначены придать определенность рассказу о последнем периоде жизни мессии. Однако надуманный характер этого отрывка ни для кого не секрет: другие евангелисты о нем не ведают, а различные версии общественной миссии Иисуса безжалостно противоречат друг другу.

Согласно синоптическим евангелиям, этот период не должен был быть столь продолжительным; в соответствии с четвертым евангелием, он длился не менее трех лет. Предание, на которое откликается Иоанн, рисует Иисуса, которому еще нет 50 лет (8:57); в другом месте при помощи весьма запутанных доводов ему приписывают 46 лет, но цифра выглядит столь спорной (если думать только об Иерусалимском храме), что евангелист указывает: речь идет не о храме, а о теле Иисуса (2:20 - 21). Ирней, писавший свои сочинения во второй половине II в., отмечает, что проповедь Христа продолжалась приблизительно до пятидесятого года его жизни. Конечно, Евангелие от Луки, в котором сказано, что "Иисус,- начиная свое служение, был лет тридцати" (Лука, 3 : 23), не было еще известно во всех общинах, по крайней мере в его современной форме, так как, согласно синоптическим евангелиям, от крещения в Иордане Иисуса до его смерти прошло много времени.

Неясности и противоречия накапливались и наслаивались друг на друга.

В соответствии с первыми тремя евангелиями, Иисус "спускался" один только раз из Галилеи в Иерусалим. В Евангелии от Иоанна таких путешествий становится три, если не больше. Титул правителя присвоен Понтию Пилату Иосифом Флавием; Тацит скажет, напротив, "прокуратор", то есть представитель легата Сирийской провинции, к которой в 6 г. н. э. была присоединена Иудея. Недавно в Иерусалиме была открыта надпись, которая ассоциирует имя Пилата с именем Тиберия и называет его "префектом": таково единственное неопровержимое свидетельство во всей этой неразберихе. Даже историки императорской эпохи уже через столетие были не в состоянии вспомнить точное звание Понтия Пилата.

Со смертью Ирода, в 4 г. н. э., его царство, границы которого были раздвинуты до неслыханных даже во времена древней империи пределов, было разделено Августом на четыре части. Сыну Ирода Архелаю досталось царство в Иудее и Самарии со столицей в Иерусалиме; другие два его сына - Ирод Антипа и Ирод Филипп получили соответственно тетрархию Галилеи, где, по

евангельскому преданию, началась проповедническая деятельность Иисуса, и тетрархию в районе на северо-восток от Тивериадского озера, включая Декаполис; Лисанию, о котором не известно почти ничего, кроме того, что он оставался у власти до 37 г. н. э., была отведена тетрархия Авилены и Итуреи в южной зоне Сирии.

Архелай правил столь одиозно, что спровоцировал возмущение иудеев, которые просили Августа сместить его и предложили римлянам взамен прямое управление страной. Не все, впрочем, были одного мнения на этот счет: против аннексии и последующей переписи имущества чиновниками Квириния восстал в 6 г. н. э. Иуда из Гамалы со своими сторонниками, прозванными по-гречески зелотами, или ревностными блюстителями еврейского закона; римляне именовали их сикариями или "сика", по наименованию короткого кинжала, который они пускали в ход, когда нападали из своих засад на оккупантов и их высокопоставленных приспешников.

Зелоты стали потом одними из вдохновителей войны против римлян после 67 г. и сопротивлялись еще три года после падения Иерусалима в 70 г., укрывшись в крепости Масада, господствовавшей над Мертвым морем. Они предпочли умереть со своими женами и детьми, но не капитулировать. В последнее время открыты важные археологические следы их отчаянного сопротивления. Один из апостолов Иисуса - Симон, прозванный "хананеем" ("ка-нана" по-арамейски означает именно "зелот"), должен был принадлежать к этой группе. Но его образ в евангелиях оставлен в тени.

Чередование римских наместников Иудеи, которое началось после ее оккупации, оборвалось в 38 г., когда Ирод Агриппа получил от Калигулы царство и правил в стране несколько лет в качестве "помазанника". С возвращением римлян, в 44 г., репрессии усилились, и повстанческие движения принимали все более мессианский характер, вплоть до того, что вылились в открытую войну и завершились катастрофой 70 г. Евангелия заставляют Иисуса возвестить о разрушении Иерусалима как о необходимом условии для того, чтобы могла начаться финальная драма с пришествием отмщителя "сына человеческого". Пророчество это изложено в столь точных терминах, поскольку оно включено в евангельский текст через многие десятилетия после свершившегося факта.

Не удивительно, что Новый завет связывает арест и осуждение Иисуса с вестью о "царстве", которая сама по себе должна была внушить страх привилегированным и стать предметом тревог для римлян. Сам по себе эпизод, аналогичный многим другим, о которых сообщают историки того времени, не может считаться невероятным. Трудно, однако, принять его в качестве события времен правления Тиберия, поскольку Тацит сообщает нам специально, что во время его принципата Иудея "оставалась спокойной" ("История", V, 9 - 7).

Разнесшееся повсюду эхо трагедии разрушения Иерусалима вышло за пределы противоречий и теологических толкований евангелий.

Верующие не сомневались, что "царство божие" - или, в еврейской традиции, "царство небесное" (чтобы не называть священное имя Яхве) - наступит на земле в результате чуда. Учитывая исторические условия эпохи, преобразование мира и не могло осуществиться иначе, чем сверхъестественным способом, но мыслилось оно всегда на земле, пусть через тысячу лет, как говорится в 20-й главе Апокалипсиса.

Молитва, которая стала впоследствии в христианстве известной молитвой "Отче наш", специально ориентирована на ожидание этого исхода. Молитвенные заклинания должны рассматриваться в их реальном содержании, вне всяких ритуальных схем.

Имя отца будет прославлено, придет его "царство", его власть будет признана не только на небе, но и на земле. Хлеб, который мы будем есть завтра, то есть вкушать счастье этого царства, будем надеяться, мы сможем отведать сегодня. Греческий термин "эпиузнос", который обычно передается понятием "каждодневный", согласно Иерониму, должен был означать "завтрашний" (*crastinum* по-латински). Приход царства совпадает с полным прощением долгов - исполнением вековых чаяний крестьянских масс средиземноморского мира. Об этом говорит Евангелие от Матфея (6:9 - 13); переход от "долга" к понятию "греха" в Евангелии от Луки (11:1 - 4) выступает как элемент общего

процесса отчуждения.

"Отче наш"

Евангелие от Матфея (6:9 - 13)

"...Отче наш, сущий на небесах! да святится имя твое; да придет царствие твое; да будет воля твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо твое есть царство и сила и слава во веки. Аминь".

Евангелие от Луки (11:2-4)

"...Когда молитесь, говорите: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя твое; да придет царствие твое; [да будет воля твоя и на земле, как на небе]; хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, [но избавь нас от лукавого]".

В тексте Евангелия от Луки русской православной редакции содержится несколько слов, которых нет в католической версии и соответственно в книге А. Донини. Они приведены в квадратных скобках. - Прим. пер.

Последний стих Евангелия от Матфея содержится только в некоторых уничиальных и строчных кодексах и в сирийских, коптских и армянских переводах IV - VI вв.; однако он включен в самый древний христианский катехизис - Дидахе (8 : 2). Речь идет о литургической формуле, которая не была принята латинской церковью, но осталась в греческой церкви и во многих протестантских исповеданиях.

Во многих отношениях для евангелий "царство" уже началось, и его проявления - это новый смысл солидарности и взаимной привязанности верующих, выраженный посредством формул, которые встречаются уже в более раннем по времени вероучении раввинов. Не к Иисусу восходит авторство "золотой нормы": "Не делай другому то, что ты не хотел бы, чтобы сделали тебе". Оно встречается уже у раввинов Гилеля и Гамалиеля. И не случайно этот последний считался учителем Павла. Было, впрочем, неизбежно, чтобы "царство бога", конкретное и реальное для жителей Палестины, идеализировалось в общинах иммигрантов как состояние совершенного добра и братства, которое должно было распространиться на всю землю.

Две концепции сосуществуют в евангелиях. А именно: идея того, что мессия вернулся только, чтобы спасти народ Израиля, что не должно давать "святыни псам", то есть неевреям (Матфей, 7:6); и другая - что его миссия охватывает без изъятия все обездоленные массы окружающего мира.

На земле все суетно и тщетно: в счет идут только сокровища, накопленные на небе в ожидании неизбежного "царства" (Матфей, 7:19 - 21).

Таким путем рождается уверенность в новом братстве людей, которое уже предвещает будущее общество, то, что Павел назовет впоследствии "проекцией тела Христова в общину верующих". Иисус евангелий никогда не говорит о "церкви" в техническом смысле слова; но только о "конгрегации праведных" в приходящем "царстве божьем".

Однако наряду с идеализацией древней монархии Давида, описанной пророками и апокалиптической литературой, в евангелиях мы встречаем также понятие искупления - цены, которую Иисус должен уплатить "за многих" (Матфей, 20 : 28; Марк, 10 : 45), чтобы гарантировать спасение и обеспечить счастье страждущим массам, рабам, обездоленным крестьянам, отчаявшимся людям всего греко-римского мира. Идеальная цена, которую мессия платит своей жизнью, есть не что иное, как перевод в понятия теологии реальной суммы динариев, которую с огромным трудом раб порой мог внести своему господину за освобождение. С давних времен эта концепция, которая будет затем развиваться самостоятельно, вошла в богослужебную практику восточных религий спасения,

основанных на мистерии жестокой муки божества.

Если мессия обречен на смерть, его сохранение в лоне общины гарантируется верой в возрождение, которое является финальным актом всех мистериософских культов: Дионис возвращается к жизни, воскресает Гор, Осирис воскрешается Исидой, возрождается Адонис. Именно этот элемент веры - воскресение - могущественно укрепляется в религии за пределами Палестины и в конце концов берет верх над другими.

К середине II в. Юстин сможет уже возразить противникам христианской идеологии: "Вы слышали, что мы ожидаем царства, и вы составили себе ложное мнение, будто мы подразумеваем это в человеческом смысле" (I Апология, I, 11).

Процесс религиозного отчуждения действительности был с того времени в полном разгаре.

МОРАЛЬ ЕВАНГЕЛИЯ

В области собственно этико-социальной в евангелиях также сосуществуют различные позиции. Постоянно говорят о евангельской морали, но на самом деле речь идет не об одной морали, но о различных и противоречивых нравственных установках, которые отражают различия окружения, об этнической принадлежности, культурной и психологической ориентации авторов евангелий. Мы оказываемся перед лицом очевидного плюрализма религиозных и ритуальных концепций.

Во многих случаях Иисус отвергает еврейский закон. Строгий праздничный отдых иудеев, например, подвергся осуждению, поскольку, "суббота для человека, а не человек для субботы" (Марк, 2:27); он дал понять, что отныне закон превзойден, к минимуму сводится престиж обрядов, и акцент переносится на некоторые моральные правила поведения как на единственный принцип закона ("люби ближнего своего, как самого себя"). Помимо того, Иисус заявляет, что "доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все" (Матфей, 5:18). Фарисеи обличаются за формальное соблюдение ими закона Моисея, однако об источниках учения раввинов, восходящих к эпохе Хасмоне-ев и Ирода, в евангелиях говорится как о не слишком далеких от учения и практики Иисуса. Как видно, в иммиграции все они были забыты.

Вера в общего отца, в соединении с почитанием еврейской традиции, кажется Иисусу вполне достаточной для спасения: "У них есть Моисей и пророки; пусть слушают их" (Лука, 16:29). В четвертом же евангелии утверждается, напротив, что евреи никогда не ведали бога-отца, и практически отвергаются Моисей и пророки: "Все, сколько их ни приходило предо мной, суть воры и разбойники" (Иоанн, 10:8). Вера без упражнения в добрых делах не обеспечивает спасения: как о дереве, "по плодам их узнаете их" (Матфей, 7:16). В то же время именно вера решает все. Без веры нет входа в царство: "Верующий в меня, если и умрет, оживет" (Иоанн, 11 : 25).

"Богатство само по себе вредоносно, только бедные вступят в царство божие" (Лука, 6:20). Богатство влечет за собой осуждение, поскольку "где сокровище ваше, там будет и сердце ваше" (Матфей, 6:21). В Иерусалимском храме была низенькая и узкая дверь, в нее с трудом протискивался человек, ее прозвали "игольное ушко". Иисус изрек, что "удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие божие" (Марк, 10:25). Смысл этого изречения не изменился, когда вдали от Палестины вместо "верблюда" ("камелос" по-гречески) стали читать "каминос" - "толстая веревка", "канат".

Требовалось избавиться от всего, что имеешь, и отдать его бедным (Марк, 10:21). Когда Закхей, крупный сборщик податей, предложил отдать бедным только половину своего имущества, Иисус и его объявил спасенным и указал на его пример (Лука, 19 : 8 - 10).

Следует затем знаменитая "нагорная проповедь" (по другой версии она имела место на равнине).

В ней от "блаженных и нищих" (Лука, 6 : 20 - 23) совершается переход к

"блаженным и нищим духом" (Матфей, 5 : 1 - 12), что предполагает уже значительные уступки. Желать голодному хлеба - это одно, испытывать же "голод" по отношению к справедливости - нечто совсем иное, и утоление его служит слабым утешением для тех, кому нечего есть. Там, где составлялось Евангелие от Матфея, социальный состав общины подвергнулся перестройке, и более невозможно было захлопнуть двери перед богатыми, если они определённым образом свидетельствовали о своей "духовной" склонности к бедности.

Социальная доктрина церкви и до сих пор не освободилась от этого противоречия.

Богатые и бедные в "нагорной проповеди"

Евангелие от Луки (6:20 - 21; 24 - 25)

"...Блаженны нищие духом, ибо ваше есть царствие божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь.

Напротив, горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете".

Евангелие от Матфея (5:3-6)

"Блаженны нищие духом; ибо их есть царство небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся".

Согласно Евангелию от Матфея, прежде чем начать проповедь, Иисус "взошел на гору" (Матфей, 5:1). Лука же говорит, что "стал он на ровном месте" (Лука, 6:17). Рисуется пейзаж Капернаума, на востоке от Назарета, близ Геннисаретского озера: вся география этого района представлена противоречиво.

Порой труд за вознаграждение расценивается презрительно: не заботьтесь о материальных вещах, о том, как вы будете жить, подражайте птицам небесным и полевым лилиям (Матфей, 6 : 26 - 28). С точки зрения этого евангелиста, работа законна: "Ибо трудящийся достоин пропитания" (Матфей, 10: 10). В рассуждениях Матфея - зеркале жизненных условий своего времени - отношения между господином и рабом, сувереном и подданным, земельным собственником и батраками даже не обсуждаются. Торговые операции также выглядят совершенно законными. Кто следует за мессией, покинув дом и поля, получит сторицей в этом мире и в будущей вечной жизни. Подобные же противоречия обнаруживаются в евангелиях по поводу семейных отношений.

Вступление в брак угодно богу; вместе с тем и возвеличивается состояние безбрачия, и прямо восхваляются те, "которые сделали сами себя скопцами для царства небесного" (Матфей, 19 : 12). Союз мужчины и женщины нерасторжим: "Что бог сочел, того человек не разлучает". Это изречение Марка (10:9) воспроизведено также и в Евангелии от Матфея (19:6), который затем, однако, объявляет (и даже дважды) совершенно законным и развод в случае неверности супруги (Матфей, 5 : 32; 19 : 9). Этот принцип был воспроизведен в кодексе Юстиниана. Из него в любом случае вытекает юридическое и моральное неравноправие, в котором раннее христианство удерживало женщину: подобное исключение не предусматривалось в случае неверности мужа.

Во всяком случае, вступление в царство и воскресение разрушали состояние супружества (Лука, 20:35). Более того, тот, кто приближался к Иисусу и не "ненавидел" отца и мать, жену и детей, братьев и сестер, не мог быть его учеником (Лука, 14:26), "Ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!" (Лука, 23 : 29).

Одна мораль утверждает семью, другая ее разрушает.

На бракосочетании в Кане Мария пожелает, чтобы сын совершил чудо,

потому что кончилось вино. Ответ ей не мог бы звучать жестче, чем в Евангелии от Иоанна: "Что мне и тебе, жено?" (Иоанн, 2:4). В смертный час Иисус все же обнаруживает сыновью нежность и поручает мать Иоанну, ученику, "которого любил" (Иоанн, 19:26). Вообще же мать, братья, сестры для него лишь все те, кто следуют за ним.

Не менее значительны в евангелиях антиномии частной и общественной жизни.

С одной стороны, одобрение встречают преданные кесарю граждане, которым надлежит обладание всем тем, что составляет их законную собственность. Таково мнение синоптических евангелий (Матфей, 22: 15 - 22 и ел.). С другой стороны, Иоанн уточняет, что политическая власть идет от дьявола: сатана есть истинный "князь мира сего", и потому он должен быть "изгнан вон" со всеми своими земными приспешниками (Иоанн, 12:31).

Человеку возбраняется судить других; но в то же время освящается существование традиционных судов. "...Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду" (Матфей, 5:22). Чтобы судить ближнего, нужно не иметь самому ни сучка, ни бревна в "своем глазу" (Матфей, 7:4), но лучше не осуждать никого, "и не будете осуждены" (Лука, 6 : 37).

Иисусу, как и всем основателям религий, приписывается множество чудес, которые почти всегда отвечают неудовлетворенным ожиданиям бедняков: умножение хлебов, чудесный лов рыбы, превращение воды в вино, чудодейственные исцеления. Но совершив их в качестве доказательства своих мессианских прерогатив, он "строго запрещал им (ученикам. - Ред.), чтобы не делали его известным" (Марк, 3 : 12).

Таким образом, попытки проникнуть в прошлое, в сущность христианского послания, ориентируясь на логику евангелий и других писаний Нового завета, бесполезны. Главное, что можно извлечь из них, - это факт существования ряда религиозных групп, которые жили в различном социальном и культурном окружении.

Нет возможности обнаружить какую-либо логику там, где преобладают разные ответы на разные вопросы, стоявшие перед бедными и богатыми, евреями и неевреями, ожидавшими великого финального перелома в их жизни.

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ

Эпизоды осуждения и смерти Иисуса вплоть до мельчайших подробностей: пропажа его одежд, уксус, который ему давали пить, сокрушенные покачивания голов в проходившей мимо толпе, отсутствие переломов ног и рана в боку умирающего, - все это подтверждается ссылками на Ветхий завет. Все "сконструировано", чтобы показать, что в страстной муке Иисуса воплотились мессианские пророчества Ветхого завета, римляне же оказались лишь исполнителями их.

К этой версии прибавляется иная, кажущаяся противоречащей первой, а именно: что ответственность за муки Иисуса лежит не на римлянах, а исключительно на евреях. Евангелия отражают влияние того периода, когда христианские общины начали радикально отделяться от еврейских общин и проявили потребность в усилении полемики против этих последних, особенно после окончательного поражения иудеев в 135 г. Поэтому выдвинутое против Иисуса обвинение было прежде всего политическим, а уже потом религиозным: при римской оккупации всякая претензия выступить в роли "царя иудеев" представляла собой мятежный жест, наказуемый смертной казнью.

Какими бы ни были исходные соображения авторов евангелий, то немногое, что добавлено к ним, чтобы придать описанию какую-либо "историческую" достоверность, лишено самой элементарной последовательности.

Прежде всего, арест Иисуса. Согласно синоптическим евангелиям, Иисус был схвачен "толпой, вооруженной мечами и палицами", натравленной на него великими жрецами, писарями и старейшинами, представителями иудейских властей. Кроме них, согласно Иоанну, арест потребовал мобилизации целой "когорты": отряда римских солдат числом 300 человек во главе с их трибуном.

Незадолго до того в Иерусалиме бесчисленная толпа приветствовала Иисуса; но достаточно было предательского поцелуя, чтобы заставить опознать его и передать убийцам.

Далее, образ предателя: это один из "двенадцати", одержимый Сатаной (Лука, 22:3), - Иуда, по прозванию Искарот. Что понималось в действительности под этим прозвищем, которое поддается самым странным интерпретациям? По одному из таких толкований, которые встречаются в кодексах D и N, - и тот и другой весьма важные, - это имя распадается на "Исх-Кариот" - "человек из Кариота". Но такой местности не существует. С филологической точки зрения речь идет, возможно, о семитской транскрипции латинского слова "сикарий" (sikarius), прозвища zelotov. Быть может, это попытка передать разочарование одного из учеников Иисуса, вызванное неудачей восстания? Или мы имеем дело с неким коррумпированным правителем, который приобщился к общинной кассе группы учеников и оказался чувствительным к приманке в "тридцать сребренников"?

Немыслимо проникнуть в сознание составителей евангелий. Что в самом деле достоверно, так это то, что апостол-предатель - один из всех апостолов родом из Иудеи, все же другие - галилеяне. В его имени сконцентрирована горькая досада на иудеев после разделения двух религиозных течений, когда на евреев пожелали возложить всю вину за смерть мессии. Хотя для некоторых теологов Иуда станет впоследствии простым орудием божественной воли, поскольку благодаря ему совершилось таинство спасения.

Затем судебное разбирательство. Верно (и Талмуд подтверждает это), что Синедрион утратил право выносить смертные приговоры за сорок лет до разрушения Иерусалимского храма, то есть около 30 г. н. э. Но тенденция снять с римлян всякую ответственность никогда не была принята всеми общинами первых христиан. Апокалипсис, которым завершается собрание новозаветных писаний, придерживается совсем иного мнения: вина целиком вменяется без всяких оговорок "зверю", который символизирует Римскую империю.

Немногие "исторические" фигуры, которые встречаются в ходе суда, выведены на сцену теми, кто имел очень смутное представление о подлинной ситуации того времени. Таковы великий жрец Анна и его тесть Каиафа, который носил то же имя, что и Кифа, апостол Петр; Ирод Антипа, который вышел из своих земель в Иерусалим, чтобы увидеть мессию; Понтий Пилат, "умывающий руки" и, чтобы не допустить осуждения невинного, предлагающий заменить Иисуса Вараввой. Имя этого последнего, означающее по-арамейски "сын отца", на деле - дубликат одного из мессианских титулов. Варавва изображен выступившим против римлян бандитом, который со своими сообщниками совершил во время мятежа убийство (Марк, 15:7). Какого мятежа? Или и он был зелотом?

Во всяком случае, Пилат помещает Варавву на один уровень с Иисусом. Мы уже знаем один из вариантов текста Евангелия от Матфея, где он назван Иисус Варавва. Ясно, что в описании всего этого эпизода переплетены различные предания.

Теперь о распятии, которое более или менее воспроизводит схему казни бунтовщика. Ничто, однако, не позволяет утверждать, в соответствии с евангелиями, что Иисус был прибит гвоздями к кресту. Эта деталь уточняется только одним апокрифом - Евангелием от Петра, где говорится о том, что были прибиты его руки; и уже во II в. апологет Юстин добавил указание на то, что были прикованы и ноги Иисуса. Согласно Деяниям апостолов, Иисус умер "повешенный на дереве" (5 : 30), в послании к га-латам Павел предполагает ту же процедуру (3 : 13), была и такая форма распятия.

В самом деле, в процессе трансформации Иисуса в "божественного" спасителя человеческие детали, касающиеся его смерти, представляли для верующих все меньший интерес.

Два евангелиста отмечают, что отчаянный призыв Иисуса на кресте, воспроизведенный по-арамейски "Или!

Или! ламма савахфань", "бог мой! бог мой! почему ты пожертвовал мной" (обычный перевод: "для чего ты меня оставил", приведенный Матфеем (27 :46) и Марком, (15:34), лингвистически менее точен), заставил присутствующих подумать, что он призывал пророка Илию. Но подобное созвучие имен невыносимо

в среде, говорящей на семитском языке; оно, однако, было вполне возможно за пределами Палестины.

Наконец, воскресение. Его детали не описаны ни в одном евангелии. И самое древнее из них - Евангелие от Марка их не сообщает. Напротив, о них рассказывают некоторые апокрифические тексты, начиная с Евангелия от св. Петра. В отдельных христианских общинах попросту верили, что Иисус избежал смерти. В так называемых Деяниях Иоанна Иисус является к избранному ученику, который укрылся в одной пещере Оливковой горы, убитый горем и рыдающий, и сказал ему: "Для людей иерусалимских я распят; но, как видишь, вот я с тобой говорю". Эта мысль о кажущейся смерти Христа впоследствии пространно развивалась в теологической сфере целым течением инакомыслящих, прозванных "докетами" (от греческого слова "казаться", "выглядеть", "скрывать правду").

И способ вознесения Иисуса на небо не описан евангелиями. Во II в. послание Варнавы и Евангелие от св. Петра относят вознесение на самый день смерти, а не на сороковую.

В приписываемой св. Петру литературе вера в воскресение рассматривается как необходимость, поскольку посвященные могли считать собственное возрождение обеспеченным. "...Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, и вера ваша". (1 Коринф., 15: 14). Почти в тех же словах жрец Митры уверял вновь обращенного, умащая его священным елеем: "Верь, твой бог воскрес, его страдания гарантируют твое спасение".

Двенадцать апостолов

Апостолов, или "нарочных", "специальных посланцев", двенадцать, столько же, сколько племен израилевых. Имена одиннадцати из них совпадают во всех текстах; имя последнего встречается в двух разных версиях.

Вот их полный список.

Симон, прозванный по-арамейски Цефа ("камень"), и отсюда Кифа в Библии, а в переводе с греческого на латинский язык - Петр.

Андрей, его брат.

Иаков и Иоанн, сыновья Заведя.

Филипп,

Варфоломей.

Фома, прозванный затем Дидимом (по-гречески "близнец", но неизвестно чей: то ли Иуды, то ли Иисуса).

Матфей, именуемый Марком и Лукой также Ле-ви-мытарем ("сборщиком податей"), сын Алфея, согласно Евангелию от Марка.

Иаков, сын Алфея, возможно брат предыдущего.

Симон-Хананей (Зелот). Кананита - в православной Библии.

Иуда Искариот, замещенный после убийства Матфеем (Деяния апостолов, 1 : 26).

Фаддей в Евангелии от Матфея и Марка (Лев-пей в некоторых рукописях), или Иуда, сын Иакова, в Евангелии от Луки и в Деяниях апостолов. Евангелие от Иоанна не перечисляет "двенадцатерых", но называет двух Иуд и уточняет, что второго не следует смешивать с Искариотом (14:22).

В "техническом" смысле слова Павел не был апостолом; но апостолы существовали во всех ранних христианских церквях. Роль "двенадцати" в качестве гарантов сохранения иерархии в общинах средиземноморского мира возникает в сложных перипетиях нарастающего разложения мессианской доктрины иудаистского мира, вплоть до ее превращения в учение об универсальном спасении.

Это и в самом деле было важно для масс, признававших свое положение в этой жизни все более нетерпимым, ничтожным, бесправным, подневольным. Вместе с проекцией их чаяний в мир ирреального образ Иисуса, если он когда-либо имел какое-либо "историческое" содержание, утрачивает всякие отчетливые контуры. Отныне он искупитель, который обеспечит верующим спасение, и не только сыновьям Израиля, но и всем, без различия родины, "иудеям и грекам", как скажет апостол Павел.

ГЛАВА 3

ПАВЕЛ ИЗ ТАРСА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И БОГОСЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ ХРИСТИАНСКИХ ОБЩИН СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО МИРА

В одном из самых оригинальных исследований Фридриха Энгельса, опубликованном в 1894 г., за год до его смерти, в теоретическом журнале немецких социалистов "Нойе Цайт", самые ранние христианские общины, о которых пишет Э. Ренан, сравниваются с местными секциями I Интернационала в первые годы его существования. В самом деле, их сближает народное окружение бедняков и бесправных, и сходная структура, выделенная из совокупности общества, тот же порыв новообращенных, при незначительных организационных возможностях, в одно и то же время передовые и наивные формы взаимопомощи и солидарности в противопоставлении привилегированному и эгоистичному миру.

Сравнение по-своему несомненно справедливое.

Оно может послужить лучшему пониманию атмосферы, царившей внутри общин, которые образовались вне Палестины, в землях, где с давних времен экономический и религиозный кризисы способствовали появлению бродячих прорицателей, сообществ посвященных с разнообразными обрядами и мифами, которые отвечали чаяниям людей, не видевших выхода на земле, сообществ неоднородного национального происхождения, смешанного социального состава.

Вышедшие из Палестины мессианские группы, которых теперь стало модно именовать иудео-христианами, соответствуют именно этой модели. Открытие еврейского центра инакомыслящих в Иудейской пустыне, на берегах Мертвого моря, проливает свет на их идеологию и организационные формы.

В Палестине разделение между свободными и рабами было гораздо менее четко выраженным. Границы между классами были беспощадно жесткими главным образом в восточных районах Средиземноморья, простиравшихся от

Малой Азии до Сирии, Фракии, Македонии, Северной Греции, Египта и включавших также часть относительно плодородных и цветущих зон Северной Африки, колонизированных богатыми фамилиями римских патрициев. Христианская проповедь с самого начала нашла в этих районах свою основную массовую базу.

Упадок сельского хозяйства на Западе, усугубленный тяжкими и кровавыми грабежами во время гражданских войн, происходивших до утверждения принципата Августа, вверг в кризис также и систему латифундий с их устаревшими методами производства. В Италии, Сицилии, Южной Галлии, Испании концентрация рабов была низкой, рабы были распределены преимущественно по наиболее богатым поместьям римской аристократии, италийской и провинциальной. Наметился новый тип крестьянства, по видимости свободного, но обедневшего, которое одолевали покинувшие свои владения землевладельцы и целая свора продажных чиновников. Христианство придет туда с некоторым опозданием.

В I и II вв. н. э. различия между населением города и деревни становились все более заметными. Противоречия между разными категориями городских тружеников и крестьянами, углубившиеся в результате взлета цен на продукты сельского хозяйства, были на руку господствующим слоям. Труд свободных презирался. Желанное освобождение, по меньшей мере на земле, казалось все более трудным делом; сама надежда на веземное счастье была неравной для разных категорий людей: бывших свободных, крестьян-бедняков, городских рабов или рабов в старых латифундиях.

После великого страха, вызванного восстанием рабов во II и I вв. до н. э., имперские власти уделяли особое внимание укреплению железных законов, ограждавших права господ, облегчавших процесс снабжения Рима дешевыми рабочими руками рабов, доставленных из недавно покоренных зон, особенно из Малой Азии, где опустошались богатые районы, когда-то цветущие, а теперь обреченные на нарастающее обнищание.

Перечень товаров, которые Рим до разрушения пожаром в изобилии вывозил

с Востока, - золото, серебро, драгоценные камни, слоновую кость, пурпур и шелка, железо и мрамор, масло, вино, зерно и первосортную муку - дает образное представление о характере господствующих торговых сношений между столицей и Малой Азией. Но важнейшее место в них занимала купля-продажа "тел и душ человеческих", то есть рабов, и Апокалипсис указывает на это (Откр., 18 : 13).

ПЕРВЫЕ ЦЕРКВИ В МАЛОЙ АЗИИ

Последняя по порядку книга Нового завета, но, вероятно, самая древняя, - это Апокалипсис. Его напрасно рассматривали почти исключительно как документ синкретизма иудаизма и астрологии, не связанного с какой-либо определенной социальной и политической ситуацией. Апокалипсис был написан в конце I в. в городских центрах Малой Азии, которые переживали особенно тяжкий гнет чужеземного господства.

Его страницы дышат яростной ненавистью к римлянам, к их союзникам, к развращенным и беспощадным правящим классам. Столица империи уподоблена в нем историческому врагу еврейского народа - "Вавилонии", которая много веков назад уничтожила независимость и поставила под угрозу его религиозную целостность. Кесари тоже чудовищные воплощения сатанинской "бестии". Воспоминание о великом пожаре, который опустошил в 64 г. н. э. значительную часть самых элегантных и аристократических кварталов Рима, жило в экзальтированном сознании как проявление божественного гнева, как знак неминуемого конца света и начала в совсем близком будущем тысячелетней эры справедливости, равенства и главенства "святых", то есть избранных, отождествленных с сыновьями Израиля. По словам автора Апокалипсиса, убитые праведники возмущенно требуют отмщения. "И возопили они громким голосом, говоря: доколе, владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?" (Откр., 6 : 10).

Сожжение Рима

(Откровение Иоанна Богослова, 18:8 - 14)

"За то в один день придут на нее [Речь идет о "великой блуднице" - "Вавилонии", и потому все описания "жилища бесов" (Откр., 18:2) следуют в женском роде. - Прим. пер.] казни, смерть, и плач, и голод, и будет сожжена огнем, потому что силен господь бог, судящий ее. И восплачут и возрыдают о ней цари земные, блудодействовавшие и роскошествовавшие с нею, когда увидят дым от пожара ее, стоя издали от страха мучений ее и говоря: горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! ибо в один час пришел суд твой. И купцы земные восплачут и возрыдают о ней, потому что товаров их никто уже не покупает. Товаров золотых и серебряных, и камней драгоценных и жемчуга, и виссона и порфиры, и шелка и багряницы, и всякого благовонного дерева, и всяких изделий из слоновой кости, и всяких изделий из дорогих дерев, из меди и железа и мрамора, корицы и фимиама, и мира и ладана, и вина и елея, и муки и пшеницы, и скота и овец, и коней и колесниц, и тел и душ человеческих. И плодов, угодных для души твоей, не стало у тебя, и все тучное и блистательное удалилось от тебя; ты уже не найдешь его".

[А. Донини приводит текст католического Апокалипсиса, отличающийся по форме от текста православного Откровения Иоанна Богослова. Он несколько напоминает ритмическую прозу и выглядит примерно так:

И купцы земные восплачут и возрыдают о ней, потому что товаров не купят их больше: грузов аолота и серебра, драгоценных камней, жемчугов и порфиры, и шелка, и багряницы, ...и т. д.

Именно эту особенность перевода объясняет Донини: Метрика этого песнопения основана на принципе параллелизма семитской поэзии: чередовании скорее понятий, чем слов. В прозе времен Павла эта тенденция вытесняется

ритмом скорее ударного, а не музыкального типа, свойственным народному греческому языку того времени.]

Атмосфера, которой насыщено это писание, еще та же, что и в иудаистской апокалиптической литературе. Идеальный град - это "небесный Иерусалим", к которому обращены взгляды тех, кто живет вдали от родных мест, мучимый порой тоской по родине. Спасение - пока еще преимущественно национальное дело. "Святые", которые предстанут перед тронем бога, - это 144 тысячи израильтян, по 12 тысяч на каждое из двенадцати племен ("колен"), неевреи допущены только после них, при условии, что они обратятся в новую веру. Но общины были устремлены к возвращению "сына человеческого", мессии, мистического агнца, который дал себя заклать ради спасения мира и стал жертвой, искупающей все мерзости сильных мира. Эти общины уже были по своей сущности христианскими.

Мститель Иисус, к которому они обращаются, не имеет в Апокалипсисе никаких человеческих черт:

"Глава его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи его - как пламень огненный; и ноги его подобны халколивану, как раскаленные в печи, и голос его - как шум вод многих. Он держал в деснице своей семь звезд, и из уст его выходил острый с обеих сторон меч; и лице его - как солнце, сияющее в силе своей" (Откр., 1: 14 - 16).

Понятно, что в обнищавшей и униженной среде призыв религиозного обращения, переданный христианскими миссионерами по каналам иудаистской иммиграции, реализовался в создании общин, члены которых были связаны друг с другом узами солидарности и взаимопомощи, противопоставленными ударам врага, склонного видеть в ожидании "нового царя", пусть даже небесного, угрозу земному царю, римскому кесарю. Фон этого конфликта уже не тот, что в мессианских группах Палестины. Понятие противостояния выдвинуто здесь людьми иного языкового и религиозного облика, причастными в течение столетий к культам искупления и обрядам чествования страстей, смерти и воскресения бога, будь то Дионис или Атон, Осирис или Гор, Аттис или Митра - все они не слишком отличались от распятого на кресте Христа.

Официальный текст Апокалипсиса, который донес до нас не без явных внутренних несоответствий канон Нового завета, предваряют семь коротких посланий, адресованных церквям, то есть общинам посвященных, возглавляемых "ангелами", которых традиционная герменевтика отождествила впоследствии с епископами. Впрочем, однако, первоначально это слово имело буквальный смысл, сравнимый с будущими "ангелами-хранителями" христианского катехизиса. Итак, речь идет о церквях Эфеса, Смирны, Пергама, Тиатиры, Сард, Филадельфии и Лаодикии. Число семь имеет символический смысл, но города существовали в самом деле и по большей части существуют и поныне.

Описание этих когда-то богатейших и модных центров древних царств Фригии и Лидии, поглощенных административными структурами Римской империи под общим наименованием "провинции Азии", свидетельствует, несмотря на все чисто фантастические детали, о непосредственном знакомстве автора с зоной, которую он имеет в виду. Таковы Пергам с его производством задубленных овечьих шкур для письма; Лаодикея с ее дорогими снадобьями; Тиатира, известная своей керамикой; богатая и ненасытная в одно и то же время Смирна - все это те города, где евангелие распространялось в своем первоначальном виде бродячими проповедниками, апостолами и пророками, которые переходили с места на место, возвещали пришествие мессии в синагогах, пока не были грубо выброшены за пределы страны, в соответствии с той моделью, которая будет затем использована в Деяниях апостолов для рассказа о миссионерских путях Павла и его сподвижников Тита, Тимофея и Варнавы.

Их противниками были, помимо имперских властей, таинственные группы соперников, именуемые в посланиях держащимися учения Валаама и последователями пророчицы Иезавели, которая учила есть "идоложертвенное" и практиковала "любодеяние", то есть допускала смешанные браки между евреями и неевреями (Откр., 2 : 15). Это, таким образом, некий тип христианства, который защищает "чистоту" крайних форм иудаистского вероучения и обрядности

от тех, "которые говорят о себе, что они иудеи, но не суть таковы, а лгут" (Деян., 3:9), говорят о себе, что они апостолы, но являются не ими, а приверженцами "синагоги сатаны". Не будет излишней смелостью усматривать под этими оскорбительными прозваниями тех более откровенных предсказателей, которые предваряли настроения, возникавшие в странах иммиграции, и, стремясь выйти за пределы иудаистской ортодоксальности, оперировали терминами космополитизма, обращаясь к людям иного рождения, то есть к неевреям, как это стало обычным в языке эпистолярных писаний павловского цикла.

На фоне сбивчивых и малопонятных сообщений доступных нам источников вырисовываются очертания христианства, возникшего в конце I в. как религии горожан: наиболее униженных тружеников, рабов, опустившихся людей и, естественно, некоторых элементов из господствующей среды, выходцев из военной и гражданской аристократии, переживавших кризис. В деревню, в среду преданных древним богам и культам крестьян, которые отождествляли их с легендарными временами первобытной общины, христианство сумело проникнуть только много позже, и слово "паганый", "житель пагуса" (pagus - "деревня"), в конце концов стало означать "нехристианский".

Все 43 населенных района Средиземноморского побережья, где в конце I в. можно обнаружить достаточно компактные ячейки христиан (столетием позже их станет 76), носят названия городских поселений. Еще в IV в., в эпоху первых соборов, на тысячу или более восточных и западных епископов приходилось лишь несколько представителей сельских районов.

ДЕЯНИЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ

В Палестине иной среде отвечали и иные организационные формы новой религии. В Галилее, Самарии, Иудее условия жизни раба были менее тяжелыми благодаря обычаю ритуального освобождения каждые семь лет, перераспределению земель каждые пятьдесят лет ("юбилеи") и участию в обязательном отдыхе по субботам. Последнее побудило доблестного Сенеку сожалеть о том, что евреи заставляют общество терять седьмую часть человеческого труда.

В числе свободных мы обнаруживаем на первом плане мелких сельских ремесленников, рыбаков, розничных торговцев и особенно вечных должников крупным землевладельцам и скотоводам - бедных крестьян, задавленных всякого рода сборщиками, ненавистными "мытарями", задержанных религиозными предписаниями относительно "чистого" и "нечистого" и притесняемых жреческими кастами: 12 процентов урожая шло духовенству, столько же - иерусалимским беднякам, то есть по преимуществу тому же духовенству. В эпоху римского владычества в Палестине насчитывалось 18 тысяч левитов и священнослужителей, или "коханим", священников низшего ранга, то есть 3 процента всего населения.

Все евреи по рождению были равны перед законом, но для подавляющего большинства бедняков, людей нищих, но гордых, действительность была совсем иной. Обычным видом их протеста, помимо периодических безуспешных восстаний, были отказ от всякой личной активности, изоляция и уход от мира, тяга к элементарно простым формам общинной жизни, согретой верой в лучшее будущее. Подобным уходом инаковерующих в разгар обширного социального кризиса IV в. стал, как мы увидим, феномен христианского аскетизма.

Среди множества грубых исторических и хронологических ошибок, которыми полны Деяния апостолов, можно различить достаточно подробно обрисованные контуры жизни первых учеников Иисуса, собравшихся в Иерусалиме после его смерти, и рассказ об их первых попытках обращения инаковерующих, особенно эллинизированных евреев, выходцев из разных центров средиземноморского мира, изредка являвшихся в "святой" город для оказания ему материальной помощи и менее тесно связанных с соблюдением общепринятого религиозного закона. Книга Деяний была составлена, когда после разрушения храма Титом в 70 г. религиозная жизнь в Иерусалиме уже прекратилась. Отсюда неизбежная тенденция идеализировать новую общину и представлять ее как своего рода "эталон", скопированный с обычаев эмиграции.

Первичная церковь, согласно Деяниям апостолов, контролировалась "двенадцатью", а также наиболее влиятельными членами семьи Иисуса, среди которых назван Иаков брат господина. Они никогда не называют друг друга христианами; это братья, верующие, ученики, избранники. Они продают свое имущество и распределяют между всеми вырученные деньги, "смотря по нужде каждого" (Деян., 2:45). Однако они жили не вне мира и ежедневно посещали рынки и "святые" места. Собрания их для молитвы и преломления хлеба происходят от случая к случаю, в связи с еврейскими празднествами: праздником кущей, пасхи, а через пятьдесят дней после пасхи - праздником жатвы, посвященным отныне "дарам духа" и "дару языков" ("глоссолалия", или способность объясняться на неизвестных наречиях).

Так мы вступаем в полосу легендарной реконструкции прошлого. Чудесные исцеления и пережитые Иисусом преследования, ответственность за которые возлагается на иудеев, а не на римлян, воссоздают климат эпохи, в которую жил и страдал Христос. Согласно Деяниям апостолов, апостолы спросили Иисуса после воскресения: "Не в сие ли время, господи, восстанавлишь ты царство Израилю?" (Деян., 1:6). Но очень скоро считавшееся временным устройством мира стабилизируется. Выборы семи Диаконів, или помощников, ассистентов, "управителей стола", которые должны следить за более равным "распределением благ вдовам", чтобы избежать несправедливости, дали возможность апостолам заняться "служением слова" (Деян., 6:4); это обстоятельство переносит нас в иной мир, где дают себя знать устроения диаспоры.

Организация благотворительности между евреями, жившими за пределами Палестины, - обычное явление; но в Иудее эта традиция вступила в противоречие с теми примитивными формами потребительского коммунизма, которые как раз были характерны как для ессеев, так и для мессиянистов Кумрана.

В иммигрантской среде понятие "синагога", пришедшее из эллинистического мира, с давних времен означало собрание новообращенных верующих, и только потом этим понятием стали обозначать здание, в котором отправлялась иудейская религиозная служба. Подобный переход значения имел место в термине "церковь" ("экклесия" - "собрание избранных"), как о том свидетельствуют, например, Деяния апостолов. Мы читаем о том, как Павел вместе с Варнавой, отправившиеся из Антиохии в Иерусалим, "быв провожены церковью" (Деян., 15 : 3).

Мало-помалу, по мере того как складывался новозаветный рассказ, возникла проблема распространения привилегий благовещения на неевреев. Вполне очевидно отраженное в Деяниях апостолов стремление примирить идеи тех, кто хотел бы внушить всем уважение Моисеева закона (обрезание, пищевые и брачные запреты, иудаистский ритуальный календарь), и тех, кто, напротив, вел к постепенному отходу от него. Противоположность между ними реальна, но в Деяниях апостолов она отнесена к историческому времени достаточно фантастическим образом. Чтобы понять, какую ситуацию создавали эти дискуссии, надо обратиться к временам, наставшим вслед за падением Иерусалима, после 70 г., вплоть до полного исчезновения национальной целостности евреев в 135 г. при Адриане.

Достигнутый, согласно Деяниям апостолов, к середине I в. компромисс между апостолами и старейшинами, с одной стороны, и группой Павла и Варнавы - с другой, несомненная легенда. Речь идет о решениях пресловутого Иерусалимского собора, с которым церковная история первых веков всегда была связана весьма неясно. "Язычники", или неевреи, которые обращаются в новую веру, получают право не подвергаться обязательному обрезанию, но по-прежнему им вменяется в обязанность отвергать посвященное идолам мясо (то есть мясо животных, распроданное по частям после жертвоприношения в храме" животных, умерщвленных удушением, кровь которых не спущена), а также навязывается запрещение "блудить" - под этим термином иудаистская брачная практика в первую очередь подразумевала смешанные браки (Деян., 15: 19 - 29).

В действительности же обрезание оставалось обязательным в иудео-христианских общинах еще многие века. Что же касается пищевых и брачных запретов, то группа Павла не только не могла их принять, но и

выступала против них в письмах "апостола к язычникам", которые появились после иерусалимских соглашений, даже если принять даты официальной хронологии.

ХРИСТИАНСТВО И БИБЛЕЙСКИЕ ПОСЛАНИЯ

В первичном ядре эпистолярного цикла, вошедшего в канон Нового завета, как раз и отражена трудная борьба идей, сопровождавшая нараставший разлад между христианскими общинами и еврейской традицией, если даже оставить в стороне столь много обсуждавшийся вопрос о формальной точности новозаветных посланий.

Критика выявила вставки, различные редакционные варианты и компилятивный характер этих текстов, дошедших до нас как писания Павла и апостолов Иакова, Петра, Иоанна и Иуды. Но хотя и доказано, что все попытки приложить руку к текстам посланий в большинстве случаев не имеют особого значения, а само составление этого цикла - событие весьма позднего времени, проблема его возникновения остается. Была чья-то рука, которая трудилась над составлением посланий; время же этого труда, однако, отнюдь не невозможно определить.

И снова за условными именами и образами обнаруживаются живые люди, рядовые участники живой истории, а не только отдельные исключительные фигуры; личность безвестных авторов проявляется в их писаниях, столь значительных для знания истоков христианства, что это их значение не умалется ни радикальным филологическим анализом в поисках истоков писаний, ни самой придирчивой исторической ревизией библейских текстов.

Деяния апостолов не изолированы от других новозаветных документов. Они составляют часть целой литературы, возникшей вокруг нескольких наиболее почитаемых персонажей древних церковных преданий. Авторство Луки, ученика Павла, - безусловно легенда, так же как и то, что он автор третьего евангелия: отличия текстов Деяний апостолов от остальных писаний и по стилю, и по описанной в них среде, и по умонастроению исключают общность их редакции.

Это рассказ с явными назидательными и миссионерскими установками, и подобных ему существовало множество.

Возникали настоящие циклы Деяний, приписывавшиеся, помимо Петра и Павла, Андрею, Филиппу, Фоме и Фаддею. Большая часть этих текстов утрачена или сохранилась в обрывочных переводах, поскольку официальные власти относились к ним с подозрением, встревоженные обилием несхожих с каноном идей, как это случилось почти со всеми апокрифами Ветхого и Нового заветов. Достаточно вспомнить очаровательную маленькую новеллу, известную как "Деяния Павла и Феклы", обильно сдобренную чудодейственными событиями, в которой рассказывается история одной девушки благородного происхождения, оставившей семью и богатство, чтобы следовать учению своего учителя и разделить с ним тяжкие жизненные испытания. Не было редкостью в духовном климате первых трех или четырех веков, что христианские проповедники брали в компанию в свои скитания набожных отроковиц, названных позже "приобщенными девами" (*vir-gines suintroductae*) или "сожительствующими девственницами". Они задали иерархии немало хлопот, пока не были решительно запрещены.

Помимо глав, в которых описываются палестинские общины, Деяния апостолов содержат и другие, написанные другой рукой и содержащие воспоминания или указания на предшествующие события. Это так называемые "отступления": автор пользуется первым лицом множественного числа, чтобы пересказать события, в которых он принимал участие вслед за Павлом. Действие охватывает северную часть Палестины, Сирию, переходит затем в Малую Азию, Фракию и снова возвращается в Иудейскую землю.

Весь цикл обрывается на эпизоде ареста Павла римскими властями, которые на деле якобы хотели спасти его от осуждения синедрионом, используя обращение Павла к кесарю, на которое тот имел право, будучи римским гражданином. Далее следует рассказ о переводе Павла в столицу. Финал истории

Павла вошел в легенду в различных вариантах: одно предание заставляет Павла погибнуть во время разгула жестокостей Нерона, другое впоследствии сообщит о том, что он продолжил свои миссионерские странствия на Западе и добрался до Испании. Все это не имеет ничего общего с первоначальным повествованием.

Создается впечатление, что и последняя часть Деяний апостолов была составлена много времени спустя после событий, о которых она сообщает, исходя из Павловых писаний, и случилось это в первой половине II в.

"Исторические" рамки Деяний апостолов оформились весьма поздно, и намечены они позднейшими редакторами. Мы читаем в них, что император Клавдий якобы "повелел всем иудеям удалиться из Рима" (Деян., 18:2), но известие это заимствовано у Светония, который писал около 120 г. и искажал факты; Клавдий, как известно, ограничился только наложением некоторых запретов на иудаистскую пропаганду в иммиграции в трудный для своего принципата момент. Упоминается Луций Гвиний Галлион, проконсул Акко, который, согласно одной дельфийской надписи, был назначен на должность в 52 г. н. э. Речь, однако, идет о некоем брате Сенеки, которого легенда всегда пыталась поставить в связь с Павлом, вплоть до измышления (не ранее IV в.) обмена посланиями между ними.

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЦИКЛ ПАВЛА

Кто бы ни был автором тринадцати посланий, которые вошли в Новый завет как послания Павла, главный их смысл в том, что Павел имеет апостолом в том смысле, который этот термин приобрел в общехристианском масштабе к концу I в., когда он был связан с равными, если даже не с большими прерогативами, чем те, которыми обладали претенденты на знакомство с мессией, - таких людей Павел не без иронии называет "столпами" иерусалимской церкви.

Для Павла жизнь Христа на земле не представляла интереса; что на самом деле было важно с его точки зрения - это не мессия, "водворенный в теле" (то есть воплощенный во плоти) (2 Коринф., 6), но мессия, преображенный в мистерию спасения. Павел - апостол, потому что видел Христа духовными глазами через несколько лет после его "явления" другим приверженцам.

Предание рисует Павла рожденным в строгой иудаистской вере: обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев, по учению фарисей (Филипп., 3 : 5).

Однако все его послания адресованы иммигрантским общинам Коринфа, Эфеса, Филипп, Колосса, Фессалоник, Галатии, Рима. Из иммигрантской среды происходила также его семья: из Тарса, столицы Киликии, с давних пор славившейся производством льна, но обедневшей под римским владычеством. Это был центр особого культа спасения, возникшего из почитания древнего бога Тарку.

Ученик знаменитых раввинов, преследователь первых ячеек христиан в Палестине, Павел обратился, по преданию, в веру в "новое благовещение" и очень скоро стал одним из его самых бескомпромиссных толкователей. В одном из любопытных мест Деяний апостолов римский трибун Клавдий Лисий путает его с "бандитом" Тевдой, обезглавленным римлянами после неудачи восстания в пустыне. Его учение проистекает не из человеческого источника (Деян., 26:14 - 18), но прямо от божественного вдохновения; из него он черпает и мотивы тягот, которые он был обречен перенести.

Более всего поражает в эпистолярном цикле, связанном с именем Павла, развитие некоторых положений доктрины, которые не были предустановлены ранее, - догматических и обрядовых правил, разрабатывавшихся от случая к случаю, в зависимости от обстоятельств. Ясно, что тут мы сталкиваемся с реальным опытом.

Верующим Фессалоник, важного центра путей сообщения между Востоком и Западом, нынешних Салоник (выпадение первого слога вызвано влиянием турецкого произношения - таким же образом Константинополь был сведен в Стамбул), Павел указывает, что возвращение мессии на землю, конечно, близко,

но не неизбежно. Поэтому они не правы, оставляя труд и живя на средства более имущих членов общины. Это задерживает развитие финальной драмы и тормозит начало апостазии, или всеобщего возмущения, которое должно предшествовать приходу Антихриста, как сказано в синоптических евангелиях; существует, следовательно, в сознании современников что-то такое, что удерживает копившуюся с давних времен ярость от проявления во всей ее силе.

Все это - таинственные намеки, о них говорится едва различимо. Но одно послание Плиния - письмо молодому императору Траяну, написанное в 111 г., помогает нам распутать этот клубок загадок. Обнаруживается, что часть римского государственного аппарата колеблется, выполнять ли требования правоверных евреев и разъяренного плебса, которые хотели бы разом подвергнуть осуждению всех христиан как врагов существующего порядка и виновников наихудших злодеяний. Некоторое время, таким образом, жизнь шла по-прежнему, своим чередом со всей ее рутинной. Все оставались на своих местах и поддерживали существование своим трудом согласно правилу: "Кто не хочет трудиться, тот и не ешь" (2 Фес, 3 i 10), но не отягощай общину.

Но если царство еще далеко, какова будет судьба тех, кто умрет до его явления? Смогут ли и они приобщиться к нему? И этот пункт, который станет впоследствии предметом систематической теологии, рассматривался чисто казуальным образом: пусть верующие будут спокойны: те, кто "уснут" до наступления дня второго пришествия, воскреснут в нужный момент и вступят со всеми остальными в мессианское царство.

УСЛОВНАЯ МОРАЛЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИММОБИЛИЗМ

То же самое можно сказать о тех аспектах христианской морали, которые были кодифицированы церковью, превращены в суровые моральные нормы и в конце концов приобрели самостоятельную ценность. Состояние безбрачия (целибат, то есть полный отказ от половых отношений, в том числе и брачных, в соответствии с этими нормами) признавалось наиболее соответствующим задаче достижений совершенства. В центральной части павловского эпистолярного цикла вопрос этот поставлен совсем иным образом. Время бежит быстро, финальная развязка близка, "ибо проходит образ мира сего" (1 Коринф., 7:31). Перед лицом неизбежных испытаний предпочтительно, чтобы все были свободны от семейных уз, но это не "повеление господне" (1 Коринф., 7 : 25 - 26). Если у кого есть жена, то "мужу не оставлять жены своей", у кого нет ее - "хорошо им оставаться, как я", следуя примеру апостола. Но если кто не может иначе, "пусть вступает в брак" - это лучше, "нежели разжигаться" (1 Коринф., 7:8 - 10). Родители пусть выдают своих дочерей замуж; но если они не делают этого, "хорошо поступают" (1 Коринф., 7 : 37).

Подобные советы соответствуют, мы бы сказали, переходному времени. После длительного периода приспособления, когда ожидание "парусин", или второго пришествия Христа на землю, затянулось, от временных директив такого рода перейдут к жестким предписаниям целибата ("девства"), которые до сих пор властвуют над столь значительной частью католического мира, особенно же над священниками и женщинами, которые в наибольшей мере испытывают на себе обратное действие этико-религиозной дискриминации нехристианских норм жизни, введенной христианами.

В посланиях Павла - отметим это обстоятельство - отказ от супружества диктуется не аскетическими оценками. В первом послании Тимофею прямо говорится (надо сказать, что одно это свидетельствует против единого авторства посланий Павла), что епископ, глава общины, должен быть женат, но только первым браком (Тим., 3:2) это правило и по сей день действует в православной церкви.

В латинской церкви дела пошли совсем в ином направлении.

Не менее показательны ответы на другие запросы современников, в которых отражаются проблемы момента и внутреннее устройство различных общин того времени.

Возможно ли обращение в государственные суды? Может ли быть прощен член

церкви, который запятнал себя особенно неприглядными проступками? И должен ли верующий или верующая, которых после обращения покинула супруга либо оставил супруг, воздерживаться от вступления в новый брак?

По всем этим пунктам мнение апостола бесспорно отрицательное.

Христиане, которые "будут судить мир", не должны обращаться к какой-либо внешней по отношению к церкви судебной власти, чтобы решать свои "маловажные дела житейские", поскольку "поставляют" своими судьями "ничего не значащих в церкви" (1 Коринф., 6 ; 1 - 4). Более серьезные нарушения автоматически исключают грешника из жизни общины, и нет этому исключенному возврата назад в общину (1 Коринф., 5 : 11). Брак между верующими и неверующими может быть спокойно расторгнут (1 Коринф., 7: 15): это как раз тот случай развода, который позже войдет в канонический кодекс под названием "Павловой привилегии". Но ясно, что в посланиях Павла не ставилось никаких доктринальных вопросов: было только стремление найти решение казусам, которые возникали время от времени и всегда решались с точки зрения преходящего характера жизни на земле.

Был и другой большой вопрос о действительности или недействительности для христиан некоторых ритуальных Предписаний, унаследованных от иудаизма: обычай обрезания, который Павел решительно отвергает, смешанные браки между евреями и неевреями, которые мораль раввинов рассматривала как акт нарушения чистоты закона, и особенно - потребление в пищу посвященного "идолам" мяса, которое после посвящения идет в продажу на рынок.

В послании к галатам сурово осуждается Кифа, то есть Петр, поскольку по отношению к этим пищевым запретам он вел себя двойственно, "лицемерно" (Галат., 2:11 - 14). Этот мотив - отметим попутно - входит в складывавшуюся тогда враждебную главному представителю "двенадцати" традицию: даже в евангелиях Петр представлен как человек маловерный, робкий, способный отвергнуть мессию при первой опасности. Однако в другом месте эпистолярного цикла сам Павел советует примерно такое же приспособительное поведение: "...если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек" (1 Коринф., 8: 13).

В итоге многих дебатов и колебаний эти ограничения были объявлены излишними для христианина, поскольку они порождены древним законом Моисея. Отсюда возникла причудливая и в значительной части произвольная доктрина отношений между трудами человека вообще и верой, которая будет затем столетиями терзать сознание теологов, начиная с первых "гностиков" до Августина, от средневековых номиналистов до Лютера, поборника исключительных прерогатив веры по отношению к этическим и обрядовым предписаниям римской церкви.

Столкновение Павла и Петра (Кифа) относительно Пищевых запретов

(Послание к галатам, 2:11 - 15)

Когда же Петр [В этом отрывке из православной Библии Петр именуется своим именем, а у Донины воспроизводится имя Кифа, как в католическом варианте писания. - Прим. пер.

В католическом тексте: "...я выступил против него лицом к лицу, потому что он вел себя предосудительным образом" (Галат., 2 : 11). - Прим. пер.] пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию [Воспроизведенная автором редакция отличается от этого текста: "Мы, иудеи по рождению, а не грешники из колена языческого, знаем, что человек делается праведным не делами закона, а верой в мессию Иисуса". Отсутствующая в этой редакции часть фразы, содержащаяся в тексте православной Библии, приведена в квадратных скобках. - Прим. пер.].

Ибо до прибытия некоторых от Иакова ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием.

Но когда я увидел, что они не прямолюстуют по истине евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи иудеем, живешь по-язычески, а не

по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?

Мы по природе иудеи, а не из язычников грешники.

Однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, [и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона...].

В области общественных отношений ощущение временного характера общинных структур, порожденное ожиданием "грядущего мира", выразилось в пассивности и незаинтересованности в происходящем: "Каждый оставайся в том звании, в котором призван". Если ты раб, не пытайся изменить свое положение, даже если ты имеешь возможность освободиться, не пользуйся ею.

Социальное учение Павла

(Первое послание к коринфянам, 7: 20 - 24)

Каждый оставайся в том звании, в котором призван.

Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в господе, есть свободный господа; равно и призванный свободным есть раб Христов [В приведенном А. Донины варианте мысль иная (чем и вызвано его толкование выше): "Призван ли ты, когда ты раб? Не заботься о том; окажешься в состоянии стать свободным - лучше продолжай служить, ибо раб, призванный в господе, есть свободный господа, равно и призванный свободным есть раб мессии" (1 Коринф., 7: 21 - 22). - Прим. пер.].

Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков. В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся перед богом.

В другом послании, несомненно появившемся несколькими десятилетиями позже, назидание на этот счет еще более безапелляционно и без мессианских обоснований: "Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу" (Ефес, 6:5). Когда же раб Онисим, который понял равенство в изложении евангелий буквально, бросил своего богатого господина и стал искать защиты у апостола, - бегство раба наказывалось римским правом смертью, - Павел препроводил его назад с письмом, которое сохранилось в эпи-столярии, призывая господина проявить снисходительность к беглецу, если он "чем обидел" хозяина (Филист., 12:18).

То же самое можно сказать и о почитании императорской власти - в противоположность яростной оппозиции других христианских групп: "Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога" (Римлян., 13:1). Так начинается обрисовываться процесс укоренения христианства в мире, приведшего затем к эре Константина.

Женщина ничего не выиграла в ходе этого процесса. Напротив того, состояние приниженности, в котором она удерживалась в обществе, укрепляется. Жена подчиняется мужу, "потому что муж есть глава жены" (Ефес, 5:23). Обнаруживаются даже неожиданные обращения к еврейскому законодательству, которое в других случаях объявляется превзойденным. Так, Павел прибегает к рассказу о сотворении мира в книге Бытие, чтобы подтвердить непонятное положение о том, что не муж происходит от жены, а жена (женщина) от мужа, а потому в общине она должна носить на голове знак своего повиновения - покрывать голову (1 Коринф.. 11 :3 - 12).

Но именно в соответствии с обычаями иудаизма замужние женщины не могут выходить на люди не покрыв головы. Павел добавляет, что, если они этого не сделают, они утратят уважение ангелов, порождая в них нечистые побуждения. От этих бредней и родилось обыкновение не допускать женщин в церковь без головного убора и обречь вдов и монахинь на ношение платков.

Итак, безразличие к рабству, повиновение действующим властям, принижение женщины по отношению к мужчине в ожидании, что поправленные на земле права будут обеспечены всем в "ином веке". Изречение Павла о том, что "нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни

женского" (Галат., 3:28), должно быть переосмыслено в религиозном смысле ("ибо все вы одно во Христе Иисусе") и понято в его реальном смысле. Те же евреи могли достичь спасения только после того, как "полное число язычников" (Римлян., 11:25) войдет в царство.

Мир, на который эти послания ориентируют верующего, ирреален, что и позволяет сохранять в земном мире все его несправедливости. Говорить поэтому о христианской социальной доктрине, что она якобы идет дальше социального учения марксизма, о чем нередко можно слышать, попросту бессмысленно; это выпад, который не имеет под собой ни малейшего основания.

Религиозная мораль могла предложить лишь перспективу добровольного принятия того, что было навязано человеку обществом.

АНТИТЕЗА ПЛОТИ И ДУХА

В условиях жесткого классового деления общества, которым отмечен античный мир и которое продолжает еще и сегодня воздействовать на общество в иных формах, провозглашение мифического освобождения, неизбежного в грядущем на земле царстве, представляло собой факт исключительного значения. Во всяком случае освобождение было обещано в вечном блаженстве "рая" - сада, о котором грезил древние персидские народности, мечтавшие о вознаграждении за бесплодие окружающей их природы. Мечта эта была передана через иудаизм христианству и исламу. С одной стороны, весть о спасении способствовала нарастающему кризису ощущения безопасности у власть имущих и их уверенности в постоянстве их привилегий; с другой - она создавала идеологическую основу возможного изменения условий существования человека. Религиозная надстройка, даже "отчужденная" в мир ирреального, всегда представляет собой реальный факт, воздействующий на развитие самого общества и следующий в русле законов экономики и производства, которые определяют это развитие.

Искупительное значение распятия мессии - "для иудеев соблазн, а для еллинов безумие" (1 Коринф., 1 : 23), - которое в эпистолярном творчестве, приписанном Павлу, рассматривается как фактор разрыва Иисуса с окружающим миром, легко воспринималось широкими массами рабов, которые видели в нем сублимацию своего социального унижения, коль скоро некое божество приняло на себя их мучения. Сам бог захотел, чтобы Иисус, его "гонимый раб", согласно представлениям Исаяи и поздних пророков Израиля, стал героем драмы спасения. Но верующий оказывался перед лицом господина в отношениях, аналогичных отношениям раба и господина.

Переосмысление в метафизической сфере реальных классовых отношений способствовало более гибкой ориентации рабовладельческой системы в канун ее гибели в результате экономических и социальных, а отнюдь не религиозных потрясений.

Однако столетиями христиане избегали изображать в местах совершения своих обрядов Христа, подвешенного на кресте: рисунки Христа и креста встречаются раздельно и никогда не соединяются. Какое-то устойчивое социальное замешательство, на которое указывает Павел, продолжает сказываться вплоть до середины V в., когда на вратах базилики св. Сабины в Риме, на Авентинском холме, впервые в искусстве появилось изображение распятого бога.

Перенесение в область идеологии представлений о подчинении, в котором удерживалось большинство людей, что способствовало появлению потребности в глубоком преобразовании всего образа жизни. Осознание этой потребности выражается уже в евангелиях. Греческий термин "метанойя", употребляющийся в них, и означает "изменять образ мыслей", в конечном счете - "обращаться в иную веру".

На базе религиозного и нравственного опыта общины, когда ожидание конца начинает ослабевать, конфликт между поработенными и поработителями, бедными и богатыми, между светом и тьмой превращается у Павла в контраст между "плотью", понимаемой как сущность зла, и "духом", божественным элементом человека. У него еще не сложился тот абсолютный дуализм, который превратит

впоследствии человека в пассивный объект борьбы между неземными силами, как это имело место в гностицизме во второй половине II в. Но мысль Павла уже настолько близка к этому, что не исключена возможность более поздних интерполяций различных авторов в текстах священного писания.

Типичным для гносиса является признание наряду с категориями "иле" - материи и "пневмы" - духа третьего элемента: "псюхе" - души, или жизненного дыхания. Отсюда та трихотомия, которая займет затем видное место в христианской антропологии вплоть до формирования представления о трех последовательных фазах человеческой истории, сформированного под воздействием в числе других учений и доктрины троичности.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПРИЧАСТИТЕЛЬНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

Все люди подразделялись в соответствии с принципом трехчленного деления на плотских, пси-хичных и духовных.

Павел не сомневается, что первые - это те, что живут погруженные в потребности материальной жизни; вторые еще чувствуют себя связанными нормами формальных предписаний, действующих внутри общины; и только духовные отмечены благодатью. Всякое их действие превращается в доброе деяние, даже без того, чтобы они сами это осознавали.

Речь идет о неисповедимом выборе. Сам по себе человек предрасположен всего лишь к "рабству греха": он не творит добра, которого хотел бы, но, напротив, предрасположен делать зло, которого бы не желал причинять (Римлян., 7: 14 - 25). Потому и дан человечеству богом закон, чтобы оно убедилось в своей неспособности управлять самим собой в соответствии с собственными нормами и отдалось бы с доверием воле бога. Кто исключён из этого состояния избранности, тот погибший человек.

Мы вступаем здесь в область теологического детерминизма. Абстрактные богословские изыскания, впрочем, в то время еще не начались - они были бы тогда смехотворны; за идеей божественного предначертания, утверждавшейся в страстных и бурных спорах, просматривается лишь тот факт, что в правовой и нравственной структуре общества что-то не ладится и новый путь не только возможен, но и неотвратим.

В господствовавших в греко-римском мире условиях "предназначенные" неизбежно осмысливали преобразования в мире в их религиозном выражении, а не в области конкретных экономических и социальных отношений. В известных пределах даже идеология Павла могла восприниматься как стихийный отклик "отчужденного" человека на вопросы гражданского общества, на историчность реальной жизни.

Несовместимость веры и закона аргументировалась при помощи целой серии софизмов, которые предвосхищали методологию талмудистов. Этот метод очевиден в двух наиболее значительных посланиях всего эпистолярного сборника! к общине галатов в центральной зоне Малой Азии и в письме к римлянам.

Павел движется в русле иудаистской традиции, и закон для него - это то, что передано евреям в Писании, то есть в Ветхом завете. Патриарх Авраам рассматривается, однако, в качестве родоначальника "колена" христианского, поскольку он верил в обещание Яхве до того, как были обнародованы законы Моисея. Обращенные, каково бы ни было их национальное происхождение, - это новые "сыны Авраама", настоящие иудеи.

Подобное убеждение в чем-то соприкасается с расизмом - расизмом "наоборот". Павел распространяет на христианские общины идею этнической исключительности, которой были так горды иудеи средиземноморской диаспоры. Христиане, наследники и последователи иудеев, сравнивались с ветвями дикой маслины, привитыми к стволу маслины домашней, чтобы заставить вновь зацвести старое дерево (Римлян., 11 : 17 - 24). По этому пути христиане пойдут очень далеко, вплоть до превращения божества Ветхого завета во врага человечества, злого бога, что и будет затем объектом спекуляций Маркиона и гностиков.

И сам Христос мало-помалу отдаляется в Павловых посланиях от просто мессианской фигуры первых писаний.

Человек осужден умирать из-за грехопадения Адама, хотя его грех еще не акт вожделения, как скажет впоследствии св. Августин, а уход от некоторых ревнивых норм, навязанных богом патерналистского типа, аналогичным Юпитеру греческой мифологии, который жестоко карает Прометея за то, что тот открыл людям секрет огня. Христос - это "новый Адам", который своим самопожертвованием, "дорогой ценою", выкупил человека у смерти (1 Коринф., 7:23), - экстравагантная, но тотчас воспринятая угнетенными слоями концепция.

Благодаря обряду крещения верующий умирает для мира, освобождается от "прежнего человека" и обеспечивает себе выживание в результате воскресения из мертвых. Для Павла крещение лишь акт веры, свидетельство того, что "смертное сие облечется в бессмертие" (1 Коринф., 15:54); без этого испытания верующие "пропадут", в том числе и те, кто уже умерли. Таково настоящее кредо новой веры. Однако посвященные в иные культы спасения рассуждают точно так же.

Причастительное богослужение восстанавливает некоторые древние иудаистские традиции, отмеченные также в манускриптах Мертвого моря. Но ему присущ и обряд священной трапезы мистических религий, в которых осуществлялся мистический союз индивида с богом. Реальное присутствие Христа связывается, впрочем, с нравственным поведением участников трапезы. Если в их среде возникает разлад, если обнаруживаются достойные осуждения поступки, если среди сотрапезников оказываются такие, что едят досыта, оставляя других голодными, священная вечеря лишается всякого значения. В таком случае, "кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе" (1 Коринф., 11 :29).

Официальное освящение священнослужителем хлеба и вина еще не практикуется.

Причастие по Павлу - это коллективный обряд, основанный на взаимной солидарности любви. Греческий термин "агапе" - "коммуна с культом мистерий" - вскоре станет обозначать само собрание верующих для братской вечери еще до того, как примитивная литургия превратится в таинство. Слово "таинство" (sacramentum - перевод на латинский язык греческого слова "мистерия") первоначально означало обряд посвящения, инициации.

Взгляды Павла принимались не всеми.

В некоторых местах его эпистолярного цикла звучит эхо ожесточенных споров между соперничавшими проповедниками, столкновения чувств, которые можно счесть чем угодно, но только не благожелательным порывом. Таков Аполлос, с уважением поминавшийся в раннехристианские времена, - еврей из Александрии, "муж красноречивый и сведущий в писаниях", который был "наставлен в начатках пути господня" (Деян., 8 : 24 - 25), гневно обличенный, однако, апостолом Павлом в двух посланиях к коринфянам за его чисто аллегорическое толкование учения о спасении - в духе "мудрости мира сего". Павел прибег к игре слов, понятной только говорящим на греческом языке, и назвал его последователей среди христиан Коринфа "аполлуменой" (ср. имя толкователя - Аполлос. - Пер.), что означает "осужденные", "проклятые" (1 Коринф., 1:18) [В русском тексте православной Библии - "погибающие". - Прим. пер.].

Борьба против Павла продолжалась в течение всего второго столетия.

Почти все писания, возникшие в Малой Азии, такие, как послания Варнавы и Игнатия или мартиролог Поликарпа, следовали его учению. Те же, что происходили с "римского запада" (как, например, авторы послания Климента или авторы "Пастыря" Гермы), отражают иные умонастроения. В конце концов происходит слияние обоих течений, и учение Павла принимается впоследствии большинством церквей, хотя и не без эпизодических, но показательных противоречий.

КАТОЛИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ

Приписанное Павлу эпистолярное наследие, отредактированное в соответствии с достаточно распространенными в ту эпоху формальными

литературными правилами, содержит главным образом послания отдельным общинам: Фесса-лоники, Коринфа, Эфеса, Филипп, Рима. Небольшое число писем составляют так называемые "пастырские послания", предназначенные некоторым ученикам и сотрудникам апостола и адресованные им в назидательных и организационных целях; это два послания Тимофею и одно Титу - членам образовавшейся вокруг Павла группы.

Эти послания весьма безличны, так как содержат общие указания относительно управления общинами и предостерегают против "ложных наставников", коррупции и религиозного и общественного неповиновения. На почве вероучения они в основном придерживаются линии Павла. Может быть, поэтому они и дошли до нас, попав в канон вместе с другими, хотя налицо большие расхождения в их стиле, языке и религиозном настроении.

Аналогичного типа послания, но только отражающие еще более позднюю стадию развития, получили наименование "католические", то есть универсальные, всемирные, обращенные ко всем верующим диаспоры, а не только к живущим в определенных городских центрах или к индивидуальным адресатам. Традиция приписывает их нескольким апостолам: одно Иакову, два Петру, три Иоанну и одно Иуде Фаддею. Это воспитательные и нравоучительные послания, отражающие весьма различные ситуации и взгляды.

Более близким к настроениям бесправных и обездоленных социальных слоев является послание, адресованное "двенадцати коленам, находящимся в рассеянии" (Иаков., 1:1), которое с первых же строк обнаруживает четко кудаистскую ориентацию. Оно приписывается Иакову, хотя недостаточно ясно, Иаков ли это "брат Иисуса" или Иаков, замученный при Ироде Агриппе, о чем сообщается в Деяниях апостолов (12: 1 - 2), либо кто-нибудь из многих персонажей, известных в истории церкви древнейших времен и носивших то же имя. Оно известно яростными обличениями богатых и угнетателей: "Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и пожрет плоть вашу, как огонь" (Иаков., 5:3) - и настойчивыми призывами к "делам", то есть к нравственным и обрядовым действиям ради достижения спасения. о

В отличие от тенденции, связанной с именем Павла, в этом послании говорится, что "вера без дел мертва", как "тело без духа мертво" (Иаков., 2 : 26). Характерно также радикальное переосмысление образа Авраама. В послании к римлянам библейский патриарх приводится в пример оправдания одною верой; здесь же эта идея скрыто оспаривается на том основании, что без участия в "делах", которых требует Яхве, и в частности без жертвоприношения на алтаре собственным сыном, Авраам никогда не был бы спасен (Иаков., 2 : 21).

Осуждение богатых

в Послании Иакова (5:1 - 6)

Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни. Вот плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха господина Саваофа. Вы роскошествовали на земле и наслаждались; питали сердца ваши, как бы на день заклания. Вы осудили, убили праведника; он не противился вам.

Дискуссии о словах и делах отражают мыслительную работу общины, которая еще не полностью освободилась от взглядов прошлого. Сами такие споры по значению и содержанию в то время опережали конкретный момент процесса этого освобождения.

В самом деле, конфликт вероучений восходит к наиболее критическому периоду истории христианства, ко временам Августина, занявшего враждебную позицию по отношению к традиционной этике монаха Пелагия. Он вновь возник с особой силой вместе с Реформацией XVI в., когда разрыв с иерархической дисциплиной стал выражением надежд на освобождение и самостоятельность новых, поднимающихся слоев буржуазии. Не случайно Лютер заявил в свое время,

что послание Иакова, хоть оно и включено в число боговдохновенных писаний, это просто-напросто "пугало", "чучело".

Совсем иного рода проповедь, лишенная обычных признаков эпистолярного жанра, представлена так называемым посланием к евреям. В нем нет указаний ни на отправителя этого письма, ни на его адресата, отсутствуют всякие формулы приветствия в начале его и в конце. Оно похоже на небольшой теологический трактат, наполненный доводами талмудистского толка, в которых Иисус представлен как "великий священнодействитель" нового порядка мира, гораздо более значительный, нежели традиционный мессия: вспомним, что то были времена разрушения Иерусалимского храма, когда уже не существовало прежнего иудаистского духовенства. Жертвенная смерть Иисуса, предсказанная священным писанием, сделала его в этих условиях достойным "большой славы пред Моисеем" (Евр., 3:3).

Предание, отнюдь не единодушное, приписывало это послание тому же Павлу, но и по стилю и по литературному ритму, не говоря уже о его идеях, оно глубоко отличается от других посланий павловского цикла. Автор отождествлялся то с одним, то с другим более или менее мифическими персонажами истории первых двух столетий нашей эры, действовавшими в среде, которая еще была чувствительна к памяти о прошлом иудаизма, когда крушение еврейской нации стало фактом.

Было бы ошибкой видеть за всей этой литературой какую-либо однородную общественную и культурную среду, которую определяли воззрения одних только выходцев из самых униженных слоев общества. Напротив, Павел был ремесленником, делавшим шатры, Кай имел дома в Коринфе, Стефан был "первенствующим в Акко", Эраст был казначеем города. Процесс их превращения в христиан восстановить не так просто.

Можно думать о неясном ощущении упадка, экономического оскудения, духовной изоляции людей, существование которых целиком зависело от неподвластных и даже непонятных им политических событий. По сути дела, это было то же самое состояние души, которое побуждало отпавшие от господствовавших классов группы увлекаться лишенными предрассудков идеологиями - эпикуреизмом, стоицизмом, кинизмом. Нередко эти учения приобретали характер проповеди, которая дискредитировала официальный культ, причем настолько, что вызывала обвинения в атеизме сторонников этих учений. "Долой эпикурейцев и христиан", - скажет однажды некий историк конца II в.

Эти учения тоже в принципе не одобряли рабовладение, но не шли дальше бесплодных призывов к милосердию и состраданию. Никто из их приверженцев не проповедовал идею отрицания всякого классового деления, идею всеобщего равенства, пусть даже в ином мире. По отношению к религиям мистерий, которые обещали посвященным счастье и оформляли это пророчество наивными красочными церемониями, отправлявшимися в закоулках эллинистических городов и в трущобах "красного пояса" Рима, вышеназванные учения питали чувства презрения и сострадания, которые затем обратили на христианство. Их сторонники не пренебрегали сотрудничеством с местными властями, особенно в тылах имперских армий, постоянно наносили удары группам инакомыслящих, выявляя и предавая трибуналам христианских провидцев, которые отка-зывались подтверждать свою лояльность властям и на тайных собраниях встречались с подозрительными заговорщиками.

В их отношении к христианству, еще до того, как его стали рассматривать как серьезную опасность для государства (это случилось только к концу II в., когда давление "варварских" народов на границах империи стало более грозным и в Галлии, и на Дунае, и в Сирии, и в северных районах Малой Азии, на Понтийском море, в Вифинии, Армении), проявлялись уже мотивы той ожесточенной полемики, которую вели во имя римского мира выразители интересов господствующего общества: Цельс, Порфирий, Иерокл, Юлиан, Симмах.

Обедневшие слои, волнуемая масса рабов, осознававших свое подчиненное положение, дезорганизованные ремесленники и рабочие видели, напротив, в христианстве не только надежду на искупление вне зависимости от их положения, но и форму солидарности во взаимном общении, в жизни и смерти, совершенно чуждую индивидуализму странствующих философов. Призыв к

созерцанию, с которым эти идеологи кризиса обращались к массам, едва маскировал суть идеологии - смирение перед лицом конкретной реальности классового господства.

ГЛАВА 4

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ ХРИСТИАНСТВА И ИУДАИЗМА ВО II ВЕКЕ

Внутренняя организация христианских общин восточного бассейна Средиземного моря, ставшая моделью для других церквей греко-римского мира, предстает перед нами во всей своей непосредственности в тексте, который пользовался большой популярностью в первые периоды истории церкви и исчез в своей оригинальной форме в конце IV или в начале V в., но был, к счастью, обнаружен греческим епископом Филотеем Бриенниосом только в 1875 г. в рукописи, хранившейся вначале в Константинополе, а потом в библиотеке православной патриархии Иерусалима.

Правда, некоторые части этого документа оказались включенными в седьмую книгу "Апостолических конституций", приписываемых Ипполиту Римскому, а отдельные отрывки его дошли до нас в коптских, латинских и арабских переводах. Однако, когда это произведение было собрано воедино, его открытие явилось своего рода сенсацией для историков древней христианской литературы, столь далеким оказался найденный текст от официального описания раннехристианской обрядовой и организационной структуры.

Речь идет о подобии краткого руководства по религиозному воспитанию и отправлению богослужения. Оно восходит к началу II в. и известно под названием "Учение двенадцати апостолов", или "Дидахе". Слово "двенадцать", впрочем, должно быть, было добавлено позже, поскольку ни Евсевий Кесарийский, ни Афанасий в IV в. о нем не упоминают. Они называют этот труд просто "Учение апостолов". Термин "апостол", к тому же, в первичной иерархической структуре не имеет ничего общего с наименованием непосредственного учения Иисуса.

В первой части текста ни евангелие, ни Христос нигде не упоминаются, а среди изречений, восходящих, как в нем сказано, к новозаветной традиции, некоторые либо утрачены в писаниях, либо были изъяты из официального текста Евангелий от Матфея и Луки (о двух других евангелиях в этом документе не содержится никаких упоминаний). Таков, например, почти конформистский афоризм, которого нет в евангелиях, но который известен не только из "Учения апостолов", но и из сочинений св. Августина, Кассиодора, Григория Великого и св. Бернарда: "Пусть милостыня прежде увлажнится потом в твоих руках, прежде чем ты поймешь, кому ее подать".

НАСТАВЛЕНИЕ О "ДВУХ ПУТЯХ"

Шесть первых глав "Учения апостолов" представляют собой морализирующее рассуждение на тему о "двух путях": один ведет к жизни, другой - к смерти. Мотив сам по себе не специфически христианский. Легко установить его аналогию со сходным иудаистским текстом, составленным в Сирии или в Египте.

Путь к жизни - это путь любви к богу и ближнему, в кротости сердца и мягкости поведения. Если возлюбите тех, кто вас ненавидит, "не будете иметь врагов", говорит автор, добавляя нечто от себя к категорическому назиданию Евангелий от Матфея и Луки [Имеются в виду слова евангелия: "А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас" (Матфей, 5 : 44), а также: "Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас" (Лука, 6: 27 - 28). - Прим. ред.]. Надлежит соединить в общине все имущества и не отвергать бедного: если вы "сотоварищи по бессмертию", то тем

более вы должны быть ими в земных делах и благах. Бегите от пороков, заботьтесь о детях и не обращайтесь жестоко с рабами. Эти последние в свою очередь "подчинены господину как образу самого господина".

На собраниях верующих совершается публичное исповедание грехов, точно как в еврейской общине Кумрана. Возбраняется заниматься магией, заклинаниями или астрологией, а также следить за полетом птиц, чтобы составлять по их траекториям предсказания. Божественные предписания должны исполняться буквально, не допускается ничего из них изымать и добавлять к ним. "Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того" (Второзак., 4:2). Ссылка на это известное место иудаистского закона объясняет, какие ритуальные предписания имеются в виду, в отличие от Павловой доктрины.

Путь к смерти вымощен всеми теми пороками, которые свойственны любому обществу древнего мира. Их перечень содержится отчасти в Новом завете: человекоубийство, супружеская неверность, вероломство, отравление, грабеж, лжесвидетельство, лицемерие, сквернословие, скаредность, зависть, роскошь, угодничество перед богатыми и несправедливый суд над бедными. За ним следует замечание, которое открывает возможность отличать предписания от советов, - различие, чуждое евангелиям: "Если сможешь осуществить все учение господина, будет прекрасно; если это тебе не удастся, делай только то, что для тебя возможно".

Целомудрие рекомендовалось, но не предписывалось. Одна загадочная фраза придает этим первым главам апокалиптический тон, который уточняется в конце всего сочинения: "Не ведай сомнений, будешь ли ты или не будешь". Другими словами: сохраняй нетронутой веру в неизбежное пришествие господина.

Вторая часть, включающая центральные главы, с 7-й по 15-ю, позволяет распознать зыбкие контуры общинной организации в те или иные моменты ее жизни. Здесь упоминаются три чина "служителей слова" - апостолы, учителя и пророки, которые не занимают определенных постов, и два чина формирующейся иерархии - епископы и диаконы. Эти две последние категории мало отличаются друг от друга; отсутствуют всякие указания на коллегия старейшин, или "пресвитеров", священников. Образуется достаточно демократическая система: все обязаны трудиться, и местные руководители избираются поднятием рук, как в сказании в Деяниях апостолов.

По отношению к странствующим предсказателям высказывается известная осторожность, одновременно суровая и ироническая по тону.

Апостол и пророк получают по прибытии необходимый приют и пропитание. Но если они задерживаются более одного дня или самое большее двух дней, а работать не умеют или не хотят, их рассматривают как ловкачей, ложных пророков. Задача их состоит в привлечении и наставлении верующих, и их выслушивают с подобающим почтением. Если они просят устроить стол для общего собрания, им надлежит воздерживаться от потребления яств. Если же они, "рассуждая духовно", то есть как пророки, "домогаются денег или чего-либо иного", то они всего лишь мошенники.

Как отличить ложного пророка от истинного

("Дидахе", глава XI)

Что же до апостолов и пророков, то обходитесь с ними согласно предписаниям евангелия.

Всякий приходящий к вам апостол да будет принят как господин. Но пусть остается не более одного дня, и только в случае необходимости еще и следующий день. Если задержится и в третий, скажите, что он лжепророк. Когда апостол уходит, он ничего не должен получать, за вычетом хлеба, пока не найдет себе другого прибежища; если же станет просить денег, скажите, что он лжепророк.

Не все, кто говорят духовно, пророки: судите по их поведению. Например, если пророк решает согласно духу своему попросить устроить застолье, пусть он воздерживается есть кушанья: иначе он лжепророк.

Кто бы из них ни сказал вам по настроению своему: дай мне денег или

чего-нибудь иного, не слушайте его. Но если он скажет дать их бедным, никто его да не осудит.

Странствия лжепророков, должно быть, были не редкостью. Одна сатира бытописателя Лукиана из Самосаты, жившего во второй половине II в., посвящена именно описанию некоего Перегринна [Странника, пилигрима. - Прим. пер.], шестидесятилетнего чудотворца и исповедника, который живет за счет восточных христианских общин и трагически кончает свои дни, запутавшись в своих собственных кознях. Это, кстати сказать, один из первых образчиков полемической антихристианской литературы, которая в последующие столетия широко распространится и просуществует вплоть до победы христианской религии.

Помимо коллективного покаяния в грехах в "Учении" отмечаются два других кульминационных культовых момента: крещение в проточной воде, которому предшествует всеобщий пост, и священная трапеза, во время которой следует оглашение двух богослужебных формул - одной о чаше и другой - о преломленном хлебе. Это настоящий обед, уподобленный трапезе "сотоварищей" из скромного люда, с хлебом, вином, маслом и маслинами: "Когда поедите досыта, поблагодарите". Оба элемента причастия, или благодарственной молитвы, несколько не символизируют тело и кровь Христа: хлеб, испеченный из муки собранного на холмах урожая, символизирует только единение общины, собранной с разных концов земли, чтобы войти в царство.

О распятии на кресте нет ничего и в помине. Кален" дарь уже не традиционный иудаистский, а тот, о котором шла речь в еврейских рукописях Мертвого моря. Посту отводятся среда и пятница, а не понедельник и четверг, "как у лицемеров", вероятно у фарисеев или в других конкурирующих группах. Трижды в день полагалось читать молитву "Отче наш", "как повелел господь в своем евангелии", то есть в Евангелии от Матфея. Общая трапеза имеет место "в день господен", то есть в тот день недели, который впоследствии станет воскресеньем [Романские языки заимствовали от так называемой "христианской латыни" название воскресенья: *dies domenicā*, то есть "день господен"; в современном французском звучит *dimanche*; в итальянском - *domenica*; в испанском - *domingo*. - Прим. пер.]. Еще не специализируется поминание воскресения Христа в этот день; этот момент будет введен в богослужение только спустя некоторое время.

Рекомендуется заботиться о малоимущих, заблудших, безработных. Вообще, атмосфера "Учения" определяется умонастроениями многочисленных религиозных сообществ взаимопомощи, распространенных в иммигрантской среде, в городских центрах империи в первых веках.

В последней, семнадцатой главе обнаруживается обычное апокалиптическое настроение трех синоптических евангелий и двух посланий к фессалоникийцам с отсылками к библейским пророкам. Верующие призываются к бдительности, поскольку точный час конца света не известен. Прежде чем он наступит, умножится число лжепророков, возрастет ненависть и участятся предательства среди людей, пока не обнаружится "искупитель мира в образе сына божьего". Не очень ясно, намек ли это на распространение культа императора или на трансформацию мисти-ко-павловского понимания образа мессии.

Космическая катастрофа приведет каждое творение к "испытанию огнем". Многие будут им поглощены и погибнут. Но те, кто устоят в своей вере, будут спасены. И тогда они увидят явление "знамений истины", описанных в иудаистском духе: разверзнутся небеса, раздастся трубный глас, восстанут мертвые, "но не все". В конце мир увидит "господа, шествующего по облакам", - весьма близко к описанию конца света у пророка Захарии (14: 5).

ЛИТЕРАТУРА "АПОСТОЛИЧЕСКИХ ОТЦОВ"

Богослужебный и моральный контекст "Дидахе" сближает это произведение с писаниями тех древних христианских авторов, которых начиная с XVII в. стали условно именовать "апостолическими отцами", связанными непосредственно с первыми учениками Иисуса. Конечно, эта связь не имеет ни малейшего

фактического подтверждения.

Не столь уж важно установить, кому в действительности следует приписать оба послания Климента, предполагаемого третьего епископа Рима (одно верующим Коринфа, другое - просто проповедь), семь писем Игнатия Ан-тиохийского (пять общинам Малой Азии, одно римской общине и одно Поликарпу из Смирны), послание Варнавы, фрагменты писаний Папия, епископа Гиераполя в Малой Азии, мартиролог Поликарпа, послание Диогнету неизвестного автора, "Пастырь" Гермы. Все это сочинений разной ценности, не слишком высокого уровня. К ним следовало бы добавить несколько папирусов, в частности одиннадцатую Песнь Соломона, проповедь Мелитона Сардского о пасхе и апокрифическую переписку Павла с коринфянами, в которой отражены некоторые догматические взгляды церкви в начале III в.

Только послание Диогнету выделяется из общей посредственности этих документов. Оно и относится к менее архаичским временам. Однако отцы церкви не ведают о нем.

Что касается Варнавы, персонажа павловского цикла, то для него апостолы - "грешники из грешников". У Климента уже обозначается определенное представление о прерогативах иерархии, сформированное под углом зрения римской военной дисциплины. Порой отмечается полемический акцент по отношению к другим культам, однако отсутствует какая-либо целенаправленная критика идолопоклонства, которая отличает апологетическую литературу второй половины этого столетия.

Все еще в рамках иудаистского религиозного опыта обозначается тенденция к аллегорической интерпретации Библии, позже возобладавшая в александрийской школе, особенно у Оригена. Она нередко граничит с гротеском.

Согласно Варнаве, например, число обрезанных Авраамом сначала 18, а затем 300 мужчин его племени дает числа, отвечающие порядку букв греческого алфавита, образующих слово "Иеосус", так как число букв от "йота" до "эта" равно числу 18, а название изображения креста в виде буквы "Т" ("триакосой"), по наименованию букв этого слова, число 300. По этой детали, кстати, можно заключить, что крест в те времена был в форме буквы "Г" ("гау" по-гречески), так называемый "пяти-булярный", а не латинский (или пресловутая "капитата"), который затем стал преобладать в католическом и протестантском искусстве. Получает подтверждение также процесс "конструирования" в библейских текстах основных эпизодов жизни Иисуса.

Один из двух агнцев, принесенный великим жрецом Аароном в жертву, согласно Моисею, украшенный терновым венцом и покрытый пурпурной шерстяной тканью, стал символом мученичества Христа. Когда Моисей сказал: "Будете есть жвачное животное с раздвоенным копытом" (Лев., 11:3) одно из запрещенных к употреблению в пищу животных в древнем иудаизме, на деле, согласно Варнаве, это означало призыв почитать праведников и следовать за теми, кто "пережевывает божественное слово" и шествует по миру в ожидании наследства (Варнава, X: 11). Христиане же и являются законными получателями этого наследия.

Слова книги Бытия о том, что бог завершил дело творения за шесть дней и прекратил его в день седьмой, означают, что мироздание просуществует шесть тысяч лет, на седьмой тысяче, в великую космическую субботу, бог будет отдыхать, после того как его сын придет преобразовать солнце, луну, звезды и судить нечестивых. На восьмом тысячелетии все будет обновлено и благочестивые будут славить "святой день иного мира".

Таким способом пытались оправдать практику соблюдения "дня господня", связанную отныне с празднованием воскресения и вознесения мессии, которая отличала христиан от евреев (Варнава, XV).

КОНЕЦ НАЦИОНАЛЬНОГО И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА ИУДЕЕВ

К этому именно периоду относится окончательная редакция четвертого евангелия. Основные общины претендовали на то, что берут начало от

легендарных основателей: обоих Иоаннов, апостола и старейшины, - в Эфесе; во Фригии - от Филиппа и его дочерей-пророчиц; в Сирийской Антиохии, в Палестине и Риме - от Петра; в Акае и Вифинии - от Луки; от Марка - в Египте; от Павла - каким-то образом тоже в Риме.

Серьезные события тем временем назревали у границ Иудеи. Они усиливали процесс дифференциации между иудеями и христианами. Необходимость противостоять опасности, которую создавала для империи борьба партий, и потребность иметь на Востоке надежные тылы побудили римлян положить конец плохо погашенному брожению в Иудее, которая сплачивала вокруг себя недовольных большей части Палестины и Малой Азии. В 113 г. Траян начал войну и по истечении трех лет пробился до Персидского залива, захватив Армению и Месопотамию; но это предприятие истощило его ресурсы в людях и средствах и оставило незащищенным тыл.

Соединившись с другими, только что завоеванными народами, евреи восстали, чтобы отомстить за разрушение Иерусалима в 70 г. Траян был вынужден убраться и умер в Салинунте Киликийской, в Малой Азии, в 117 г., еще до того, как восстание было подавлено.

В репрессиях, которыми сопровождалась все эти события, вероятно, пострадали также некоторые руководители христианских общин. Существует известная историческая нить, связывающая осуждение на смерть Игнатия, главы антиохийской церкви, раба по рождению и потому отправленного в Рим для высшей муки, с участием Поликарпа из Смирны и Климента Римского, осужденных на растерзание хищными зверями в римском цирке. (Римские граждане обрекались на обезглавливание.)

Письма Игнатия отражают эту ситуацию. Наряду с проявлением религиозного фанатизма - желанием "быть растерзанными дикими зверями, чтобы стать едиными с Христом", - нарождается стремление укрепить иерархическое правление церковью, порученное епископату, старейшинам и диаконам. В послании Поликарпу рабы призываются не спешить с освобождением за счет общины, поскольку еще более тяжким было бы стать "рабом своих страстей".

Таковы новые пастьерские запросы, которые вскоре возобладают в лоне церкви.

При Адриане (117 - 138) политика принуждения и захватов стала более умеренной. Началась кодификация римского права, в которой приняли участие юристы стоического направления, стремившиеся осуществить известные реформы. Чтобы не расточать ресурсы рабов, ставших дефицитными после завершения имперской военной экспансии, Адриан ограничил власть господ над жизнью и смертью рабов и их безраздельное право продавать их для роли гладиаторов и проституток. Были запрещены человеческие жертвоприношения, где они еще были в ходу, умерена задолженность данников и ограничен произвол в поборах с провинций. Система прямых сборов налогов должна была сделать обложение урожая менее тягостным.

Но уйти от законов преобладавшей тогда структуры классового общества было невозможно, и царствование Адриана завершилось восстанием и кровавой баней второй иудейской войны.

Существует любопытное письмо, направленное императором своему зятю, консулу Сервиану, и сохранившееся в "Истории Августов": "Здесь поклонники Сераписа одновременно являются христианами, а те, кто зовутся служителями Христа, поклоняются Серапису. Нет ни еврея, главы синагоги, ни самаритянина, ни христианского священника, который не был бы также астрологом, прорицателем или лгуном. Когда сам патриарх иудеев прибывает в Египет, одни заставляют чествовать ради него Сераписа, другие - Христа. Но их общий бог - деньги" ("Жизнь Сатурнина", VIII).

Может статься, что император имеет в виду попытки некоторых христианских течений передать в более доступных для чужестранцев терминах свое учение и ритуальную практику. Не случайно гностик Василид происходил из Александрии. И сам иудаистский прозелитизм приобрел в Египте той эпохи весьма необычные формы. Когда же

Адриан, желавший изменить к лучшему создавшееся положение, издал декрет, которым запрещал обрезание, публичное чтение закона Моисеева,

соблюдение субботнего отдыха, и повелел восстановить Иерусалим в качестве римской колонии, немедленно вспыхнул мятеж.

В 132 г. под водительством Симона Бар-Кохбы (Ко-хебы или Косебы), "князя Израилева", которого раввин Акива приветствовал как мессию, "сына звезды", а его противники именовали "Бар-Козита", то есть "сын лжи", 200 тысяч повстанцев, поддержанных евреями диаспоры, сильными труппами союзников и - по крайней мере в первое время - христианскими общинами Галилеи, освободили Иерусалим и три года держали под ударом войска одного из лучших полководцев Адриана, Севера. В конце концов восстание было подавлено, Симон был убит, а Иерусалим сровняли с землей.

Два послания предводителя второго иудейского восстания (132 - 135)

От Симона, сына Кохбы, Иисусу, сыну Галгулы, и жителям Га-Варуха, мир вам!

Призываю в свидетели небеса против тебя в том, что если кто-либо из галилеян, что находятся при тебе, будет обижен, закую в железо ваши ноги, как сделал с сыном Афлуля.

Симон, сын Кохбы, лично.

От Симона Иисусу, сыну Галгулы, мир вам!

Знай, что ты должен поставить пять кор зерна (около 1800 кг. - Ред.), чтобы я получил их через моих подчиненных.

Приготовь каждому подобающее ему место гостя, и пусть они останутся у тебя до субботы. Позаботься, чтобы сердца их всех были довольны: будьте мужественны и ободрите своих. Да будет мир!

Всякому, кто принесет тебе свое зерно, я повелел: пусть принесут его после субботы.

(Из пещеры Мурабба ата, в книге Луиджи Моральди "Рукописи Кумрана" [Luigi Moraldi. I manoscritti di Qumran, Unione Tipografica - Editrice Torinese, 1971, p. 79 - 80.]).

На развалинах древней столицы Иудеи возник римский город, названный Элиа Капитолина, построенный в стиле империи эллинистических времен. Там, где некогда стоял храм Яхве, был возведен храм Юпитера, и всем евреям было запрещено под страхом смерти ступать ною ой в эти места. Иудаизм как религиозное явление замыкается отныне в самом себе, погружаясь в толкование 1 алмуда.

Нет сомнения, что это несчастье должно было глубоко отразиться в апокалиптических ожиданиях христиан, церкви которых вырастали в тени иудаистской религии. Но ни одно организованное движение не могло с тех пор рассчитывать на выживание, если поддерживало губительные связи с иудаизмом. Из письма, написанного собственноручно Симоном и найденного в 1952 г. в одной из пещер Мурабба ата, на юге от Кумрана, следует, что в ходе войны галилеяне испытали суровое обхождение со стороны одного из подчиненных ему вождей. Христианское предание содержит намек на то, что сотрудничество христиан с восставшими длилось весьма недолго.

Разрушение государственности, политической и территориальной целостности иудеев стало рассматриваться как божье наказание.

Одно место из первого послания к фессалоникийцам, которого еще не было в тексте Маркиона, то есть около 150 г., напоминает, что иудеи были истреблены, поскольку "убили и господа Иисуса и его пророков, и нас изгнали, и богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца" (1 Фессал., 2:15 - 16), Так начался безжалостный антииудаизм традиционной христианской теологии, который заложил основы социального и экономического антисемитизма средних веков и нового времени.

Начиная с этого времени полемика между иудеями и христианами становится все активнее. Оба движения по-прежнему не различались руководящими кругами империи и равно подвергались гонениям. Один и тот же эдикт Сеп-тимия Севера от 202 г. запрещает в равной мере как иудаистский, так и христианский

прозелитизм. Но в идеологической и религиозной областях их раскол уже стал сгруппировавшимся фактом.

АПОЛОГЕТЫ II ВЕКА

Аностические течения довели этот раскол до полного отказа от Ветхого завета и его осуждения. Те теоретики конца II в., которые не включались в конфликт между двумя крайними течениями, стремясь сохранить связи с иудаистским монотеизмом для того, чтобы поддержать превосходство своей религии, сопоставляя ее с этическими и философскими концепциями греко-римского мира, получили название апологетов.

Первые греческие апологеты оставили нам лишь имена и немногие фрагменты: Квадрат, Мильтиад, Аполлинарий из Гиераполя и Аристоник из Пеллы. О последнем, родом из Палестины, упоминает "Диалог между Париском и Ясоном о Христе", который заканчивается, как сообщает Ориген, обращением в христианство иудаистского оппонента. Особое значение имеет "Диалог с евреем Трифоном" Юстина, который дошел до нас вместе с иными немногочисленными сочинениями того же апологета и узкого круга современных ему авторов, таких, как Аристид, Та-тиан, Афинагор, Ермия и Феофил Антиохийский.

Диалогический жанр, расцветавший в то время, лучше всего подходил для выражения этого противоречия. Сочинение Юстина представляет собой первое столь широко замысленное произведение древней христианской литературы, написанное сразу после восстания иудеев против Адриана.

При преемниках Адриана Антонине Пие и Марке Аврелии, воспитанных в принципах стоицизма, обращение с рабами несколько улучшилось. Были обнародованы некоторые относительно гуманные законы, ограничено применение пыток и облегчена процедура освобождения от рабства. Число отпущенников возросло. Идеология "искупления", "воздаяния" утрачивает значительную часть своего первоначального реалистического смысла и все более переходит на почву самостоятельного религиозного миропонимания, которое порывает прежние связи с породившими его социальными основами.

Вместе с улучшением образа жизни рабов еще более тяжелыми становятся условия существования свободных и полусвободных крестьян и открывается путь к крепостной зависимости сельского населения. Непрерывающиеся восстания рабов сменяются все более частыми крестьянскими бунтами. Один папирус 154 г. повествует о земледельцах, которые занялись разбоем, чтобы избежать поборов сборщиков податей.

Изменяется и социальный состав христианских общин.

В ряды обездоленных, которые все еще видят в тысячелетнем царстве пророков и еврейских псалмопевцов отклик на их чаяния равенства и благоденствия, вливаются представители более зажиточных слоев, которые приносят новые идеи и претензии, присущие той иерархии, которая ищет соглашения и компромисса с имперским обществом.

Именно этот компромисс составляет основную тему апологетов, которые обращаются к суверенам от Адриана до Марка Аврелия со своими словопрениями, добываясь весьма скромных результатов. Они умеряют пыл полемики по социальным проблемам, которая тревожила власти, однако удерживаются в границах, еще приемлемых для требовательных верующих. Большинство из них пользуется греческим языком. Те же, кто пишут по-латыни, как Минуций Феликс и Тертуллиан, происходят из тех районов Северной Африки, где латинский язык стал вместе с римской колонизацией языком низших слоев, в отличие от больших городов Средиземноморья и самого Рима.

Новые понятия облекаются в форму сложных, запутанных теологических формулировок того религиозного опыта верующих, который отражал их надежды на освобождение. Различие между "грядущими временами", с приходом которых будут радикально пересмотрены ценности эпохи, и "нынешним веком" становится все более относительным. Перспектива конца света кажется менее достоверной в периоды спокойной жизни церкви; она внезапно становится отчетливой, когда репрессии со стороны государства дают себя знать с большей силой.

Мессеианское мировидение Папия, епископа Гиерапольского, который уверял, что знал "Иоанна, ученика господина", и тем самым добился высокого авторитета, неизменно удерживается в границах реалистического толкования "царства": каждый сможет утолять свой голод досыта, земля сама собой будет рождать плоды всем нуждающимся в них, вино будет течь в изобилии. Но эта земная мечта бедняков и голодных уже оформляется в виде некоей ее аналогии в потустороннем мире, или, как скажет Евсевий Кесарийский, придворный епископ Константина, когда христианство станет государственной религией, "непосредственно в виде потустороннего царства божия". И тогда столь почитаемый Папий покажется всего лишь неразумным ("Церковная история", III, 39).

Тысячелетнее царство согласно Папию

"Придут дни, и уродятся виноградники с десятью тысячами лоз в каждом, и на всякой лозе будет десять тысяч побегов, на каждом побеге - десять тысяч усиков, на всех них - по десять тысяч гроздей (по десять тысяч виноградин каждая), и каждая даст двадцать пять мер вина.

И когда кто-либо из святых сорвет гроздь, другая закричит: "Я лучше ее, сорви меня и возблагодари мною господина".

Точно так же каждое зерно родит десять тысяч колосьев, всякий колос - десять тысяч зерен, а все верна дадут по пять двойных фунтов муки. И прочие фрукты, семена, травы будут множиться в соответствии с их пользой.

И все животные, которые кормятся исключительно пищей от плодов земли, будут жить в мире и согласии между собой и будут целиком послушны и покорны человекам".

Таково свидетельство Папия, ученика Иоанна, сотоварища Поликарпа, древнего мужа, в четвертой из его пяти книг. И он добавляет к сказанному: "Все это кажется вполне правдоподобным тому, кто верует". А поскольку Иуда - предатель и не верил и спрашивал, как это подобное плодородие возможно на деле, господь отвечал: "Увидят это те, кто войдут в царство".

(Из сочинения Иренея "Против ересей", V, 33).

Этот отрывок свидетельствует о лежащем целиком вне земной реальности видении вещей, которое формировалось постепенно, с периодическими взрывами страстей и активных попыток опровержения на всех решающих этапах истории христианства: во времена средневековых ересей, утопий "спиритуалов" и "братцев" ["Братичелли" - так называли в Италии тех членов ордена францисканцев, которые были близки к "спиритуалам" и пытались сохранить заветы нестяжательства, нищенства, верили в скорое наступление "тысячелетнего царства", царство духа (откуда наименование "спиритуалы"). Церковь жестоко преследовала это еретическое течение (осуждения в 1317 и 1322 гг.), однако его последователи (эрлиты, целестинцы) еще длительное время пытались культивировать идеологию спиритуалов. - Прим. ред.] XIII в., кровавой эпопеи анабаптистов Мюнцера, апокалиптических английских и американских сект XVIII и XIX вв. и в современных этнических и народных движениях спасения.

В то время усилия апологетов были направлены на доказательство того, что христианство есть истинная философия: все самое ценное, что можно обнаружить в древней мудрости - у Гераклита, Сократа, Платона и некоторых иных, на деле проистекает из еще более древних библейских писаний.

В одном из самых темных мест второй книги "Государства" (361 E-362A) Платон восхваляет образ некоего "распятого праведника", который оказался объектом всяких нападков, гонений, жертвой мучений вплоть до казни на кресте из-за попыток практиковать возвышенную жизнь, чуждую всякого соглашательства, хотя ему и в самом деле удалось добиться безмятежного и достойного уважения существования. Не это ли, по мысли апологетов, чудесное предвосхищение страстей и смерти Христовой? Климент Александрийский был в этом глубоко убежден на заре III в. ("Ковры", V, 14).

Если некоторые из наиболее известных представителей классической культуры достигли высокой степени морального благородства то этим они обязаны, согласно Юс-тину, Афинагору, Минуцию Феликсу и раннему Тертуллиану, не только влиянию, которое оказали на них книги патриархов и Моисея, но также "рассеянию" божественного слова в нехристианском мире. Данное представление приводит нас к теории семени логоса, "сперматики", характерной для новых распространителей евангельского послания, весьма далеких от непосредственности понятий первых времен христианства.

Операция, предназначенная показать, что между греческой философской мыслью и христианской доктриной существует преемственность, не была ни общепринятой, ни безболезненной. Татиан, родившийся между 120 и 130 г. в Сирии, в одном из наименее романизированных районов империи, резко выступает против философии, вплоть до разрыва с ее сторонниками. В своем трактате, дерзко названном "Речь к грекам", он бескомпромиссно осуждает всю классическую культуру как плод шарлатанства, подкупа, если не просто как орудие дьявола.

Оба подхода переплетаются и обнаруживают отсутствие согласованных оценок автономности и гегемонии христианского вероучения.

Отношение апологетов к аналогии между языческими культами посвящений и церковным богослужением характеризуется скорее ее скрытым признанием, чем отрицанием, хотя сходство обрядов крещения, помазания и священной трапезы христиан с соответствующими церемониями в культах Исиды, Орфея, Атона или Митры, с их точки зрения, ложно и обманчиво, результат махинаций "лукавого".

Благодаря этой полемике, сопровождавшейся яростными, к счастью зафиксированными в документах, нападками на греческую и римскую мифологию, обогатилось и наше знание классического религиозного наследия, дошедшего до нас лишь в неполных и отрывочных повествованиях и свидетельствах. Противостояние ему и впоследствии будет нарастать с еще большей силой и с еще меньшим благородством в произведениях крупнейших полемистов константинопольской эры: Арнобия, Лактанция, Амвросия и самого Августина, автора идеи двух градов - града сатаны и града божия.

АБСОЛЮТНЫЙ ДУАЛИЗМ: ГНОСТИЦИЗМ

Организованное христианство быстро смещается в новую сферу, где оно более не оспаривает целиком этот мир, но, напротив, стремится обусловливать его, реформировать его изнутри, приспособить к религиозным запросам изменяющегося общества.

Над всем многообразием культов в имперском мире возникает поветрие новых тенденций, которые кажутся чуждыми прежнему греко-римскому язычеству. Государственная религия эволюционирует в сторону монотеистической интерпретации многобожия в соответствии с консолидацией авторитарного правления. Политеизм, еще живой и активный в народных массах, особенно в крупных латифундиях и в сельской местности, постепенно сводится к культу одного бога либо через утверждение теологии солнечного божества, либо посредством общественных отправлений культа императора - последнего прибежища его непререкаемой монополярной власти.

Среди христиан также обнаруживается новая ориентация: отождествление судеб империи с судьбами ее населения. Тертуллиан восхваляет в Апологии законопослушание своих единоверцев и обещает молиться за армии, которые защищают Рим на фронтах Рейна и Дуная, где погиб Марк Аврелий. Во времена Коммода и Севера Цельс, глашатай официального язычества, призывает со своей стороны христиан выйти из бесплодной изоляции и внести свой вклад в защиту государства.

Принято говорить по этому поводу об опасности "интеллектуалистского" перерождения, нависшей над христианскими общинами в трудный переходный период, - о первом большом идеологическом кризисе, выразившемся в явлении, известном под несколькими мистификаторским названием гностицизм. Но если мы заглянем дальше чисто доктринальных проблем (которые имеют значение лишь в

рамках самого движения, и в первую голову в церковных верхах) и поймем настроение широких масс, видевших в христианском учении отклик на их жизненные запросы, подобное суждение должно быть основательно пересмотрено.

Конечно, следует считаться со значением термина гносис ("знание") в истории греческой философии и эллинистической мысли. Но со времен Платона под воздействием религий мистерий термин "гносис" стал приобретать значение не только познания, методологии, которая предназначена для рационального объяснения природы и общественной жизни, - гносис стал прежде всего осуждением человека на иррациональность, на его сближение со сверхчувственным миром посредством созерцания или при помощи обряда.

В этом смысле теория "познания" не может быть усвоена общественным сознанием и является прерогативой избранных, духовно одаренных, которым она сообщается божественным откровением. Подобное представление о знании встречается уже в некоторых наиболее ранних христианских текстах, начиная с приписанных Павлу посланий и кончая четвертым евангелием. Павел определяет свое евангелие "откровением тайны", о которой "от вечных времен было умолчено, но которая ныне явлена и через писания пророческие, по велению вечного бога, возведена всем народам для покорения их вере" (Римлян., 14 : 24 - 25). Иоанн с самого начала развивает тему присутствия в мире "слова" ("глагола"), воплощенного во плоть, и его мистического преображения в образ мессии. Тогда же в христианстве возникает понятие конфликта между добром и злом, между светом и тьмой, между духом и материей, которое уже бытует во всех восточных религиях, и именно с ним связана сущность гностицизма II в.

Мы имеем дело не с систематическим осуществлением намерения приспособить христианство к различным философским теориям классического мира древности, как впоследствии станут утверждать церковные враги "ложного гносиса", в частности Ипполит из Рима, который относит всякое еретическое движение к особой идеологической школе. Эта мысль, высказанная в начале III в., преобладает еще и по сей день в современной догматике и признается неоспоримым фактом.

Гносис же всего лишь обращается к проблеме, поставленной существованием зла в мире, и рассматривает ее в сфере творения и судеб человека; он анализирует ее в терминах решительного несоответствия материальной действительности и мифического идеального совершенства. С этой антитезой мы вступаем в период полного расцвета христианской традиции.

Очистив гностическое учение от его мифологической мишуры, мы обнаруживаем то, что остается в нем: абсолютный дуализм. Человек - пленник мира зла, и он мечтает освободиться из этого плена. Гностицизм указывает человеку путь к спасению, открывая ему его подлинную природу. Мотив этот возникает уже в середине II в. в так называемых "Одах Соломона", по-видимому месопотамского происхождения, открытых в 1909 г. в одном сирийском манускрипте, очевидно переписанном с греческого оригинала. Об Иисусе в нем не говорится ничего, речь идет только о "праведнике", "имени", "господе", "сыне" и пару раз о Христе.

Любой метафизический дуализм есть выражение дуализма действительности, который проявляется в жизни прежде, нежели в идеологии. И потому, несмотря на все заимствования из астрологических, магических и чудотворных учений своего времени, дуализм гностицизма оказывается более близким к конкретному опыту верующего, чем какая-либо иная абстрактная спекуляция на отношениях между человеком и миром. Подчинение человека некоей внешней по отношению к нему авторитарной воле, навязанной экономическими и политическими структурами общества, энергично отвергается гностицизмом.

Странности гностических школ поражали воображение и придавали смысл постоянному поиску эксцентричного я чудесного. Но за мешаниной гностических идей, которая так скандализовала официальных представителей древних христианских общин, склонных самолично вершить судьбами верующих, выявлялась возможность иного, не подчиненного контролю свыше объяснения, драматического переживания горестей и гнета, на которое большинство людей было обречено в условиях полной зависимости от власти имущих.

Вплоть до последних нескольких десятилетий гностические учения были

известны только по их опровержениям первыми ересиологами. Сохранились лишь немногие оригинальные тексты: так называемая "Pistis Sophia" [Пис-тис София], посвященная некоему таинственному божеству, которое носит имя "вера" и "мудрость", "Книга игры" на коптском языке и письмо Птолемея "Флоре", не считая упоминавшихся "Од Соломона". В целом сохранялось старое положение о некоем "ложном гносисе", замаскированном под "истинный", как значится в названии основного произведения Иренея из Лиона, написанного по-гречески, но дошедшего до нас в древнейшем латинском переводе второй половины II в. лишь в отрывках.

Большая часть древней антигностической литературы утрачена. Сохранилась память о писаниях неких Агриппы, Кастора, Егесиппа, Родона, Филиппа, Модеста, Максима, упомянутых в "Церковной истории" Евсевия. Вероятно, они дали бы более объективные сведения об ученике, которое в них описано, и выявили бы его родство с другими течениями в христианстве, бывшими совершенно вне подозрений. Не исключено, что именно по этой причине гностические сочинения и были уничтожены, как это случилось с большей частью всей ранней христианской литературы константинопольской эпохи. Свидетельства авторов, труды которых до нас дошли, в этом отношении чрезвычайно ценны. Все они написаны на греческом языке, за исключением сочинений Тертуллиана и псевдо-Тертуллиана, которым, вероятно, был Витторио из Петтау, живший в конце III в., а также Филастрия. Литература эта охватывает писания многих отцов церкви, от Иренея, Климента Александрийского и Ипполита Римского, почти современников гностицизма, до отцов IV и V вв. - Евсевия Кесарийского, Епифания, Феодорета.

Частые повторения цитат только увеличивают ценность текстов, но отбор наиболее интересных отрывков из гностических вероучительных текстов, приведенных в антигностических сочинениях, свидетельствует об искаженном представлении об учении гностиков и нередко наивной реакции на него.

Достаточно вспомнить, что Епифаний, саламинский епископ, живший во второй половине IV в., рассматривает неортодоксальную мысль как болезнь, подлежащую лечению, а если нужно, то и искоренению. Его произведение как раз и названо "Панарион" ("Картотека для лекарств"). В нем он опровергает 80 ересей, из которых 20 предшествовали христианству. Брешианский епископ Филаетрий увеличивает число их до 156, в том числе он называет 28 дохристианских ересей. Кирский же епископ Феодорет, который писал во времена Халкидонского собора 451 г., рассуждает о ересях как о предательском "душевном пороке греческого происхождения", перемешивая их как попало, начиная с Симона из новозаветной легенды, антитезы Иисуса, изображавшегося самаритянином, претендовавшим на роль мессии.

Впрочем, картина, которая складывается из этих отрывочных и пристрастных обличений, достаточно ясна.

ОТКАЗ ОТ МИРА И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЦАРСТВА

Исходной идеей гностицизма неизменно было пессимистическое видение мира и материи: как источника всяческого зла и гибели. Божество рассматривается как чистая абстракция, которая помещается в "невидимых и невыразимых высотах сверхъестественного мира" (Са-торнил), как "непорожденное" (Василид) как "вечно совершенное" (валентинианская школа).

В отличие от библейского бога, гностическое божество не может быть запятнано даже участием в творении. Согласно одному отрывку из Гераклиона, дошедшему до нас, мироздание есть "мрачное прибежище дикого зверя". Только путем затяжной и сложной серии эманации, которые оставляют незапятнанным совершенство божества, возникают сущности низшего порядка, предназначенные заполнить пропасть между бесконечным и конечным, духом и материей. Они получают разные наименования в соответствии с фантазией, изменяющейся от региона к региону, от одной среды к другой.

Для одних эти сущности - "ангелы", для других - "зоны" (от греческого αἰών [айон] - "век", "столетие") либо звездные силы, по модели трактатов о

"добром пастыре", прототипом которого послужил образ Гермеса! либо абстрактные диалектические категории: интеллект, глагол ("слово"), добродетель, мудрость, обычно представлявшиеся парными: слово и жизнь, интеллект и истина, пропасть и молчание (по-гречески это слово женского рода), человек и церковь.

Небесное кажется прототипом земного. Страсть творца, чем-то похожая на первородный грех, извращает мироздание и расстраивает первозданную гармонию. Отсюда берет начало сотворение мира и человека, в которого благодать вливает порождающее семя, - "жизненную искру", "истинное познание". Оно, впрочем, является не плодом самостоятельной деятельности человека, а только свободным выбором бога.

Посредником между трансценденцией и материей служит демиург (это слово в переводе с греческого означает "ремесленник", "строитель", с уничижительным оттенком, отражающим господствовавшую идею низменного характера ручного труда в сравнении с умственным). На демиурга падает ответственность за жизнь на земле. При переходе от одной звездной сферы к другой "божественная искра" отягощается всеми несовершенствами и грехами, которыми отличается общество.

Согласно гностической школе Карпократа и его сына Епифания, первородный грех служит причиной первичного состояния абсолютной свободы в общественных отношениях. Ибо человек познал грех только благодаря существованию закона, как утверждал еще Павел; но вместе с законом в мир закралось мое и твое, тогда как божественная справедливость есть род "коммунизма в равенстве" (Климент Александрийский, "Ковры", III, 2, 6 - 9). Духовное искупление предполагает в этом смысле преодоление всякой юридической нормы.

Столь социально зрелое видение мира изображается ересиологами как проявление безудержной распущенности лишённое всякой этической оценки поведение, особенно в отношениях между полами. Таков один из многих способов дискредитации мятежных меньшинств, выступающих против иерархии и церковных властей. Обвинение, впрочем, падет впоследствии на всех христиан, которых язычники рисовали повинными в безнравственности, кровосмешении и всякого рода проступках, которым нет оправдания.

Гностицизм достиг расцвета преимущественно в период между первой половиной II в. и серединой III в. в Египте, Сирии, Аравии, Персии, на Кипре, в Северной Африке и Риме. Однако он распространился затем еще более широко, оформившись в манихеизм и другие дуалистические течения в Месопотамии и в восточных провинциях империи. Если бы он не пошел дальше патетического обличения неизбежности зла среди людей, его судьба была бы предрешена очень быстро. Самое большее, к чему он пришел бы, - это теория переселения душ из тела в тело, поскольку гностицизм включал учение о цикле жизни вплоть до возвращения к первичному совершенству, как этому учит буддизм. Присущая буддизму экзальтация пассивности и ухода от общества действительно встречается в некоторых побочных течениях гностического движения.

Однако историческое учение об искуплении всегда опиралось на христианскую традицию, хотя и в достаточно далекой от перспектив библейского мессианства форме.

Воздаяние позволяет человеку восстановить порядок, расстроенный ангельско-демоническими силами, уберечь от гибели скрытую в материи частицу божества и уйти от осуждения "роком", который направляет движение звезд, элементарных духов космоса. Решающим событием служит явление "спасителя", евангельского Иисуса, перенесенного, однако, в обстановку всеобщего мистического отчуждения. С этого момента начинается разработка хри-стологической теологии, которая затем окажется в центре дискуссий на церковных соборах IV и V вв.

У многих учителей гнозиса преобладает тенденция принижать, а порой и отвергать миф о воплощении. Телесное обличив Христа представляется лишь кажущимся - эта идея позже широко распространяется за пределами гностических общин под наименованием докетизма (от греческого глагола *dokein* [докёйн] - "казаться", "иметь выражение, внешность"). "Спаситель" принял человеческий

образ только для того, чтобы придать особое значение своей власти на земле. Василид считал даже, что Христос не был распят, его место на кресте занял другой, Симон Киринаянин, который, согласно рассказу синоптических евангелий, нес на своих плечах крест к месту казни.

Согласно Валентину, который, как и Василид, написал свое евангелие, Христос прошел сквозь Марию, точно вода через канал. Его тело было образовано из той промежуточной субстанции, психе, которая входит и в божественное и в человеческое тело. "Дух", который есть бог, вступил в него в форме голубки лишь в момент крещения. Отсюда, без сомнения, и возник евангельский рассказ о соответствующем эпизоде, а не наоборот. Для школы Валентина тело Иисуса духовно с самого начала, поскольку "пневма" (дух, дыхание) была уже в Марии в момент девственного зачатия.

Христос - один из зонов, а именно тридцать третий, следующий за шестнадцатью парами перворожденных. Его судьба - это момент космической драмы спасения, которая охватывает всю природу, как сказано в одном загадочном месте послания к римлянам: "Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов божиих... и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей божиих" (Римлян., 8: 19 - 21). Для Карпократа, однако, крестная мука Христа - реальный факт, символизированный в пасхальном жертвоприношении: с ним мы вступаем на порог традиционного вероучения.

Призванные к спасению люди - это те, кто берут свое начало в духе ("пневматики"). Те, кто предназначены для гибели, суть сыновья материи ("илики"). Между ними помещаются те, которые должны еще сделать свой выбор ("психики"). Эти последние доверяются правилам нравственного поведения и обрядам иерархической церкви, которая для гностиков лишена всякого значения. Три категории, оказавшие влияние на Павлову терминологию, вновь широко вошли в обиход пропаганды пророков-мон-танистов в конце II в. и в последних произведениях Тер-туллиана, написанных в Карфагене.

Все это делает бесполезным, согласно гностикам, всякий разговор о возвращении Христа на землю, о страшном суде и о телесном воскресении, несовместимом с отношением к материи как ко злу. Александриец Юлий Каеиан, который отрицал историческую подлинность Иисуса считал, что человеческое тело само по себе недостойно воспринять божество. Не многим отличалось от гностических взглядов учение монофизитов в V в.

Ответ епископата последовал незамедлительно и был недвусмысленным. В письме Игнатия общине в Траллах, в Карий (Малая Азия), мы уже читаем: "Христос подлинно рожден Марией, он ел и пил, как мы, и на самом деле его преследовали при Понтии Пилате, и он действительно умер. Если бы он страдал только по видимости, как можно было бы объяснить, что я сегодня оказался в окопах?"

ОТКРЫТИЯ В ХЕНОБОСКИОНЕ

Кто гносис был чем-то большим, чем просто движение изолированных от масс интеллектуалов, подтверждается крупнейшим в последние десятилетия открытием древних религиозных текстов, вторым по значению после открытия рукописей Мертвого моря, совершенного в это же время. Речь идет о 13 кодексах на папирусе (кодекс, в отличие от свитка, по структуре уже подобен нашей книге), написанных на коптском языке, которые были спрятаны в амфору, зарытую среди могил на кладбище одной скромной христианской общины III в. в Среднем Египте, на левом берегу Нила, на северо-западе от Луксора, в окрестностях городка, называвшегося тогда по-гречески Хено-боскион, а теперь, по-арабски, Наг-Хаммади. Кодексы соJ держат 49 трактатов, отчасти попорченных, составлявших, как видно, религиозную библиотеку этой общины, укрытую в надежном месте, вероятно в момент опасности. Некоторые из кодексов представляют собой дубликаты, если не варианты, тоже не лишённые интереса, одних и тех же текстов, так что реальное число текстов сводится к 42. За исключением 50 страниц, ставших собственностью института Юнга в Цюрихе, все они находятся в Коптском музее Кипра. Их факсимильное издание готовится под

эгидой египетского Департамента древностей и ЮНЕСКО.

До сего дня лишь немногие трактаты переведены полностью. Но и имеющихся переводов достаточно, чтобы признать, насколько они помогают осветить многие самые противоречивые аспекты древней христианской мысли и гностицизма, хотя из-за медлительности и, пожалуй, из-за конфессиональных условностей попечителей этогоклада изучение соответствующих аспектов истории христианства все еще возможно лишь далеко не в полной мере.

Некоторые тексты были известны и ранее. Другие считались утраченными, и только память о них сохранялась в антиеретической литературе отцов церкви либо в полемике Цельса, Плотина и его ученика Порфирия против христиан. Ряд названий оказался совершенно новым, езусловно гностический характер носят "Парафразы Сима", "Откровение Сефы", библейского патриарха, "Послание Евгноста", "Мысль о великой силе", "Природа архонтов" и "Верховный инородец", или "Великий чужестранец". Целая группа текстов отмечена влиянием творчества последователей культа Гермеса - "доброго пастыря" - или непосредственно пифагорейцев: "Апокалипсис Асклепия", "Герместическая причастительная молитва", "Речи Зостриана и Зороастра", "Трактат о 8 и 9". Некоторые места походят на "Сентенции" Секста, греческого философа-эмпирика II в., столь близкого к христианской идеологии, что его сочинения, переведенные Руфином в IV в. на латинский язык, были приписаны папе Сик-сту II (257 - 258), вызвав возмущенный протест св. Ие-ронима.

Однако более всего привлекают внимание те рукописи, в которых прослеживается связь с эпохой апостольства и которые могли бы быть более древними, чем новозаветная литература, в тех случаях, когда коптский перевод соответствует греческому или арамейскому оригиналу. Опубликованы ныне широко известные Евангелие от Фомы, Евангелие истины (которое не совпадает с произведением гностика Валентина, хотя и имеет одинаковое с ним название), Евангелие Филиппа и египтян, "Деяния Петра и двенадцати апостолов", Апокалипсисы Павла и Петра, "Секретная книга Иоанна", "Книга Фомы-атлета" и "Наставления Сильвана".

Все это сочинения, отмеченные большой фантазией, ориентированные скорее на народную набожность, а не на теологическую разработку.

Верующие, к которым они обращены, люди простые и невежественные, не видят большой разницы между Зо-роастром, Гермесом - "трижды великим" - и иудео-христианским мессией- Сложность писаний часто нарочито сгущалась авторами с целью оградить их подлинное содержание от непосвященных. Но даже их самые странные фантазии группируются вокруг представлений о зле как естественном состоянии человека, которого может спасти от скотства и страданий только процесс универсального искупления.

Более тщательного анализа заслуживает евангелие, приписанное Фоме, апостолу, имя которого было широко известно всему Востоку и которого легенда сделала еван-гелизатором Индии.

Приписываемая ему роль, конечно, не совсем обычна. Она, однако, напрашивается с первых строк сочинения! "Вот секретные слова Иисуса, сказанные им при жизни и записанные близнецом Иуды Фомой". Текст был весьма необдуманно назван "пятым евангелием", точно не существовало многих других, хотя речь идет лишь о 118 изречениях Иисуса, некоторая часть которых уже была обнаружена между 1897 и 1903 г. в трех фрагментах греческих папирусов III - IV вв. Еще меньше общего этот текст имеет с другим "Евангелием от Фомы, израильского философа", названным также "Апокрифом детства" и давно известным как поздняя христианская переделка описания чудес, сопровождавших рождение Будды, которые были приспособлены и к жизнеописанию Иисуса.

Почти все эти "слова", собранные без определенного порядка, были прочитаны впервые; остальные представляют собой варианты афоризмов, приписываемых Иисусу каноническими евангелиями. Трудно решить, что древнее: пресловутые "слова" или эти последние. Подтверждается, однако, приоритет известного места - "блаженны нищие" - в Евангелии от Луки в сравнении с текстом Евангелия от Матфея. В целом в "словах" обнаруживается тенденция, характерная для социальных требований определенной среды. Изречение 114-е безапелляционно требует богатых "отказаться от мира".

Можно отметить также в этом тексте определенное ослабление общественной морали - люди спасутся, когда будут обнажаться, "не чувствуя стыда", и будут взирать друг на друга в этом состоянии, "как делают дети", - и одновременно пессимистическую оценку роли женщины не только в обществе, но и в самом космическом и теологическом порядке мироздания. Христос - это "тот, кто не был рожден женщиной" (изречение 16-е). Иисус соглашается с Симоном Петром, который требовал удалить Марию, "поскольку женщины недостойны жить", и говорит, что "всякая женщина, которая станет мужчиной, вступит в царствие небесное" (изречение 118-е). Это не тот антифеминизм экономического и социального порядка, который возобладает позже в христианском сознании; это - крайняя точка, которой достигло негативное видение жизни в мире, находящемся под гнетом сил зла.

Принижение женщины стимулировало также то течение абсолютного полового воздержания, которое получило наименование знкратизма (от греческого слова, означающего "воздержание"). Гностики, которые его придерживались, проповедовали воздержание от брака и отказ от некоторых видов еды и питья, считая их символами материальности мира (вино и мясо). Подобная тенденция должна была пережить распад гносиса, коль скоро она смогла повлиять на таких апологетов, как Татиан, и затем стала истоком некоторых сторон морали монтанистов.

Но доктрина гностических школ не может быть сведена к некоему искусственному их единству.

Мы обнаруживаем в гностицизме также и прямую противоположность только что отмеченным настроениям, а именно культ матриархата, основанный на почитании женского божества; таков культ Елены у палестинских гностиков, о котором свидетельствует Юстин (Апология, 1, 26). Елена будто бы воплощалась в образ некоей куртизанки в Тире, имя которой напоминает Селену ("луну"). Она же отождествлялась с прародительницей всего творения, с символом плодovitости, которому поклонялись "почитатели матери", как они себя называли. Так был открыт путь культу Марии, который впервые дал себя знать в прибрежных зонах Малой Азии. Божественная триада, которая первично включала материнский компонент, поскольку "дух", как мы уже отмечали, в семитском языке женского рода, рассматривалась гностиками Пирея именно как единство Отца, Сына и Матери (это последнее слово в греческом языке тоже, конечно, женского рода).

Из "секретных слов" Иисуса

(Евангелие от Фомы) [Перевод на русский яз. в Сб. "Античность и современность", М., 1970.]

11) Иисус сказал: "Это небо исчезнет, и кто над ним - исчезнет; но кто умерли, не будут жить, а те, кто живут, не умрут".

13) Ученики сказали Иисусу: "Знаем, что ты покинешь нас; кто тогда будет наибольшим над нами?" Иисус сказал им: "Там, куда пойдете, будете подчиняться Иакову праведному, тому, благодаря которому были сотворены небо и земля".

27) Иисус увидел младенцев, которые сосали молоко, и сказал своим ученикам: "Сии малые, которые сосут, подобны тем, кто вступили в царство". Те спросили его: "Если будем малыми, вступим в царство?" И Иисус сказал: "Когда станете двое одним, а внутреннее станет как внешнее, и внешнее как внутреннее, а высокое точно низкое! И если сделаете из мужчины и женщины единое, чтобы мужчина более не был мужчиной, а женщина - женщиной; <...> тогда войдете в царство".

42) Его ученики сказали ему: "В какой день ты нам явишься и когда увидим тебя?" Иисус сказал: "Когда вы обнажитесь, не ведая стыда, когда совлечете с себя одежды и сложите их к вашим ногам, как делают дети, и будете топтать их ногами. Тогда станете сынами того, кто живет, и более не узнаете страха".

118) Симон Петр сказал им: "Мария, удались от нас, поскольку женщины не

достойны жить". Иисус сказал: "Вот я возьму ее с собой, чтобы сделать ее женщиной, чтобы и она стала живым духом, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет женщиной, вступит в царствие небесное".

ВЛИЯНИЕ ГНОСТИЦИЗМА НА ОБРЯДОВУЮ И БОГОСЛУЖЕБНУЮ ТРАДИЦИЮ ХРИСТИАНСТВА

Осуждением основных идей гностицизма занимался в середине III в. также неоплатоник Плотин со своими учениками. Его отношение к гностицизму - это взгляд консерватора, внезапно понявшего сущность движения. Душа и тело для него - это два обитателя одного дома: преступно уничтожать материю, чтобы чрезмерно возвеличивать дух лишь с целью легковерно превратить его в "сына божьего". С другой стороны, для чего вечно подчеркивать различия, которые существуют на земле в распределении счастья и богатств? Так можно разрушить здание нравственности и общества: отсюда недалеко и до распада государства.

Такова тема Платиновой книги "Энеад". Нет сомнения, что источники гностицизма были насыщены устойчивыми мотивами социальной оппозиции, оформленной в терминах религиозного инакомыслия.

Гностические общины распространялись с Востока по всему западному миру и разлагали столицу империи своей всепроникающей и упорной пропагандой. Они также способствовали развитию коллективной молитвы, которая стала уже не простым напоминанием о конце ("Приди, господи") или формой благодарствования, а поэтическим изъяснением чувств, оживленным музыкой и пением. Примером тому служат "Оды", дошедшие до нас под именем Соломона и которые "Мураториев канон" склонен, как видно, приписывать еретiku Валентину, особенно же один гимн, включенный Левкидом Кариним в повествование о странствии апостола и евангелиста Иоанна.

"Я шел вместе с Христом и заметил, что он не оставлял никаких следов на земле. И прежде чем его захватили иудеи, он велел нам расположиться кругом, крепко взявшись за руки, встал в центре круга и запел. "Предайтесь все звукам и танцам, - сказал Христос. - А ты, танцуя, пойми, как я поступаю, поскольку твоя та страсть, которую я должен пережить ради человечества". И верующий отдается песнопению о мистической смерти, как было принято веками в мистических культах и делается еще теперь на собраниях некоторых американских протестантских конгрегации, особенно в среде негритянских меньшинств и рабочих-иммигрантов.

Различные фазы гностического богослужения, по-видимому, были оформлены как серия обрядов, включавших три ритуала, о которых упоминает "Дидахе".

Таковы обряды освобождения (крещения), общественного прощения (покаяния), приобщения новообращенного с помощью оливкового масла (конфирмация или миропомазание), священной трапезы (евхаристии), помещения в особую комнату при бракосочетании (церемония бракосочетания), напутствие умирающему (последнее причастие), к которым добавлялся по какой-то еще неясной модели обряд посвящения в ответственное служение общине (рукоположение, посвящение в священнический сан).

Эта ритуальная практика, полностью перешедшая в мь священных обрядов церкви, означает заключительный пункт отделения христианства от иудаизма. Слово "мистерия", которое обозначало кульминационные моменты посвящения в культ спасения, начинает переводиться на латинский язык словом "сакраментум" - "посвящение", "клятва преданности", которую солдаты давали военным властям.

О библейском боге войска осталось одно воспоминание. Для Тертуллиана подлинное "воинство" есть христианская вера. "Солдатами", кстати, становились на одной из ступеней посвящения в религию Митры, самой значительной среди всех тех, что были распространены в греко-римском мире и конкурировали с христианством.

ГЛАВА 5

ПЕРВЫЕ ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ РАЗРАБОТКИ И РЕАКЦИЯ НА НИХ НАРОДНОГО ПРОРОЧЕСТВА

Движение гностицизма, которое бурно развивалось в тот самый момент, когда еврейская нация сходила со сцены, внезапно столкнулось с сильной оппозицией со стороны тех, кто продолжал смотреть в сторону Палестины, на библейскую традицию как на историческую связь в великом потоке восточного мистицизма, который затапливал всю территорию империи.

Евсевий Кесарийский, который писал свою "Церковную историю" в первые десятилетия IV в., утверждает, что имел доступ к пяти книгам ныне утраченных "Мемуаров" некоего Егесиппа, обратившегося в христианство иудея, современника главных учителей гносиса. Он часто ссылался, согласно Евсевию, на "Евангелие евреев" и на "Сирийское евангелие" и, кроме того, "извлекал наблюдения и даты из арамейского языка" ("Церковная история", IV, 22, 3). Считается, что именно к нему восходит, помимо всего прочего, авторство игры слов с двойным именем Кифа-Петр (которая имеет смысл только на арамейском языке), чтобы наделить апостола обширными юридическими правами, впоследствии санкционированными римским престолом.

Егесипп преследовал две цели. Во-первых, показать, что все уклоны, которые он встречал в лоне известных ему христианских церквей, возникли не в эллинистическом мире, как утверждали первые теологи, но были прямым противовесом ересям, возникавшим в истории иудаизма; и во-вторых, составить точный список "апостолического наследования", гарантирующего преемственность возведенного мессией учения.

Церковная иерархия, которая утверждается в ходе II в. в образе "монархического" епископа, высшего руководителя и наследника апостолов, складывается отныне не как первозданный институт, а как средство укрепить религиозную структуру, подорванную в своей основе космическим дуализмом гностиков и бесконтрольным пророчеством в рядовых общинах. Тем более, что именно в эти десятилетия концепции христианства как развития и совершенствования библейской традиции был нанесен весьма чувствительный удар.

ЦЕРКОВЬ МАРКИОНА

Когда вновь обращенный Егесипп прибыл, как рассказывает Евсевий, в Рим, он нашел, что большая часть общин подпала под влияние Маркиона, сына одного богатого купца из Си-нопы, на Понтийском (Черном) море, который был епископом этого города.

Изгнанный отцом за свои религиозные идеи, Маркион перебрался к 140 г. в столицу империи, где был принят с распростертыми объятиями собратьями по вере. Богатый по рождению, он завоевал симпатии со стороны малоимущей части общины, сделав жест, который уже тогда был необычным: он отказался от всего имущества и передал его церкви, которая его приютила.

Ересиологи соткали густую сеть противоречивых и двусмысленных толков относительно взглядов Маркиона, вплоть до прямого включения их в учение гностицизма, но здесь мы сталкиваемся с издержками полемики, связанными с опровержениями идей Маркиона со стороны Иренея и особенно Тертуллиана, многократно старавшихся в конце столетия возложить все возможные вины на того, кто считался одним из наиболее опасных врагов общепризнанного направления христианского вероучения. Даже родина Маркиона - Понт, один из самых культурных районов Малой Азии, - стала для Тертуллиана не чем иным, как прибежищем диких и разнузданных людишек, живущих в повозках, питающихся мертвечиной и предающихся кровосмесительной любви, страной, "где солнце никогда не светит и днем всегда темно" ("Против Маркиона", I).

Тертуллиан не был просто несведущим в образе жизни современников. За пренебрежением к истинам географии можно уловить в его нападках намек на

конфликт между светом и тьмой, представление о котором характерно для всякого дуалистического видения природы и жизни. А это был единственный элемент, позволявший сблизить маркионову идеологию с гностицизмом. Но если гностический дуализм отправлялся от космоса, чтобы прийти к человеку, бессознательной жертве исходящего извне метафизического осуждения, то мысль Маркиона двигалась совсем в ином направлении.

В оригинальном произведении, которое ему приписывается, в "Антитезах", он ограничивается документированием при помощи параллельного цитирования, как видно из самого названия этого труда, указывает на противоречия между Ветхим заветом, идеология которого основана на насилии и соблюдении закона, навязанного человеку почти как наказание, и "экономическим" мышлением Нового завета, основанным на идее солидарности и освобождения от всякого повиновения закону, предназначенному скрыть испорченность и пороки мира. Отсюда еще не осмысленное в собственно теологических терминах различие злого бога, автора творения и древнего Моисеева закона, и доброго бога евангелий, который жертвой своего собственного сына обеспечил верующим освобождение от зла и несправедливости.

В документах, на которые опирается церковная традиция, *ita* истина, согласно Маркиону, затемнена множеством компромиссов. Он отвергает поэтому все евангелия, которые имели хождение в христианских общинах, за исключением Евангелия от Луки, очищенного от всех искажений и дополнений, введенных "иудаизирующими" авторами. Из посланий Павла он признавал только первые десять (исключая три других, послание к евреям в том числе), тоже очищенных от "законосообразных" вставок.

Антиклерикальная литература обвинит по истечении некоторого времени Маркиона, главу диссидентской школы II в., в сокращении павловского эпистолярия до десяти посланий и манипулировании ими без всякого удержу, чтобы скрыть все, что еще отзывается в них иудаистским влиянием.

Это не была попытка подлинной критики библейских текстов. И однако следует признать, что Маркион первый попытался произвести целостный пересмотр текста Нового завета.

Его излюбленным мотивом было требование не вливать молодого вина в мехи ветхие. Это изречение, которое Маркион заимствовал в Евангелии от Луки (5 : 37), войдет затем в синоптическую традицию. Иначе говоря, следует отвергнуть все, что связывает нас с библейским богом, с иудаистским законом и с самой человеческой природой Христа, представляющей собой лишь видимость: спаситель сошел на землю с неба уже взрослым, чтобы упразднить законы и пророчества. Суровый моральный ригоризм дополнял эту идею: запрет употреблять в пищу мясо, отказ от бракосочетания, аскетическая жизнь, которая уже контрастировала с включением множества христианских общин в игру экономических и социальных интересов и в соревнование за власть.

Предание гласит, что около 144 г., когда старейшины римской церкви отдали себе отчет в подлинном смысле программы Маркиона, они вернули ему средства, которые он внес, и исключили его из своих рядов. Сторонники Маркиона организовали отдельные общины, положившие начало церкви маркионитов, власть в которой концентрировалась в руках епископов. Однако кое-что из его учения считалось приемлемым. Всего через несколько лет после этого разрыва апологет Юстин воспроизвел один из его центральных мотивов в своем "Диалоге с евреем Трифоном": христианство отныне есть "единственный и истинный иудаизм", и Моисеев закон не может быть теперь навязан всем верующим.

Создание целой сети общин, преданных Маркиону, которая удерживалась несколько столетий, побуждало руководителей других общин укреплять свою власть и поддерживать идущую от апостолов непрерывную преемственность, на которую указывал Егесипп. Тень, брошенная на часть текстов, происхождение которых возводилось к истокам евангельской проповеди, заставляла острее чувствовать потребность в разработке четкого канона писаний Нового завета. Именно тогда, в ответ на вызов, брошенный маркионитской церковью, число их было определено равным 27, в соответствии с символической цифрой, отвечающей числу писаний Ветхого завета.

НОВОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ МИЛЛЕНАРИЗМА

В своей религиозной программе Маркион и его ученики отвергали идею предназначенного править землю мессии и не оставляли в ней места ни для апокалиптических ожиданий, ни для внезапных и резких преобразований существующего политического и экономического уклада. Если приписанное Маркиону авторство появившегося в тот период небольшого текста на греческом языке, "Письма к Диогнету", в самом деле подлинно (хотя ни один отец церкви ничего о нем не знал: текст этот был опубликован только в 1592 г. Энрико Стефаном), то по нему можно понять, какова была позиция маркионитов по отношению к имперскому обществу. Никаких мятежей, никакого априорного осуждения государства, будь оно "эллинское или варварское", жизнь корректная и примерная, с единственной заботой держаться подобно чужакам, гостям в стране, где они находятся: для христианина "всякая чужая земля - родина, всякая родина - чужестранная земля" (глава V). Верующий обращен к иной действительности, которая все более и более приобретала смысл посмертного воздаяния.

Описание "царства", которым упивалась мессианская литература и которое с наивным чистосердечием воспроизводит Папий из Гиераполя, почти земляк Маркиона, претило последнему. Протестуя против осуждения Маркионом традиционной эсхатологии, Юстин и Иреней сочли себя обязанными заявить, что "нельзя быть христианином, если ты не веришь в тысячелетнее царство". А столетием позже хронист Юлий Африкан уточнял, что Христос был рожден в 5500 г., в середине шестого тысячелетия [От сотворения мира. - Прим. ред.], следовательно, остается менее трехсот лет до начала седьмого тысячелетия, желанного периода счастливой жизни в восстановленном Иерусалиме.

Срок, однако, оказался не столь близким.

В "Пастыре" Гермы, написанном во времена династии Антониной, церковь сравнивается с некоей башней, строительство которой будет продолжаться до конца света. Времени остается только для последнего всеобщего прощения грехов: богачи да воздержатся заниматься своими делами, пока еще не слишком поздно. Всякое примирение с окружающим социальным миром недопустимо.

Похоже, что автором этого небольшого сочинения с пророческими интонациями, написанного по-гречески в Риме, был некий египетский еврей, проданный в рабство после падения Иерусалима в 135 г. Одна столичная матрона купила его и затем освободила. Во всяком случае, ясно, что он говорит от имени рабов, отпущенников и малоимущих слоев, которые составляли тогда большинство христианской общины Рима.

Его монотеизм строго иудаистского толка. Он ни слова не говорит о Христе. Иисус для Гермы - только человек, наделенный исключительными качествами, избранный богом за его заслуги посредником в предвидении нового закона милосердия и сострадания. Догма значит меньше, чем сострадательное участие. Верующие прозваны "святыми", как в некоторых новозаветных посланиях и в Учении апостолов. Многозначительно также обличение управителей общины, диаконов, которые "расхищают добро вдов и сирот и присваивают неправедные блага, придерживая пожертвования, которые должны были распределять" ("Парабола" 9, 26).

Книга представляет собой как бы серию из пяти видений, двенадцати правил (или "мандатов") и десяти метафор ("парабол"), которые ангел покаяния в образе молодого пастуха сообщил пророку. Это "добрый пастырь" из катакомб; но он встречается и в посвященных Гермесу писаниях как Поимандр и "пастырь людей", где он выступает одним из символов Митры. В этом одна из причин, почему книга быстро стала столь популярной, а во многих местностях составила часть свода священных писаний.

Таково мнение Иренея Лионского, Климента Александрийского и Оригена, а также неведомого компилятора "Мураториева канона". Сочинение Гермы было включено в древнейший манускрипт Нового завета "Синаитский кодекс", составленный в конце IV в. Однако имелось немало противников, выступавших

против его включения в число боговдохновенных книг. Тертуллиан, возмущенный снисходительностью Гермы к грешникам, обвинил его в попустительстве и назвал "пастырем чужеложества".

Новые церковные иерархии, которые возникали в лоне христианских общин как на Востоке, так и на Западе, не могли оставаться безразличными к возрождению милле-наристского пророчества.

Из "Мураториева канона"

Говорят, что под именем Павла ходили также иные послания, одно к лаодикянам и другое к александрийцам, но это подделки, возникшие из ереси Маркиона, и всемирная церковь не могла их принять, В самом деле, не следует мешать желчь с медом.

Церковь признала, однако, послания Иуды и два послания Иоанна, а также книгу Премудрости Соломона, написанную друзьями Соломона в его честь. Мы признаем также только Откровения (Апокалипсисы) Иоанна и Петра, хотя некоторые из наших не желают читать их в церквях. Недавно, в наше время, Герма написал "Пастыря" в городе Риме, когда на городской римской кафедре сидел епископом Пий, его брат. Подобаает его читать, но нельзя представлять его народу в церкви ни как пророка, поскольку их число отныне определено, ни как апостола, коль скоро их времена уже завершились.

Мы не принимаем совершенно ничего из писаний Арсинея и Валентина или Мильтиада, которые составили также новую книгу Псалмов Маркиона вместе с азиатом Василием, основателем движения катаф-ригийцев [Одно из наименований сторонников Монтана, членов раннехристианской секты монтанистов, происходящее от названия мало-азиатской Фригии, где возникло их движение. - Прим. ред.].

Христианские общины, организованные как временные структуры в ожидании всеобщей катастрофы, преобразуются в реальные "содружества", иначе говоря, в настоящие церкви с задачами и учреждениями постоянного характера. Духовенство, клир стремятся все более отмежеваться от остальных верующих; греческий термин "кле-рос" - "владение", "земельный надел", - обозначавший первоначально лишь лиц, ведавших финансами общины, теперь начинает применяться в специфически религиозном смысле. Демократическая организация первых времен, основанная на коллегиальном руководстве, уступает место новым формам церковного правления. Из комитета старейшин мало-помалу выделяется главный священнослужитель или епископ. Обе эти ступени еще не вполне различимы, важно, однако, - и это главное в системе правления, - что и старейшины и епископ выводят свою власть уже не снизу, из общины, но из апостольской инвеституры - передачи власти и прав.

Этот процесс совершался первоначально в Малой Азии. Подтверждение тому мы находим в легенде о Поликарпе, который, согласно Иренею, был будто назначен Иоанном и другими пресвитерами, которые знали господина епископом Смирны. То же говорили о Папии, еписко-деГираполя во Фригии.

О Поликарпе известно также, что под конец жизни он отправился в Рим, чтобы обосновать свою дату празднования пасхи, ибо христиане Малой Азии отмечали ее одновременно с евреями, в четырнадцатый день месяца нисан, который совпадал с датой весеннего равноденствия. Между тем большинство общин склонялось отнести начало празднеств на следующее воскресенье, через неделю по истечении еврейского праздника, в воспоминание о воскресении Иисуса.

Противоречие в то время не было разрешено. Несмотря на давление Поликарпа на его римского коллегу Ани-кета, восточные и западные общины оставались при своем. Празднование совершалось в разное время в различных церквях, отчасти этот разнобой имеет место и по сей день. Один из последователей Аникета, епископ Виктор (189 - 198), поставленный в затруднительное положение группами выходцев из Азии, которые продолжали соблюдать пасху в иной день, чем другие верующие столицы, попытался навязать всем богослужбное единообразие, но встретил почти единодушное противодействие.

Епископ лионский Иреней, пользовавшийся большим престижем, решительно выступил в защиту самостоятельности отдельных общин против решения высшего представителя римских христиан.

НАСЛЕДИЕ ПРОРОЧЕСТВА: МОНТАНИЗМ

Непродолжительные, но жестокие репрессии со стороны государственных властей в провинциях, обрушившиеся в первую очередь на бедные и непримиримые общины Анатолии, сломили старого Поликарпа. Приведенный в судилище около 160 г. епископ Смирны отказался присягнуть императору и заявил, что его единственный государь - Христос. Проконсул провинции Азии Квадрат осудил его на смертную муку на костре, сложенном на городском стадионе. Верующие уверяли, что видели, как душа Поликарпа вылетела из пламени, точно голубка. Но Лукиан из Самосаты, пародировавший эту сцену в антихристианской сатире "О смерти Перигрина", без всякого благочестия утверждал, что то был ворон, который кружил поблизости, и это самое большее, что могло случиться при сожжении.

Жестокость преследований, добавлявшаяся к хроническому состоянию нищеты рабов и крестьян Фригии, где христианство приобрело многочисленных приверженцев, побудила массы увидеть в этих гонениях знамение неминуемого конца, который, быть может, лучше было бы встретить яростным мятежом, как предрекалось некоторыми древними христианскими писаниями. Епископальные власти, однако, смотрели на положение иначе. Все это толкало массы на возрождение революционного мессианизма первых времен христианства и на переоценку роли пророков, вопреки епископату.

Новое движение, которое получило впоследствии название монтанизма (по имени его основателя Монтана), победно распространялось по всей Фригии и в течение нескольких лет охватило общины Востока и Запада, вплоть до Рима, далекой Галлии, и особенно Северной Африки, где "новые пророки" в конце века сумели привлечь на свою сторону своего самого прославленного приверженца, апологета Тертуллиана.

События эти совершились в начале второй половины II столетия. Первые центры нового движения возникли в Пепузе и Тимионе, близ Филадельфии в Южной Фригии. В ячейках, составленных из рабов и батраков, было много женщин. Лица, которые вели пропаганду идей монтанизма, именовали себя "новыми пророками" в отличие от пророков Ветхого и Нового заветов.

Единственность бога для них - безусловный факт, миссия Христа на земле лишь вторична, а роль духа всеопределяюща. Нередко в собраниях монтанистов имели место проявления экстаза и харизматического "чудодейства". Приписанное Монтану, который, возможно, был до обращения в христианство жрецом одного из мистических культов, изречение звучит так: "Человек подобен лире, и дух соприкасается с ним, как плектрум" [Плектрум - палочка для игры на лире. - Прим. ред.] (Епифаний, "Панарион", XLVIII, 4). Пророки-монтанисты вдохновлялись идеей утешения, обозначенной в Библии термином "параклит" ("утешитель"). Таков один из эпитетов божественного духа, который встречается в Новом завете, в Евангелии от Иоанна.

Акцент на функции "духа" в жизни христианских общин сам по себе несколько не удивителен. Но времена уже были не те, что некогда стимулировали обращение к духу...

Явления экстатического возбуждения - "невнятные говорения" ("глоссолалии"), как и пророческий энтузиазм, характерны для моментов высшего напряжения, верующих. Нередко в состоянии экстаза впадали женщины (как это бывало с легендарными дочерьми Филиппа), что особенно часто случалось в Малой Азии, где веками почитались великие женские божества. В монтанизме тоже скоро прославились две жрицы - Приска, или Присцилла, и Максимилла, близкие к основателю движения. Другие встречались в Лаодикее. Некая женщина стимулировала создание общины монтанистов в Карфагене. Все они предрекали конец света и победное возвращение Христа.

Максимилла изрекала: "После меня не будет ни одной пророчицы и жизнь на

земле прилет к концу". Была установлена примерная дата, около 176 г. сошествия с неба нового Иерусалима на равнину, где стоял скромный городок Пепуза. Лихорадочное ожидание этого явления побуждало к более чистой жизни, к соблюдению более суровой коллективной нравственности (прославление безбрачия и девственности, отказ вступать во второй брак, строгие посты) и к безусловному прославлению мученичества вплоть до доноса на самих себя. Подобные настроения не встречали одобрения иерархии. В "Мученичестве Поликарпа" в назидание верующим упоминается случай с неким Квинтом, который по собственному желанию явился к властям, чтобы воспринять смерть, но, охваченный страхом при виде диких зверей в цирке, отрекся от веры и принес жертвы другим богам.

В отношении монтанистов к государственным властям есть элементы ненависти к Риму, характерной для народных масс Малой Азии, места, где столетием ранее был создан Апокалипсис. Разлад с иерархией и антиримские настроения в конце концов слились воедино.

Весьма мало известно о внутренней жизни монтанист-ских общин. Движение пришло к концу после того, как в первые десятилетия III в. сошли со сцены "новые пророки". Но аналогичное ему движение вновь началось в IV в., после победы Константина, в маленьких, носивших странные названия сектах, которые были уничтожены империей - теперь уже христианской - с той же жестокостью, что во времена гонений на язычников.

Однако осуждение монтанизма далось церковным властям нелегко.

Первоначально некоторые высшие руководители церкви терпели движение, а в некоторых случаях и поддерживали его. В Галлии верующие Лиона, которые большей частью происходили из числа иммигрантов из Азии и пережили гонения 177 г., направили в Рим посольство с целью избежать открытого осуждения пророчества епископом Элевтерием (175 - 189). Их главным представителем был Иреней, стремившийся избежать разрыва. По возвращении он был избран в знак признания главой общины. Но все оказалось напрасным. Пророчество быстро стало ересью: ересью фригийцев, или "катафригией", как говорили, образуя из греческого слова новый варваризм.

Когда первое вдохновение спало, а апокалиптические предвидения не оправдались, общины монтанистов стали подчеркивать свою обособленность в плане вероучения. Они отвергли всякую форму "познания", не связанную с индивидуальным и инстинктивным вдохновением. Монтанисты не доверяли теологии, которая стремилась придать большее значение функциям "логоса", или божественного глагола, в ущерб "параклиту". Тем самым они пришли парадоксальным образом к пресловутому "ало-госу", или противоположности "логосу", и потому не принимали ни Евангелия от Иоанна, ни самого Откровения Иоанна (Апокалипсиса). В Александрии египетские монтанисты поддерживали некоторые формы организованного аскетизма, который менее чем через сто лет, по-видимому, способствовал возникновению монашества.

С осуждением последних пророков миллениаристская идеология, которая всегда коренилась в широких народных массах как на Востоке, так и на Западе, тоже испытала тяжелый удар, но не исчезла совсем. По сути дела, столь осмеянные ясновидцы из Пепузы не слишком отличались от христиан апостольской эры. Их сближение с такой личностью, как Тертуллиан, нельзя считать случайностью.

Пророки в антихристианской полемике

(Из сочинения Оригена "Против Цельса", VII, 9)

Посмотрим же, что они говорят особенно опасного на их счет.

Многие из них, утверждает он, появляются крайне просто и при первом же удобном случае, не позволяя себя распознать, в храмах и вне их, бродят по городским улицам, точно нищие, или следуют за толпой и жестикулируют, словно их одолевает дух пророчества. Обычно от них слышишь: "Я бог, или сын бога, или божественный дух. Я явился потому, что мир подошел к концу и вы, о люди, погибнете из-за ваших грехов. Но я хочу спасти вас: увидите меня вновь,

когда я вернусь во главе моих небесных легионов. Блажен тот, кто окажет мне честь! На всех других я обрушу вечный огонь, и на них, и на их города и на их страны. А те, кто не понимают, на какие наказания они обречены, каются и вопиют напрасно. Но те, кто поверят в меня, тех я укрою вместе со мной навечно".

И так далее в этом духе. И к угрозам подобного рода они добавляют необычные, возбуждающие и совершенно непонятные слова. Никто, у кого голова на месте, не смог бы разобрать и понять их, так они темны и лишены смысла. Но их-то и пускают в ход первые попавшиеся шуты или мошенники.

При том, что во второй половине II в. догматика еще была крайне зыбкой и варьировала от города к городу, от одной социальной и культурной среды к другой, не имеет никакого смысла считать "еретическим" течение, вдохновлявшееся провидениями пророков и пророчиц Монтана. Феномен экстаза, который характерен для множества других культов и связан с применением возбуждающих трав и напитков, уже сам по себе предрасполагал к воздействию ясновидца на своих приверженцев.

Возникший в сердце Малой Азии, в зоне постоянного общественного неповиновения, монтанизм несомненно превратился в классовый ответ не только на попытки примирения с империей и привилегированными слоями, но также на сложные и противоречивые толкования мифа о спасении. Там, где более твердо боролся гностицизм, как, например, в церквях анатолийского побережья, в южной Галлии и в римской Африке, движение монтанистов позже встретит самую обширную народную поддержку. В лоне римской общины, неоднородной по строению и более близкой к центральным инстанциям политической власти, идеология фригийцев тоже привлекла немало сторонников, так что некоторые из новообращенных, такие, как пресви-

Тер Кай, против которого выступил Ипполит в начале III в., прямо и откровенно отрицали всякое значение Апокалипсиса, первоисточника всех миллениаристских надежд. Его автором, согласно Каю, якобы был не кто иной, как враг исконной церкви еретик Керинф.

Пророческо-ригористское направление монтанистских групп выветрилось не сразу.

Некоторые их общины еще были активны, когда после прекращения преследования христиан в церкви возникли новые движения протеста по поводу сложной проблемы возвращения в ее лоно отступников. Речь шла об отпавших от церкви "чистых", совершенных, группировавшихся вокруг Новатиана вначале и африканца Доната - позже. Монтанисты часто сливались с ними, но от их исходного учения что-то должно было оставаться. Оно вновь обретет силу и новое значение в пределах церкви в периоды великих кризисов, в борьбе против примиренцев и иерархии, и так будет вплоть до средневековых ересей катаров, богомилов болгар, альбигойцев, "спиритуалистов" Иоахима Флорского и апостольских братьев - диссидентов из францисканского ордена.

В трактатах крупнейших ересиологов наименование "монтанист" возникает то там, то здесь, и притом невпопад, так что исчезает ясное представление о первоначальном смысле монтанизма.

ХРИСТОС-ЛОГОС И УГНЕТЕННЫЕ

В тот период, когда христианство начинает превращаться в массовую организацию, выходит за пределы ограниченной национальной и социальной среды первых лет и все более воздействует на разнородные слои имперского мира, религии спасения, основанные на языческих культах мистерий, достигают наивысшего развития.

Их глубокое сходство с идеологией и богослужением разных направлений христианства поражало с первого взгляда уже в те времена.

Теологи неизбежно должны были задаться вопросом - в тех терминах, которые тогда были единственно возможными, - откуда происходит подобное сходство, что такое подлинное таинство, или "сакраментум". Эта немаловажная проблема заботит отцов церкви уже во II в. и еще более поглощает внимание

представителей крупных школ Александрии, Антиохии, Карфагена и Рима и ведет к изоляции и запрещению всех нехристианских культов государственными властями в конце IV в., стремившимися предотвратить возможные скандальные проявления их родства с христианством.

Вопрос этот был связан с другим - о происхождении самого язычества: являются ли боги обожествленными образами людей в состоянии блага и зла, как полагал еще Евгемер за несколько столетий до Христа, либо демоническими эманациями, воплощениями великого "врага", как Ханаанские идолы, превращенные в иудаизме в дьяволов?

Для тех, кто смотрел на культы мистерий, исходя из аналогий с христианским мифом, ответ на него мог быть только один. Речь идет о происках лукавых духов, которые стремятся увлечь и увести в сторону жаждущие искупления и очищения массы. Что касается официальной государственной религии, которая была под запретом для рабов, женщин и людей, не имеющих римского гражданства, то ее привлекательность была весьма слабой. Не следует забывать, что только в 212 г. закон Каракал-лы даровал свободным людям, жившим в границах империи, право стать гражданами, благодаря чему, кстати сказать, усиливался процесс образования полуавтономных провинций, что лучше отвечало нуждам местного управления и обороны, откуда и берут начало первые так называемые "варварские" государства.

Но над всеми теологическими фантазмагориями вырисовывается одно несомненное явление: начиная с конца II в. почти все религии мистерий, за исключением, быть может, культа Митры, неизменно уступают место христианским церквам. Что определило эту эволюцию, с которой после Константина и вплоть до радикального преобразования всей обстановки в средиземноморском мире должна была считаться центральная власть?

Социальные слои, среди которых оба эти типа культа развертываются, одни и те же: рабы и отпущенники, мелкие ремесленники и обедневшие торговцы, солдаты, набранные из трудового люда в городе и батраков в деревне, должники, все сбившиеся с пути истинного, военнопленные из сопредельных народов - галлов, иберов, далматинцев, германцев, сарматов, а также азиатские и месо-потамские наемники. Элементы привилегированных слоев, переживавшие амбиции и страхи, характерные для периодов экономических и политических кризисов, находят в этой религии прибежище, когда в поисках ясности духа и нравственного утверждения обнаруживают, что традиционная философия и стоическое и киническое учения не могут более их утешить. В этих культах сказывается влияние женщин, которые рассчитывают на определенные посты в жреческой иерархии. Марсия, одна из фавориток императора Коммода, - христианка. О ней говорят, что она пыталась помочь спасти жизнь осужденным на ссылку в смертоносные сардинские рудники товарищам по вере, среди которых был и будущий епископ Каллист. Суждения многих языческих авторов того времени, встревоженных проникновением христианства в господствующие слои общества, свидетельствуют о быстром росте числа приверженцев новой религии. Неоспоримый престиж некоторых крупнейших теологов, таких, как Ипполит из Рима, приближенный двора Северов, как Климент и Ориген, привлекает учеников и любопытных в первый христианский университет Дидаскалейон в Александрии Египетской.

Обычно утверждают, что постепенное преобладание христианства над религиями мистерий обусловлено двумя факторами - сочетанием мифа о Христе с достаточно точным историческим преданием, каким является библейская традиция, тогда как божества других религий пребывают в неопределенном и необыкновенном мире, и в существенном превосходстве евангельского благовещения, которое призывало к организации такой формы совместной жизни, которую не сковывали магия, астрология и подчас пугающие культовые обряды.

Нет сомнения, это - заслуживающие внимания мотивы. Но их недостаточно для объяснения явления во всей его сложности. Более важны другие причины. Прежде всего, это ориентация верующих на сверхъестественное, поскольку они предчувствовали пришествие "царствия божьего", в котором видели единственную альтернативу "царству Цезарей" и надежду на разрушение древних этнических и государственных барьеров. Несмотря на широкое распространение языческих

культов и их успех на всем пространстве империи, Дионис и Орфей оставались, по существу, эллинскими, Атис - анатолийским, Адонис - сирийским, Исида и Осирис - египетскими божествами, неизменно связанными с отдельными народами. Христианство же обращалось ко всем без различия, проповедуя равенство в грехе, в искуплении и воздаянии.

Во вторую очередь следует указать на меньшее финансовое бремя культа Христа. Подати, учрежденные для содержания различных религиозных организаций, давили на значительную часть населения, становились нестерпимыми. Тертуллиан отмечает с удовлетворением, что посещение храмов сокращалось из года в год (Апологетика, 23). Это не удивительно в условиях всеобщего экономического оскудения: империя, которая перестала расширяться, сжигала свои ресурсы в войнах против "варваров"; число рабов сокращалось вследствие эпидемий и ранней их смертности, переход от рабского труда к новой системе крепостничества порождал серьезные и непредвиденные трудности.

Наконец, в состоянии напряженности, вызванной ожиданием конца света, моральный ригоризм христианских общин не выражался в столь сложных и отягощенных запретами церемониях, которые разобщали людей, вместо того чтобы объединять их, как это было в соперничавших с христианством культах. Именно в силу преходящего, связанного с этим ожиданием характера Нравственных установок христианства оно порождало различные формы взаимопомощи и взаимодействия, умерявшие отчаяние наиболее бедных слоев. Конечно, тогда невозможно было предвидеть, что именно эта ситуация будет способствовать также и растущему разобщению клира с остальными верующими. Сам переход к менее требовательной в ритуальном отношении религиозной жизни породит затем протесты и расколы.

"Великое прощение", предложенное в "Пастыре" Германа, было принято только потому, что люди верили в близкий конец света. Но когда римская и карфагенская общины открыли ворота для грешников, когда рабы увидели, что их положение облегчается (так, например, римский епископ Каллист (217 - 222) стал рассматривать законными союзы матрон с рабами), часть членов этих общин, как мы увидим позже, отвергла собственного епископа. Но тогда столичная церковь разделилась надвое: Каллисту противодействовал Ипполит, которого историографы римской курии любят называть, не забывая об этом анахронизме, первым из "антипап".

В собственно идеологической области вырисовываются некоторые новые явления. Концепция единого бога, формирующаяся в структуре политеистического греко-римского пантеона, особенно заметно проявившаяся в культе солнца, уже ориентирует христиан на формулу веры, которая возобладает только после Константина: один бог на небе, один господин на Земле. Такому эклектизму, как Апулей, современнику апологетов, бесчисленные божества тоже могли показаться созданными одной высшей силой, но для массы верующих множественность богов была реальностью, которая обуславливала дробление на тысячи направлений того ритуального единства, в котором они ощущали потребность перед лицом враждебного им общества, вопреки все еще преобладавшему политеизму. Одна глубокая забота, продиктованная установками монотеизма, доминирует над христианской теологией вплоть до средних веков: как примирить единичность бога с обожествлением мессии? Как совместить человеческое страдание Христа с его сверхъестественной природой? И потом, как определить роль духа в этой триаде?

Вопреки абсурдности и искусственности этой проблемы, она существовала в конкретной жизни целых поколений христиан, прежде чем перейти в область догматической абстракции.

Трудно отрицать, что доктрина Христа-логоса возникла в обстановке колебаний и расколов не столько для того, чтобы представить в более доступных официальной культуре терминах мессианскую концепцию Израиля, сколько для того, чтобы ответить на поиски единства в низших слоях народа, который видел в страдании "сына божьего", замещающем их собственные страдания, надежду на освобождение. Это нужно иметь в виду, если есть желание что-либо понять в процессе отчуждения мира, типичном для всякой религиозной идеологии.

В отождествлении евангельского Иисуса со "словом" или "разумом" бога, то есть с "логосом", еще не было ни единства, ни четкости. Для Юстина и Климента Александрийского это скорее философская, нежели теологическая концепция. Не исключено, что вначале Христос представлялся своего рода демиургом, который посредничает в отношениях между творцом и творением, но без выводов гносиса, который видит в них две антагонистические сущности. К тому же предсуществование этого демиурга признавалось не всеми.

Стоическое воспитание некоторых апологетов побуждает их утверждать, что по существу любой человек уже обладает в своем разуме частицей божественного логоса, Который проявился в Иисусе. Тем самым был сделан решительный шаг: если существует рассеянная в мире рациональная субстанция (Юстин), она должна в потенции существовать уже в отце, как его внутреннее "слово" (Фес-фил Александрийский) или как его внешняя эманация, порождаемая извечно (Афинагор). Чтобы преодолеть обвинение в "дитеизме", то есть удвоении единственного божества, большая часть этих теологов дает понять, что Христос должен быть каким-то образом подчинен отцу. Ирней, который мыслит обе сущности раздельно (впоследствии они станут тремя лицами догмата троичности), считает как сына, так и дух подчиненными отцу, простыми орудиями его деятельности.

В ходе этих постоянных теологических исканий возникали "ереси", случаи отпадения, отделения от общей веры. Но это не самое интересное явление в христианстве той эпохи. Важнее отметить возникновение "монархической" тенденции, в соответствии с которой три божественные ипостаси, как три способа бытия, подчинены единой юрисдикции отца - в этом учении о подчинении сына отцу естественно отражаются характерные отношения в человеческой семье.

Но и иррациональное имеет свою логику, хотя и извращенную.

Если Христос, в котором воплощен логос, есть только человек, его жертва не выглядит достаточно внушительной, чтобы восстановить нарушенное первородным грехом равновесие. Если он бог в абсолютном смысле, сам отец оказывается вовлеченным в его страдания и в скандал крестной муки. Праксея и Савелий исповедовали эту вторую теорию и были сурово осуждены. Им было вменено желание "заставить страдать отца" вместе с сыном (пар-тиципатизм [От латинского *participare* (партиципаре) - "участвовать". - Прим. пер.]), точно само по себе приобщение отца к страданиям сына не содержится в скрытом виде в христологии любого типа.

ПЕРВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

Более распространено было противоположное течение, получившее наименование адаптационизма [От латинского *adoptare* [адоптаре] - "принимать", "усыновить". - Прим. пер.]. Оно пыталось преодолеть трудности, утверждая, что Христос не всегда располагал прерогативами божества, а был возведен в ранг бога посредством особого рода приобщения к отцу.

Церковная история приписывает происхождение подобной доктрины небольшой школе, возникшей в конце II в. во главе с неким Феодотом из Византии и другим Феодотом, прозванным "банкиром". В действительности это учение отнюдь не было новым, оно лишь встретило особенно благоприятный прием в тот момент, и главным образом в Риме, поскольку переводило в религиозную сферу практику адаптации (принятия, усыновления) преемников императоров, которая стала нормой при Антонинах. Наследственная передача престола оказалась губительной. Правда, и новая система оказалась недолговечной. Во всяком случае, обнаружилась быстро возникшая связь между монархическим строем империи и христианской теологией.

Почти все, кто возглавлял подобные школы в тот период, происходили с Востока или по меньшей мере говорили по-гречески. Правду говоря, преждевременно еще именовать их "школами", за исключением школы Александрии Египетской, где существовал дидакалейон, основанный около 180 г. Пантенном, которому наследовали Климент Александрийский и Ориген. Школа Малой Азии,

одно время процветавшая, быстро растеряла силы и теперь отождествляется лишь с именем Иренея, перебравшегося впоследствии в Южную Галлию. В Антиохии, Риме и Карфагене существовали только отдельные отцы церкви.

Вместе с тем осуществляется своеобразная специализация направлений. В Александрии преобладает методология Платона, в Антиохии - логика Аристотеля, в Риме - эклизиологический (церковно-богослужебный) прагматизм, который обращает особое внимание на вопросы обряда и поведения. Все это скорее ориентации, чем школы в организационном смысле.

Для александрийских теологов центральной темой явились отношения между человеческим и божественным на почве "познания", доступного не всем и не имеющего характера непосредственной интуиции, способной преобразовать жизнь христианина.

Климент, обреченный в 202 г. на изгнание эдиктом Септимия Севера и умерший незадолго до начала 215 г., пытался дать вере более рациональную основу. Он прибегал к аллегорическому истолкованию Библии, чтобы устранить аспекты веры, мало приемлемые для людей, воспитанных на греческой культуре. Его сочинения особенно ценны огромным количеством информации относительно религиозной идеологии античного мира, собранной в "Строматах", или "Коврах", а также благодаря опыту христианской педагогики ("Протрептих грекам" и "Педагог").

[Image001]

Римская империя 30 г. до н. э. - II в. н. э.

[Image002]

[Image003]

Район, где, по библейскому преданию, возникло христианство.

[Image004]

Находки у Мертвого моря. Терраса перед входом в "Пещеру писем", где в 1961 г. были обнаружены документы периода восстания Бар-Кохбы.

[Image005]

Медный свиток, вставленный в аппарат для распиливания.

[Image006]

Воссоединение отдельных рукописных фрагментов.

[Image007]

Римские катакомбы. Внутренний вид комнаты в катакомбах св. Цецилии.

[Image008]

Разрез катакомб. На рисунке видны комнаты различной величины: малые, средние и большие. Первые носят название "кубйкул", вторые - "крипт", третьи - "капелл".

[Image009]

Библейские сцены. Роспись из катакомбы св. Каллиста.

[Image010]

Разные виды креста: 1) древнеегипетский крест с петлей; 2) греческий; 3) латинский; 4) Т-образный; 5) свастика; 6) св. Андрея; 7) папский; 8) якорьобразный; 9) виселицеобразный; 10) трилистникообразный; 11) лоренский (русский патриарший); 12) мальтийский.

[Image011]

Христос в виде доброго пастыря.

[Image012]

[Image013]

Внешний вид христианской базилики. Равеннская базилика св. Апполинария Нового.

План латинской базилики: 1) Вход, 2) Неф, 3) Место для хора, 4) Вход на хоры, 5) Алтарь, 6) Алтарь под балдахином, 7) Место священника, 8) Абсида

[Image014]

Добрый пастырь. Мозаика в равеннской церкви св. Назария и св. Цельсия, построенной Галлой Плацидой, дочерью императора Феодосия Великого.

[Image015]

Христос отделяет овнов от козлиц. Мозаика. Равенна.

В римских катакомбах найдены следующие символы первых христиан: якорь, голубь, феникс, павлин, петух, агнец, лев, оливковая ветвь, лилия, рыба, лоза виноградная, корзина с хлебом. Греческое слово "рыба" включает в себя начальные буквы слов: Иисус Христос, божий сын, спаситель. Корзина с хлебом

напоминает о таинстве причащения.

[Image016]

[Image017]

Рыба и корзина с хлебом.

Павлин - символ бессмертия, так как, по мнению древних, тело его не подвергается разложению.

[Image018]

Поцелуй Иуды. Мозаика в равеннской церкви св. Апполинария Нового.

[Image019]

Изображение Иисуса Христа в церкви св. Апполинария Нового. Мозаика.

[Image020]

Христос перед Пилатом. Мозаика. Равенна.

[Image021]

Распятие. Рельеф на дереве. V в.

[Image022]

Монограмма Христа и сцены страстей. Рельефы саркофага. IV в. Рим.

[Image023]

Изображение евангелиста. Живопись. Поздний VI в.

Ориген был слишком молод в момент преследований 202 г., он был арестован только при императоре Деции в 250 г. и умер вскоре в Тире, в возрасте 69 лет. Это не был новообращенный христианин, его семья уже была христианской. Оригена в меньшей мере заботили апологетические проблемы, а прошлое способствовало его превращению в крупнейшего представителя гносиса, усвоенного с детства и равносильного для него традиционной теологии. Отцы церкви IV и V вв. в большинстве своем подвергали его нападкам, которые завершились осуждением, провозглашенным Юстинианом в 543 г. и V вселенским собором в 553 г.

Крупнейшие сочинения Оригена - четыре книги "О принципах", дошедшие до нас в латинском переводе Руфина, и полемическое произведение "Против

Цель-са" - это ответ на критику со стороны культурного языческого общества. Легенда, впрочем, утверждает, будто Ориген написал более тысячи книг. Он обращается к трем или четырем темам, которые полагал главными: троичность, сотворенная материя, свобода выбора и возвращение добра и зла в состояние первичного совершенства в результате очистительной космической катастрофы, апо-катастасису, о котором говорили еще стоики.

Ад, согласно Оригену, не может быть вечным. Бесконечная длительность зла, как и его осуждения, представляется ему противоречием всемогуществу бога. Очевидно, вместе с изменением форм антагонизма богатых и бедных, подчиняющих и подчиненных, происходила и переоценка метафизического дуализма, вплоть до его изживания. Сходной с Оригеновой оказалась, надо сказать, позиция многих средневековых и современных теологов.

Так называемая Антиохийская школа, которая сыграла столь видную роль в конце III в. в зарождении арианства, отвергла неограниченное использование аллегории в комментариях к Ветхому и Новому заветам и защищала буквальный смысл священного писания. Непроизвольно это направление способствовало формированию более корректного в филологическом отношении текста. В то же время наиболее знающий представитель этой школы Лукиан, погибший во время гонений на христиан при Мак-симине, в 312 г., сближался с адаптационистскими течениями: он обучал самого Ария. Понятия "субстанция", "личность", "сущность" в свете аристотелевской философии звучали в этой школе весьма отличным образом, чем, например, в школе александрийского платонизма.

В сложном процессе формирования теологии противоречие между иерархией и массами простых верующих еще более усилилось. Верующие чувствовали себя чуждыми диспутам между различными течениями, если только в них не участвовали руководители их общин, с которыми они себя отождествляли и богослужебные и обрядовые формулы которых они поддерживали. Впрочем, все эти течения не слишком отличались друг от друга. Культ и общность социальных интересов вновь восстанавливали единство, дававшее трещину на почве вероучения.

Характерно, что схоластические и часто смехотворные рассуждения богословов восточных школ, переведенные на латинский язык, приобретают большую точность.

Не случайно первый систематический трактат, посвященный вопросу о троичности, вышел из латиноязычной среды. Его автор, римский священник Новатиан, писавший в середине III в., был приверженцем нетерпимости в области религиозной жизни. Влияние Новатиана распространялось и на общины Северной Африки. В Риме и Карфагене возникло движение, которое воспротивилось более снисходительному применению церковных законов к отступникам: тот, кто предал общину, отказавшись из страха или по расчету от своей веры, более недостоин к ней принадлежать.

Латинский язык начинает утверждаться как носитель норм жизни, отличавшихся от нестрогих устоев более сложных по этническому и социальному составу эллинистических общин. Начинает вырисовываться церковь нового типа - бюрократическая, претендующая на исключительное представительство христианского движения: закладываются основы реального главенства в церковной Иерархии, которое позже оформится в централизованную власть римского епископа.

ХРИСТИАНСТВО В РИМСКОЙ АФРИКЕ

Истоки христианских общин в Северной Африке неясны. Возможно, что новая религия завербовала своих первых приверженцев в рядах карфагенской иудаистской колонии, которая поддерживала тесные торговые отношения с морскими центрами Сирии и Египта.

На еврейском кладбище, открытом в Гамарте, недалеко от Карфагена, обнаружены следы памятников несомненно христианского происхождения, на которых видны изображения якоря, символа креста, и голубки, олицетворяющей искупленную крещением душу. Разрыв с иудаистским окружением был для

христиан болезненнее, нежели разрыв с другими сферами иммиграции, если учесть, что во времена Тертуллиана евреи еще были в числе наиболее ревностных борцов против христиан.

Но в истории римской Африки христианство заявило о себе только в момент репрессий 180 г., которые прокатились по провинциям, считавшимся недостаточно надежными, когда вскоре после смерти Марка Аврелия обстановка стала угрожающей на границах Рейна, Дуная и других. "Деяния мучеников Скилии" (городок в Нумидии. - Прим пер.), где речь шла об осужденных на обезглавливание в Карфагене при проконсуле Вегеллии Сатурнине, стали первым произведением христианской литературы на латинском языке.

Жертвы, однако, были не первыми.

Примечателен факт, что древнейший мученик, о котором сохранилась память, был раб, по имени и происхождению пуниец - Намфан из Мадауры. От других остались лишь имена, неизвестно и время их гибели. Схваченным в 197 г. во время новых антиримских волнений верующим Тертуллиан выразил свою солидарность в сочинении "Мученикам".

Едва был издан в 202 г. эдикт Септимия Севера против христианской проповеди, проконсул Минуций Тиминиан приказал схватить шестерых верующих, мученическая смерть которых поминается в "Мучениях святых Перпетуи и Фелициты" - документе непримиримом и реалистичном, монтанистского направления. Мученики происходили из небольшого поселения и принадлежали к разным социальным слоям: Перпетуя - 22-летняя дочь язычника-нобиля, Фелицита и Ревокат - рабы, Сатурник, Секонд и Сатур - люди самых низких званий. Суд в Карфагене присудил бросить их диким зверям, а затем прикончить мечами гладиаторов. Яростные репрессии обрушились как на пунические и нумидийские элементы, вечно таившие недовольство римской колонизацией, так и на диссидентов из богатых италийских провинций, которые перевели свое имущество в земли Северной Африки, обеспеченные дешевыми рабочими руками и весьма плодородные. Лишь завоеванная вандалами и порабощенная арабами в раннем средневековье, эта страна, процветавшая еще во времена Августина, в конце концов оскудела.

Христианская проповедь быстро завоевала сочувствие народа и в городских центрах, и в глубинных деревенских районах. В конце II в. Тертуллиан пишет не без некоторого риторического преувеличения: "Мы явились лишь вчера, а уже наполнили землю и все ваши владения, города, пригороды, укрепленные пункты, муниципии, собрания, казармы, кварталы, школы, двор, сенат, форум: за вами остались одни храмы" ("Апологетика", XXXVII).

Церковная организация Северной Африки была солиднее и более всепроникающая, чем в Италии или в Галлии. В 198 г. глава карфагенской общины Агриппин смог созвать на собор - первый в истории латинской церкви - 70 епископов из проконсульской Африки и Мавритании. Не приходится удивляться, что в среде стольких новообращенных проявились некоторые формы религиозной экзальтации, которые подготовили почву для распространения монтанизма во всем этом регионе.

Оппозиционное отношение к режиму в нем преобладало повсюду. Отголоски его мы обнаруживаем у Тертуллиана.

Он сам происходил из обеспеченной среды, был адвокатом и пользовался успехом. Но однажды в знак протеста против общества он вышел на улицу в эксцентрической одежде странствующего философа - "паллии", и затем посвятил этому трактат; другой раз призвал следовать героическому примеру одного христианина-легионера из лагеря Ламбезы, который отказался увенчать голову лавровым венком во время военного парада и за это был умерщвлен; наконец, он предупредил, что одной ночи и нескольких скромных факелов достаточно христианам, если они того захотят, чтобы расчитаться с окружающими их врагами. И первым шагом к примирению со стороны имперских властей он противопоставил принципиальное условие: "Цезари могли бы обратиться в христианство только в том случае, если они перестанут ими быть или какой-нибудь христианин согласится стать Цезарем" ("Апологетика", XXI).

Именно в Северной Африке началась латинизация церкви, а не в Риме, где вплоть до III в. верде христиан-иммигрантов преобладал народный греческий

язык.

В Африке, где Рим внедрил свой язык в среду мелкого люда, была впервые переведена на латинский язык Библия. Этот текст сильно отличается от "Вульгаты" св. Иеронима. Его лексика и стиль отличаются от классической латыни, они ближе к запросам простых людей. Элементы, создавшие христианскую терминологию, разнообразны и разнородны; но в этой среде родились такие термины, как "таинство" ("сакрамент"), "троица", "воплощение", "исповедь", "священное писание", языческим было и само слово "папа"; со временем они станут типичными для всего христианского Запада.

В истории романской литературы это время авторов африканского происхождения, таких как Флор, Апулей, Фронтон.

Африканская церковь дала богослужению первые священные гимны, почерпнутые из содержания Ветхого и Нового заветов, культ мучеников, погребальные поминки, по образцу похоронных тризны языческого культа, и обычай "четырех времен": выбор трех суббот в году для особых форм пищевых запретов в соответствии с сезоном - творага (летом), вина (осенью) и масла (зимой) помимо строгого весеннего поста. Апокрифическая литература мало соответствовала новым обычаям. Следовательно, нужно было разработать новый свод писаний, признанных боговдохновенными. Таким и стал "Мураториев канон", составленный на корявом латинском языке африканцев, и этот текст уцелел для нас. Апокрифы были переведены только тогда, когда их функция была уже практически исчерпана.

В истории африканского христианства того времени доминирует фигура Тертуллиана. Обращенный в новую религию около 190 г., он стал автором двух широко задуманных апологетических трудов и почти сорока проповеднических, доктринальных и полемических текстов. Его личность оттеснила на второй план других писателей того же региона, таких как Минуций Феликс, который оставил нам диалог, бытописание прибрежного района Остии. Впрочем, Тертуллиан не обособлялся от них и в споре, например, христианского писателя Октавия Януария с образованным язычником из Кирта Цецилием Наталем выступил арбитром между ними, призывая Цецилия обратиться в христианство.

Сочиненный по этому поводу Минуцием Феликсом памфлет, названный "Октавий", дышит атмосферой почти Цицероновской классики. Жесткому обличению со стороны язычника, которое, возможно, воспроизводит речь, произнесенную ритором Фронтонем против христиан, Октавий противопоставляет суждения, обращенные исключительно к разуму, морали, человечности и чувству справедливости противников, не вступая с ними в принципиальные дискуссии. Текст этот напоминает мозаику взглядов и идей, заимствованных отовсюду - от Цицерона до африканских евреев и самого Тертуллиана. Очевидно, затишье в репрессиях, наступившее через несколько лет после появления Тертуллиановой "Апологетики", сказалось на характере этого произведения карфагенского учителя.

Юридические мотивы незаконности преследований, которые преобладают в "Апологетике", повторяются в еще большей степени в полемике против еретиков - Маркиона и Праксея и особенно против гностиков.

Древний римский "Закон двенадцати таблиц", введенный с некоторыми исправлениями в провинциях эдиктом Севера и Карабаллы в 199 г., устанавливал, что владеющий земельным наделом, который он занимает хотя бы десять лет, может отвергнуть любое посягательство на него по правилу истечения срока давности. Тертуллиан использует этот закон, чтобы применить ту же норму к церковным порядкам, в сочинении "Право давности лет для еретиков". Его идея такова: подлинное ядро христианского вероучения находится в руках иерархии, поскольку она определенным сроком непрерывно управляет церковью. Аргументация явно искусственная, однако не лишенная известной действенности в решении вопроса об инакомыслящих. Пройдет, правда, немного лет - и она будет обращена против самого ее автора, отколовшегося тем временем от "епископальной церкви".

В теологической сфере Тертуллиан был первым, кто применил термин "троица" вместо "триада" (как говорил Феофил Антиохийский). Тертуллиану казалось, что это последнее обозначение оставляет в тени единичность бога;

иначе говоря, троица - это "совокупность трех", а не "трое разных". Но в его писаниях известна также тенденция считать сына подчиненным отцу; дух же оказывается только "третьим именем", "третьей степенью божественного величия". Все это узлы, которые, естественно, не могла развязать никакая самая изощренная диалектика. С этой задачей не справились и вселенские соборы IV и V вв., которым Тертуллиан оставил в наследство целый набор противоречивых формул.

Тяжкие обвинения против христианского обряда

Нижеследующие отрывки извлечены из "Октавия" Минуция Феликса (глава IX). Обращение к "Киртенцу" позволяет думать о речи ратора Фронтон (родившегося как раз в Кир-те, в Нумидии), которую он якобы произнес в сенате при Марке Аврелии, выступая против христиан.

Речь идет о настоящем обвинительном акте, который обличает противников, повинных в ритуальных убийствах и непристойных проступках с грубыми намеками на обряд причащения.

"То, что рассказывают о посвящении завербованных ими людей, столь же отвратительно, как и общеизвестно. Неофиту приводят мальчонку, целиком вываляв его в муке, чтобы легче ввести неосторожного человека в обман. Малыша зверски убивают ударами, которые наносит вслепую новообращенный, который думает, будто протыкает, без всяких последствий, кучу муки. Затем - ужасно говорить об этом - они с жадностью вылизывают кровь и делят между собой растерзанные члены. Такова жертва посвящения, принесенная по их сговору. И сознание совершенного преступления обеспечивает их взаимное молчание.

Подобная церемония отвратительнее наихудшего святотатства".

"Известно также, что такое их вечеря. Все о ней говорят: о ней сообщается в речи нашего Киртенца. В заранее выбранный день они сходятся на пирушку с детьми, сестрами, матерями, особами любого пола и возраста. Насытившись, собравшиеся начинают разогреваться вином. И когда жар опьянения разжигает самую безудержную похоть, бросают приманку собаке, привязанной к канделябру, заставляя ее прыгать выше, чем ей позволяет цепь. Светильник, свидетель их поступков, оказывается таким способом опрокинутым и погашенным, они же, под покровом темноты, предаются разврату с любым, кто попадетс я им под руку. И если не на деле, то по крайней мере в намерениях своих все они без различия осквернены кровосмешением, поскольку каждый горит желанием того, что может случиться на деле только с одним из них".

Человеческую вину Тертуллиан рассматривает почти как физиологический акт, что отражает в известной мере вековой опыт рабства и угнетения.

Человек несчастен, потому что он унаследовал от Адама его порочную природу, причину всякого страдания. Подобное решение было тем более приемлемым для Тертуллиана, что он верил в материальность субстанции души, которая передается при акте порождения. Теория "традукционизма" [От латинского *traducere* [традучере] - "перемещать", "переводить". - Прим. пер.], "передачи", которая и поныне признана большей частью католических теологов и служит, кстати, мотивом иррационального осуждения любой формы аборта.

Но естественный характер вины требует ее сверхъестественного искупления. Христос должен был обладать телесной реальностью и должен был быть воскрешен, поскольку иначе вера была лишь великой иллюзией, как писал уже Павел, и никто не мог бы прийти к новому существованию, которое составляет "единственную надежду всего мира".

Отсюда тот этический экстремизм Тертуллиана, который побудил его примкнуть к монтанизму, но с некоторыми присущими ему особенностями, которые изолировали его в последние годы жизни вместе с небольшой группой "тертуллианистов".

Тертуллиан предписывал суровые посты, строгую нравственность, особенно для женщин, осуждал вторичное вступление в брак, отвергал всякое участие в театральные спектаклях и цирковых зрелищах, не допускал прощения серьезных проступков, верил в видения и разделял пророческое ожидание тысячелетнего царства. И когда карфагенский епископ Агриппин объявил о своем намерении отпустить грехи виновным в телесных грехах и вновь принять их в лоно церкви, Тертуллиан ответил ему трактатом "О целомудрии", используя в нем изобретенную им самим в компрометирующих целях терминологию, которая позднее войдет в церковную традицию: карфагенский прелат принимает позу "епископа из епископов", "верховного понтифика", подобного высочайшим религиозным правителям язычников, заслуживая иронического прозвания "блаженнейшего отца", или папы. Этот титул и будет однажды присвоен римским епископам.

Характерно, что аналогичное решение, принятое в тот же период главой римской общины Каллистом, вызвало такую же реакцию теолога Ипполита, воспитанного в духе эллинистической культуры, видевшего в церкви собрание совершенных, ожидающих конца света.

Идея конца света была чрезвычайно распространена в африканском христианстве. Менее чем за полвека до того карфагенский епископ Киприан написал серию полных воодушевления апологетических книжек, чтобы доказать, что эпидемия чумы, которая поразила почти всю территорию империи и пришла из Эфиопии, есть один из бичей, Предвещающих завершение всякой жизни на земле: подлинно верующие должны радоваться ей и не испытывать страха ("О смертности" и "К Деметриану"). Толпа приписала ответственность за эпидемию христианам и требовала в 252 г. от императора Галла публичных жертвоприношений, чтобы прекратить бедствие.

Киприан, автор объемистой переписки, не отрицал серьезности наличного зла. Мир стар, упадок природы достиг предела, мщением небес будет истребление ее горделивых поработителей.

Структуры нового христианского общества и в Северной Африке пришли в столкновение с институтами языческой империи и давали идеологическое обоснование для ее ликвидации.

ГЛАВА 6

ХРИСТИАНСТВО И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. ГОНЕНИЯ

Официальные церковные историки от Евсевия Кесарийского до наших дней всегда рассматривали конфликт между властями Римской империи и христианскими общинами первых трех веков как развертывание своего рода священного процесса наследования по праву, который включает борьбу зла против добра на почве, лишенной всякой политической и социальной реальности. Это затяжная, трудная, жестокая борьба, исход которой заранее известен: поражение преследователей, почти всех обреченных на трагический конец, и триумф гонимых, сплоченных вокруг их иерархий благодаря ниспосланному свыше исправлению одного из самодержцев, Константина Великого, вдохновленного богом и победившего с крестным знаменем.

События следуют лишь в одном направлении. Конкретные факты замещаются чудесами.

"Божественная комедия" откликается на эту традицию словами Данте о том, что если бы мир обратился в христианство без чудес, то это было бы во сто раз более поразительное чудо, чем все остальные ("Рай", XXIV, 106 - 108). Ничего удивительного, что подобная мысль преобладала в средние века. Удивительно другое: она находит себе место и в наши дни.

Достаточно взглянуть непредубежденным взглядом на историю преследований христиан, обратившись к источникам, а не к метафизическим формулам, чтобы убедиться, что не империя обратилась в христианство в начале IV в., а, наоборот, христианство слилось с новыми государственными структурами, предназначенными увековечить более гибкими методами, посредством менее тяжелого и кровавого контроля классовое господство власть имущих. Истории

переустройства отношений религии и государства сопутствовала история различных репрессивных вторжений государства в религиозную жизнь. Ответом на них явилось, естественно, сопротивление гонимых.

Каковы же подлинные мотивы репрессий имперских властей против христианства в эпоху кризиса, завершившегося распадом языческого мира и его идеологическим и политическим преобразованием? И как совершился переход от первоначальной несовместимости властвующих слоев и христианских общин к включению церкви в общество?

МИФ О РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРПИМОСТИ РИМА

Часто говорят о терпимости, которую римляне проявляли по отношению к религиям тех народов, которые были приведены Римом к повиновению начиная с III в. до н. э. и постепенно включены в одну общую экономическую и культурную структуру империи. Преследования же христианских общин расцениваются как исключение, тем более противоестественное, что первоначально они немногим отличались от еврейских общин, которые исповедовали "несомненно законную" религию.

Но факты говорят совсем о другом, и надлежит восстановить их со всей необходимой ясностью.

С переходом от родового общества к рабовладельческому первых лет республики, а затем принципата, религия все более становилась фактом политики. В культовых церемониях могли принимать участие только привилегированные. За ними были закреплены благодеяния божественного покровительства и в этой жизни и в иной. Религиозность подчиненных слоев была интенсивна и дифференцирована, но это ее многообразие было заключено в границы строгого контроля сверху. Бесчисленные божества рабов, горожан, селян и провинциалов отвечали чаяниям масс во все важнейшие моменты жизни человека - появления на свет, труда, порождения потомства и смерти. Однако и эти моменты были подчинены государственной необходимости, так же как и жизнь отдельных богомольцев протекала под властью патрициев, крупных землевладельцев, военных вождей.

С расширением территориальных захватов, с созданием обширной империи, которая включала наиболее развитые регионы средиземноморского мира, эта религиозная структура развилась в культ императора, который при

Августе был навязан первоначально восточным провинциям, вместе с культом богини Рима, а затем и на Западе, в самом центре императорской власти. Это была новая форма государственной религии, которая помогала укреплять единство и удерживать в повиновении людей различной национальной и религиозной принадлежности, менее всего расположенных принять иго без недовольства и протестов.

На проявления подобного недовольства, не всегда удерживавшегося в границах безоружного сопротивления, историки Древнего Рима смотрят без должной последовательности. Однако без углубленного знания народной оппозиции римскому господству нельзя ничего понять в ранней истории христианства.

Массы рабов, которых после второй пунической войны начали вывозить в большом числе из покоренных стран для работы в латифундиях Сицилии и Южной Италии, на строительстве консульских дорог и в городских службах в качестве чернорабочих и ремесленников, не принимали покорно эксплуатацию и унижения. Разрозненные и неорганизованные бунты вначале вспыхивали среди военнопленных карфагенцев или берберов из Северной Африки. Затем они распространились в Малой Азии (восстание Аристоника), по берегам Босфора и охватили нынешние территории Приазовья, Крыма и Северного Кавказа (восстание Савмака), острова Эгейского моря, Сицилию, где в последние десятилетия II в. до н. э. рабы держали под ударом закаленные римские войска (восстания Евна и Сальвия), восстания распространились и в Центральной и в Северной Италии (восстание Спартака), не считая мятежей в Сирии и Палестине.

Отсутствие какого-либо классового сознания, этнические распри,

разногласия среди повстанцев, техническое и военное превосходство римлян обуславливали поражение этих мятежей. Они, однако, никогда не прекращались, вплоть до крушения самой империи, когда рабы пытались объединить свои силы с силами традиционных врагов Рима, парфянами, сарматами, а затем - готами, алеманна-ми, гуннами. Достаточно вспомнить великое возмущение "багаудов", или "отверженных", в Галлии, которое длилось, угрожая Риму, более ста лет, начиная с середины III в., и опустошило одну из самых богатых провинций римского мира.

Восставшие рабы находили аргументы в религиозной идеологии, которая придавала вооруженной борьбе облик настоящей мессианской войны не только в Палестине, но и за ее пределами, - войны за установление "царства", отождествленного то с тем, то с другим обществом мистических культов. Призрак креста, символа крушения мятежей, облегчал народным массам греко-римского мира признание Христа, который через высшую муку становился гарантом спасения для тех, кто верил в него. Этот же крест, по выражению Павла, пробуждал отвращение и негодование правящих групп.

Религии мистерий распространялись вширь и собирали огромное число верующих. В Италии и в Риме они образовали опасные центры общения рабов, женщин и рабочих из числа иммигрантов. К этим культам римские власти относились до поры до времени с предубеждением, а часто и враждебно. Однако после падения республики они были приняты, и нередко вполне благосклонно, но при условии, что будут со своей стороны участвовать в религиозном прославлении государства.

Мы уже отмечали, что отношение Рима к мистическим аспектам религий было связано и с мотивами экономического порядка. Евреи, например, были освобождены от обязательного исповедания культа императора. Но поскольку подобная уступка означала увеличение финансовых тягот для других подданных, евреи были привлечены к вспомоществованию казне посредством ежедневного жертвования своему богу во имя самодержца. Вообще иудеи и христиане никогда не признавали экономическую сторону официальной религии, не только вследствие монотеистической концепции своих религий, не допускавшей служения иным богам, но также и из убеждения в том, что они "избранный народ", предназначенный возобладать в один прекрасный день, или своего рода "третье колено", как говорили апологеты II в. (они имели в виду не национальные, а религиозные особенности своих единоверцев).

Отношение к религиям мистерий на деле тоже не являло собой картины терпимости и мирного сосуществования, пока они сохраняли свою независимость по отношению к культу государства.

Надгробные надписи, богослужебные заклинания, литании, священные тексты, золотые медальоны на шее покойников - как бы пропуск в путешествие в потусторонний мир, а хроники и эдикты по поводу погребений рассказывают нам совсем о другом. В них заложены некоторые глубокие мотивы, которые позже легли в основу описаний преследований христианских общин.

Один из классических примеров этого - декрет сената от 186 г. до н. э., знаменитый "Senatus consultum" [Се-натус консультум] - "Постановление сената", о вакханалиях, то есть о дионисийских обрядах, перенесенных из Фракии и Греции в Италию. На последователей одной из древнейших религий спасения как в Риме, так и в Этрурии, везде, куда она проникла, обрушились аресты, конфискации, их казнили.

Тит Ливий посвящает этим событиям целые 12 глав XXXIX книги своей "Истории", углубляясь в драматические и сенсационные подробности. Это настоящий роман о молодом патриции, который был при посредстве своей любовницы, рабыни по рождению, посвящен в культ Диониса, или Вакха, согласно фракийскому имени этого бога. Культ этот описан в самых мрачных тонах: безнравственный, пробуждающий похоть, преступный - в точности такой, каким спустя несколько веков будет изображаться христианство. Извещенный родственниками юноши о зверствах, которые совершались приверженцами этого культа под религиозным предлогом, консул Спурий Постум Альбин объявил родину в опасности и прибег к жестоким репрессиям. Более 7 тысяч рабов из Тарента, карфагенских беженцев, женщин, жителей провинций, "чужеземцев" были

арестованы. Большая часть их была осуждена на смерть, многие покончили с собой, все подозреваемые места отправления культа закрыты, центр "подпольных оргий" в рощице у подножия Авентина близ берега Тибра обнаружен и уничтожен.

Не исключено, что в Риме как раз в то время опасались создания коалиции старых и новых врагов республики (македонян, греков, сирийцев, нумидийцев), которые могли найти в Центральной и Северной Италии надежные убежища под прикрытием религиозных обществ. Однако лица из числа рабов оказываются на первом плане в этой истории. Специально созданные сенаторы приняли чрезвычайные решения в защиту общественного порядка. Изданный сенатом эдикт поставил под прямой контроль городского претора все дионисийские объединения; разрешение этим объединениям отправлять культ должно было быть санкционировано сенатом при участии в нем не менее 100 членов. Число приверженцев культа для всех общин было ограничено пятью - из них двое мужчин и трое женщин (в этом, кстати, свидетельство популярности подобных культов в женской среде).

Согласно Ливию, возглавляли движение рабы, отпущенники плебеи и выходцы из провинций. Они совершали "извращенные и необычные религиозные обряды" ("История", XXXIX, 15). Почти слово в слово те же определения мы находим у Плиния Младшего и Тацита, но уже применительно к христианству: "извращенный и безудержный предрассудок" ("Письма", X, 96), "отвратительное суевение" ("Анналы", XV, 44). Текст декрета был разослан также по союзным и федеративным городам, со специальными инструкциями местным властям. Именно потому и увидела свет одна из его копий, вырезанная на бронзовой табличке, найденной в Тариоле, в Калабрии, близ Катандзаро.

Несмотря на эти суровые полицейские меры, через два года были обнаружены - все по тем же данным Ливия - новые дионисийские ассоциации в Таренте, а еще через пять лет - в других местностях Апулии.

Многие случаи сходных проявлений нетерпимости имели место вплоть до первых столкновений с христианскими общинами. В 139 г. до н. э. были предприняты меры для изгнания иудеев и "халдеев" - так называли магов и астрологов. В период между 59 и 49 г. до н. э. была издана целая серия постановлений, направленных против культа Исиды, проникшего в Рим при Сулле. Хотя после смерти Цезаря было выдвинуто предложение воздвигнуть за счет государства храм в честь Исиды, Август запретил ее культ в столице, и то же сделал затем Тиберий. Лишь Калигула приказал построить знаменитое святилище Исиды на Марсовом поле, и в 215 г. статуя этой богини наконец вступила с триумфом в Капитолий.

Строго говоря, меры против иудеев не были тогда вполне законными, поскольку как автономная нация они пользовались определенными правами. Обвинение в их адрес состояло, впрочем, не в безнравственности или подрыве устоев, но лишь в изначальном несоответствии их обычаев обычаям римского народа. В целом, вплоть до конца республики, евреи не испытывали слишком плохого обращения. В Риме, где была многочисленная еврейская колония, Август распространил на них государственную раздачу продуктов питания и денег. Если раздача приходилась на субботу, они могли явиться за ними на следующий день.

Однако после превращения Иудеи в часть Римской империи и первых вооруженных восстаний мессиянского толка все изменилось.

Тиберий приказал отправить в Сардинию на каторжные работы 4 тысячи молодых людей, "зараженных иудейским и египетским суевением". Если бы они погибли, замечает Тацит, "ущерб был бы не столь велик" ("Анналы", II, 85). Другие вынуждены были покинуть Италию или отказаться от исповедания своей религии. Одно подобного рода решение приписывается Светонием императору Клавдию. В конце своего принципата, между 49 и 51 г. н. э. он "изгнал из Рима иудеев, которые разжигали постоянные беспорядки, устроенные Хрестом" ("Жизнь Клавдия", XXV, 11).

ХАРАКТЕР И ГРАНИЦЫ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ

У Светония мы находим свидетельство столкновения, которое на целые века

породило конфликт Римской империи с христианством. Однако упомянутое место у Светония, писавшего около 120 г., то есть более чем через полстолетия после событий, о которых он рассказывает, вызывает немалые сомнения. Дион Кассий возражает против его свидетельства. Евреи были в Риме столь многочисленны, утверждает он, что нельзя было изгнать их, не спровоцировав беспорядки, поэтому Клавдий ограничился запрещением их собраний ("Римская история", LIX, 6). Информация Светония, однако, перешла так или иначе в Деяния апостолов (18, 2).

Как бы то ни было, в рассказе Светония можно услышать отголоски противоречий, возникавших в недрах эмигрантских иудаистских общин по поводу мессии, как о том говорят Деяния апостолов, будь то в Фессалониках, Афинах, Коринфе или Эфесе. Кто именно этот Хрест, о котором говорит Светоний, трудно установить. Речь может идти о каком-либо безвестном еврее низкого звания (в переводе с греческого это имя означает "полезный", "честный", "добродетельный"). Оно было обычно среди рабов. Так, латинские надписи в Риме повторяют его по крайней мере раз восемьдесят. Но возможно, если вообще это место подлинно, что Светоний кое-что прослышал о том, что рассказывали в его времена о Хресте или Христе - эти два написания чередовались, что подтверждают Тертуллиан и Лактанций, - и приписал персонажу под этим именем ответственность за разногласия, вызванные в среде иудеев различными интерпретациями мессианства, тем более что христиане и евреи еще не слишком отличались друг от друга в глазах римлян.

Церковная историография без колебаний искажала данные о гонениях с очевидными апологетическими целями.

Число гонений до сей поры определено равным десяти. Это символическая переключка с числом десять в перечне бедствий, которые постигли египтян, согласно библейскому рассказу (Исход., 7:14 - 12, 30). Есть предание о существовании специального эдикта, который ставил вне закона христианство со времен Нерона, хотя до III в. не встречаются упоминания о чрезвычайных законах и распоряжениях, кроме постановлений, касающихся административных мер для охраны общественного порядка. Очень приблизительно преследования приписывают десяти императорам: Нерону, который положил им начало в 64 г., Домициану (81 - 96), Траяну (98 - 117), Марку Аврелию (161 - 180), Септимию Северу (эдикт 202 г.), Макси-мину-Фракийцу (235 - 238), Децию (эдикт 250 г.), Валериану (эдикты 257 и 258 гг.), Аврелиану (275 г.) и Диоклетиану (эдикты 303 г. и весны 304 г.).

Перечень этот не имеет никакой цены. Случаи гонений имели место и при других императорах, например при Адриане (117 - 138) и Антонине Пие (138 - 161) и после Диоклетиана - например, при Лицинии (в 320 г.), не говоря уж о Юлиане, которого рассматривают отдельно. С другой стороны, снисходительное отношение Траяна к христианам, о чем свидетельствует обмен письмами между ним и Плинием Младшим, породило средневековую легенду о единственном язычнике - Траяне, который попал в рай без крещения благодаря вмешательству Григория Великого, затребовавшего покойного императора назад, в эту жизнь, на время, достаточное для его обращения. Предание это упоминает и Данте в "Божественной комедии" ("Чистилище", X, 73 - 76; "Рай", XX, 112 - 117).

Но тем не менее очевидно, что гонения были и продолжались до начала IV в., даже если число их жертв было не столь велико, как хотят думать. Важнее объяснить их причины, нежели установить их пропорции.

Прежде всего это социально-политический климат эпохи. Нет сомнения, что апокалиптическая литература, по происхождению иудаистская, а позже христианская, никогда не была очень благосклонной по отношению к римским властям. От книги Притчей Соломоновых до книги Еноха, от приписываемых александрийскими иудеями Сивилле Эритрейской пророчеств до рукописей Мертвого моря, вплоть до прямого и открытого призыва к ненависти в Откровении Иоанна (Апокалипсисе) отвращение к Риму и его господству проявляется явно и неопровержимо. Можно также отметить, что в части этой литературы, как иудаистской, так и христианской, религиозные мотивировки антиримской полемики уступают место выражению явных претензий экономического и социального порядка.

Достаточно вспомнить, например, такое предсказание "Сивиллиных оракулов" позднеллинистического времени: "Столько богатств Рим получил из Азии, что трижды столько же Азия получит от Рима, заставив его расплатиться за нанесенные обиды; и столько людей из Азии стали рабами в землях италиков, что двадцать раз столько же италиков в убожестве будут работать за пропитание в Азии" (III, 350 - 354). И великая блудница на звере багряном "с семью головами и десятью рогами" из Апокалипсиса (17:3) есть не что иное, как чудовищный образ Рима и его первых императоров.

Если иудеи и христиане стали выразителями вражды к Риму, особенно на Востоке, то в определенной мере можно понять, что и правящий класс отвечал им недоверием и отвращением. Но политическая и религиозная неприязнь рассматривалась как проявление "ненависти к роду человеческому". И характерно поэтому мнение Тацита о христианах в известном месте в его "Анналах", где он вспоминает о пожаре в Риме в 64 г. и последовавших за ним гонениях на "огромное множество" последователей "отвратительного суеверия".

Христиане и сожжение Рима

(Тацит, "Анналы", XV, 44)

Но никакие человеческие усилия, государевы раздачи, приношения богам не могли истребить позорной молвы о преднамеренном поджоге. И вот, чтобы прекратить слухи, Нерон подтасовал факты и подверг тяжчайшим мукам тех, кого народ из постыдной ненависти называл христианами. Прозвание это идет от Христа, который был предан смертной казни прокуратором Понтием Пилатом при правлении императора Тиберия. Тем он сдержал на время пагубное суеверие, которое разгорелось опять, и не только в Иудее, где возникло это зло, но и в самом Риме, куда отовсюду стекаются жестокость и позор и где они процветают. Итак, сначала были приведены к ответу те, которые покаялись, затем по их указанию великое множество других, не столько по обвинению в поджоге, сколько уличенные в ненависти к роду человеческому. И к осуждению их на смерть добавилось бесчестие. Многие, одетые в звериные шкуры, погибли, растерзанные собаками, другие - были распяты на кресте, третьи - сожжены с наступлением темноты, используя в качестве ночных светильников. Нерон предоставил свои сады для наблюдения этих огней и устроил игрища в цирке, сам же, наряженный возницей, толкался в толпе плебеев или разъезжал на колеснице. Так что хотя то и были враги, достойные самой суровой кары, они пробуждали сострадание, поскольку были истреблены не ради пользы общества, но из-за зверства одного человека.

НЕРОНОВЫ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ХРИСТИАН

Стремясь отвести от себя обвинение в поджоге столицы, чтобы перестроить ее по своему вкусу, Нерон переложил вину на христиан, неповинных, конечно, в этом преступлении. Тем не менее, "преступные и заслуживающие самой суровой кары", они были осуждены на жесточайшие наказания. Описания их мучений, которые вызвали сострадание в самом римском люде, составляют непрменный и важнейший пункт истории преследований.

Рассказ Тацита вызвал споры критики. И понятно почему, если учесть, что соответствующая часть его "Анналов" дошла до нас в единственном средневековом списке XI в., вышедшем из аббатства Монтекассино и открытом, по-видимому, Бокаччио между 1370 и 1371 г. (Данте еще не знает этого места, и Нерон даже не фигурирует в его аду). Отсюда сомнения в подлинности если не всего этого рассказа, то по крайней мере всего, что относится к преследованию христиан. Но некоторые зерна истины в нем, должно быть, есть, хотя вмешательство христианского переписчика могло привести к искажению оригинального текста.

Несомненно, упоминания Христа и его смерти при Понтии Пилате - это вставка. Но что касается остального, то трудно представить, что какой-нибудь фальсификатор мог в глубоком средневековье говорить о христианской религии

столь презрительным, столь язвительным языком при столь типичном для великого римского историка построении фразы. Тацит писал около 116 г. Естественно, что его рассказ отражает то, что знали и думали о христианах того времени. Сообщение об их "великом множестве" в эпоху Нерона малоубедительно, но оно кажется менее невероятным в начале II в. Точно так же и написание "христиане", которое напоминает графику Светония, кажется подлинным: один писец соскоблил исконное "е" в рукописи и заменил его на "и".

Что касается пожара Рима и преследований Нероном христиан, то этот вопрос сложнее.

Светоний, который дает почти сходное описание событий, не связывает их с преследованиями "приверженцев нового и вредоносного ложного верования" ("Жизнь Нерона", XVI). Какой-то неясный намек на связь событий в Риме с христианами можно найти в другом тексте примерно той же эпохи - это послание коринфянам Климента Римского (глава IV), но его можно посчитать и указанием на преследования христиан Домицианом. Ничего о нероновых гонениях не говорят Иосиф Флавий, Плутарх, Плиний, Марциал, Дион Кассий, То место в "Анналах" Тацита, о котором шла речь, оставалось никому не известным свыше тысячи лет. О нем не ведали Тертуллиан, Ориген, Лактанций, Евсевий Кесарийский, Иероним и Августин. Оно всплывает, это верно, в "Хрониках" Суль-пиция Севера, написанных в конце IV в. Но латинский оригинал его сочинения был открыт только в середине, XVIII в., в одном из кодексов XIII в., и в нем нет упоминаний о нероновых гонениях.

Согласно Тациту, пожар вспыхнул 19 июля 64 г. при весьма странных обстоятельствах, которые оправдывали любые подозрения. Пламя вначале принялось буйствовать в районе цирка, затем достигло Палатинского холма и Целия, где располагались самые роскошные кварталы города, потом поглотило старые дома Субурры. Там обитало более полумиллиона бедняков, живших в неописуемых условиях отчаяния и нищеты. Лавки, забитые горючим материалом, способствовали распространению пожара. Одна лишь окраина города избежала катастрофы.

Откровение Иоанна с радостью приветствует пожар: Рим испепелен огнем по божественному повелению и пылает под стенами деспотов и торговцев, которые процветали под защитой империи. Некоторые современные критики, отправляясь от этой идеи, выдвинули гипотезу о том, кто среди "покаявшихся преступников", арестованных Нероном, были антигосударственные элементы, сосредоточенные в иудео-христианских мессианских группах, которые могли иметь искушение выступить в роли карающей длани бога. Идея эта заманчива, но, поскольку она навеяна повествованием Тацита, ее можно принять лишь с очень большой натяжкой.

Легенда о Нероне получила к тому же совсем иную Ориентацию в древнейшей христианской литературе.

Может статься, что образ этого императора скрывается за мистической цифрой 666 (у Иререя 616) в Апокалипсисе: "Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть" (13:18). Число 666 могло представлять собой цифровое обозначение букв еврейского алфавита, составляющих имя Нерон Цезарь, но с помощью магико-талмудистского правила чисел, именуемого гематрией, или мистической геометрией, можно было выразить в цифрах все, что угодно. Следуя его предписаниям и используя то греческий, то латинский алфавит вместо еврейского, цифры имени апокалиптического зверя получали имя либо Тита (Теитана), либо Домициана, Ульпиоса (Траяна) и даже Латина (Лат-рейноса), правившего на заре III в., как это получилось у Ипполита Римского, который, впрочем, уверяет, что тайна этого числа "будет открыта только в конце времен" ("Об антихристе", глава 50).

Эта игра увлекала воображение многих интерпретаторов всех времен. Впоследствии число 666 будет иначе прочитано Гензерихом и в средние века станет поочередно Служить символом имен царей или пап в соответствии с особенностями исторического момента.

Но в Апокалипсисе содержится намек на другой миф, который ходил по

Востоку после трагической кончины императора: легенда о звере, который "был, и нет его, и явится" (17:8). Нерон якобы не умер, но нашел пристанище у врагов Рима, у парфян, и подготавливал в полной Тайне своё возвращение во главе могущественного войска в качестве мстителя поработенных народов, чтобы сокрушить мощь Рима. Некий Теренций Максим, лже-Нерон, и в самом деле появился в те годы на Евфрате, поддержанный парфянским военачальником Артабаном. Эта курьезная версия образа Нерона плохо согласуется с мнением о Нероне, самыми зверскими пытками положившем начало преследованиям христиан.

Таким образом, весь эпизод полон противоречий и неясностей.

Преданию было угодно также связать репрессии 64 г. с мученичеством двух главнейших апостолов - Петра и Павла, приобщившихся в смерти к благочестивым верующим. Но требуется дожидаться начала III в., чтобы встретить некоего церковного писателя, уверявшего, будто он знает, где обнаружены "трофеи" апостолов, или их погребальные стелы: в районе Ватикана и на улице Остьензе,

Каковы бы ни были наши выводы, к которым мы можем прийти на основании рассказа Тацита, следует исключить существование "неронова декрета", который ставил бы вне закона христианскую религию. Тертуллиан также отрицает его существование, но почти 150 лет спустя. Правда, речь идет о далеко не беспристрастном авторе, которому требовались юридические доводы для доказательства необоснованности обвинений, вменяемых его братьям по вере ("К людям", 1, 7).

РЕПРЕССИИ ВТОРОГО СТОЛЕТИЯ

Домициан стоит на втором месте в списке императоров, якобы преследовавших христиан. Против него церковная традиция всегда была настроена очень злобно, вплоть до того, что Домициана именовали "ожившим Нероном". В действительности, согласно историкам той поры, "свирепейшие меры", которые он принял, касались не христиан. Светоний и Дион Кассий вспоминают лишь, что он бушевал против аристократических группировок, обвиненных в "безбожии и подражании иудейским обычаям". Среди обвиняемых были и его двоюродный брат, консул Климент, и вместе с ним его жена Домитилла; они были осуждены: он - на смерть, она - на ссылку на остров Пандатария. Император встретил сопротивление сената из-за политики конфискации имущества крупных землевладельцев. Нельзя исключить, что за оппозицией патрициев скрывались также случаи принятия чужеземных культов.

Домициан выступил в 95 г. и против иудеев или близких к ним, которые отказывались выплачивать императорской казне налоги, введенные после разрушения Иерусалимского храма, причем не только в Риме, но и в Малой Азии. После того как вся Иудея стала собственностью императора, дары иммигрантской общины, которые она регулярно приносила священному городу, превратились в поборы в казну во имя культа Юпитера Капитолийского.

Не должно удивлять, что среди арестованных и поднадзорных могли оказаться также элементы, увлеченные христианской идеологией. Власти еще не были в состоянии отличить иудеев от христиан. Как Климент, так и Домитилла впоследствии были признаны обращенными высокого ранга, а катакомба, находившаяся на территории их имения, - одной из первых христианских катакомб. Давало себя знать желание показать, что христианство - религия не только одних убогих и рабов, что оно могло проникнуть в наиболее высокопоставленные круги и в дом самого императора.

В период, когда Плиний Младший был легатом в Вифинии, между 111 и 113 г. в письме Траяну он признавался, что никогда не участвовал в каких-либо оправданных законом действиях против христиан обоюбого пола и всех социальных положений, которых было много в его провинции. И он испрашивал инструкции относительно способа обращения с ними, поскольку чувствовал в их поведении что-то ненормальное, противоречащее римским понятиям о гражданских отношениях ("Письма", X, 96 - 97) С его точки зрения, эти фанатики, которые собираются в определенные дни "петь гимны Христу, как если бы он был бог", заслуживают скорее презрения, чем наказания; Но их образ жизни вызывает

неприязнь и гнев народа и Наносит ущерб местному хозяйству. Храмы пустуют, и рынок от этого страдает, поскольку сокращается продажа жертвенных животных. Что делать?

Ответ Траяна противоречив. Не следует прислушиваться к доносам, особенно анонимным, "поскольку это Дает самый дурной пример", и допускать настоящую охо-!ту на христиан; но если администратор терпит неудачу в попытке призвать христиан публично совершать "обряды почитания наших божеств", они должны понести наказание. Всеобщая и неизменная норма, замечает император, не существует.

Не очень отличается от этих инструкций рескрипт, направленный Адрианом проконсулу Азии Минуцию Фондану в 125 г. по поводу судов над христианами, согласно тексту, сохраненному Юстином: не следует давать ход всем доносам, но если получается, что обвиняемые действовали против закона, следует покарать их, как того требует тяжесть преступления (I Апология, 68). Адриан весьма дурного мнения об этих неуравновешенных восточных подданных, которые "никогда не остаются в покое" и легко переходят от одного культа спасения к другому: они чувствительны только к прибыли, замечает он с явным раздражением в одном своем письме к консулу Сервиану, по адресу египетских иудеев и христиан. То была эпоха, отмеченная волной подъема религиозности и мистицизма. В сре" де этой массы "бунтовщиков, пустословов и наглецов" зрело недовольство, как покажет в 135 г. второе иудейское восстание.

В течение всего II в., и особенно в период так называемых императоров-реформаторов и философов, таких как Антонин Пий и Марк Аврелий, в жестоких гонениях нет недостатка.

О них говорят письмо общины в Смирне о муках, которым был подвергнут восьмидесятилетний епископ Поликарп в 155 г., послание верующих Лиона в 177 г., которое рассказывает о римском легате, осудившем одного гражданина на растерзание зверями, а не на отсечение головы. Верно, что речь идет об эпизодических вмешательствах местных властей и выступлениях грозной и разъяренной голпы. Но в процессе общего обеднения провинций в результате концентрации богатств и государственной власти а руках ограниченного числа чиновников и подрядчиков возникали условия для поисков козла отпущения среди малопопулярных элементов, чтобы возложить на них ответственность за все зло, за военные поражения от рук "варваров", за страдания и неустойчивость положения населения.

Репрессии обрушивались не только на христиан, но и на приверженцев любого культа и любого учения, которые возбуждали подозрения в подрыве безопасности государства и общественного порядка.

Идеология древнего мира переживала бурный период кризиса, который не оставил в стороне и привилегированных, сенатскую аристократию, старых латифундистов. Даже удел избранных - философия ориентирована в пессимистическом и упадочном направлении. Бродячие про-ицатели, носители идей стоицизма и цинизма, пропове-овавшие теории осуждения несправедливостей, способствовали мобилизации беднейшей части трудящихся масс, особенно в провинциях, против имперской системы, и создавали также завесу для оппозиции широких кругов собственников, ущемленных в их интересах.

Уже в 74 г. император Веспасиан изгнал из Рима "философов". Эдиктом от 92 г. Домициан возобновил приговор Веспасиана, принудив Эпиктета, отпущенника, бывшего раба из Фригии, учение которого имело точки соприкосновения с христианской моралью, перебраться в Египет. Есть немало известий о подобных мерах и в последующие эпохи. Ясно, однако, что намерение христиан создать "новый народ", исходя из негативного взгляда на общепринятые политические и моральные ценности, не могло не казаться правящим кругам угрозой обществу.

Язычник, участвующий в диалоге Минуция Феликса, определяет их сборищем невежд, рабов и бабья, которые шушукаются в городских закоулках, бойкотируют храмы, глумятся над святынями, отравляют колодцы, оскорбляют самодержца и отвергают официальную культуру. В таинствах своего культа они погрязают в непристойностях и пороках: почитают бога с ослиной головой, - обвинение это уже известно со времен Помпея, его возводили на иудеев, - практикуют

неслыханные обряды и зовутся братьями и сестрами, безудержно похваляются кроссмесительными связями. В наилучшем случае это люди угрюмые и меланхолические, бледные и не терпящие света. И даже погребениям они отказывают в надлежащем уважении.

История повторяется. На тех, кто ставит под вопрос, хотя бы на религиозной почве, право немногих на привилегии и богатство, имущие слои никогда не колеблются возвести клевету. В огне недородов, эпидемий, войн и военных катастроф всегда остается один выход: приписать вину за них меньшинствам и отступникам: "Если Тигр выходит из берегов, если Нил не орошает полей, если разыгрываются природные силы и происходят землетрясения, если вспыхивают эпидемии и мор, - скажет однажды Тертуллиан, - один только слышен крик: христиан - львам!"

Апологеты утверждают, что обычаи и учение христиан безупречны и что, несмотря ни на что, они - наиболее преданные подданные империи. Они уточняют также, что во время войны против маркоманнов войско Марка Аврелия якобы было спасено от жажды именно благодаря молитвам солдат-христиан его легиона, который был затем прозван "громобойным". Увидев спасительный дождь, государь якобы стал склоняться к большей благожелательности по отношению к новой религии. И языческий историк Дион Кассий вспоминает это "чудо", но относит его к вмешательству римских богов. Вопреки этим благочестивым вымыслам мнение простых верующих о военной службе было совсем иным. В одном церковном тексте 215 г., автором которого предположительно был Ипполит Римский, говорится: "Послушник или верующий, которые хотят стать солдатами, будут отлучены, ибо они оскорбляют бога" ("Апостольская традиция", XVI).

Когда империя станет христианской, усилится тенденция изображать преследования II в. как результат взрывов дикой ненависти неуправляемых толп. Но и представители официальной культуры появляются на первом плане: антихристианской кампании.

Ритор Элий Аристинд (117 - 189) пламенно обличал "безбожников, которые являются из Палестины и не признают высших над собой" ("Речи", XLVI). Заклятым врагом апологета Юстина, преданного смерти в Риме около 165 г., был кинический философ Кресценций. Для Лукиана из Самосаты основатель христианства не кто иной, как "софист и чародей, распятый в Палестине"; сами христиане пользуются набожностью простых людей и вдов, все они - мошенники, способные на любую проделку ("Смерть Перегринна", 11 - 13). Фронтон яростно атакует их в одном выступлении в сенате при Марке Аврелии, в сам император в своих "Воспоминаниях" (XI, 3) упоминает о христианах с презрительным состраданием, как якобы они того заслуживают своим поведением. Гален относится к ним не лучше. Цельс, который написал между 177 и 180 г. свое "Правдивое слово" против христиан, в заключение призывает их взяться за оружие, чтобы защитить находящиеся в опасности границы, поскольку их неповиновение ослабляет империю. И шедевр всей официальной религиозной литературы II в. - "Житие Аполлония из Тианы" противопоставляет истинный тип языческого проповедника Христу из евангельского предания.

Это была организованная кампания, которую нельзя приписать одному гневу обнищавших и обозленных масс.

Она родилась из холодного рассуждения об отношениях между государством и угнетенными, и в моменты сильного напряжения эта кампания вдохновлялась наиболее высокими центрами власти, а также самим самодержцем, который видел в отказе от официального культа угрозу религиозной поддержке своего земного господства. Один из замученных в Сицилии в 180 г. скажет проконсулу Африки Сатурнину: "Я не признаю империю этого мира, но признаю моего господина, царя царей и императора всех людей".

Лишь несколькими годами позже, в эпоху L-северов, в лоне римской общины появились первые признаки намерения примирить христианство с государственной властью, которое, как видно, предвосхищало век "константиновской политики".

Говоря об обстановке подозрительности и конфликтов, которая характеризует первый период отношений между имперским обществом и христианской церковью, не следует забывать, что христианство оказалось единственной восточной религией спасения, которая стала подлинно римской.

Этот процесс, завершившийся в конце IV в., обозначился впервые в период, связанный с императорской фамилией Северов, который начался после смерти Коммода, "испорченного" сына Марка Аврелия, то есть в 193 г., и продолжался до наступления военного деспотизма при Максимине-Фракийце, в 235 г.

Система усыновления преемника на троне уступила место семейному наследованию, но эта перемена была не столь значительна, как изменение самой ситуации. При Северах государственная юридическая регуляция достигает предела. Юристы, призванные на самые деликатные посты, - Папиниан, Павел, Ульпиан, Модестин - стремятся перевести в термины закона, применимого ко всему подконтрольному Риму миру, древнее право квиритов. В то же время вырисовывается систематичный план реформы религиозной жизни путем слияния всех мифических и ритуальных частностей в общем культе солнца, дополненном культом императора, и синтезированных с неоплатонизмом. Оба культа и неоплатонизм на разных уровнях были равным образом антагонистичны христианскому монотеизму и соперничали с ним.

Религиозный синкретизм в эпоху Северов осуществлялся государством. Это можно проследить на примере жреческой семьи из Сирии, поклонявшейся Ваалу из Емесы. Эта семья дала империи четырех необыкновенных женщин: Юлию Домну, жену Септимия Севера, ее сестру Юлию Месу и двух дочерей этой последней, Юлию Се-мию и Юлию Маммею, мать Александра Севера, который в своей частной капелле добавит впоследствии к старым статуям имперских божеств изображение Христа.

Шактическое главенство, которого добивались руководители римской общины, имеет безусловное историческое происхождение и весьма мало общего с легендарным апостольским наследием.

Специальное объяснение этому встречается только при столичном епископе Петре; оно дано в "Либерийском каталоге" 354 г. в ответ на первые претензии на главенство со стороны константинопольского епископа.

Там, где впоследствии будет построен Ватиканский собор и где будут "открыты" кости языческого погребения второй половины I в. н. э., находилось капище Митры, прозванного Петреос. Отсюда, быть может, предание, что там был погребен апостол, о кончине которого всегда фантазировали, как и о смерти Павла.

Конечно, тот факт, что христиане жили и исповедовали свою религию в политическом и административном центре империи, имел определенное значение, но оно было весьма относительным и сказалось не в самые первые столетия новой эры.

Миф о почти мгновенной латинизации христианства после его прихода в Рим с Востока не имеет никакого основания. Вплоть до середины III в. столичная община набирала обращенных главным образом среди чужеземцев, иммигрантов, бедняков семитского или греческо-малоазийского происхождения, а не в римской среде. Их язык - это язык их родных земель: еврейский или арамейский вначале, народный греческий - позже. Достоверно известно, что латинский язык употребляли только христиане из так называемого африканского квартала, то есть эмигранты из северных районов Африки, которые жили вместе между Целием и Авентинским холмом. Но они, говорившие по-латински, не могли именоваться римлянами.

Первый римский епископ, который носил латинское имя, - это именно "африканец" Виктор, избранный в 193 г., после смерти Элевтерия, в то самое время, когда другой африканец, Септимий Север из Лептис Магна, вступил на трон Цезарей. Но и после этого несколько десятилетий греческий язык по-прежнему оставался материнским языком общины.

Иммигрантские группы в столице были организованы в этнические ассоциации в соответствии с точными признаками, в тесной связи со страной, откуда они происходили. Нечто подобное должно было иметь место и в среде

христиан. Поэтому какое-либо решение, принятое в общине, как было в случае с датой празднования пасхи или осуждения монтанистов, неизбежно отзывалось эхом в большей части внеримского христианского мира, и в первую очередь в Малой Азии, Греции, Сирии и в Египте. Так рождалось фактическое "превосходство" римской общины, которое было признано уже Иренеем; но оно же заложило основу будущего разделения западной и восточной церквей.

Приход к управлению римской общиной латиноязычных элементов прошел без потрясений в церковной службе, богослужении и догматике.

После Зефферина (202 - 217), тоже близкого к латиноафриканской группе, епископом был избран бывший раб из Трастевр Каллист (218 - 222) (его имя носит одно из крупнейших кладбищ на виа Аппиа), что и послужило поводом к первому крупному расколу в общине и к выборам епископом Ипполита, теолога, говорившего по-гречески, вероятно египтянина по происхождению, настоятеля одной из городских церквей Рима. Разногласия между двумя группировками были весьма глубокими. Христиане эллинистического воспитания отвергали всякий адаптационистский компромисс и настаивали на абсолютной божественности Христа-логоса, чем навлекли на себя обвинение в "дитеизме". Их концепция церкви как конгрегации совершенных, способных следовать жесткой линии строгого морального поведения, противостояла более приспособительной тенденции латинян, расположенных гарантировать церковное прощение всем, кто нарушил прежде какую-либо этическую или богослужебную норму.

Ипполит, как уже делал Тертуллиан в споре со своим епископом, обвинял своего соперника Каллиста в потворстве соглашательству в лоне общины и называл его последователей уже не христианами, а "каллистианами" в заключительной главе своего объемистого "Опровержения всяческих ересей", которое было найдено чуть более столетия тому, назад и, видимо, было написано со специальной целью обеславить официального епископа. Что тот и Другой вошли затем в перечень мучеников и святых из-за их трагического конца в разгар двух преследований, в 222 и 235 гг., ничуть не ослабляет остроты противоречий, которые их разделяли.

Каллист был одним из первых управителей погребального подземелья на виа Аппиа, прозванного "в катакомбах" ("катакомбы" - гибрид греко-галльского происхождения, которым потом стали называть всякое подземное кладбище [Вероятное происхождение от *cata-tumba* [ката-тумба], где *cata* - греческий префикс, *tumba* - "могила" ср. современное французское *tombe*. - Прим. пер]), то есть "в месте, где спускались в пещеры". Это были старые шахты, где разрабатывали туф, заброшенные и приспособленные для погребений. Подобные кладбища известны почти повсеместно, от Северной и Центральной Италии, Лиона, Карфагена вплоть до побережья Черного моря и Одессы. Но наибольшее число их находилось в Риме и Лациуме, чему причиной характер подпочвенного слоя. Такие кладбища не были особенностью христианских погребений. Столичные израильтяне имели их не менее дюжины. Есть сведения и о других религиях спасения, которые предпочитали погребение покойников их сожжению, более распространенному среди латинян.

Что христианские общины владели обширными кладбищами, не должно удивлять: римский закон о похоронных ассоциациях допускал это. Нередко они были предназначены для отправления культа, чаще всего вблизи могил, служивших предметом особого почитания. Нет доказательств тому, однако, что катакомбы служили также тайным убежищем во времена преследований, как того хочет легенда, исключая, быть может, некоторые моменты последнего гонения при Диоклетиане. Надгробные надписи, которые в Риме вплоть до середины III в. почти все выполнены на греческом языке, богаты чрезвычайно выразительной религиозной символикой: греческие буквы альфа и омега для обозначения начала и конца, якорь и знак X - для обозначения креста, трезубец, видимо, как символ троицы, ягненок, дельфин и рыба - символ Христа, голубка - для обозначения души. Рыба, как отмечает Тертуллиан, должна была только указывать на омовение при крещении. Позже вместе с инициалом греческого лова "ихтис" ("рыба") создан литургический акростих "Иисус Христос, сын бога, спаситель". Хлебы изображают причастительную трапезу.

Само слово "кладбище" вошло в христианскую лексику достаточно рано.

Изображения в катакомбах в целом обращаются к темам и сюжетам античного искусства, истолкованного в аллегорическом смысле: мифы об Эросе и Психее, Орфее, Гермесе - "добром пастыре", об орантах с воздетыми руками. Не все эти фрески - произведения дилетантов. То тут, то там заметна более опытная рука.

[В христианской латыни, в частности в III в. у Тертуллиана, соemeteriurn [кеметериум] - "место, где спят" - от греческого koime-terion; ср. этимологию русского (восточно-славянского) слова "кладбище": от основы кладь, связанной с глаголом класть, и суффикса ище, имеющего значение места. - Прим. пер.]

Для отправления культа верующие собирались в доме какого-нибудь более состоятельного посвященного или во владениях общины. Много времени должно будет пройти, прежде чем слово "эклесия", означавшее, как мы уже говорили, только "собрание призванных", станет применяться для обозначения здания, предназначенного для собраний, как это было со словом "синагога" у евреев, живших в эмиграции. Первый дом, приспособленный под церковь, который был обнаружен при раскопках, найден в Дуре Европос, городке на Евфрате, включенном Траяном в империю и присоединенном в 165 г. к провинции Сирия. Вскоре после 256 г. он был полностью разрушен парфянами. К строению типа базилики, соорудившейся по образцу римского общественного здания для собраний, христиане придут только после Константина.

Духовенство в Риме всегда избиралось поднятием руки. Епископ пользовался высшей властью, но для того, чтобы она стала законной, он должен был быть посвящен в сан. Существовали также пресвитеры, диаконы и субдиаконы. Во времена епископа Корнелия около середины III в. их насчитывали соответственно 46, 7 и 7. Вокруг них группировались чтецы, вдовы, девы и целители, обладавшие особым даром врачевания. Исповедники, то есть те, "кто побывали в тюрьме во имя господина", сами по себе пользовались священническими прерогативами. Культ был крайне прост: короткие ритуальные формулы сопровождалась общей молитвой. Обрядов было три: крещение, помазание "маслом заклинаний" и причастительная трапеза, сопровождавшаяся благословением чаши и воскресной раздачей народу от имени епископа хлеба, преломленного диаконами. Нет еще и намека ни на исповедание, ни на отпущение грехов священником. При вступлении в брак рекомендуется только порядочность в супружеских отношениях и отказ от прелюбодеяния. Относительно некоторых пунктов вероучения епископу предлагается "говорить под покровом тайны".

Эти сведения содержатся в насыщенном фактами руководстве, еще полсотни лет назад известном только по названию: "Апостольская традиция". В 1910 г. оно было наконец выявлено в различных восточных переводах "Конституции египетской церкви" и частично в латинском кодексе из Веронской библиотеки капитулариев. Оригинал был на греческом языке. Его принадлежность Ипполиту весьма вероятна: текст этот соответствует его аристократической концепции церкви, как "собраний совершенных". Во всяком случае, то, что книга эта была составлена в римской среде, в начале III в., вне сомнения.

Самая интересная часть руководства - это та, что регламентирует обычный и пасхальный пост, угощение маслом, творогом и оливками, благословение фруктов: винограда, фиг, гранатов, груш, яблок, плодов шелковицы, персиков, вишен, миндаля, слив, но не арбузов, дынь, лука, чеснока и других каких-либо овощей. Из цветов благословлялись только розы и лилии, но не другие. Крестное знамение совершалось прикосновением руки ко лбу и глазам, "чтобы отвратить того, кто хотел бы погубить нас" (то есть демона). По утрам, прежде чем что бы то ни было делать или идти на работу, требовалось умыться руки и восхвалить господина. Дома и вне его требовалось молиться в три, в шесть и в девять часов, а также перед сном. Чтобы очистить тело, рекомендовалось перед полночью осенять себя крестным знаменем с головы до ног рукой, смоченной слюной. Все это обычаи, типичные и для других религий. Добрая часть их нашла место в монастырских уставах.

В руководстве приводится также перечень людей, занятия которых исключают их приобщение к вере: художники и скульпторы, изготавливающие идолов, актёры, учителя, если только они "не имеют другого дела", возницы, гладиаторы и те, кто участвуют в публичных играх, жрецы и храмовые стражи,

воины, которые не соблюдали

Обряд крещения в Риме в начале III в.

Когда намечены те, кто должны получить крещение, изучается их жизнь. <...> После чего, когда они отобраны и отделены, каждый день возлагается на них рука, чтобы заклинать их.

С приближением дня крещения епископ закликает их одного за другим, чтобы убедиться, что они чисты. <...> Тем, кто должны получить крещение, предписывается принять ванну и помыться в пятый день недели.

Если у женщины месячные, она отстраняется и получает крещение в другой день.

Те, кто должны креститься, постятся в пятницу и в субботу собираются в одном месте согласно воле епископа. Им приказывают молиться и преклонять колена. Епископ возлагает на них руку и приказывает всякому чуждому духу удалиться от них и больше никогда не возвращаться. После заклинания он дует им в лицо, крестит им лоб, уши, ноздри и наконец велит им встать.

Они бодрствуют всю ночь, слушая чтение и наставления. <...> При пеньи петуха первый раз молятся над водой. Пусть то будет вода в источнике или падающая сверху. Да будет так, если только нет тому какой-нибудь помехи. Если же есть срочная и неперемнная необходимость, пусть приносят воду, какую найдут. Пусть разденутся. Первыми крестите детей. Все, кто в состоянии отвечать за себя, пусть отвечают. За тех, кто не в состоянии, отвечают родители или кто-нибудь из семьи. Крестите затае мужчин и, наконец, женщин, которые распустили волосы и сняли свои украшения из золота и серебра: никто да не сойдет в воду, неся на теле что-либо чуждое.

(Из "Апостольской традиции", XX - XXI)

заповедь "не убивай", члены магистратур, имеющие власть над жизнью и смертью людей, и, разумеется, держатели публичных домов, проститутки, маги, предсказатели и толкователи снов, мошенники, те, кто делают амулеты. Раб может быть допущен, "если его верующий хозяин дает ему на то разрешение и гарантирует, что он хороший", но, если он принадлежит язычнику, "ему объясняют, что он должен удовлетворять своего господина". В то же время можно допустить рабыню, которая состоит в связи с господином, "с тем чтобы она вырастила детей и имела отношения только с ним" (XV - XVI). Классовые отношения и здесь дают себя знать.

Даты церковных праздников, кроме даты пасхи, которую фиксировал Никейский собор в 325 г., так и не были согласованы. Существуют поэтому разные ритуалы - восточный и западный в целом, а более точно - александрийский, антиохийский, галльский, римский, испанский, к которым позже добавились иерусалимский, миланский (амвросианский) и византийский.

ЭДИКТ ДЕЦИЯ И РАСКОЛ НОВАТИАНА

Отношения между христианством и империей в Риме были менее напряженными, чем в провинции. Государство, не отказываясь от своих требований, предпринимает по отношению к общинам определенные акции привлечения их на свою сторону.

Одна из наложниц императора Коммода, Марсия, христианская послушница, добивается для них некоторых послаблений и благ, в том числе освобождения ряда заключенных. Ипполит, начавший свою церковную деятельность с обличения Римской империи как воплощения дьявола и в своем трактате "Об антихристе" предсказавший ее падение, сблизается с придворными кругами, возможно и для того, чтобы изыскать себе поддержку в кампании против своего соперника Каллиста. В своей "Пасхальной хронике", которая имела заметный успех, он начинает счет времени с 222 г., когда императором стал Александр Север, тринадцатилетний сын Юлии Маммеи. .

Но этот климат терпимости и мирного сосуществования еще неустойчив и

удерживается недолго. На периферии, особенно в районах, примыкающих к местам военных действий, репрессии по-прежнему оставляют заметный след. Именно в одной из таких пограничных зон, в Египте, по возвращении из военного похода против парфян Септи-мий Север был вовлечен в начале 202 г. в общие мероприятия против христианского прозелитизма наряду с мерами, направленными против проповеди иудаизма. В тексте декрета Севера, приведенном Спарцианом, одним из авторов "Истории Августов", говорится: "Запрещено под страхом суровых наказаний обращаться в иудаизм и то же приказываю по отношению к христианству". Обе религии, с точки зрения властей, еще представляются неразделяемыми.

Хотя и ограниченный по замыслу, этот декрет Севера - первый документ в истории гонений, имеющий характер всеобщности. Что касается иудаизма, запрет был наложен на обрезание (исключая собственных детей иудеев). Этот древний обряд посвящения племенному богу Израиля в то время вызывал не только насмешки, но и подозрительность. Не кажется, однако, чтобы соответствующий декрет применялся слишком уж сурово.

В отличие от того, что имеет место сейчас, в те времена "не рождались, а становились христианами" (это собственные слова Тертуллиана). Поэтому для церкви запрещение всех форм обращения было весьма вредным. Угроза была бы еще серьезнее, если бы она имела чисто религиозные мотивы; но речь шла в первую очередь о причинах политических и военных, обусловленных текущими обстоятельствами, и принятые меры шли вразрез со всей ориентацией Северов, склонявшихся смотреть на отдельные культы как на проявление единого религиозного синкретизма во имя защиты государства и гражданского общества.

Известны многочисленные случаи преследований в романской Африке, в Галлии, в Египте, где жестокий удар был нанесен александрийской церковной школе. Но сама география гонений свидетельствует об ограниченном применении эдикта. Именно в эти годы христианские общины спланивались, причем и экономически; и при Александре Севере, последнем из сиро-африканской династии, они впервые получили идеологическое, если не законодательное признание. Начиная с этого времени реакция на христианство все более кажется продиктованной скорее военными и государственными соображениями, нежели религиозными и нравственными; за вспышками гонений следовали новые периоды относительного облегчения положения христиан.

Максимиан-Фракиец возобновил преследования, в 235 г. под впечатлением натиска готских племен на Балканах и на Дунае. Они были направлены прежде всего против духовенства. При Филиппе Арабе (244 - 249), бедуине, которого преданию было угодно представлять тайным христианином, вернулись сравнительно спокойные времена Северов. Цель властелинов, однако, была одна и та же и во времена гонений и в периоды примирений: побудить верующих включиться каким-либо образом в систему и покончить с оппозицией, чтобы укрепить государство.

Запросам такого рода попытался ответить император Деций в короткий период своего правления (249 - 251).

Родом из Паннонии, одного из районов Иллирийской провинции, примерно из тех мест, где ныне расположена Сербия, избранный на трон непосредственно войском, Деций пожелал восстановить консервативный образ правления, защитить привилегии сената, который отныне представлял интересы провинциальных земельных собственников и торговцев, в ущерб старой римской и италийской аристократии. Меры, принятые им в религиозной сфере, идут дальше отношения к христианскому движению. Текст его эдикта, обнародованного в конце 249 г. или в начале 250 г., до нас не дошел, но ясно, что он касался не только отношений государства с христианством.

В установленные дни главы семей, живших в городских и сельских центрах по всей территории империи, должны были представать перед специальными комиссиями, чтобы совершать акты почитания официального культа, принося жертвы изображениям богов и статуям императора. В случае отказа следовали арест уклоняющегося, пытка и по окончании расследования смертная казнь. Другим же выдавалось удостоверение ("книжечка"), которое подтверждало акт соблюдения культа и лояльности подданного.

Два сертификата лояльности государственному культу

(Греко-египетские папирусы времен Деция)

Городским уполномоченным по пожертвованиям и жертвоприношениям от Аврелия Л... циона, сына Феодора и Пантоминиды из того же города.

Я всегда приносил жертвы и совершал жертвенные возлияния богам: также и теперь, перед вами, во исполнение повелений совершаю возлияние, курю фимиам перед алтарем и ем освященное мясо вместе с моим сыном Аврелием Диоскором и моей дочерью Аврелией Лайде.

Прошу вас подтвердить это вашей подписью.

В год I императора Цезаря Кая Мессия Квинта Траяна Деция, благочестивого, счастливого, божественного, 20-го числа месяца пауни (14 июня 250 г. - Авг.).

* * *

Комиссии по жертвоприношениям деревни Александра Неса от Аврелия Диогена, сына Сатаба из деревни Александра Неса, примерно 72 года, с рубцом над правой бровью.

"Как всегда я приносил жертвы богам, так и сегодня, в вашем присутствии, согласно эдикту я окурив алтарь фимиамом, совершил возлияния и съел освященное мясо; и я прошу вас подтвердить это вашей подписью. Будьте всегда счастливы!"

Аврелий Диоген представил настоятельное прошение.

"Я, Аврелий Сир, подтверждаю, что Диоген принес жертвы вместе со мной".

В год I императора Цезаря Кая Мессия Квинта Траяна Деция, благочестивого, счастливого, божественного, во 2-й день месяца епифи (26 июня 250 г. - Авг.).

Ясно, что подобная процедура на деле поражала в первую очередь христианские общины, отныне многочисленные и усложненные в социальном отношении. Так начались настоящие массовые репрессии, которые прекратились лишь через пятьдесят лет, при повороте, осуществленном Константином.

Эдикт Деция выявил, с одной стороны, сопротивление, на которое была способна значительная часть клира и верующих, но также, с другой стороны, и отступничество в Достаточно широких масштабах, ставшее неизбежным в результате применения нового типа принуждения, а также смягчения глубокого противоречия между христианской идеологией и государственной властью. Об эпизодах этой капитуляции и говорят "удостоверения", которые сохранились среди греко-египетских папирусов. Их несколько более сорока, они исходят от представителей разных обществственных и религиозных групп, хотя бюрократическая схема текстов унифицирована: "Такие-то и такие-то, живущие там-то, такого-то возраста и такой-то профессии, заявляют перед комиссией, предназначенной следить за жертвоприношениями, что они вместе со своими детьми принесли жертвы богам согласно полученным приказам".

Тот факт, что только пески Египта сохранили для нас несколько экземпляров этих сертификатов преданности, не дает основания думать, будто подобная процедура была предписана только на Востоке. Есть доказательства, что она существовала также в Риме, в Галлии и в Северной Африке. С Запада на латинском языке пришла к нам, кстати, терминология, которая определяет различные типы отступничества тех, кто дал себя запугать и уступил давлению следственных органов. Отступников называли "ляпси" [Производное от глагола labor [лабор] - "скользить", "падать", "скатываться" (причастие от него - lapsus [ляпус]). Ср. русское "ляпус". - Прим. пер.]. Но были и такие, которые совершали обряд отречения полностью, - их называли "жертвами"; те, кто ограничивался сжиганием ладана на алтаре, не участвуя в жертвенном заклинании животного, получали прозвище "выгнанные со двора" - "турификатные" [От греческого thura [тура] - "дверь", откуда латинское forum [форум] - "двор". - Прим. пер.]. Тот же, кто сумел, при попустительстве

администраторов и подкупных судей, обеспечить себе за деньги необходимый документ (сертификат - "книжечку"), именовался "книжечником" - "либеллатиком" [От латинского libellus [либеллус] - "книжечка". Так назывались удостоверения в преданности. - Прим. пер.]. Те, кто мужественно отстаивал свои убеждения, тоже делились на разные категории: на принявших высшую муку и смерть ("мученики"), попавших в заточение, но не проливших крови ("исповедники") и выдержавших запугивания без последствий на данный момент ("останцы").

Верующих, которые заплатили за свою приверженность церкви жизнью, начали почитать особо.

Сохранилась память о пошедшем на казнь римском епископе Фабиане, в то время как его карфагенский коллега Киприан предпочел скрыться в подполье, чтобы продолжать руководить общиной, и за то подвергся нападкам со стороны наиболее истовых христиан. Уцелевшие вышли из тюрем, заслужив большое уважение, и нередко к ним обращались, чтобы обрести особые юридические права, минуя порой епископов, и получить, например, свидетельства о реабилитации тех "ляпси", которые старались добиться возвращения в общину, когда вернулись более спокойные времена, хотя отречение тогда считалось непростительным грехом.

В Риме глашатаем этих уцелевших был в 251 г. священник Новитиан, антагонист епископа Корнелия и автор наиболее значительного трактата на латинском языке о троичности, который намного опередил теологические прения IV в. В Карфагене ригористы группировались вокруг двух деятелей церкви - Фелициссима и Новата, которые энергично противодействовали возвращению в церковь отступников, по крайней мере соглашались принимать их лишь после длительного исправительного ожидания. По этому вопросу они откололись от большинства, оставшегося верным Киприану. Возникший на нравственной и дисциплинарной основе раскол сгруппировал в крупнейших христианских общинах наиболее сплоченных верующих, чувствовавших себя оскорбленными и разочарованными податливостью церковных особ по отношению к враждебному обществу, обреченному, как они были глубоко убеждены, на исчезновение. Они приняли наименование нова-тиан по имени то ли Новатиана, то ли Новата - это неясно. На Востоке в грекоязычной христианской среде их называли также "катарами" ("чистыми") - тем словом, которое в истории средневековых ересей получит широкую известность.

Секта новатиан развила активную оппозиционную деятельность против официальной иерархии. Она сливалась не раз с другими им подобными группами, начиная с мон-танистов II в. и кончая антиримскими донатистами - движением, сложившимся сразу после гонений, организованных Диоклетианом. На Западе о них говорили еще в конце V в. На Востоке оппозиционеры удерживались вплоть до начала IX в., когда они влились в различные секты и организации инакомыслящих.

Симптоматичным последствием ситуации, которую породила новатианская схизма, была вражда римского епископа Стефана (254 - 257) и карфагенского епископа Киприана - двух "святых" будущей церкви.

Случалось, что многие новообращенные получали крещение в группах, которые примыкали к движению новатиан или к другим течениям протеста. Что было делать, если они добивались потом принятия их в лоно церкви? Подобало крестить их заново или первый обряд мог быть признан действительным как таковой? В Риме думали, что справедливо последнее мнение. В Карфагене же считали новое крещение необходимым. Все это показывает, помимо всего, насколько долгим и трудным был путь к признанию самостоятельной значимости каждого священного обряда. Только в XI в. решили, и то не без противодействия, что таинства действительны сами по себе, в силу одного того факта, что они были совершены священником, даже если он стал объектом серьезных дисциплинарных взысканий.

В Северной Африке, на целой серии местных соборов епископы - помощники Киприана поддержали позицию их высшего представителя. Епископ Стефан отказался принять в Риме делегацию, направленную его карфагенским коллегой, и угрожал ее членам отлучением. Но прежде чем разногласия углубились,

преследования, начатые императором Валерианой после шести лет относительного покоя, наступивших после безвременной кончины павшего в битве с готами в 251 г. Деция, обрушились почти одновременно на обе враждующие стороны, сравнивая их в святости мученичества, как уже было за два десятилетия до того с Каллистом и Ипполитом. Вопрос же, который их разделил, остался открытым.

ДЕЯНИЯ МУЧЕНИКОВ

Преследования христиан Валерианой (253 - 260) имели некоторые непредвиденные аспекты. Впервые было конфисковано общинное имущество и сделаны предложения о лишении званий сенаторов и военных, ставших христианами, ссылке христианских матрон и низведении в рабское состояние членов имперской администрации ("цезарион"), которые примкнули к новой религии. Как видно, социальная ткань империи была поражена уже в жизненных центрах власти. Этот процесс зашел так далеко, что после смерти Валериана (взятого в плен в Эдессе персидским царем Сапором I) Галлиен (260 - 268), за несколько лет до того уже приобщенный отцом к императорскому правлению, отменил принятые ранее решения и вернул церкви кладбища и другую конфискованную собственность, превратив христианство в почти легальную религию.

Гонения времен Валериана тем не менее превзошли своими масштабами и жестокостью все предыдущие: множество людей пало их жертвой по всей территории империи. Именно в те времена с нарастающей интенсивностью начала развиваться агиографическая (житийная) литература, которая ставила целью изобразить в наиболее выгодном свете самопожертвование "мучеников".

Слово "мученик" в романских языках происходит из христианской латыни - *martyr* [мартир] от греческого *marturos* [мартюрос], где оно означало "свидетель (бога)". Заимствованное из судебного обихода классической эпохи, слово это получило в языке христиан свое религиозное значение, оформившееся в сборниках "Деяний" ("Актов") и "Страстей" ("Пассионов" [От позднелатинского *passio* [пассио] - "страдание", "мука", "страсть"; в итальянском языке это слово приняло форму *passione* [пассионе]; во французском - *passion* [пассион] и т. д. - Прим. пер.]). В первоначальном смысле слово "мартир" ("мученик") применено в Новом завете в связи с Иисусом, как самым высоким свидетелем, или гарантом, драмы спасения. Но уже в середине II в. оно стало применяться ко всем, кто пролил свою кровь за веру, а через несколько десятилетий оно получило свою латинскую форму в общинах Северной Африки в трактате Тер-туллиана "К мученикам" ("*Ad martyras*").

Первые документы этой литературы представляют собой главным образом своего рода протоколы, состоящие нередко из вопросов и ответов, которые, как предполагалось, имели место во время допросов арестованных властями, например, в "Актах сциллитанских мучеников". Исключено происхождение этих суммарных отчетов из государственных судебных архивов. В лучшем случае речь могла идти о заметках какого-либо верующего, присутствовавшего на суде. Но в целом это были домыслы, продиктованные агиографическими и пропагандистскими намерениями.

Буквальное содержание этих текстов должно, таким образом, весьма настораживать. Можно только отметить, что чем менее они расцвечены описаниями всяких чудес, поразительными подробностями и явным предубеждением против судей, тем более они могут показаться правдоподобными. Есть, впрочем, в самых древних "Актах" (конечно, написанных до правления Константина) и отражение сдержанного, совсем не преднамеренно враждебного отношения многих чиновников, отряженных для расследования, к христианам: они стремятся вырвать у заключенного хоть какое-нибудь изъявление преданности, чтобы избежать его осуждения на смерть, и убеждают его признать культ самодержца как божественной главы государства. Ответ им гласил: "Христос - наш единственный государь". Когда же в уста мученика вкладываются слова, свидетельствующие об уважении имперских властей, о том, что "бог располагает

всем и по его воле Цезарь царствует на римском троне", как говорится в "Актах" Апоклония, легендарного сенатора-христианина времен Коммода, тут мы уже оказываемся далеко от исторического периода, о котором эти "Акты" желают поведать.

И исповедание веры в древнейших текстах отличается своей простотой и отсутствием какого-либо теологического оформления: это представления о единичности бога, исключительной фигуре искупителя, сущность отношения которого к человеку еще не вызывает вопросов, и о наступлении более справедливого порядка в мире.

От "Актов" в прямом и собственном смысле отличаются "Страсти", в которых вокруг суда и казни мученика концентрируется целое повествование романического толка, предназначенное "воспитывать" читателя. Среди наиболее известных и древних текстов этого рода можно напомнить на греческом языке "пассионы" Пиония, Максима, Акакия, Понтиана, и на латинском, кроме хорошо известных "Страстей Перпетуи и Фелициты" (начало III в.), - "Житие" Киприана, написанное диаконом Пон-тием, которое стало образцом для будущих биографов "святых" и аскетов в эпоху монашества. Что касается формул исповедания веры, ясно, что если они становятся более пространными и сложными, особенно когда касаются вопроса о троичности, можно быть уверенным, что соответствующие писания появились позже соборов IV в. и символов веры Никейского и Константинопольского соборов.

Другая характерная черта послеконстантиновской мартирологии - это превращение судьи непосредственно а простое орудие дьявола: когда государственная бюрократия была христианизирована, она уже не могла более выглядеть ответственной за пытки и приговоры мученикам, если только судья не действовал по прямому наущению лукавого. Вот тогда-то в рассказ и начали вплетать целый набор сверхъестественных явлений, чудотворных вмешательств небесных сил, которые, впрочем, почти никогда не могли спасти жертвы от трагического конца. Это все также признаки позднего происхождения текстов.

По сути же дела, проблема подлинности этих рассказов, которая так занимает церковных историков, поставлена неверно. Речь идет не о том, чтобы отыскать древнейший исходный документ - основу повествования, а о том, чтобы увидеть, каким особым состоянием духа, каким религиозным и культурным фоном вдохновлялся рассказ о событиях, какова бы ни была подлинная дата составления "Актов" и "Страстей". Тип приписанной мученику речи - вот что следует принимать в расчет, чтобы решить вопрос о хронологии и обстоятельствах дела. В этом свете и "Деяния" и "Страсти" по праву входят если не в число заслуживающих внимания источников историк того периода, к которому, относится рассказ, то в состав свидетельств процесса развития христианской идеологии.

В обстановке, возникшей вслед за окончанием преследований, почитание мучеников становится одним из основных элементов религиозного культа. Годовщина смерти мученика отмечается торжествами, а день его мученической кончины еще и сегодня в церковной традиции считается подлинной датой, днем его "рождения". Мученикам и святым была постепенно, с годами, передана большая часть чудотворных способностей и мифических атрибутов языческих божеств, особенно в сельских районах, в соответствии с той же линией развития, которая ранее сделала греческого Диониса или Вакха римским богом, а племенные божества кельтов и германцев превратила в персонификации Юпитера, Марса, Меркурия и Геракла.

Когда весь этот процесс достиг определенного, достаточно высокого ритма, вся религиозная и социальная структура империи уже была иной, чем прежде.

Обожествленные языческие Цезари уступили место новым христианским государям, покровителям веры. И начиная с этого времени государственное принуждение будет впредь осуществляться во имя новой идеологии, которая будет охранять власть государства над массами.

НАЧАЛО КОНСТАНТИНИАНСКОЙ ЭРЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ КРИЗИС IV ВЕКА

Превращение христианства из религии меньшинства, выражающей глубокое народное недовольство правящими слоями, на которую имперские власти смотрели с недоверием, в религию терпимую, затем избранную и, наконец, признанную единственным законным культом потребовало почти столетнего периода, начиная со времен Константина, в начале IV в., до смерти Феодосия в 395 г.

Это превращение не было ни прямолинейным, непрерывным процессом, ни какой-либо односторонней мерой государственных органов, преследовавших идеологические цели. Сама христианская церковь с первых своих шагов и до Константина перешла от стихийных форм самоуправления до иерархического правления, от ожидания радикального изменения общества к принятию существующего порядка вещей, от отказа от "этого мира" к попытке контролировать изнутри традиционные инструменты власти "над миром".

На первом плане мы видим в этот период серию существенных изменений в экономической, политической и военной структуре империи.

Рабовладельческая система как основная форма общественных отношений вступает в кризис и становится менее эффективной не только в деревне, но также и в городе. Земельная собственность в эту эпоху ограниченной торговли и слабо развитой мануфактурной и ремесленной деятельности остается господствующей формой собственности в экономике. Но сокращение рабочей силы, поглощенной военными операциями, и вторжения извне делают латифундии мало доходными, особенно в провинциях. Труд рабов в сельском хозяйстве заменяется другими типами подневольного труда: трудом колонов и мелких арендаторов. Нищета крестьянина сохраняется и усугубляется. На этой основе возникает тип крупного земельного собственника-абсентеиста, который сам не ведет своего хозяйства и не живет в поместье, а стремится привязать к земле, огражденной от налогов, целые семьи землевладельцев. Крепостное право уже не за горами.

В городах рабы еще применялись на возведении домов и общественных сооружений, в домашней работе, на строительстве дорог и при перевозке грузов. Они теперь преимущественно не италийского происхождения - это люди из провинций, с Востока, "варвары": галлы, мавританцы, сирийцы, сарматы, а вскоре и готы и алеманны. И это тоже способствует их разладу с культом своих господ и принятию ими христианских религиозных верований. Дарованные грамоты, которыми господа объявляли свободными своих рабов, становятся все более частым явлением. Набирает силу слой привилегированных "отпущенников", мелких и средних предпринимателей, которые все более жадно и жестоко эксплуатируют чернорабочих, каменщиков, ремесленников.

К РЕФОРМЕ ДИОКЛЕТИАНА

Тягостная и изощренная политика налоговых обложений, вверенная десяткам тысяч продажных и хищных сборщиков, поддерживала обширную бюрократию за счет порабощенных народов.

Императоры, сменявшие друг друга в ожесточенной борьбе за престол в течение пятидесяти лет, после драматической смерти Александра Севера, погибшего на Рейне в 235 г. вместе с матерью, вплоть до воцарения Диоклетиана в 284 г., все больше нуждались в деньгах, чтобы содержать войска, которые защищали бы престол. Войны по-прежнему носили традиционный характер грабительских опустошительных походов, но они теперь имели целью также и защиту дальних пределов империи, раскинувшейся от Месопотамии до Галлии, включавшей Понт, Балканы, Дунай, Ретийские и Юлийские Альпы. Жившие между Эльбой и Рейном германские племена отныне оставили привычки кочевой жизни и боролись за завоевание земель, чтобы осесть на них. Военный вождь превращался в монарха. К середине III в. набеги германцев начали серьезно угрожать романскому миру. Обширные скопления рабов, сплоченных друг с другом

единым этническим происхождением, способствуют грабежам и делают жизнь населения наиболее доступных вторжениям извне частей империи беспокойной и чреватой опасностями. Только в восточных провинциях рынок еще не захватывает всеобщий упадок и сохраняются условия для более налаженной гражданской жизни.

Разобщение с Западом, назревавшее в экономике Средиземноморья со времен Августа, углубляется. Речь идет "еще" о районах, где христианство уже многие годы было в большинстве и куда Константин перенес столицу.

Начало этого процесса разъединения Востока и Запада в области администрирования и управления имело место при Валериане. Тот видел необходимость противостоять в Месопотамии персам и контролировать готов, ловких мореходов, которые время от времени нападали на богатые и густонаселенные южные берега Черного моря, Валериан предоставил сыну Галлиену гражданское и военное правление западной частью империи со всеми прерогативами Августа и перенес свою резиденцию в Антиохию, чтобы лучше организовать защиту Малой Азии. Но, взятый в плен персами, он погиб в заточении в 260 г. Галлиен, поглощенный борьбой с франками и алеманнами, давление которых с севера он сдерживал, оставил Антиохию "а произвол судьбы" - город был предан огню и мечу - и дал возможность укрепиться королевству Пальмиры. Оно могло сыграть роль буферного государства между Римом и Персией и в ту пору, при царице Зиновии, переживало период яркого, хотя и непродолжительного расцвета.

Здесь христианство уже имело очень прочные позиции со времен Абгара IX, властелина Эдессы. Зиновия умело улаживала отношения с церковными властями и извлекала из этой политики заметную выгоду. Между 267 - 270 г. она завоевала Египет, Палестину и часть Малой Азии, пока не потерпела поражение от императора Аврелиана и "е" оказалась пленницей римлян, которые заточили ее в окрестностях Тиволи. В 273 г. город Пальмира был снесен с лица земли. Но во всем этом регионе христианские общины были в полном расцвете. Библия была переведена на сирийский язык. Этот знаменитый перевод, названный Пешитта, или "Простой", имеет большое значение и по сей день для реконструкции древнего текста. Гностик Бардезан оставил в истории заметный след благодаря этому переводу. В первой половине IV в. в Эдессе возникла школа сирийца Ефрема. Это был период большого подъема экзегетической литературы.

Христиане не принимали активного участия в борьбе восточных властелинов при поддержке персов против Рима. Но их симпатии, вплоть до Константина, были на стороне антиримской оппозиции. Весьма многозначительным тому свидетельством было изгнание Аврелианом законного антиохийского епископа Павла из Самосаты по подозрению в аристотелевском уклоне в интерпретации учения о троице. На деле причиной изгнания была дружба епископа с царицей Зиновией. На этом посту Аврелиан признал другого представителя общины, предложенного епископами Италии и Рима. Христианство все еще не было узаконено, и гражданские власти действовали так, словно они располагали правами опеки и контроля над церковью.

На западе в тот период политические, социальные и военные повстанческие движения разливаются по всей Испании, Британии, Галлии. Поднимаются первые ростки будущих независимых или полунезависимых государств, которые затем станут распространять свою власть на саму Италию и создадут на века чужестранные царства на римской земле. Мятежи и попытки узурпации власти войсками, расположенными по границам, усиливают всеобщую неустойчивость.

Можно представить себе, как отражалось все это состояние беспорядка и расстройств дел в нравственной и религиозной жизни.

Умножились эпизоды чудодействий и волшебства, статуи богов "плакали и потели", воцарилось иррациональное восприятие природы и человека, старый официальный культ утратил престиж. Митраизм, крайне распространенный среди солдат и рабов, воспринял идеи, служившие переходом к христианскому вероучению. Неоплатонизм стал скорее мистической, чем светской философией, и в творчестве Плотина и Порфирия он превратился в религию патрицианских домов и органически связанных с режимом интеллектуалов. Иерокл, префект Финикии и Ви-финии, стремится показать в своих ныне утраченных сочинениях абсурдность

и духовную бедность христианской идеологии: священные писания подложны, апостолы - невежественны, Христос - всего лишь подражание главному языческому "святому", Аполлонию из Тианы. Иерокл же и побуждает Диоклетиана приступить к репрессиям.,

Но христианство уже прочно внедрилось со всем своим богослужебным церемониалом и всепроникающей организацией в административную и иерархическую ткань государства. Милленаристское пророчество, глашатай конца света и, стало быть, также и империи, еще вдохновляет на Западе поэтическое творчество Коммодиана (предположительно писателя латино-африканского происхождения), а на Востоке - творения Метода из Ликии, олимпийского епископа, автора "Симпозиума десяти девственников", подпавшего уже под влияние аскетических идеалов рождавшегося тогда монашества. Но осуждение ими общества более уже не встречает одобрения руководителей общин. Кстати отметим, что аскетизм в его крайней форме отказа от обычных норм общежития людей не был присущ исключительно христианскому религиозному опыту.

В конце первой половины III в. в сердце Персии возникает и распространяется религиозное движение, основанное Мани, родом из Месопотамии, но иранца по происхождению, породившегося с правящей династией Сасанидов. К маздеистскому дуализму манихейство добавило ригористическое и антисоциальное видение морали, имевшие нечто общее со взглядами некоторых небольших гностических христианских сект и мандеев с берегов Евфрата, Если над существованием человека господствует сила зла, которая сокрыла во тьме светоносную искру первотворения, то необходимо умерщвлять или прямо искоренять эту силу. Отсюда запреты бракосочетаний, по крайней мере для "совершенных", отказ от военной службы и применения оружия в ожидании возвращения царства света, которое означает также закат деспотического господства человека над человеком и любой жреческой касты или иерархии.

Подобная концепция не могла не вызвать широких симпатий в обнищавших массах не только в глубинах Азии и Восточного Египта, но также и в Средиземноморском мире. В 275 г. после первого периода относительно терпимого отношения к Мани он был посажен в тюрьму по приказу магов и нового суверена Бахрама I, а в 277 г. казнен. Согласно преданию, казнь его была ужасна: кожа была содрана с него живого, набита сеном и повешена на городских воротах. Его сподвижники были замучены или высланы из страны. Но в результате последователи манихейства усилили свою миссионерскую деятельность во всех направлениях - от Египта и Северной Африки до самого Рима, от Монголии до Китая, где они продержались до XII в. Их общины были организованы по образцу христианских - с епископами, священниками, апостолами и высшим главой, считавшимся преемником Мани. p-Jх главный праздник приходился почти на пасху и отмечался в ознаменование мученической смерти основателя движения.

Римские власти встретили манихейство с тем же предубеждением, которое им внушало христианство. Их встревожил его двойственный характер: новая религия пришла из враждебной страны и исходила из среды, покушавшейся на существующий порядок. Не исключено, что мани-хейская пропаганда пацифизма и нестяжательства подрывала боеспособность имперских армий, особенно на восточных границах. Известен факт, что в 296 г., за шесть лет до начала последних крупных гонений на христиан, Диоклетиан обнародовал проскрипционный эдикт против манихе-ев. Их священные тексты были сожжены, проповедники преданы суду и казнены как "иностранные агенты" и враги богов.

Кай Аврелий Валерий Диоклетиан, родом из Далмации, из города Спалата, сын отпущенника, проделав блестящую воинскую карьеру, был в конце концов провозглашен 17 ноября 284 г. императором и восторженно встречен солдатами в Халкидонии, в Малой Азии, по завершении бурной событиями волны заговоров и мятежей, во время которых потерял жизнь его предшественник Нуме-риан. Диоклетиан избрал своей резиденцией Никомедию в провинции Вифинии. Он предпринял попытку восстановления государства на новой административной, экономической, денежной и религиозной основе. Столкновение с христианами было одним из моментов этой его политики.

Процарствовал единолично до апреля 285 г., Диоклетиан посадил на трон

вначале в качестве Цезаря, а затем Августа одного из своих высших военачальников - Мак-симяна, который получал власть над западной частью империи со столицей в Милане. Сам Диоклетиан оставался в Никомедии, на Востоке, хотя Рим номинально сохранял права имперской столицы. Через восемь лет, в 293 городилась "тетрархия", которая должна была, по мысли Диоклетиана, обеспечить более гибкую оборону различных частей империи и разрешить проблему преемственности государей без узурпации трона и восстаний.

Территория империи была разделена на четыре части; каждый из двух Августов получал в помощники одного

Цезаря. Констанций Хлор, отец Константина, получил в правление Галлию и Британию и обосновался в Тревире (современный Трир) на Мозеле. Галерию отделили Иллирию, Паннонию, Фракию и Фессалию с престолом в Сир-ии (нынешняя Митровица в Сербии). Эта перестройка разрешила некоторые непосредственные военные проблемы, и положение на границах улучшилось. Но в остальном "тетрархия" не выдержала испытания и просуществовала около 30 лет, вплоть до окончательного вытеснения в 324 г. Константином Лицинием.

Более эффективными были административные и экономические меры Диоклетиана: всеобщая система обложения налогами, основанная на новом кадастре [Кадастр - в античном мире - список лиц, подлежащих обложению налогом, а также опись и оценка объектов, подлежащих налоговому обложению. - Прин. ред.] и учете демографической плотности, попытка контролировать законами цены на продукты питания и другие товары, ревальвация "подлых" монет из серебра и меди, укрепление войска, которое было доведено почти до полумиллиона человек, учреждение смешанного гражданского и военного правления в приграничных областях. Чтобы придать децентрализации более солидное направление, провинции империи (числом 101) были сгруппированы в 12 крупных объединений, получивших греческое наименование "диоцезов" ("правлений"), воспринятое впоследствии церковной организацией для обозначения епископских округов.

Общество было строго структурировано в виде пирамиды: огромное поле людей труда в основе и император - на вершине, наделенный абсолютной властью, свободный от какого бы то ни было контроля со стороны сената. Отношения между разными частями империи, которая переживала в этот момент известный подъем, стали менее эластичными. Возникали замкнутые экономические, политические и культурные единицы, проявлявшие признаки самообеспечения, и первое, что их разделяло, была грань между Западом и Востоком.

Происходил процесс усиления внутренних противоречий системы, которая еще более, чем когда-либо, основывалась на принуждении. Недовольство, осуждение и открытый протест неизбежно переливались в религиозную сферу.

Реформы Диоклетиана с точки зрения христианской оппозиции

Из-за своей жадности и из страха своего он довел до разорения весь мир. Разделил империю на четыре части и приобщил к правлению трех принцепсов, которые умножили войско, и каждый при том старался иметь больше солдат, чем имели их предшественники, когда те правили сами государством. И потому сборщиков податей стало больше, чем плательщиков; селяне, изнуренные невыносимыми тяготами обложений, не обрабатывают больше землю, и поля зарастают лесом.

Более того, чтобы внушить больший трепет, провинции были подразделены на малые части. Множество префектов с многочисленными службами заняли посты в каждом районе и почти во всяком городе вместе с толпой счетоводов, начальников и чиновников этих служб, которые редко касались гражданских дел и единственно занимались осуждениями, сопровождавшимися многими проскрипциями, а также, нанося нестерпимые оскорбления, налагали не скажу часто, а скажу постоянно таксу на все виды товаров. Но еще менее того терпимо все, что относится к постое и содержанию солдат.

По своей ненасытной жадности он никогда не допускал сокращения своих сокровищ, а вечно накапливал необыкновенные богатства и блага, чтобы сохранить в неприкосновенности то, чем обладал. Когда же различными своими поборами он вызвал величайшую бескормицу, то попытался остановить цены законами разного рода. Тогда под ничтожными и жалкими предложениями было пролито много крови, и из боязни перестали что-либо продавать, и голод сделался еще сильнее, пока закон сам по себе не отпал, став прежде причиной разорения столь многих.

Ко всему тому добавилась безграничная мания строительства и потому великое угнетение провинции из-за присылок рабочих, грузчиков, повозок и всякого рода прочих вещей, потребных для строительства. <...> И совершал еще постоянно новые странные поступки, стараясь сравнять Никомедию с Римом. (Лавтанций. "Смерть преследователей", глава 7)

ПОСЛЕДНИЕ ГОНЕНИЯ . . . И ПОБЕДА КОНСТАНТИНА

В попытке вернуть императорскому абсолютизму былой престиж Диоклетиан вдохновлялся консервативной интерпретацией государственной религии. Культ императора достиг невиданного размаха. Оба Августа уподоблялись в иерархическом порядке один Юпитеру, другой - Гераклу с общими храмами обоим богам и обоим высшим представителям "тетрархии". Ношение диадемы и нимба, который впоследствии станет в искусстве отличительным признаком святого, придавал особое значение сверхъестественному характеру суверена, подобно тому как это было в восточных монархиях. Подчинение налоговому и военному деспотизму было уравновешено религиозными повинностями: уклоняться от них означало отвращать от общества покровительство оскорбленных богов. Жертвоприношение гению императора стало нормальным актом проявления лояльности не только для функционеров государственного аппарата, но и для всякого горожанина и особенно для солдат.

Согласно придворному историку Константина Евсевию Кесарийскому, всеобщее недовольство нашло почву именно в рядах армии, в среде воинов христианского вероисповедания, и на этой почве возникали эпизоды неповиновения и отказа от воинской службы, как это имело место с манихеями. Лактанций уточняет, впрочем, что первый эдикт о преследованиях исходил по обоюдному согласию в начале 303 г. от Диоклетиана и Галерия в Никомедии, после пожара в императорском дворце, вина за который была возложена на христиан. С политической точки зрения эдикт был несомненной ошибкой, которую только Константин смог десять лет спустя умело исправить.

Христианство уже не было маргинальной силой, хотя его распространение было еще неравномерным. Не имеет никакого основания легенда о том, будто супруга Диоклетиана тайне приняла христианскую веру. Но несомненно, что в крупных городах метрополии, в портах и небольших городских центрах христианские общины рекрутировали приверженцев не только в среде бедняков, рабов, эмигрантов и чужеземцев. Отвращение римского простонародья к христианству, которое подогривало первые преследования, не исчезло, но заметно уменьшилось. Широкие слои ремесленников, торговцев, мелких хозяйчиков, бедствующих риториков и интеллектуалов примыкали к новой религии. Христиане проникли в ряды государственной бюрократии и насчитывали многочисленных последователей в патрицианских семьях и при различных императорских дворах. Так, в 40 километрах от Рима, на Фламинской дороге, там, где ныне находится Риньяно, матрона Теодора отдала в распоряжение верующих свое сельское имение. Археологические находки на кладбище в Риньяно послужили тому свидетельством.

В Галлии, где Констанций Хлор открыто поддерживал культ солнца, в поклонении которому он позволил воспитать своего сына Константина, всеобщие меры, направленные против христиан, были просто неосуществимы вследствие близости обеих религий и их символов, которые часто смешивались.

Задуманные в Никомедии преследования осуществлялись вначале более или менее осторожно. Но они становились затем все более настойчивыми, порождая

жертвы и мучеников, особенно в рядах войска и гражданской администрации. Они продолжались восемь лет, с 303 по 311 г. Этот период известен в церковной истории как "эра мучеников". В некоторых кругах летосчисление новой христианской эры вели только начиная с этого времени. Впервые места погребений, принадлежавшие общинам или более состоятельным их членам, стали на время прибежищем для преследуемых, где они отправляли свой культ. Но выражение "церковь в катакомбах" чисто риторично. Сам термин "катакомбы" еще не вошел во всеобщее употребление. В Риме говорили "в катакомбах", когда хотели указать на кладбище, простиравшееся под нынешней базиликой св. Себастьяна на древней Аппиевой дороге.

Между 25 февраля 303 г. и декабрем 304 г. было издано не менее четырех антихристианских эдиктов. Иерархия понесла особенно тяжелый ущерб: закрытие мест отправления культа и конфискация церковного имущества, изъятие и уничтожение книг и священной утвари, обращение в рабство плебеев, признанных христианами, сопровождалось заточением епископов и высших членов клира, наконец, смертной казнью тех, кто не покорился приказу отречься, оказав почести богам. Те, кто уступал, быстро выходили на свободу.

Появление множества мучеников в V и VI вв. и безграничное прославление мучеников, предпринятое средневековыми и современными агиографами, сделали затруднительной точную историческую оценку распространения преследований, а также числа и ранга их жертв. Они достаточно многочисленны, хотя происхождение их довольно неясно в зонах, где христианство было более распространено (Малая Азия, Египет, Северная Африка, Рим). Значительно меньше их было в западных провинциях - в Испании, в Британии, в Галлии. Случаи капитуляции нередки, как и во времена Деция. На этот раз они приняли форму выдачи богослужебных текстов и предметов культа, что называлось по-латински *traditio* [традицио] - "сдача", "выдача". Отсюда значение слова *traditore* [традиторе] - "предатель", которое перешло в народный итальянский язык [А также и в другие романские языки. Ср. французское *traître* [трэтр], испанское *traidor* [трайдор] и т. д. - Прим. пер.]. Против "выдававших", как было за пятьдесят лет до того, возникло движение протеста более непримиримых верующих, которое впоследствии вылилось в великую схизму донатистов.

В целом, однако, сопротивление преследованиям было достаточно солидарным, что свидетельствовало о том политическом и социальном, а не только религиозном значении, которое приобрела принадлежность к христианству. И нельзя исключить, что добровольное отречение Диоклетиана от престола и вынужденное отречение Максимиана в Милане 1 мая 305 г., через двадцать лет после их вступления на престол, определялось в числе прочих причин также и сознанием того, что авторитарное восстановление государства пошло по неверному пути и что без поддержки христианских масс никакая политика консолидации империи была теперь невозможной. Диоклетиан удалился в свою родную Далмацию, где через восемь лет, в 313 г., и закончил свои дни.

"Тетрархия" пережила целую серию перемен, отмеченных народными возмущениями против поборов и мятежами в армии. Борьба между бывшими Цезарями, ставшими Августами, и их сыновьями и воспитанными Цезарями претендентами была безудержной, подогревалась тягой к экономической и политической самостоятельности крупных объединений, на которые была разделена империя. Из этих конфликтов вышел победителем незаконный сын Констанция Хлора Константин, опиравшийся на поддержку западных провинций, которые отнюдь не были вражде с христианской религией. Однако его роль в прекращении гонений преувеличена.

Галерий стал Августом на Востоке после того, как признал за Константином, наследовавшим отцу в 306 г. на Западе, титул императора, он и стал инициатором, незадолго до смерти, первого эдикта о веротерпимости по отношению к христианам, изданного в Никомедии 30 апреля 311 г. Знаменитый "Миланский эдикт", обнародованный Константином и его коллегой и зятем Лицинием, появился лишь через два года, в феврале 313 г. Согласно некоторым историкам, он был прежде подписан в Никомедия. Мы располагаем греческим текстом этого эдикта, который приводит Евсевий Кесарийский, и латинским,

приведенным Лактанцием. Между ними есть некоторая разница, которая не может объясняться только манерой передачи или рассеянностью переписчиков.

Еще до издания эдикта Константин, убедившись в безопасности своих тылов на Рейне, Роне и в Западной Галлии, перевалил через Альпы, захватил Турин, Милан и Верону и в конце молниеносного похода, успех которого придворные историки объясняли благосклонностью христианского бога, подошел к воротам Рима. 27 октября 312 г. у пересечения Тибра Фламинской дорогой, чуть севернее Мильвийского моста, он обратил в бегство войска Максенция, сына Максимиана, который поделил с Макси-мином Даза, пасынком Галерия, правление империей на Западе и Востоке, и практически отменил эдикты о преследованиях христиан, чтобы расположить к себе близкие к христианству народные массы.

Это было, следовательно, столкновение двух конкурентов в борьбе за власть, а не столкновение двух религиозных идеологий. Максенций погиб в битве, и тело его унесли воды Тибра. Несмотря на запоздалое изменение его политики, столичные церкви уже были возвращены христианам и были одобрены выборы нового епископа общины, остававшейся несколько лет без владыки по причине внутренних разногласий. Сан римского епископа начинал разжигать амбиции и соперничество. Высшая иерархия церкви была отныне готова пойти на соглашение с государственными властями.

Оба крупнейших хрониста той эпохи - латинский ритор Лактанций и Евсевий Кесарийский, который оставил нам кроме "Церковной истории" романическое жизнеописание нового самодержца, сообщают многочисленные и полные противоречий детали и фантастические подробности относительно решительного сражения, развернувшегося между Фламинской дорогой и Тибром. Их рассказы стали основой стойких легенд об этих событиях. Символ солнца, который галльские отряды Константина высекали на своих щитах и который обнаруживается и на монетах галлов ("перевернутая буква X с примятой вершиной", - пишет Лактанций в "Смерти преследователей", глава 44), сходит за "знак" имени Христа, явившийся якобы во сне императору. Евсевий видит в нем, напротив, две начальные буквы имени Христа - букву P (заглавная буква "эр" греческого алфавита), перерезанную пополам буквой X. Он превращает сон в чудодейственное видение "христианской монограммы", которая впоследствии станет общепринятой и попадет на знамена, или "штандарты", нового войска, одержавшего победу над Лицинием через двенадцать лет, в 324 г., у ворот Византии.

Константин у Мильвийского моста: сон или видение?

Прибыв на поле битвы, солдаты Максенция вначале имели преимущество, затем Константин, воспрянув духом и готовый к любой неожиданности, решил переместиться со всем своим войском ближе к городу, укрепившись перед Мильвийским мостом.

Наступало 27 октября (в этот день Максенций был избран императором), и уже исполнялось пять лет его царствования. Константин был предупрежден во сне, что нужно начертать на щитах небесный знак бога и только тогда возобновить сражение. Сделал, как ему было указано, и, перевернув букву X и пригнув ее вершину, вырезал имя Христа на щитах. Вооруженное этим знаком, войско построилось для боя.

(Лактанций. "Смерть преследователей", глава 44)

* * *

Когда император молился и взывал к богу, ему явился чудодейственный знак божественного происхождения. Если бы об этом рассказал кто-либо другой, трудно было бы ему поверить. Но: кто может сомневаться в том, учитывая, что мне самому, пишущему эту историю, сам победитель Август сообщил все это много времени спустя, когда я смог лучше узнать его и вступил с ним в тесные отношения? Тем более что события, которые за тем последовали, подтверждают истинность этого видения.

В послеполуденный час, когда солнце уже начинает клониться к закату,

рассказывал император, он увидел собственными глазами в небе прямо над солнцем знак креста, окруженного светом и сопровождаемого надписью, которая гласила: "сим победиши". И он, и солдаты, которые стали очевидцами чуда, были глубоко потрясены виденным. <...> Настала ночь, и, когда он спал, ему явился бог Христос с тем же знаком, который он до того увидел на небе, и повелел ему воспроизвести его, как он явился ему на небе и принял его для защиты от врагов. <...> Я припоминаю, что видел этот знак много раз. Он был так составлен: более длинный стержень, покрытый золотом, пересеченный другим в форме креста. В верхнем конце стержня была корона, украшенная драгоценными камнями и золотом, и на ней был изображен символ спасения - две начальные буквы имени Христа и буква Р, пересеченная посередине буквой Х.

(Евсевий Кесарийский. Церковная история, I, 29 - 30)

Надпись, которую сенат посвятил Константину после его вступления в Рим, на триумфальной арке между Колизеем и Палатинским холмом, приписывает успех императора "вдохновению свыше". Панагиристы того времени свидетельствуют все же, что в Галлии молодой самодержец воспринял от отца культ солнца, отождествленный с культом бога Аполлона. И изображение испускающего лучи солнца, "непобедимого" солнца, рождение которого отныне празднуется 25 декабря, не исчезнет в течение долгого времени с выпускаемых при новом режиме монет. Константин, впрочем, уважал языческие храмы и продолжал величать себя традиционным титулом "верховный жрец", "понтифик", который католические папы присвоят себе лишь в начале эпохи Возрождения. Отождествление солнца с Христом будет шедевром теологии эпохи Константина. Но сам император решится принять крещение только в 337 г., перед смертью. ,

Все это, однако, не умаляет значения произведенного им поворота в религиозной политике государства.

Верно, что эдиктом 313 г., как писал Евсевий Кесарийский, Константин и Лициний намеревались только "даровать христианам и всем другим свободу исповедовать избранную ими религию, чтобы небесное божество, каким бы оно ни было, дало мир и процветание нам и всем тем, кто живут под нашей властью", обеспечивая таким путем "интересы и безопасность империи" ("Церковная история", X, 5). И все же с этого времени начался необратимый процесс, который еще более углубился после исчезновения со сцены Лициния, восточного соперника, искавшего возможность возобновить преследования, заплатив пленением и затем смертью за это свое последнее желание.

Оставшись единовластным самодержцем, Константин твердо применял и улучшал все законодательные меры, которые он предпринял в интересах церкви. Отобранные у нее и проданные третьим лицам без возмещения убытков постройки и имущество были ей возвращены. Общинам были отпущены крупные субсидии, и духовенство было не только освобождено от тягостных общественных обязанностей, но и стало освобождаться от уплаты налогов. Полу-, чив официально признанное право наследовать по здешнему недвижимую собственность, церковь вскоре вступит в конкуренцию с крупнейшими латифундиями того времени. Был отменен закон Августа о безбрачии и теоретически отвергнута казнь на кресте. Иудеям было в более категорической форме запрещено побивать камнями тех из них, которые обратились бы в христианство. В 319 г. было запрещено гадание на внутренностях животных в частных домах. В 321 г. воскресенье, "день господа", было официально признано религиозным праздником и днем отдыха.

Это последнее решение могло быть благосклонно встречено и христианами и приверженцами солнечного культа. Первым оно напоминало о воскресении Иисуса (это слово и стало обозначением этого дня в русском языке), вторым - их высшее божество. Отметим, что наименование "день солнца" осталось за воскресеньем в немецком и англосаксонском календаре (Sonntag [зоннтаг] в немецком языке и Sunday [санди] - в английском [Слова (die) Sonrte [зонне] и sun [сан] означают в этих языках "солнце", (der) Tag [таг] и day [дей] - "день". - Прим. пер.]) и после того, как соответствующие народы были обращены в христианство.

Несмотря на ужесточение налоговых поборов и насильственные наборы на военную службу, престиж императора укрепился на новой основе.

Высшее духовенство не отказало ему в помощи. В 314 г., через год после издания эдикта о веротерпимости, синод епископов, собравшийся в Арле, наказал отлучением от церкви солдат-христиан, которые дезертировали из императорских армий.

Было немало мотивов для недовольства в экономической сфере. Падение в цене динария и невозможность приобретать серебро и медь ухудшили и без того трудное положение средних слоев населения. Чтобы сдержать финансовый кризис, Константин ввел в качестве единой денежной единицы золотой солд (сольдо), который придал торговому обмену известную стабильность и распространился затем по всей Европе, вплоть до Швеции. Согласие с этой политикой самых широких слоев населения в религиозной сфере стало необходимым.

Даже перенесение столицы из Рима на Восток, на Босфор, туда, где со временем возникнет древняя Византия, решение о котором было принято сразу же после поражения Лициния, отвечало не только необходимости перенести центр империи туда, где требовалось сдерживать напор персов и готов на границах Сирии и берегах Черного моря. На Востоке, особенно в Малой Азии, христиане были гораздо многочисленнее, чем на Западе, - их процент доходил на заре IV в. до соотношения 1 : 2. Они образовывали внушительную массу, и император намеревался использовать ее в своей политике. Новая столица получила название Константинополя. Ее первый камень был заложен в 326 г., и огромная статуя властелина, изображенного все еще в виде бога солнца Аполлона, завершила Строительство в 330 г.

Раздражение римлян против Константина проявилось в бурной и многозначительной вспышке. Трофей, который был воздвигнут в его честь на форуме, после победы у Мильвийского моста, украшенный статуей, державшей в руке, согласно Евсевию, жезл в форме креста, в 326 г. - был повержен на землю разъяренной толпой. Негодование достигло высшей точки, когда стало известно, что император даже не явится принести жертву в храме Юпитера на Капитолийском холме, как того требовала древняя традиция, по случаю двадцатилетия своего царствования (Константин наследовал трон в 306 г). Действительно, население Рима было все еще разобщено язычеством и христианством. Сенатская аристократия в большинстве была враждебна новому порядку. Она и осталась враждебной ему до конца IV в., когда все формы нехристианских культов были объявлены вне закона.

Парадоксальным образом римские епископы сумели воспользоваться этой ситуацией, чтобы укрепить свою власть, и не только религиозную, но и политическую и экономическую, вопреки их антагонизму со своими восточными, и в первую очередь константинопольскими, коллегами. Однако рассказ о пресловутом "даре" Константина, якобы передавшего будущему епископу Сильвестру обширные светские права над городом и большей частью Северной Италии начиная с 313 г., был сфабрикован много позже, в разгар каролингской эры, чтобы оправдать ставшее фактом положение вещей. Впрочем, он считался подлинным на протяжении всего средневековья и был опровергнут только в XV в., на заре Возрождения, гуманистами Николаем Кузанским и Аоренцо Балла.

ДОНАТИСТСКИЙ РАСКОЛ И БУНТ ЦИРКУМЦЕЛЛИОНОВ

В своей совокупности христианство все более превращалось после эпохи Константина в силу порядка и социальной консервации. Последние гонения времен Диоклетиана оставили заметные рубцы. Наиболее спорным по-прежнему оставался вопрос о том, какой линии держаться по отношению к тем верующим, и особенно к тем руководителям, которые "предали", то есть добровольно сдали церковное имущество властям, допустив тем самым его уничтожение. Первые стычки по этому поводу произошли в Египте, где епископ александрийский Петр был обвинен в чрезмерной снисходительности к отступникам. Но конфликт перебрался вскоре на Запад, где разгорелся между Римом и Карфагеном и бушевал с переменным успехом, перерастая даже в вооруженные восстания.

В Северной Африке преследования были особенно жестокими. Выборы епископом в Карфагене Цецилиана вызвали споры, были отвергнуты партией ригористов, которая сплотилась вокруг двух нумидийских епископов - Секунда и Доната. По имени этого последнего или другого Доната, прозванного Великим, - если допустить, что речь идет о двух разных лицах, - получило название движение которое вылилось в обширный раскол. Донатисты выбрали в Карфагене другого епископа - Шапорина. Сторонники Цецилиана обратились к Константину с просьбой вмешаться. В 313 г. по просьбе римского епископа Миль-тиада, или Мельхиана, предшественника Сильвестра, император, который до того ограничивался посылкой денежной помощи законопослушному духовенству, издал эдикт, которым лишал донатистов их культовых помещений и осуждал на изгнание некоторых из их наиболее видных вождей.

Вмешательство политической власти подогрело недовольство. Образовались две враждующие церкви. К проблеме прощения "предателей", которая теперь стала лишь простым прикрытием, добавились проблемы действительности епископских посвящений в сан, необходимости (или ненужности) второго крещения в случае недостойного поведения отступника и права наиболее униженных плебеев на самостоятельность по отношению к гражданским властям и на менее гибельные условия жизни.

Что касается крещения, то епископы-антидонатисты отвергли точку зрения их оппонента Киприана и приняли решение римской церкви, признавшей магическую эффективность обряда крещения в нем самом и благодаря ему, независимо от ритуальной чистоты того, кто ему подвергся. Донатисты же склонялись, напротив, к защите африканской традиции и даже добились в 321 г. известного признания со стороны Константина, который был до конца поглощен завершающей распрей с Лицинием, на Востоке, и имел достаточно забот, чтобы не вникать в религиозные споры. Они были особенно яростными среди коренных жителей, потомков финикийцев и берберов, оттиснутых римскими колонами на край пустыни. Это были батраки, рабы, обнищавшие горожане, в глазах которых христианство еще выглядело оппозицией привилегированным слоям.

Социальное учение донатистов отрывочно, и восстание его не просто. Кровавое восстание, вспыхнувшее в те годы в Северной Африке, не было организовано непосредственно ими, но несомненно, что в расколе под религиозной оболочкой нашли выход экономические и политические запросы, которые долгое время подавлялись. Теперь же они были обращены против императорского абсолютизма и власти господ.

Часть восставших сгруппировалась под названием аго-нистов, или борцов за веру, явно перекликавшихся с аналогичными движениями на Востоке. Но их противники предпочитали называть их циркумцеллионами. Это латинское слово не очень ясного происхождения, вероятнее всего, указывает на безземельных сельских работников, пребывавших в вечных поисках занятия, напоминающих батраков, бродивших от одного хозяина к другому; то есть на "тех, кто вертится вокруг лачуг", а отсюда и уничижительный смысл этого слова - "бродяги" [Латинское слово *cella* [целла] означало "помещение", "комната для рабов" (*cella familiarica*), *circum* {циркун} - предлог "вокруг". - Прим. пер.]. Циркумцеллионы требовали освобождения рабов, аннулирования долгов и ликвидации ростовщичества, собирались в вооруженные банды и вели своего рода партизанскую войну, совершая стремительные набеги на обособленно живших крупных землевладельцев. Виллы и деревушки горели, семьи наиболее ненавистных латифундистов вырезали. "Никто на Чувствовал себя в безопасности в своих владениях", - сообщает римский хронист того времени.

Несмотря на упорное сопротивление повстанцев, отряды, отправленные Константином на место событий для усиления местных гарнизонов, в конце концов взяли верх и дали начало безжалостным репрессиям во имя порядка и религии. Донатистские церкви пытались отмежеваться от повстанцев, чтобы не нести за них ответственность. Но местные власти и враждебные им епископы, начиная с Октавия из Милеви, официального историка раскола, и кончая Августином, в начале V в., продолжали обличать их как первопричину столь великих беспорядков.

Движение агонистов пошло на убыль, но не исчезло совсем уже потому, что

народные бедствия, которые его породили, не только не исчезли, но стали еще более нестерпимыми. Эпизодические возмущения продолжались до начала V в. и даже далее. Последние эпигоны донатизма вбьеднились с антиримскими армиями вандалов, когда те сумели проникнуть под предводительством Геизерича в Африку из Испании через Гибралтарский пролив и завоевали ее в 439 г. Одна донатистская община перебралась также в Рим, и ее приверженцы получили там прозвание "монтензов", то есть "монтанаров", горцев. Они собирались в пещере за городской стеной и вообще оказались, за гранью общества, о чем и говорит само их имя.

На Востоке беспокойство масс при Константине не нашло единого центра кристаллизации в экономической и социальной сферах, тем более что и условия жизни населения, особенно в Малой Азии, не были еще столь же трагическими, как в западных провинциях. Нет все же сомнения, что за арианской ересью, возникшей именно на Востоке, скрывались и этническая дифференциация населения, и возникавшие в народе центристские силы, в ней оживали также и соответствующие религиозные идеи, чуждые христианской тематике. Учение Ария, который отрицал субстанциальную божественность Христа, казалось более приемлемым для языческой среды, находившейся под влиянием монотеизма неоплатоников.

Константин не придавал большого значения чисто теологическим дискуссиям. Он боялся, однако, как бы какой-либо разлад в лоне христианских общин не стал угрожать тому единству, которое он считал необходимым для дальнейшего осуществления его политики восстановления государства и защиты неприкосновенности границ. И потому после тщетных попыток примирения он решил созвать собрание епископов уже не из части империи, а со всей ее территории: вселенский, то есть "универсальный", собор, решения которого имели бы значение закона, одобренного самодержцем.

Заседания собора были открыты императором 20 мая 325 г. в Никее, в Вифинии. На нем присутствовало несколько более 300 епископов, все почти без исключения с Востока. Садога Сильвестра, который руководил римской церковью большую часть царствования Константина (он был избран епископом 31 декабря 314 г. и умер 31 декабря 335 г.), не пригласили даже для консультаций, и он был представлен лишь двумя пресвитерами. Его влияние, впрочем, и не распространялось за пределы Италии. : Никейский собор, который не сумел решить вопрос об арианстве, стал, однако, свидетелем упрочения принципа государственного вмешательства в религиозную сферу. Константину не был неприятен присвоенный ему придворными титул - "епископ церкви по внешним делам". Это были, однако, вопросы, которые касались не только внешних сторон вероучения, но и всей идеологической и институциональной жизни церкви. Их решение и послужило разработке мер принуждения по отношению к меньшинствам или группам несогласных, а также стало толчком к новым преследованиям во имя новой религии.

Нарождалась эпоха, которую еще сегодня принято называть эрой Константина в двойном смысле слова: слияние религиозного и политического порядка и сведение церковной организации к роли бастиона сил социальной консервации и политического господства. Апокалиптические чаяния первых времен отныне были отброшены за грань официальной религиозности, которая не допускает вольнодумного видения общественной жизни, ускользающего от контроля иерархии. Для Евсевия Кесарийского "царство божие" реализуется в роскоши и могуществе "царства Константина". Ожидание нового мира было банализировано обещанием посмертной компенсации за несправедливости и повседневные страдания в этом мире.

Последние мечтатели, мыслившие о крушении общества, основанного на безудержной эксплуатации огромного большинства населения, видели себя обреченными на изоляцию или на расколничество. Эта особенность христианства и станет одной из характерных черт реальной истории христианства по настоящий день.

Уже тогда становилось все труднее отделить события гражданской истории от религиозной. Они отныне тяготели к слиянию или наслоению друг на друга, тогда как первые три столетия истории христианства различие между ними было очевидным. Подлинная история христианства, чтобы не растворять ее в слишком широком контексте, с этого времени должна с особым акцентом обращаться к анализу идей, изучению теологических разработок и внутренней организации церкви. Но по-прежнему непреходящим отправным пунктом для исследования остаются изменения в области экономики и общественной жизни, а также перипетии борьбы за власть.

Общественное бытие естественно предшествует индивидуальному осознанию этого бытия. Однако душа верующего не ведает о таком отношении бытия и сознания: все представляется ему вынесенным в сферу идеологии, эволюции догмы и морали, а не в область реальных решений в процессе взаимодействия между людьми.

К этой именно системе отсчета мы и должны прибегнуть, чтобы понять феномен монашества, которое возникает из общего кризиса эпохи в последние десятилетия III в. и неудержимо развивается в течение всего IV в.

Речь идет о достаточно сложном движении. С одной стороны, неожиданное возникновение сильных аскетических течений связано с утратой морального климата ранних времен возникновения христианства, характерного для христианских общин, и с тягой к мученичеству. Не случайно аскета сравнивали с "холодным мучеником", который подвергает тяжкому испытанию свою физическую выносливость и умерщвляет свои инстинкты без пролития крови. С другой стороны, симптоматично, что "уход от мира" достигает массовых масштабов в наиболее перенаселенных районах Средиземноморья, и в первую очередь в Египте, где безработица и нищета толкали людей на бегство из городов и особенно из деревень. Для многих выход состоял именно в том, чтобы их приняли в изолированные от мира и приспособленные для совместной жизни религиозные центры. Только это давало людям сознание какого-то смысла жизни.

Идея аскетического поведения, которое отличалось бы от повседневного образа жизни массы верующих, чужда первым этапам христианской истории. В ожидании заката всех существующих структур преобладает то настроение, которое можно определить как преходящую, выработанную лишь на время нравственность новозаветной общины. Ее нормы были обязательными для всех. Достижение "совершенства" не есть в те времена прерогатива избранных: кто не стремится к нему, тот не заслуживает прощения серьезных проступков, исключая критические ситуации и периоды преследований.

Различие между "предписаниями" и "совета́ми", то есть между труднодостижимым религиозным идеалом и приобщением к общей богослужебной рутине, характерно, напротив, для современного христианского вероучения. Оно намечается только в III в., но свое теоретическое обоснование получает уже в константинопольскую эру. Евсевий Кесарийский, придворный епископ, был первым, кто специально обосновывал эту дихотомию. В апологетическом сочинении "Евангельское предначертание" (около 323 г.) он провозглашал, что церковь установила два разных правила поведения для двух различных типов жизни: одно для тех, кто стремится к высшим религиозным добродетелям (целомудрие, воздержание, отказ от богатства, незаинтересованность в каком бы то ни было улучшении социальных условий, полное посвящение жизни службе богу), и другое для тех, кто остается на уровне привычек повседневного существования (семейные узы, рождение детей, выполнение гражданского и военного долга, преследование материальных выгод).

Сам греческий термин *askesis* [аскесис], применявшийся с эллинистической эпохи для обозначения тренировки атлета, а затем распространенный на своего рода духовную гимнастику в стоической и неоплатоновской этике, совсем не встречается в Новом завете. Он, однако, употребляется Филоном Александрийским, посредником между классической философией и иудаизмом. От него мы узнаем о существовании групп аскетов - ессеев и терапевтов, которые жили коммунально, рассеянными между Египтом и Палестиной в годы появления самых ранних ростков христианства. Евсевий пытался ассоциировать имя еврея

Филона с предтечами христианского монашества. Но то был домысел, лишенный каких-либо оснований.

Следует принять во внимание и феномен буддийского монашества, которое не могло не оказать косвенного или прямого влияния на средиземноморский мир через тонкие ручейки торгового обмена между азиатским Востоком и Западом. Случаи возникновения религиозных объединений не редки в дохристианскую эпоху - от пифагорейских собратств до орфических, вплоть до настоящих монастырей при святилищах Сераписа в Мемфисе, в Египте, об организации которых у нас есть целая серия чрезвычайно показательных свидетельств в папирусах II и I вв. до н. э.

Аскетизм гностиков не связан с этими традициями, хотя районы долины Нила особо интересовали их. Гностики столкнулись с этико-теологическим дуализмом персидского происхождения, который проник в христианство и стремился к отождествлению с некоторыми проявлениями жизненного инстинкта, и, естественно, сексуальности, связанными с апологией мужской силы.

Идеал абсолютного воздержания был сформирован в III в. Оригеном и Мефодием Олимпийским. Но в их писаниях сказывались также некоторые типичные мотивы неоплатоновской морали, распространенной в господствующих слоях, этого своеобразного алиби их привилегированного положения на земле. Плотин тоже утверждал, что первым моментом религиозного акта является разрыв с миром, "бегство одинокого к одинокому". Однако это не помешало ему стать рядом с императором Иорданом III в 242 г. в момент его похода против парфян. Его лучший ученик, Порфирий, глубоко враждебный христианской идеологии, посвятил своей супруге настоящий маленький трактат "Письмо к Марцелле", который можно было бы принять за произведение, написанное монахом в IV в. В нем он выступает предтечей прославления воздержанной жизни, о которой писал св. Иероним через сто лет, в 328 г., обращаясь к молодым римским аристократам с посланием к Евстохию.

Еще важнее проблема, поставленная проникновением в христианскую мораль этического дуализма манихейского типа, с его призывом к "совершенным" избегать любых действий, способных содействовать, согласно их терминологии, "уловлению" новых светоносных частиц силами тьмы и воздерживаться, следовательно, от вступления в брак и зачатия. Экономические и социальные условия стали столь невыносимыми в эпоху охватившего все общество кризиса, что единственным выходом казался радикальный отказ от жизни. Было бы, впрочем, упрощением видеть прямую причинную зависимость между мировидением ма-нихейских общин и возникновением христианского аскетизма. Сходство их этико-религиозных взглядов объясняется в первую очередь подобием их окружения.

Связь между ними, однако, существует, и она не только в их совпадении во времени.

Мученическая казнь Мани и первое великое рассеяние его последователей приходится на то же десятилетие, которое стало свидетелем ухода молодого Антония от светской жизни и его уединения в египетской пустыне, близ одного древнего погребения за Нилом. Но было и нечто большее. Из одной древнейшей формулы отречения, приписанной манихеям при Юстиниане, мы узнаем, что среди первых христианских отшельников тоже были последователи Мани, эмигрировавшие на Запад из Персии. .

Св. Антоний, монашеский "аббат", то есть "отец" [От арамейского слова *abba* [абба] - "отец". - Прим. пер.], умерший в 356 г. в возрасте ста с лишним лет, как о том говорит предание, был первым из тех, кто получил прозвание анахорета: "того, кто удаляется" [В христианскую латынь слово *anachoreta* [анахорета] пришло из греческого языка, где *anakhoretēs* [анахоретес] означало "ушедшего прочь". - Прим. пер.] от общества, чтобы жить в одиночестве. Слово монах означает "изолированный" [От греческого *monachos* [монахос], в котором основа "монос" означает "один". Русский синоним слова "монах", "инок", тоже образован от старославянского "инь" - "один". - Прим. пер.], а термин эрмит, "отшельник", происходит от слова "пустыня" [В латинском языке *ermita* [эрмита] от греческого *eremites* [эремитес] - "тот, кто живет в уединении". Основа этого слова *eremos*

[эremos] - "пустыня". Отсюда русское наименование отшельника "пустынный" и монастыря - "пустынь". - Прим. пер.]. Число подражателей Антонию все увеличивалось. Из Египта они перебрались в Сирию и Палестину и лишь позднее - на Запад. Когда было необходимо, они выходили из изоляции, но только ради богослужебных дел. Зато кельи многих из них часто превращались в центры притяжения почитателей и богомольцев. Так возникал еще один тип монашества, названный "монастырским", "обитательным" или "киновитным" [В латыни христиан слово coenobium [цонобиум] означало "монастырь", "обитель" от греческого koinobion [койнобион] - "совместная жизнь". Понятие "ценобит" ("монах") противопоставлялось понятию "анахорет" ("отшельник"). В русской православной традиции используется термин "киновия" - "общежитийный монастырь". - Прим. пер.].

К первой, анахоретской категории принадлежали кроме Антония такие аскеты, как Павел из Фив, Илларион и Аммоний. Основателем подлинного организованного монашества, которое впоследствии возобладает, был св. Пахомий, тоже египтянин родом, принявший христианство во время военной службы при Лицинии около 314 г. После кратковременного опыта отшельнической жизни Пахомий основал в 322 г. в Фиваиде, на берегу Нила, первый "киновий", куда принял сотню учеников. Чтобы лучше дисциплинировать их совместную жизнь, он составил краткие "Правила". Мистическая ориентация монашества первых времен доминирует в этих "Правилах". Но вырисовывается также и некая элементарная форма кооперации с выделением различных занятий, предназначенных для поддержания жизни монахов, под руководством настоятеля.

Биографии аскетов константинопольской эры напоминают порой "страсти" мучеников. Центральной темой на отот раз становится, однако, борьба с демонами, которые принимают образ диких зверей, соблазнительных женщин, порой солдат, которые пытаются склонить к злу борца за христианство. Победа над демоном рассматривается как триумф христианства в борьбе с язычеством. Можно напомнить из числа многих таких житий "Житие Антония", написанное Афанасием в период вынужденного изгнания за его оппозицию арианскому учению, и различные "Жития Пахомия", дошедшие до нас на греческом, коптском, сирийском, латинском, а позже и на арабском языках. Они сотканы из легенд, описаний чудес, сверхъестественных происшествий, в которых теряются всякие реальные биографические элементы жизнеописаний.

Несмотря на все это, житийная литература представляет собой ценнейшее свидетельство экономического и социального кризиса IV в.: отсутствие безопасности, бедность, обесценение производительного труда, усиление процесса религиозного отчуждения масс. После появления первых аскетов, курьезных и странных одиночек (Симеон Старший, например, избрал местом пребывания большую колонну в пустыне, за что и был прозван "столпником"), феномен аскетизма принял заметные масштабы. Возникли также крупные женские монастыри. Рассказывают, что Скенута из Атрибы правила 2 200 монахами и 1 800 монахинями в засыпанном песком районе поблизости от Фив, в Верхнем Египте. Последствия распространения монашества давали себя знать в экономике восточной части Средиземноморского бассейна: оно способствовало углублению общего кризиса.

Монастыри Синайской горы и Иерусалима прославились собраниями древнейших христианских текстов, многие из которых увидели свет только в последние столетия. В Малой Азии выдвинулись фигуры Евстафия из Севастии, обвиненного в сочувствии манихейству, и особенно Василия Кесарийского, который получил образование в Афинах и был школьным товарищем императора Юлиана. Помимо дюжины аскетических трактатов и обширного эпистолярного наследия, он был автором первой серьезной попытки создать монастырское законодательство. "Правила" Василия оставили глубокий след в богослужебной жизни и в искусстве монастырей, возникших не только на Востоке, но и в Южной Италии, Пулии (Василиката) и в Калабрии при византийском господстве, - это так называемые "лавры", от греческого слова laura [лавра], означающего "дорогу", "путь", потом "квартал" [Этим словом первоначально обозначали группу монашеских келий (построек, пещер). Лавра отличалась от ценобия тем, что в последнем жизнь монахов была совместной. Со временем слово "лавра"

стало синонимом термина "монастырь" (в русском языке также). Прим. ред.].

Аскет Макарий и комар

Когда однажды утром он сидел в келье, комар укусил его в ногу, и, почувствовав боль, он расплющил рукой комара, который вздулся от крови. Тогда он раскаялся в том, что отомстил комару, и велел самому себе просидеть шесть месяцев в Скетском болоте, расположенном в пустыне. Комары и осы там были такие крупные, что способны были прокусить кабанью шкуру. Весь израненный там, он так опух, что казался больным водянкой. Когда он вернулся в келью через шесть месяцев, окружающие узнали лишь по голосу, что то был Макарий.

(Из "Истории лаузовой" Палладия, глава XVIII. Уважение ко всем формам жизни, обусловленное верой в перевоплощение душ, характерно для буддийского учения, а также для пифагореизма и различных гностических и манихейских сект)

Так называемая "История лаузова", которую епископ Палладий, родившийся в Галатии, но долго живший в Египте, посвятил одному из придворных Феодосия II - Лаузу, была написана на заре V в. Ее по праву определяют как эпопею египетского аскетизма. В этом необычном мистическом романе, в котором действие состоит из бесконечной цепи необычайных и назидательных событий, отражается глубокий социальный и нравственный распад, охвативший восточное общество сразу после царствования Константина. Произведение Палладия многократно переводилось на разные языки, ему подражали, и в конце концов оно открыло путь к созданию "Золотой легенды" - апологии средневековой святости. Монашество встретило опору и растущую поддержку при дворе византийских императоров, превращаясь в устрашающее орудие власти в руках правящих группировок, а затем стало и тормозить попытки возобновить развитие экономики.

На Западе организация монастырей началась лишь после того, как они возникли на Востоке, и начали ее аскеты, вынужденные покинуть свои обиталища на Востоке, по мере того как победа доставалась то той, то другой фракции в борьбе с арианством. Однако монашество возбудило здесь известное недоверие, особенно в лоне церковной иерархии, которая видела в нем опасность скрытой оппозиции своей власти. Монахи обосновались прежде всего в Южной Галлии, где возник монастырь в Лерине, известный тем, что в нем находились некоторые из виднейших отцов западной церкви (Цезарий из Арля, Иларий из Пуатье, Винцент из Лерина), в Пьемонте, в окрестностях Верчелли (там пребывал св. Евсевий), в Северной Африке и в Испании. Древнейший монастырь в Галлии - это, однако, обитель в Лигуже, в центре страны, основанная Мартином из Тура в 360 г.

На Западе условия монастырской жизни были более или менее подобны жизни в ценобиях или киновиях Египта, Сирии и Палестины, пока в начале VI в. Бенедикт из Норции не разработал новые "Правила", в которых обязанности размышлять и молиться дополнялись обязанностью трудиться, перешедшей даже на первый план: возделывать землю и работать. Последствия этого нововведения, особенно в экономике сельского хозяйства Западной Европы, были немалые.

В Испании аскетический опыт Присциллиана трагически закончился на исходе IV в. Избранный епископом Авилы, Присциллиан, выразитель интересов аристократических групп, ущемленных римским господством, оказался вовлеченным в конфликты, которыми сопровождалась нарастающая оккупация Аквитании и Испании вестготами. Он заложил основы различных монашеских организаций, в том числе и женских. Похоже, что он подчеркивал необходимость отказа от сексуальных отношений и от потребления мяса и видел в церкви общество "совершенных", ожидавших "новых небес и новых земель". Присциллиан был обвинен в милленаризме, манихействе и "гнусной гностической ереси" (Мартин Турский) - весьма противоречащие друг другу провинности. Говорили также, что его учение о троичности и его определение имен трех ипостасей троицы, о которых столько спорили на Никейском и Константинопольском соборах (325 и 381 гг.), граничат с геологией пантеистского типа. Все это, однако,

не следует на деле из приписываемых ему писаний, опубликованных лишь в конце прошлого века.

В 385 г. власть узурпировал Магнус Климент Максим, правитель Британии, провозглашенный Августом проримскими частями войска после убийства в Галлии императора Грациана, которого поддерживали в армии элементы германского происхождения. Максим приказал арестовать Присциллиана с шестью его учениками, среди которых была одна женщина. Два местных синода, один в Сарагоссе в 381 г., а другой в Бордо в 384 г., уже обрекли Присциллиана на изгнание из общества. Подверженный пыткам, он был осужден на смерть гораздо более по политическим, чем по религиозным мотивам. Преданные ему верующие признали в нем святого и мученика, достойного самого истового почитания.

Согласно "Хроникам" Сульпиция Севера, представляющим почти единственный источник наших сведений об истории Присциллиана, епископ сплотил вокруг себя "многих нобилей, но особенно много людей из народа". Известно, что он оставил после себя очень устойчивое движение присциллианистов. Сам император Валентиниан II (375 - 392), несмотря на протесты двух главнейших западных епископов - Амвросия Миланского и Августина из Иппоны, - не поколебался использовать это движение в борьбе с соперником Максимом, отстраненным от власти в 388 г. Группы "присциллианистов" существовали еще в конце VI в. как на Западе, так и на Востоке. Ригористская идеология этих групп, легко включавшая враждебные настроения против господ и государственной власти, обусловила слияние этого движения с другими дуалистическими течениями - с манихеями, павликианами, последними маркионитами, поглощенными впоследствии ересью катаров.

ОППОЗИЦИЯ ПЕЛАГИЯ

Многочисленные монастыри возникли также в Северной Галлии и на севере от Ламанша, в Британии, в Шотландии и Ирландии. Монахи, которые там обосновались, пахомианской или ва-силианской направленности, способствовали обращению в христианство народностей, живших в самых отдаленных уголках империи. Под их влиянием богослужebная жизнь в Британии пошла особым путем, отличавшим британскую церковь от церквей важнейших религиозных столиц той эпохи - от римской, миланской и византийской.

Среди наиболее заметных нововведений в местной священнической деятельности упоминается преобразование исповедания из коллективного обряда в "ауриколярный", то есть исповедание "на ухо священнику". Этот новый обычай, по-видимому, возник в некоторых монастырях Шотландии. Он способствовал повышению авторитета духовенства в среде верующих.

В последующих веках эти монахи с оружием в руках защищали свои обители и сельских жителей от набегов мореплавателей и грабителей с севера - англов, саксов и скандинавов, пока те не завоевали окончательно страну. Так сформировался тот тип монаха-воина, "аббата-кондотьера", который распространился из Англии по всей феодальной Европе. Тем самым история монашества слилась с политической историей общества и вооруженной борьбой своего времени.

Влияние британских монахов на частные детали религиозной практики определило также изменение традиционных приемов оценки достижения спасения, связав их с верой в собственные нравственные силы и "свободой выбора" более, чем с вмешательством божественной благодати. Оттенки обеих ориентации такого рода на деле достаточно мистифицированы, поскольку и та и другая всегда обусловлены решающим фактором - человеком. Но новая тенденция оказала большое влияние на историю христианства, начиная с конфликтов между доктринерством и мистицизмом, которые пронизывают все средневековье, и кончая распрей между иезуитами и янсенистами, которая перебрoсилась в XVII в. из Франции в Италию и в своей основе не иссякла и по сей день: даже "волюнтаризм" самых последних теологических католических и протестантских направлений не справился с нею.

Учение Пелагия о "свободе выбора"

Пожелав одарить разумное творение способностью желать добра и воспользоваться свободой выбора, бог сообщил человеку способность следовать по той или иной дороге и тем самым оказываться в состоянии стать тем, кем он хочет. Наделенный способностью творить добро и зло, он был в состоянии использовать и то и другое и направлять свою волю к тому и другому.

Многие ли из философов, которых мы слушали и читали, не представлялись нам такими: целомудренными, терпимыми, скромными, щедрыми, воздержанными, добрыми, способными отвергать в одно и то же время мирские почести и любить справедливость не менее, чем науку? Откуда приходят, спрашиваю я вас, к далеким от бога людям эти свойства, которые нравятся богу? Откуда проистекают эти добродетели, если не от доброты самой природы?

(Из "Послания Диметриаде" Пелагия)

Жил в Англии во второй половине IV в. некий монах строгих нравов, вероятно ирландец по рождению, который изменил свое кельтское имя Морган, "человек моря", на Пелагий, от греческого *pelagos* [пелагос] ["Гладкая поверхность моря", "морская гладь". - Прим. пер.]. В монастырской жизни он довел до зрелости видение нравственной жизни, гораздо более близкое опыту классической философии, чем исконному христианству. Около 384 г. Пелагий перебрался в Рим и там быстро приобрел популярность, особенно в образованных кругах, которые тяготели к старым фамилиям Аникиев, Пробов и Валериев, у которых еще свежо было классическое воспитание, едва окрашенное в христианские тона. Здесь, между Пинцием и Целием, он основал школу. Его учение образцово изложено в "Послании к Диметриаде", молодой аристократке, которая привлекла внимание многих отцов церкви той эпохи в связи с ее уходом в монастырь.

Пелагий рассматривает нравственную жизнь христианина как род обучения, по примеру предтеч "истинных монахов" - Иисуса и апостолов, конечно трудного, но не непреодолимого. С его точки зрения, первородным грехом отягощен только Адам, но грех этот существенно не извратил позитивные качества человека. Крещение не искупляет мистического первородного греха, оно лишь приобщает верующего к жизни общины. Ему надлежит ступить на путь добрых дел, естественно с помощью священных обрядов.

Было бы вовсе бессмысленно считать подобную концепцию "рационалистической". Она подчеркивает, однако, определенную преемственность между христианским учением и нравственным и культурным наследием классического мира. Но было уже слишком поздно устанавливать эту связь между прошлым и настоящим - такая попытка не могла пройти без потрясений. Реакция была немедленной, и пелагианство было опрокинуто, хотя на деле его основные принципы до сей поры вдохновляют значительную часть католической проповеди.

Переселившегося (после разрушения Рима вестготами в 410 г.) в Карфаген со своим другом и соучеником Целестином Пелагия встретил нападки Августина, который посвятил ему не менее пятнадцати полемических произведений, написанных с 411 по 430 г. - год его смерти. Пелагий не нашел покоя даже в Иерусалиме, новом месте его изгнания. Вначале с него было снято обвинение в ереси, выдвинутое против него Иеронимом за отрицание учения о первородном грехе. Но в 416 г. собор африканских епископов в Карфагене осудил Пелагия и заставил западного императора Гонория отлучить его от своего двора в Равенне. Решение было одобрено также римским епископом Зо-симой, который, впрочем, не испытывал вражды к Пелагию. В 431 г. Эфесский собор санкционировал анафему Пелагию.

В этой расправе выявились наиболее мрачные стороны учения Августина. Все человечество представляется Августину совокупно ответственным за грехопадение Адама в силу как бы органической порочности, которая передается от отца к сыну через зачатие. Поэтому даже в семейной жизни плотское желание - это "похоть", которая одолевает всю сферу человеческой деятельности и поэтому неумолимо греховна. Печать монашества, которому

Августин был верен в молодые годы и которое оставило след в его сознании, проявляется в этом учении совершенно отчетливо. Но определяющее влияние на взгляды Августина оказало изучение им между 396 и 397 гг. пессимистического комментария "Амвросиастр" к новозаветному эпистолярному Павла, сочиненного одним неизвестным автором, именуемым псевдо-Амвросием.

Августинские концепции, связанные с отношением к женщине, ее ролью в обществе и жизни, приобретают характер болезненной галлюцинации. Они продолжают провоцировать настоящие психологические и нравственные катастрофы. Идея превосходства девственности над жизнью в браке, по происхождению своему гностическая и мани-хейская, была усилена Августином. Безбрачие стало требованием церкви, по крайней мере для епископов, хотя еще не стало обязательным для рядового духовенства. Это случится спустя столетия.

Безграничное прославление аскетической жизни особенно сильно проявилось в трудах трех крупных отцов латинской церкви в конце IV и в начале V в. - св. Амвросия (340 - 397), св. Иеронима (347 - 420) и св. Августина (354 - 430). Однако оно встретило и протесты и противодействия. Примером тому служит дискуссия по поводу девственности матери Христа.

Желая обесценить тезис об абсолютном воздержании, Эльвидий утверждал в полемике с Иеронимом, что родители Иисуса жили в браке после чудесного рождения первенца и родили потом других сыновей и дочерей. Защита подобной точки зрения стоила епископу Боносию, лишенному сана синодом в Капуе в 391 г., обвинения в ереси за отрицание вечной девственности Марии. После смерти Боносия его последователи укрылись в Галлии и Испании, где их потомки продержались как коммуна инакомыслящих до VII в. Наиболее последовательным противником аскетизма был римский теолог Йовиниан, отвергавший всякое заслуживающее внимания различие между бракосочетанием и безбрачием (целибатом), утверждая, что Мария нормально зачала от Иосифа шестерых детей после рождения Иисуса и что не требуется специальных усилий для спасения, поскольку крещение делает верующего неспособным на грех, и, следовательно, все должно быть ему позволено. Пятно безнравственности обычно видят на оставшихся в меньшинстве. Писания Йовиниана были признаны еретическими Римским синодом 390 г. под главенством епископа Симплиция. Через несколько лет Иероним снова их осудил, и очень озлобленно, в своем сочинении "Против Йовиниана".

С этой полемики начались, надо сказать, мариологические диспуты V в. и распри на вселенских соборах в Эфесе (431 г.) и в Халкидоне (451 г.). Осуждение Нестория, который не признавал, что такая простая женщина, как Мария, может быть названа "матерью бога", привело к нарастающему обожествлению самой Девы и к развитию ее культа, который со временем, особенно на византийском Востоке, активно насаждала бесчисленная армия монахов, покровительствуемых властями, использовавшими монашество для контроля над массами.

Конфликт между двумя идеологиями, выразителями которых были Пелагий и Августин, характеризует в осязаемой форме историю христианства в IV в.

Если все человечество - всего лишь "масса окаянных", как узнал из "Амвросиастра" Августин, верующему ничего не остается, как слепо довериться действию благодати и в конечном счете духовенству, которое его наставляет. Августинская максима, согласно которой "человек свободен, когда с радостью принимает волю господина", на деле выражает в теологических терминах жесткий закон повиновения низших слоев воле хозяев, их подчинения произволу, иерархии и сильному миру сего. Такова функция христианской религии, которую она будет осуществлять в течение всего средневековья и которую она отнюдь не утратила по сей день.

Августин учредил также монашеский орден в Ирландии для мужчин и для женщин. Для этих последних он лично сочинил жесткий и строгий "Устав", включавший удаление от мира и затворничество. Менее непримиримым был, напротив, "Устав" для мужских монастырей, но и он целиком определялся особым толкованием Августином христианской морали. К одному из ответвлений этого ордена принадлежал в Германии на заре XVI в. Мартин Лютер. Его выступление

против аскетической практики и репрессивной этики станет отправной идеей протестантской реформы.

ГЛАВА 8

АРИАНСТВО, ДВА ПЕРВЫХ ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРА И КОНЕЦ ЯЗЫЧЕСТВА

Теологические битвы сотрясали христианский мир не менее двух столетий со времен Константина и до Юстиниана, вовлекая широкие массы верующих в злобные и нередко кровавые распри по абсурдным и фиктивным проблемам - единичности или множественности бога и субстанциальной идентичности отца-творца и сына, рожденного "прежде всякой твари", согласно выражению из Павлова "Послания к колоссянам" (1 : 15). Эти споры, конечно, не были прямым результатом распада, вызванного кризисом в экономических, политических и религиозных структурах империи. Но они представляли собой одно из самых многозначительных проявлений этого распада: обнищания подневольных слоев, упадка торговли, ремесел и базисного производства, разложения городских центров в Италии, Галлии, Испании и Северной Африке, концентрации населения в некоторых зонах Средиземноморского бассейна, особенно на Востоке, куда сама сенатская аристократия пыталась вложить свои капиталы. Кризисные явления выражались также в перемещении экономической жизни из города в деревню и возвращении сельского хозяйства к низшим формам производства, в превращении свободного крестьянина, прикрепленного к господской земле, в колона, в распространении обычая выплаты налогов, а также содержания служащим и даже военным натурой, в вымогательствах со стороны правителей, сборщиков податей, мелких и крупных бюрократов, военных начальников сверх всяких выносимых пределов (родители иногда бывали вынуждены продавать в рабство своих детей, несмотря на запрещение законом подобных действий), в тяге к бегству в зоны, занятые "варварами", гораздо более гуманными, чем римляне, о чем рассказывает христианский писатель V в. Сальвиан из Марселя. Все это вместе взятое создавало обстановку общей неустойчивости и страха, которая усиливала влечение к иррациональному и к религиозному уходу от действительности, причем не только в среде обращенных в христианство.

Старые племенные и сельские культы далеко не угасли, как показала непродолжительная, но радикальная попытка восстановления язычества во второй половине IV в. При одном из последних преемников Константина, императоре Юлиане.

НЕРАВНОМЕРНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

В начале константинопольской эры, в первые десятилетия IV в., распространение христианства в различных частях империи было еще очень неравномерным.

Можно выделить три основные зоны по степени христианизации:

1) полоса наибольшего проникновения христианской религии - это Малая Азия, особенно Фригия, Вифиния и Понт вплоть до границ Кавказа, Армения, включая районы на запад от Евфрата, острова Эгейского моря, а также определенные зоны Эдессы;

2) зона, где христианство охватило значительную часть населения, но не занимало лидирующего положения: Греция, Македония, Сирия, некоторые греческие города Палестины, Египта, проконсульской Африки и Нумидии, Рим и его ближнее окружение, побережье Южной Италии и Сицилии, Испания и Галлия вплоть до центрального массива;

3) наконец, Палестина, часть Аравии и Месопотамия, Эпир, Далмация, Центральная и Северная Италия, особенно вдоль консульских дорог, дунайские провинции. Мезия и Паннония, Киренаика, Ливия и Мавритания - районы, надо сказать, менее населенные, где процессы евангелизации еще только начинались.

Изолированные христианские общины спорадически встречаются также на

северном побережье Черного моря, в Одессе и в Крыму, на севере Галлии, в Бельгии, вдоль Рейна, в Реции и Норике, вокруг Виндобона, нынешней Вены, и на британских островах, включая Гиберию, как латиняне называли Ирландию.

Высокая концентрация христианского населения в восточной половине Средиземноморского бассейна и перенесение политического и административного центра империи в Византию - это два тесно связанных между собой явления. Но на решение Константина повлияли также и другие факторы. Они имели экономический и военный смысл. Упадок сельского хозяйства привел Рим и Италию к утрате ими всякой надежды на главенство. Возникла основа той эволюции римского мира, которая привела к противопоставлению отсталой Западной Европе более богатого коммерческими и производственными импульсами византийского государства.

Все более явное отпадение Византии от Рима способствовало консолидации в религиозной сфере того течения, которое впоследствии будет названо ортодоксальным, или православным, то есть "истинным". Этот процесс завершился схизмой Фотия в IX в. и полным отделением восточной церкви от латинской при патриархе Михаиле Керуларии в XI в.

Различное распределение верующих между восточной и западной частями империи дало себя знать также в распределении епископских кафедр: их было от 800 до 900 на Востоке и от 600 до 700 на Западе, при общем их количестве в конце царствования Константина порядка 1700. Это число, подсчитанное к тому же только на территории Римской империи, может показаться очень большим, если вспомнить, что в I Ватиканском вселенском соборе в 1869 - 1870 гг. приняло участие менее 800 епископов, а участников II Ватиканского собора с правом голоса, прибывших со всех континентов земного шара, было менее 2500. Однако несопоставимыми оказываются не эти цифры, а сам тип епархии.

За вычетом крупных городских центров епископские епархии того времени были гораздо ближе по своей территории к тем единицам, которые мы сейчас называем приходом. До IX в. слово *paroikia* [паройкиа], которое означает по-гречески "зона соседства", или "резиденция в чужой стране", применялось в латинской транскрипции - *parochia* [парокиа] [Более ранняя форма в "христианской латыни" была *paroeia* [парёкиа] (она встречается в IV в. у Августина). - Прим. пер.] - для обозначения местопребывания епископа. Абсолютно неоправданно с лингвистической точки зрения сближение этого слова с греческим *parochos* [парокос] - "правитель, администратор", "поставщик продовольствия и жилья" (в поздней латыни оно изменило свою форму на *parocus* [парокус]), но оно способствовало формированию современного значения слова: приходский священник и приход.

В городах епископы пользовались заметным престижем, который все более возрастал в обстановке административного беспорядка, порожденного соперничеством между самодержцами Востока и Запада и набегами варваров. Епископы одного и того же округа именовались *suffraganei* [суфраганей] - "помощники", "соратники"; в сельских зонах их называли *coepiscopi* [корепископи], то есть "со-епископы", - словом, которое перешло из греческого языка прямо в латинскую церковную терминологию. Епископы провинциальных столиц или районов получали титулы митрополитов. Титул "патриарх" вошел в постоянное употребление после Юстиниана, в начале VI в. На епископа возлагалось руководство низшим духовенством. Его еще выбирало собрание верующих, но во многих случаях, особенно в более важных центрах, эти выборы уже стали чистой формальностью.

Епископский сан нередко переходил от отца к сыну или от брата к брату. Власть, которой они располагали не только на религиозной почве, но также и в экономической сфере, благодаря управлению значительными богатствами - собственностью церкви, делала назначение на епископский пост чрезвычайно привлекательным для членов состоятельных семейств. Давление, которое многие из них оказывали на центральные органы управления начиная со времен Константина, было не одного только духовного порядка. Александр, епископ Александрии Египетской, был обвинен в саботаже снабжения зерном Константинополя, чтобы вынудить императора занять менее двойственную позицию по отношению к арианству.

С распространением аскетических обычаев для епископов стало обычным правило безбрачия, которое, однако, как уже упоминалось, еще долго не применялось к рядовому духовенству. Имели место выборы епископами лиц, только что принявших христианство или идеологически остававшихся за гранью христианства. В 411 г. философ-неоплатоник Синезий из Кирены, еще не будучи крещеным, принял епископскую кафедру в Птолемаиде, в Ливии. Амвросий, сын некоего высокопоставленного чиновника, перешел почти непосредственно от обязанностей гражданского администратора Эмилии и Лигурии с резиденцией в Милане к обязанностям епископа ломбардской митрополии. В 371 г., за несколько дней, он прошел крещение и посвящение в епископский сан. Милан, западная столица империи, имел в то время гораздо большее значение, чем сам Рим, не только по политическим, но и по религиозным причинам. Многие из аристократических римских фамилий не отказались от старого культа. Сенаторы-язычники и христиане мерялись силами в римской курии, пережившей упадок и выполнявшей преимущественно почетные функции.

В административной области три большие восточные митрополии - антиохийская, александрийская и константинопольская - охватывали только одну, восточную, из четырех префектур, на которые Диоклетиан разделил империю. Антиохийская распространяла свою власть на Сирию, Палестину, Месопотамию, Аравию и Киликию, юго-восточную часть Малой Азии. Александрийская - на Египет. Юрисдикция константинопольской митрополии распространялась на большую часть Малой Азии и Балканского полуострова. От Рима же зависели три западные префектуры: Италия, Галлия и Иллирия. Теоретически управление церковью должно было бы соответствовать этому делению. На деле же ситуация развивалась совсем в ином направлении.

Достоинство митрополии осталось за Константинополем только после 381 г., когда в новой столице состоялся II вселенский собор. Халкидонский собор 451 г. подтвердил учреждение митрополии в Константинополе, несмотря на несогласие римского епископа. Но в действительности главенство ее имело тенденцию распространиться на весь восточный христианский мир. Авторитет римской церкви был этим заметно умален.

Палестине выпали на долю особые заботы императоров IV в. Ее города были обогащены и умножены. Элия Капитолина снова стала официально именоваться Иерусалимом. Константин построил там крупную базилику после того, как его мать Елена, наложница Констанция Хлора, направила туда несколько преданных ей прелатов, чтобы отыскать святые места и обнаружить подлинный крест. Их "открытия", достигавшиеся очень экстравагантными методами, следовали одно за другим ускоренным темпом и никогда не вызывали никаких сомнений. В 451 г. по решению Халкидонского собора в Иерусалиме была учреждена самостоятельная митрополия за счет антиохийской. В Палестине развилось также широкое монашеское движение.

При Юстиниане епископские епархии в крупных митрополиях получили наименование патриархагоо. На Западе со временем это наименование распространилось на другие центры. Но в восточной церкви до сегодняшнего дня число патриархов осталось прежним. Патриархов всегда было пять: константинопольский, римский, антиохийский, александрийский (в Египте) и иерусалимский. Они считались главными по значению, исключая почетное первенство, признанное за епископом бывшей столицы империи - Рима, и реальное главенство епископа города Константинополя, прозванного отныне "новым Римом".

ОСОБЕННОСТИ АРИАНСТВА

Соперничество и раздоры между всеми этими церковными владениями возникали все чаще начиная с того времени, когда епископская деятельность получила официальное признание государства. К политическим и национальным мотивам разногласий добавились глубокие противоречия по поводу вероучения и уклада религиозной жизни.

В последние годы диоклетиановых гонений, между 305 и 306 г., на Востоке

возникло нечто подобное донатистско-му инакомыслию в Северной Африке. Поводом для этого послужил отказ ликопольского епископа Мелетия (Нижний Египет) и группы ригористов из числа его последователей признать служение тех священников, которые не устояли в момент испытания. В основе этого раскола таились также этнические и социальные брожения. Приверженцы Мелетия, получившего частичную поддержку на Ни-кейском соборе, были в большинстве выходцами из Нижнего Египта, где местное население оказалось под господством меньшинства эллинского происхождения, пришедшего из северных городов. Обращению местных жителей в христианство способствовало и широко распространенное национальное недовольство.

Они говорили на коптском языке, а не на греческом. На этот язык были переведены многие древние христианские тексты, особенно апокалиптического и гностического толка, греческие или арамейские оригиналы которых оказались впоследствии утраченными либо в результате конфискаций по повелению Диоклетиана, либо вследствие антицерковных действий новых императоров. Благодаря случайным находкам писаний на коптском языке в последние десятилетия наше документальное наследие от первых веков христианства чрезвычайно обогатилось. Коптский язык остается богослужебным, хотя и непонятным для большей части египетских христиан.

Коптского вероисповедания по-прежнему придерживается эфиопская церковь, организованная в начале IV в. высшим египетским духовенством. Она оставалась подчиненной александрийскому патриарху вплоть до нападения фашистов на Абиссинию, когда греческий патриарх Каира возвел в сан митрополита руководителя эфиопской церкви, присвоив ему титул "Abuna" ("абун") - "отец". Помимо обрядовой стороны абиссинское духовенство следовало после схизмы V в. за своей матерью-церковью также и в наследовании учения монофизитов.

Движение, которое получило наименование мелетианского, по имени Мелетия, не имело большого распространения, поскольку сторонники абсолютной нетерпимости смешались почти сразу с арианцами. Поэтому и возникшие через некоторое время раздоры в лоне антиохийской церкви, которые привели к выбору двух соперничавших епископов, одного, примкнувшего к мелетианской традиции, и другого - к никейскому правосерию, составляют эпизод истории арианства.

Глубокий раскол, который Арий произвел в христианском мире, усугубил тлевшее по всей территории империи напряжение, как на Востоке, так и на Западе, и оставил стойкие следы в религиозной, политической и социальной сферах.

Утверждают иногда, что арианство, защищавшее идею единичной божественной сущности и переосмысливавшее образ логоса, якобы выражало тенденцию к большей "рациональности" в интерпретации догмы. Этот тезис, кажущийся более глубоким, нежели оценки церковных ересиологов, не принимает во внимание тот факт, что как та, так и другая партии, на которые была разделена церковь в IV в., двигались по пути извращенного, иррационального мировидения. Приписывать сыну бога, Христу, подчиненную роль посредника между творцом и творением столь же иррационально, как и утверждать субстанциальную идентичность обоих первых лиц троицы. Функция третьего лица, духа божьего, еще не была тогда достаточно продумана собравшимися в Никее отцами. О ней заговорили лишь позднее, на II вселенском соборе 381 г. И разногласия по поводу зависимости духа святого от одного отца или от отца и сына вместе стали во второй половине IX в. одним из оснований отпадения византийского патриарха фотия от римской церкви.

Не менее антиисторической является и другая интерпретация арианства, согласно которой успех арианского епископата якобы был обусловлен его большей зависимостью от государственной власти, особенно на Востоке, что облегчало становление послушной императорской воле, подчиненной ей церкви.

То, что арианские епископы защищали самостоятельность своих церквей ради отделения религиозной власти от политической в интересах наиболее гонимых верующих, - это тоже одна из многих легенд, которые были пущены в обращение, чтобы очистить церковные иерархии от обвинения в обогащении, в коррупции и в потворстве привилегированным.

В действительности как ариане, так и их антагонисты, никогда не

колеблясь, прибегали к сотрудничеству с властью самодержцев и с органами принуждения, когда считали его полезным. И гражданские власти нередко переходили от покровительства одного направления к поддержке другого, заменяя опеку репрессиями, и не колебались при этом в выборе оружия. Более, чем религиозными вопросами, они были заняты распределением запасов стратегических ресурсов и продуктов питания в различных провинциях империи и крупнейших митрополиях. Дело в том, что резервы сырья, провианта, дешевых рабочих рук и рекрутов для армии во многих случаях зависели от преобладания в различных епархиях того или иного религиозного направления. Типична в этом отношении борьба, которая долго шла между Константинополем и Александрией и сопровождалась взаимным вмешательством в сферу действия обеих церквей и поддержкой враждующих партий внутри самого императорского двора.

Эволюция религиозной идеи, конечно, не является абсолютно точным отображением процессов, происходивших в среде, которая эту идею однажды породила. Всякая идеология, возникшая в определенной социально-экономической обстановке, движется затем автономно и не всегда целиком соотносится с исходной структурой.

Потребность примирить тот фактический монотеизм, который отныне преобладал в самой языческой среде, с утверждением божественности Иисуса возникла в первую очередь из усвоенной христианством, после его отделения от иудаизма, идеологической установки. В диспутах о значении некоторых теологических терминов, различным образом употреблявшихся школами Антиохии и Александрии, сказывалась также различная философская ориентация сторонников двух враждующих тенденций.

Священник Арий (по-видимому, ливиец по происхождению) родился около 256 г. и умер в изгнании в Константинополе в 336 г. Он получил образование в школе Лукиана из Антиохии, разделявшего взгляды Павла из Само-саты. Вместе с ним учились другие знаменитости того времени, среди которых был Евсевий из Никомедии. Лукиан интерпретировал важнейшие положения христианской проповеди в духе аристотелизма. Философия Аристотеля вновь ожила во второй половине II в. н. э. после длительного забвения. Особенно это относится к сочинениям последнего периода деятельности философа. В III в. Сирия стала одним из центров наибольшего распространения аристотелизма.

Из групповой солидарности ученики мученически погибшего во время диоклетиановых гонений Лукиана именовали себя "конлукианистами". Их отличали хорошее знание категорий аристотелевской метафизики, требование абсолютной трансценденции бога, буквальное толкование Библии и строгая нравственная жизнь, близкая по характеру к стоицизму. Когда же Арий переселился из Антиохии в Египет, призванный епископом Александром принять руководство церковью в Баукалесе, густонаселенном квартале Александрии, он столкнулся с совсем иной обстановкой. В христианских общинах Александрии преобладало неоплатоновское направление: менее навязчивое понимание концепции единичности бога, преобладание идеалистической по характеру диалектики, аллегория в основе объяснения библейских текстов с возможностью непредусмотренных выводов из их объяснения. В этой ситуации Арий и его приверженцы в первый момент оказались в меньшинстве и в изоляции.

I ВСЕЛЕНСКИЙ (ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ) СОБОР В НИКЕЕ

Чтобы определить божественную сущность и одновременно отношения между двумя первыми лицами троицы, теологи прибегали к двум почти синонимичным терминам: ипостась, что означает по-гречески "то, что стоит под", то есть под феноменологической внешностью (субстанциальная реальность - "субстанция" [От sub [суб] - "под" и stare - "находиться", "стоять". В III в. Тертуллиан употреблял слово *substantialis* [субстанциалис], кальку греческого *hypostasis* [гюпостасис]. - Прим. пер.] в переводе на латинский), и *usia* [усиа], причастие настоящего времени от греческого глагола "быть" - "то, что есть" (передаваемого на латинском языке словом *essentia* [эссенция]) - сущность - иной способ обозначения действительности. Но эти два слова различным образом звучали в аристотелевской философской школе и в школе платоновского

направления. Епископ александрийский Александр считал неоспоримым, что Христос - сын бога составляет часть самой божественной сущности ("эссенции") отца - отсюда понятие *omousia* [омоусиа] - "равносущность", которое возобладали в Никее. Но для Ария равенство субстанций не могло не подразумевать двойственности лиц, и единичность божества оказывалась тем самым непоправимо разобщенной.

Так представлялось тогда противоречие между теми, кто утверждал, что Иисус был истинным воплощенным "логосом" (словом), и признавал его только человеком, ставшим богом или в момент крещения, как сказано в Евангелии от Марка, или в момент воскресения, согласно Павлу. К этому добавлялась путаница, порожденная термином "лицо" в применении к членам троицы. По-гречески слово *prosopon* [просопон] могло означать одну обособленную реальность [От греческого *pros-opon*, "лицо" в буквальном смысле, где в основе корень "ок", "глаз" (ср. *opsis* - "вид", "взгляд" и т. п.); ср. русское "око" и заимствованные производные от греческого корня "оптика", "оптический" и т. п. - Прим. пер.]. Между тем соответствующее латинское слово *persona* [персона], заимствованное из драматургического искусства, где оно столетиями означало "маска", которой актеры закрывали лицо на сцене, скорее выражало идею того, что три лица были только внешним проявлением единой индивидуальности.

Дискуссионные ухищрения христиан, лишённые какого бы то ни было культурного смысла, подобно абстракциям буддийской теологии или мусульманской мистике, могли быть восприняты массами верующих лишь в самой приблизительной степени. По мнению одних, Ария следовало осудить, поскольку он отрицал божественность Христа; согласно же его приверженцам, Александр проповедовал едва прикрытую форму политеизма. Возможность включиться в распределение съестных припасов и других благ, которую обещали своим приверженцам с той или с другой стороны, а также личность самих участников конфликта также играли свою роль в определении позиций. Так, Арий изложил свои взгляды в богослужебных гимнах, которые имели большой успех.

Низложенный со своего поста синодом из ста египетских епископов, созданным в 321 г. Александром, Арий вынужден был покинуть страну. Вначале он укрылся в Цезарее, в Палестине, затем у своего друга, никомедийского епископа Евсевия, который старался реабилитировать его. Арианство быстро распространялось почти по всем восточным приходам. Получив в конце концов разрешение занять прежний пост в Александрии, Арий встретил растущее противодействие своего епископа и еще более ожесточенное со стороны другого своего противника - диакона Афанасия, который в 328 г. наследовал Александру на кафедре египетской митрополии. В поисках поддержки противники Ария просили вмешательства крупнейших церковных авторитетов Запада.

Письма с призывами вступить были направлены Александром римскому епископу Сильвестру, но они только подлили масла в огонь. Образовались две партии, не столько религиозные, сколько политические. Константин, который до того момента ловко лавировал между двумя борющимися сторонами, после победы над Лицинием решил непосредственно выйти на поле битвы, чтобы помешать новым центробежным тенденциям разрушить единство империи и целостность той системы власти, которая имела возможность укрепиться. По его приказанию в 325 г. была собрана всеобщая ассамблея епископов в городке Никее Вифинской, недалеко от хорошо укрепленной резиденции императора.

Слово "собор" по-латински передается термином *concilium* [концилиум] - "собрание", "ассамблея" (от *sign-calare* [кум-каларе] - "созывать") [В русском языке слово "собор" заимствовано из старославянского, в котором оно явилось калькой (буквальным переводом) греческого слова *synagoge* [сюнагоге] - "собрание"]. Его греческий эквивалент - слово *synodos* [сюнодос], лат. *synodus*, тоже означает "собрание", "совокупность", оно долгое время и предпочиталось. Ныне оно означает только национальные и провинциальные собрания епископов, а порой также совещания духовенства одной епархии. Никейский собор стал первым экуменическим, то есть универсальным, вселенским собором. Считалось, что границы империи совпадают или почти совпадают с пределами "обетованной земли" (от *oikoumene* [ойкоумене]

по-гречески). В действительности на соборных сессиях в Никее приняло участие ограниченное число епископов: 250 согласно Евсевию, 270 согласно Евстафию из Севастии, около 300 согласно Афанасию. Дошедшие до нас их списки неполны: в них значится от 218 до 220 имен. Официально принятая, признанная традицией цифра приводится Иларием из Пуатье: 318 человек.

Но это символическое число, оно напоминает 318 рабов, посланных Авраамом преследовать Кедорлаомера и "царей, бывших с ним", которые взяли в плен "сродника его", Лота, как повествует Библия (Быт., 14 : 14, 17).

Из западной части империи прибыли всего семь делегатов - два пресвитера, Витус и Винцент, представлявшие римского епископа, и пять епископов, по одному из Калабрии, Галлии, Паннонии, Цецилиан из Карфагена и из Испании кордовский епископ Оросий. Этот последний был своего рода церковным советником Константина. Его первая поездка в Александрию для примирения враждующих сторон окончилась неудачей. На соборе, который работал под руководством императора, присутствовало все же свыше двух тысяч человек.

Вселенские соборы

Номер Место Год Понтифик (папа)

- 1 Никея (I) 325 Сильвестр I
- 2 Константинополь (I) 381 Дамасий
- 3 Эфес 431 Целестин I
- 4 Халкидония 451 Лев I
- 5 Константинополь (II) 553 Вигилии
- 6 Константинополь (III) 678-681 Агафон
- 7 Никея (II) 787 Адриан I
- 8 Константинополь (IV) 869-870 Адриан II
- 9 Латеран (I) 1123 Каллист II
- 10 Латеран (II) 1139 Иннокентий II
- 11 Латеран (III) 1179 Александр III
- 12 Латеран (IV) 1215 Иннокентий III
- 13 Лион (I) 1245 Иннокентий IV
- 14 Лион (II) 1274 Григорий X
- 15 Вьенн 1311-1312 Климент V
- 16 Констанца 1414-1418 Мартин V
- 17 (Базель-Феррара) (1431) Евгений IV
- Флоренция 1438-1445
- 18 Латеран (V) 1512 - 1517 Юлий II-Лев X
- 19 Тренто 1545 - 1563 Павел III- Юлий III - Пий IV
- 20 Ватикан (I) 1369-1870 Пий IX
- 21 Ватикан (II) 1962-1964 Иоанн XXIII- Павел VI

Католическая церковь насчитывает 21 вселенский собор. Протестанты в целом признают только четыре первых - от Никейского до Халкидонского. Православные полностью признают только семь первых, отрицают ценность первой части восьмого (IV Константинопольского) и отвергают целиком все остальные.

Арианство даже не было названо в заключительном осуждении собора, но это была дипломатическая тонкость. Основные положения арианства были отвергнуты со всей очевидностью: "Все те, кто говорят, что было время, когда (Христа) не было или прежде, чем он был рожден, не было, или он пришел к бытию из ничего, или он другой субстанции или сущности, или сотворен, или подвержен изменению, или умалению, всех их католическая и апостолическая церковь предаст анафеме". Когда же, однако, речь зашла об учении о троичности, то, чтобы избежать раскола, пришли к компромиссу, который никого не устроил и стал причиной последующих споров.

Была изобретена формула *omousios* [омоусиос], то есть равенства сущностей двух первых лиц троицы, "консубстанциальности" их, в латинском переводе. Многие вспоминали, что подобное определение было отвергнуто за

полстолетия до того провинциальным синодом Антиохии в 268 г., поскольку оно допускает в скрытой форме существование двух божественных существ, равных, но различных. Арианские епископы оказались более нетерпимыми и отказались подписаться под ним. Константин без колебаний отправил их в изгнание в дунайские и балканские районы Европы, где передвигались племена готов, вандалов, а вслед за ними - лангобардов. Эти народности познакомились таким образом с христианством в его ари-анском варианте.

Миссионер-епископ арианской ориентации Ульфи-ла, выходец из числа христиан Каппадокии, захваченных в плен вестготами, назначенный Евсевием из Никомедии на должность в Никополь, в нижней Мезии, завершил дело, начатое первыми "ссылными". Обратив в христианство вестготов, Ульфила дал им алфавит и перевел на их язык, старый готский, Библию и основные богослужебные тексты. После его смерти, в 383 г., в Константинополе арианство оказалось в состоянии стать преобладающей религией "варваров".

Акты Никейского собора не сохранились. У нас есть, однако, текст "Credo" ("Верую"), или символа веры, который был затем частично пересмотрен на II вселенском соборе в 381 г., а также около двадцати канонов, или дисциплинарных и богослужебных правил. Тогда предполагалось только разрешить при помощи этих актов некоторые внутренние вопросы второстепенного характера. Но в результате этих мер возникло церковное право, которое и было названо каноническим. Этими правилами самостоятельность диаконов была ограничена. Было запрещено перемещение священников и епископов из одной епархии в другую; решено собирать провинциальные синоды дважды в год; укорочена узда моральной жизни духовенства. Один из декретов запрещал, по крайней мере в теории, вверять отправление священных обрядов новообращенным, раскаявшимся отступникам и евнухам. Эти последние располагали обширными правами при восточном дворе в качестве хранителей императорского гинекея (женской половины Дома) и нередко попирали авторитет церковных епархий.

Наконец, чтобы попытаться положить конец раздорам по поводу даты празднования пасхи, ввиду того, что большая часть христиан Востока еще следовала иудаистскому, обычаю, было решено отдать предпочтение александрийскому обычаю, уже принятому римской церковью. Ежегодное повторение христианской пасхи было закреплено за первым воскресеньем вслед за весенним полнолунием. Однако не все восточные церкви подчинились декрету.

ПУТЬ АРИАНСТВА ОТ НИКЕИ ДО КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Закрывая заседание собора, Константин устроил торжественный пир, который глубоко поразил приглашенных: были и такие среди них, которые решили, что "царство божие" наконец осуществлено на земле, но, конечно, не то, о котором пророчествовал Апокалипсис!

Достигнутое в Никее соглашение оказалось неприменимым: через несколько лет ситуация изменилась в пользу арианства. Некоторые епископы, которые отказались его подписать и были за то сосланы Константином (в их числе влиятельный Евсевий из Никомедии), были возвращены на свои посты. Чтобы противостоять конфликтам, которые часто принимали неслыханно жестокие формы, гражданские власти вмешивались все более решительно в дела церкви. На первый план в это время выходит фигура Афанасия, который был моложе Ария на целое поколение и стал его непоколебимым противником.

Послание Константина церквам после Никейского собора

Константин победоносный, великий, божественный - церквам!

Убедившись по счастливому положению государства, сколь велико благоволение ко мне всемогущего бога, я считаю подобающим содействовать тому, чтобы хранить одну-единственную веру, искреннее человеколюбие и благочестие по отношению ко всемогущему богу во всех верующих католической церкви.

Но поскольку это не могло быть достигнуто, если бы сначала не

подвергались обсуждению различные касающиеся религии вопросы в присутствии всех епископов, или по меньшей мере большей их части, собранных в одном месте, я созвал их сколько было возможно и принял участие, как равный среди вас, в собрании, на котором все запросы были внимательно обсуждены, пока не было со всеобщего согласия принято угодное богу решение, так чтобы не допускать более дискуссий и разногласий по вопросам веры.

(Из "Жизни Константина" Евсевия Кесарийского, III, 17).

Бурная жизнь Афанасия (296 - 373) типична для тех беспокойных времен. Пять раз он был низложен и принужден к изгнанию, провел почти треть часть своего епископства вдали от епархии, то на Западе, чаще всего в Галлии, где добился преобладания никейского правоверия, то среди монахов Фиванской пустыни, в Египте. Латинский перевод его "Жития Антония", основателя монашества, способствовал также распространению в западном мире идеалов египетского аскетизма. Он умер в Александрии, достигнув 77 лет, когда столь гонимое им движение ариан клонилось к закату.

Не желая потерять расположение арианского епископата в наиболее важных провинциях империи, Константин пытался успокоить враждующие фракции и умерить жесткость одобренных в Никее дефиниций. Как политику ему импонировали идеи его советников арианского направления: признавая за Христом божественную субстанцию и сдваивая тем самым божественную монархию, афа-насианцы в каком-то смысле ставили под угрозу единство земной монархии, которая должна управляться одним самодержцем земным, представителем единственного бога.

Константин умер 22 мая 337 г. недалеко от Никомедии, когда готовился выступить против персидского царя Сапора II, который захватил некоторые восточные районы империи. Созданная им государственная система распалась. Империя была разделена между тремя его оставшимися в живых сыновьями, провозглашенными Августами: Констанций II правил на Востоке, Константин II - на Западе и Констант - в Иллирии. Над этим последним антиарианская партия имела власть. Но когда Констанций II стал в 353 г. единственным императором, с хладнокровной жестокостью разделавшись с братьями, арианство мало-помалу стало господствующим вероисповеданием и местные синоды превратились в простое орудие имперской политики.

Уже в Тире в 335 г. Афанасий был лишен поста и выслан в Тревири. По приказу тамошнего правителя Дионисия александрийскому епископу не было разрешено даже участвовать в заседаниях синода. В результате совещания епископов следовали одно за другим почти непрерывно. Когда ариане протестовали, поскольку на одном синоде в Риме было отменено осуждение Афанасия, римский епископ Юлий (337 - 352) попытался доказать непреложность принципа общецерковного единогласия, только благодаря которому, а не из-за созыва собора императором, и становились законными соборные решения. Однако его попытка оказалась безрезультатной. На синоде 341 г. в Антиохии была выработана новая формула веры, которая должна была бы заменить никейскую. В Сердике, нынешней Софии, потерпела фиаско попытка примирения враждующих сторон, и впервые западный епископат отделился от восточного. В Сирмии в 351 г. возобновилось наступление против Афанасия; то же произошло в Арле в 353 г., в 355 г. - в Милане. В Милане были смещены и сосланы во Фракию не только самые заядлые афанасийцы, но и римский епископ Либери, замещенный диаконом Феликсом. Только отрекшись от Афанасия и покорившись тем самым воле императора Констанция II, который, впрочем, был крещен лишь перед самой смертью, Либери смог вернуть себе епископскую кафедру.

Противоречия обострились настолько, что казались неразрешимыми. Ни к чему не привели ни оба синода в Сирмии в 357 и 358 гг., ни синод 359 г. в Римини, на котором и сами западные епископы оказались глубоко разобщенными. Почти в то же время в Селевкии, на Востоке, враждебные фракции поочередно отлучали друг друга от церкви. Разброд в христианском мире был одной из причин, облегчивших попытку восстановления язычества Юлианом, вступившим на трон в 361 г., после смерти Констанция. В числе прочих проступков

общественное мнение вменяло епископам в вину нетерпимое нарушение равновесия сил в государстве и дезорганизацию путей сообщения. Дело в том, что своими бесконечными переездами они занимали дороги, поскольку они пользовались преимуществами перед всеми остальными путниками, как некогда сенаторы.

Можно было бы не упоминать о течениях, на которые было разбито само арианство в период между Никейским (325 г.) и Константинопольским (381 г.) соборами, если бы не необходимость постоянно учитывать, что широкие массы верили, будто различные интерпретации догматики в какой-то степени объясняют им их судьбу. В успехах или неудачах абстрактных теологических идей, оторванных от всякой действительности, они неизбежно усматривали отображение условий их земной жизни. В этом трагедия, таящаяся во всех религиозных конфликтах, когда в них оказываются втянутыми широкие слои народа, даже если главное в этих конфликтах - личное соперничество и идеологические споры между высшими церковными сановниками, столкнувшимися в борьбе за власть.

Только с учетом этого и следует вспомнить о трех главных течениях арианства: "чистые" ариане, прозванные апомеи [аномеи], то есть противники никейской формулы "омоусиос" - "равносущности"; сторонники абсолютного различия между двумя первыми лицами троицы: полуариане, или омоусиане, которые путем добавления "и" [думали разрешить главную трудность и утверждали, что сын не был равен, но был подобен, *omoios* [омойос] - отцу, и, наконец, "омеи" или "омеане", прозванные также "акакианами" по имени одного из их крупнейших представителей - Акакия из Цезареи, склонные допустить только то сходство между небесными отцом и сыном, которое существует в таких случаях и на земле. Другие подразделения арианства выглядят еще более изощренными; они не играли особой роли в истории этой ереси.

После смерти Констанция II в 361 г, арианство вынуждено было перейти к обороне, и его траектория стала клониться к закату со всеми ее взлетами и снижениями. Столь же стремительно, как оно появилось, оно и распалось за какие-нибудь несколько десятилетий, а сохранилось только у "варваров".

На Востоке между тем утвердился школа трех отцов, прозванных каппадокийцами по названию той области Малой Азии, где они родились: Григорий Назианзин (или :Назианский), его брат Григорий Нисский и Василий Ке-сарийский. Несмотря на малую оригинальность их теологических изысканий, они открыли дорогу ко II вселенскому собору 381 г., который нанес арианству решающий удар. Собранные в Константинополе по инициативе императора Феодосия, 150 соборных отцов, все с Востока или, самое большее, с Балканского полуострова, подтвердили "Кредо" Никейского собора на основе улучшенной формулы трех каппадокийцев: "одна-единственная божественная субстанция в трех лицах". Затем в нее была включена концепция происхождения, или "процессии", духа от отца. Добавление "и от сына", которое впервые встречается в прямой форме в актах синода испанских епископов, собравшихся в 589 г. в Толедо, так и не было признано греческой церковью.

Один из одобренных собором канонов устанавливал, что второе место во всемирной церкви после почетного первого, оставленного за Римом, будет признано за Константинополем, как имперской столицей, а не за Александрией. О подобном решении римский епископ Дамасий (366 - 384) даже не был проинформирован. По этой причине, помимо других причин, вселенский характер I Константинопольского собора признан и на Востоке, только в Халкидонии, в 451 г.; в Риме и на Западе он был признан лишь в начале VI в.

Отголоски арианского кризиса давали себя знать на протяжении всей истории церкви, вплоть до протестантской реформы и позже. Считается, что так называемые "христологические" дискуссии V в. о единичности или двоичности природы сына бога (моиофизитская ересь) и VII в. о присутствии или отсутствии одной-единственной воли в лице Христа (монофелитская ересь), по существу, явились продолжением сложных прений о троице, которые только казались завершенными в конце IV в.

УТОПИЯ ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА

Хотя Константин и поставил в равные юридические условия христиан и язычников, он задавался целью превратить новую религию в эффективное орудие управления. Его политика примирения с арианством главным образом и была направлена на решение этой задачи. Но значительные слои общества по-прежнему оставались связанными с древними религиозными верованиями.

Преобладавшее до той поры представление о мире не исчезло, оно еще удерживалось, и не только в лоне привилегированных слоев и в жреческой среде приверженцев древних культов, лишенных поддержки со стороны государства, но и в среде интеллектуалов, примыкавших к философским школам восточной и западной метрополий, и в части городского и сельского населения, где прочно укоренились религиозные обычаи, освещавшие знаменательные моменты существования человека: рождение и смерть, труд и страдание. Повседневная жизнь к тому же не слишком изменилась после эдикта Константина. Верно, что распаду общества, голодовкам и эпидемиям, усугубленным военными действиями, люди пытались противопоставить некоторые формы взаимопомощи, направляемой церковными иерархиями. Однако все это не могло хотя бы минимально умерить недовольство и укрепить дух смирения и отрешенности.

Если исключить явление организованного аскетизма, который не мог по самой своей природе выйти за определенные границы, хотя бы географические, обращение в христианство не вело автоматически к существенному изменению нравов. Захват владений, репрессии, насильственное устрашение соперников делали общественную и частную жизнь тех же христианских самодержцев не менее циничной и жестокой, чем жизнь их языческих предшественников. После того как по приказу Константина был удушен его тесть и устранен с политической сцены зять Лициний, император не поколебляясь отделился от собственного сына Криспа, которому не было еще и двадцати лет, заставив, по невыясненным причинам, солдат убить его в Поле в 326 г. И его дети показали себя в борьбе за власть ничуть не менее безжалостными.

Не может удивить и тот факт, что многих одолевало искушение переложить на христиан ответственность за беды и извращения, которые одолевали мир. Недовольство достигло угрожающих пределов, когда Констанций повелел конфисковать собственность древних храмов и запретить жертвоприношения богам. После его смерти в 361 г. враждебные христианизации империи элементы сплотились вокруг нового суверена Юлиана, и тогда начался короткий период восстановления язычества, который завершился через два года трагическими событиями.

Родившийся в 331 г. Флавий Клавдий Юлиан, сын сводного брата Константина Юлия Констанция, шести лет от роду спасся вместе с братом Констанцием Галлом от ужасающей резни, устроенной в 337 г. Констанцием II в самой императорской семье. Укрытый в пустынной местности Малой Азии, в Каппадокии, затем в Никомедии, где он проходил обучение новой религии и воспитывался под присмотром своих учителей, служивших одновременно и тюремщиками, Юлиан очень скоро испытал глубокое отвращение к христианству, которое представлялось ему бесконечной и безрезультатной тяжбой ариан с неарианами.

Во избежание худшего зла, Юлиан прикинулся ревностным верующим и вступил в ряды низшего духовенства в качестве "чтеца". Он остриг волосы и срезал бороду, чтобы убрать всякие внешние признаки приверженности языческим обычаям. Отметим, что искусство IV в. еще тяготело к изображению Иисуса и апостолов безбородыми и с коротко стриженными волосами. По возвращении ко двору в Константинополь он попал под влияние ритора Ли-вания и философа-неоплатоника Максима. И это влияние решило его судьбу. Культура и религиозная концепция этих идеологов древнего язычества, носителей монотеизма синкретического культа солнца, показали ему несравненно выше примитивной и неупорядоченной христианской теологии отцов IV в., вовлеченных в бесконечные препирательства.

В 355 г. 24-летний Юлиан был провозглашен Цезарем и направлен в Галлию, чтобы сдерживать натиск франков и алеманнов. Там он завоевал расположение армии, открыто отверг власть Констанция II и зимой 360 г. в Париже дал себя провозгласить Августом, после чего двинулся на восток. Констанций, занятый

войной с персами, двинулся навстречу, чтобы преградить ему путь, но 5 октября 361 г. он умер, и Юлиан был признан единственным самодержцем империи.

Юлиан предпринял попытку восстановления язычества вначале на Западе, затем в восточных районах средиземноморского мира, где христиане были с давних времен в большинстве. Здесь и обрело свой смысл обвинение, оставленное за ним в истории и связанное с его именем: Юлиан - отступник и даже "беззаконник". Его план основывался на чистке новой христианской бюрократии, на политике большего внимания к интересам колоннов и наиболее обездоленных слоев и на возобновлении престижа древней религии. Но времена для подобной реформы уже прошли.

Юлиан никогда не задавался целью отменить эдикт 313 г. о веротерпимости, он не превратился и в подлинного гонителя веры. Едва прибыв в Константинополь, он, напротив, повелел, чтобы изгнанные Констанцием II за их оппозицию арианству епископы были возвращены на свои посты. Вернулся также и Афанасий, который добился в 362 г. созыва в Александрии благосклонного к никейской ортодоксии собора. Но в то же время Юлиан отменил привилегии, которыми в действительности пользовалось христианское духовенство, и восстановил храмы древних богов и храмовое имущество, конфискованное в предшествующие годы. Самой серьезной мерой, возбудившей негодование всего церковного мира, было запрещение христианским риторам и грамматистам преподавать в школах по причине несовместимости двух противоположных идеологий.

Получили поддержку африканские епископы-донатисты, и евреям было разрешено восстановить их храм в Иерусалиме. Юлиан знал по собственному опыту, что значила сильная организация вообще и в религиозной сфере в частности. Поэтому он создал профессиональное языческое духовенство, сформированное в первую очередь из философов и организованное по модели христианской организации. И распределение помощи беднякам, особенно в крупных городах, осуществлялось по образцу христианских ассоциаций вспомоществования.

В политической области Юлиан восстановил некоторые отмиравшие функции сената, осуществил обширную административную децентрализацию в интересах местного правления и произвел раздачу невозделанных земель. Чтобы подчеркнуть свою новую линию и подавить гордыню Константинополя, "нового Рима", он перенес свою резиденцию в более близкую к персидской границе Антиохию. Это решение не задело римского епископа, но усилило непопулярность императора на Востоке.

Используя хорошее знание христианских текстов, Юлиан написал трактат в трех книгах, чтобы поразить "бесчестную секту последышей галилеяца". Труд этот впоследствии систематически уничтожали, и если мы знаем сейчас его основные положения, то лишь благодаря его последовательному опровержению епископом Кириллом Александрийским, составленному спустя несколько десятилетий.

Юлиан желал избежать любых проявлений насилия. Но во многих местах группы язычников, почувствовав опеку государства, перешли в наступление. В Александрии толпа убила епископа Григория. В отместку дафнийские христиане, все там же, в Египте, сожгли храм Аполлона. Формировалась, таким образом, основа жесткой антиязыческой реакции, которая разгулялась в различных районах империи после смерти Юлиана.

Все эти меры свидетельствуют о противоречивости, о двойственности и утопизме замыслов и реформ Юлиана, которые тем самым заранее были обречены на неудачу и несомненно отпали бы сами по себе, даже если бы император не пал, смертельно раненный, 26 июня 363 г. во время неудачной кампании против персов, через два года после вступления на престол. Приписанная ему фраза: "Ты победил, галилеянин", - естественно, не более чем позднейшая и преднамеренная выдумка. Современный ему языческий историк Аммиан Марцеллин, который задался целью своими 31 книгой о деяниях римских императоров от Нерона до Юлиана продолжить труд Тацита, не всегда беспристрастен, но его свидетельство позволяет отвергнуть все злословие, пущенное в ход врагами

столь спорной личности Юлиана, которого многие даже именовали Великим.

Директивы Юлиана языческому духовенству

Эллинизм не осуществляется так, как мы бы хотели, и это по вине тех самых людей, которые его несут с собой. И все же положение богов блестяще и величественно, лучше, чем можно было бы ожидать. Кто смел бы надеяться на подобные столь значительные изменения в такое короткое время? Но мы не должны думать, что их достаточно, и закрывать глаза на тот факт, что прогрессу безбожия последовательно противостоят дружеское участие к гостям, забота об опочивших и образцовая святость жизни. Так вот, надлежит нам принять все это ближе к сердцу. И не достаточно делать все это тебе одному - все священники Галатии должны поступать так же.

Ты должен порицать верующих и убеждать их быть ревностными или же отлучать их от служения богам... Да убеждает их жрец не ходить в театр, не пить в кабаках, не заниматься никаким искусством или предосудительным или мерзким занятием. Воздавай хвалу повинующимся, изгоняй непокорных. Учреждай в каждом городе многие странноприимные дома, чтобы путешествующие могли пользоваться нашей благотворительностью, и не только те, что из наших, но всякий, кто нуждается в помощи. Как ты сможешь сделать это - то будет моя забота. Я распорядился, чтобы ежегодно Галатии отпускали 30 000 модиев зерна и 60 000 секстариев вина. Пятую часть всего этого надлежит раздать бедным, которые служат в храмах, остальные - гостям и тем, кто просят поддерживать их. Ибо постыдно, что из евреев никто не просит помощи, что неблагочестивые евреи кормят вместе со своими бедняками также и наших, так что те кажутся лишенными нами всякого подспорья... Нельзя допускать, чтобы другие взяли над нами верх в наших же добродетелях. Будем же всегда действовать в духе благочестия по отношению к богам... Ты один, знай же, распоряжаешься в храме. Так повелевает божественный закон.

Эти отрывки извлечены из послания, написанного в Антиохии в 362 г. императором Юлианом великому жрецу Галатии (Малая Азия) Арсакию. Эллинизм - это языческая религия; "безбожие" означает христианство. Письмо это приведено под номером LXXXIV в изданных Буде писаниях Юлиана.

Поражение Юлиана привело к возвращению персам всех земель между Тигром и Евфратом, потерянных ими со времен Диоклетиана. Мир, который удалось заключить Иовиану (363 - 364), провозглашенному солдатами императором, ознаменовал закат римского владычества на Востоке. Все благоприятное язычеству законодательство было отменено. Через тридцать лет Евгений, по прозвищу "узурпатор", который правил на Западе после смерти Валентиниана II (392 - 394), вновь попытался опереться на язычество и придал своей вооруженной борьбе против Феодосия характер религиозного конфликта. Но его провал был полным. Тем временем Феодосий позаботился в ликвидации теоретического равенства и равновесия двух культов, провозгласив христианство единственной официальной религией империи.

ЗАКАТ ЯЗЫЧЕСТВА

Речь идет не о линейном и бесконфликтном процессе - такого и быть не могло. Чувства и интересы, которые задел Юлиан, после его смерти энергично укреплялись. Но еще многие годы свобода отправления языческого культа не ограничивалась, и он мог сосуществовать с христианской религией.

В 364 г., после смерти Иовиана, высшие военные, гражданские, государственные сановники, собравшиеся в Никее, провозгласил императором Флавия Валентиниана I (364 - 375), командовавшего императорской гвардией при Юлиане. Но его обязали разделить власть с братом Флавием Валентом (364 - 378). Этому последнему был вверен Восток, который в то время был относительно спокоен. Только в 376 г. вестготы, на которых наседали гунны, попытались расселиться по ту сторону имперской границы Валентиниан I получил Запад, которому на Рейне, на Дунае, в Африке и в Британии угрожали различные

племена и коалиции. Против пиктов и скоттов сражался один из его лучших полководцев - Феодосий (в 376 г. он был казнен), отец будущего императора Феодосия.

В отношении религиозных проблем Валент придерживался проарианской ориентации, он возвысил до небывалого уровня арианский епископат и партию ариан. Валенти-ниан, напротив, стремился остаться нейтральным между двумя фракциями. Язычники и христиане по-прежнему участвовали при нем в "консистерии", или имперском совете в Милане, и занимали самые высокие государственные должности. В 364 г. он, однако, запретил ночные празднества, организованные культами мистерий, за вычетом элевсинских, тогда еще слишком популярных. Элевсин-ский храм был разрушен только через тридцать лет, в 394 г.

В Риме большинство из 384 членов сената составляли представители древних патрицианских семейств, враждебных христианству. В их среде в то время сформировалась настоящая партия языческого направления, которая держала в своих руках наиболее высокие военные и гражданские должности. Выделялись особенно заметно члены этой группы - Веций Агорий Протестат, верховный жрец Весты и Солнца, префект претория в 367 г., латинский панегирист Квинт Аврелий Симмах, который со временем станет префектом Рима, то есть реальным главой сената, только формально подчиненным императору.

Именно тогда произошел один из самых многозначительных эпизодов, характеризующих идеологическое и политическое противостояние носителей двух религий, - распря, участниками которой были Симмах и Амвросий и которая была спровоцирована удалением из зала сената жертвенника Виктории.

В зале, где происходили заседания сената, император Август повелел поместить в 29 г. до н. э. алтарь в честь битвы при Акцииуме. Алтарь, шедевр эллинистического искусства, был перевезен в Рим из Таранта после падения города и установлен у подножия статуи богини Виктории. Перед началом заседаний высшего законодательного собрания Рима вокруг жертвенника совершались церемонии умилоствления с ритуальными жертвоприношениями и клятвами в верности перед изображением богини. Веками алтарь, предмет исключительного почитания, пребывал непрерывно в зале. На короткое время его выдворяли в 357 г. во время приезда в Рим императора Констанция II, поскольку начинало казаться скандальным, что христианские власти и сенаторы были вынуждены участвовать в столь откровенно языческих обрядах или по крайней мере присутствовать при их отправлении. Он был затем вновь помещен в курии Юлианом. Валентиниан I относился к нему терпимо.

Тем временем над империей нависла опасность военной и политической бури: монгольское по происхождению племя гуннов надвигалось на владения империи со стороны Каспийского моря и Северного Кавказа во главе своего рода федерации аланов и готов. 9 августа 378 г. римские армии были разбиты при Адрианополе, и Валент погиб в сражении. Тоты наводнили Иллирию и продвинулись до Юлианских Альп. Целые отряды римского войска перешли на их сторону. Рабы, колонны и широкие слои городских плебеев Балканского полуострова братались с завоевателями. В том состоянии нищеты и гнета, которое было характерно для последнего периода империи и ускорило ее падение, почти окончательно стерлась всякая разница между рабами и обедневшими жителями деревни, между колоннами и массой ремесленников. Все единодушно ненавидели угнетателя - римское государство - и видели в христианстве последнюю надежду, хотя и иллюзорную, на вызволение из отчаянного положения и общий путь к спасению.

Вновь заговорили тогда о конце света. Тот же Амвросий подмечает в некоторых своих сочинениях предвещающие его знаки.

После смерти Валентиниана на Дунае, в 375 г., два его сына, Грацкан (375 - 383) и Валентиниан II (375 - 392), поделили между собой западную часть империи. На Востоке в 379 г. был провозглашен Августом Феодосии I, прозванный Великим, родом из Испании, блестящий солдат, как и его отец, который в конце жизни короткое время правил всей империей. Феодосии I попытался вначале расположить к себе готов, набирая их в войско. В Константинополе таким образом сложилась настоящая партия готов, что позже

стало поводом для жестоких стычек и беспорядков.

Религиозная политика этих государей вела к прекращению частичной веротерпимости, которая до того еще существовала.

В 381 г. Феодосий объявляет вне закона арианское направление, наказывает за обращение в язычество, лишая отступников гражданских прав, и возобновляет запрещение ночных жертвоприношений. В 382 г. Грациан отказывается от титула верховного жреца, которым высшие жреческие языческие власти наделяли императора. Он приказал конфисковать имущество коллегии весталок и других религиозных языческих объединений и лишил их всех государственных субсидий. Но против этих мер и против приказа удалить из зала заседаний сената алтарь Виктории выступили старые римские аристократические кланы, которые не приняли полного разрыва между государственным аппаратом и традиционной религией.

Между 382 и 384 г. они неоднократно пытаются привлечь на свою сторону миланский двор, резиденцию западных императоров. Первая делегация, во главе с Симмахом, даже не была допущена ко двору. Но в 383 г., после мятежа под руководством Максима в Галлии - выражения сильных тенденций в провинциях к местной автономии - и убийства Грациана в Лионе, положение изменилось. Двенадцатилетний император Валентиниан II, находившийся под влиянием своей матери Юстины, благосклонно относившейся к арианской партии, несмотря на противодействие епископа Амвросия, не желал враждовать еще и со своим римским окружением. В 384 г. явившийся с новым посольством Симмах был принят при дворе и смог прочитать в присутствии императора и всей консистории свое "Отношение". Оно сохранилось среди его сочинений. Миланский епископ отвечал на него дважды - XVII и XVIII письмами (см. его "Эпистолярый").

Не исключено, что без энергичного вмешательства Амвросия миссия Симмаха могла бы увенчаться успехом, по крайней мере на время.

Столкнулись не только две сильные личности, но две враждебные идеологические и социальные концепции. В самой религиозной области расхождения между ними не были принципиальными. Симмах со своим другом Протестатом и теоретиком римского неоплатонизма Никомахом Флавианом исповедовали теологический и нравственный монотеизм, который во многих пунктах совпадал с христианством. Они считали, что божество может быть познано с разных сторон и к истине можно прийти различными путями. Но их миропонимание в целом было связано с защитой политической системы, сложившейся в империи. Оно свидетельствовало об инструментальном понимании функций религии ("всякий культ должен оцениваться с точки зрения выгод, которые он может принести тому, кто правит"). Престиж Рима, с точки зрения Симмаха, требовал сохранения тех культов, под сенью которых утвердилась во всем величии цивилизация империи. В позиции Симмаха удерживалось закоренелое презрение к униженным и рабам. Когда был поставлен под сомнение обычай набирать рабов и гладиаторов для жестоких цирковых игр, он дерзко и демонстративно выступил в его защиту.

У Амвросия выявляется гораздо более рафинированная форма использования религиозного чувства. Нетерпимость по отношению к язычеству принимает у него характер переоценки подхода к угнетенным слоям населения и осуждения - не только на словах - неограниченного права собственности. Типично утверждение, которое мы встречаем в его трактате "Об обязанностях священнического служения", о том, что "природа сотворила право на совместное владение имуществами, лишь присвоение породило частную собственность". Обращению противника к мифу Амвросий противопоставляет чисто человеческие оценки истории: не боги и не чудеса даровали Риму победы, а сила и имущество его граждан и его легионов (Письмо XVIII, 7 - 30).

Может показаться мало достоверным, что епископ Милана, живший в мире сверхъестественного, мог трактовать с подобным пренебрежением иррациональные аспекты верования в чудеса, присущие языческой идеологии. И в самом деле, ясность его критических суждений тускнеет, как только он берется объяснять чудодейственные явления с точки зрения христианской религии. Не следует, впрочем, переоценивать неоднократно высказывавшиеся им намерения не связывать христианство с обветшалыми моделями нравственности и религиозности

и принять идею эволюции человека к более высоким формам мышления и поведения. "В любом возрасте, - писал он, - возможно учиться и отказываться от заблуждений. Никогда не поздно исправиться и нечего стыдиться принимать лучшие взгляды" (там же, 7).

Что касается положения о выгоде, изложенного им императору Валентиниану II, чтобы доказать необходимость нейтралитета государства в религиозных делах, то они никого не могут ввести в заблуждение: речь идет лишь о нанесении завершающего удара по языческим обычаям, а не о теоретическом изложении какой бы то ни было формы терпимости, которая тогда была совершенно нереальна. К тому же он требовал для своего культа той самой поддержки гражданских властей, право на которую языческих и иудейских культов он отвергал, равно как и требования поддержки со стороны диссидентских - в первую очередь арианских - течений в лоне самой церкви. Он никогда не упускал случая требовать действия властей против всех этих течений. И когда Феодосий пожелал наказать монахов, подстрекавших к разрушению синагоги в Калликоне, в Осроене, как за действия, наносившие ущерб единству империи, Амвросий настойчиво протестовал против этого намерения в духе яростной антииудаистской полемики.

Прошение Симмаха и языческих сенаторов в конце концов было отвергнуто. Две последующие попытки, одна в 389 г., когда Феодосий находился в Милане посыле победы над Максимом, и другая в 391 г., в правление 20-летнего Валентиниана II, также закончились неудачей. Алтарь Виктории так и не был возвращен на место. Только статуя богини еще некоторое время оставалась в сенате, пока не была разрушена в 410 г., когда готы Алариха сожгли Рим. Ее терпели из-за ее художественной ценности: после смерти Феодосия был издан в Равенне в 399 г. эдикт, предписывавший "запрещать языческие приношения богам, но не разрушать декоративные общественные сооружения". Эта вспышка либерализма по отношению к язычеству вскоре угасла. Крушение язычества унесло с собой бесценные шедевры архитектуры, скульптуры и живописи древнего мира.

Эдикт Феодосия от 8 ноября 392 г. обозначает дату того, что можно было бы определить как "свидетельство о смерти язычества". Непосредственным поводом для этого акта была последняя попытка Евгения, западного антагониста Феодосия, вдохнуть, по политическим мотивам, жизнь в языческую традицию. Декрет подписан помимо Феодосия Флавием Аркадием, первенцем императора, который после смерти отца стал восточным римским императором. Изданный в Константинополе, этот эдикт был вскоре применен на всей территории империи. Все жертвоприношения и культовые обряды, как публичные, так и частные, были запрещены в городах, в деревне и в частных домах под страхом конфискации помещений, земель и другой недвижимости. Храмы должны были быть закрыты, и практически предоставлялась свобода разрушать их или переделывать в христианские церкви.

Случаи открытых преследований язычников становились все более частыми.

Прославленные культовые центры, такие, как храм Се-раписа в Александрии, были преданы огню. Все, что осталось от древнейшей александрийской библиотеки, погибло безвозвратно. Язычники устраивали шествия протеста, носили свои священные образы, и начинались новые кровавые беспорядки. Спустя несколько лет, в 415 г., все в той же Александрии христианские фанатики-монахи зверски растерзали знаменитую Ипатию, представительницу последних языческих философских течений, астронома, и математика, теоретика неоплатонизма.

Религиозная и обрядовая практика язычества, однако, не исчезла без следа ни на уровне народных масс, ни в образованной среде. Она оживала в литургических действиях, посвященных повседневной жизни, священных жертвенных возлияниях и во все большем применении ладана, в культе святых и реликвий, которые заняли место идолов, в почитании определенных деревьев, животных, источников и природных явлений, которое сохранилось и поныне.

В конце IV в. или в первые годы V в. христианский поэт Пруденций все еще считал себя обязанным бороться с влиянием Симмаха в культурных кругах римлян, чему он посвятил несколько тысяч посредственных стихов. И как раз

тогда, когда новый восточный самодержец Феодосий II, наследовавший отцу Аркадию, полагал, что внутри империи более не существовало приверженцев язычества, широкие массы народа по-прежнему объясняли великие военные и социальные потрясения того времени упразднением древних культов и победой новой религии. На эти обвинения отвечал блаженный Августин трактатом "О граде божием" (открывшим дорогу средневековым представлениям о церкви и обществе), который в то же время явился и последним свидетельством борьбы между двумя религиозными концепциями.

Раскол между Востоком и Западом тем временем близился к финалу.

В 394 г. Феодосий I еще оставался единственным императором. После его смерти империя никогда больше не объединялась в руках одного суверена. На Востоке мы еще увидим Аркадия (395 - 408), правившего под руководством сановника галльского происхождения Руфина, префекта претории; на Западе - Гонория (395 - 423), правившего под тщательным надзором Стилихона, опытного военачальника, вандала по происхождению, командовавшего войсками империи. Столица западной ее части была перенесена в 402 г. в Равенну.

И в христианской религии углубился процесс разобщения двух ее направлений, одного - с центром в Риме, другого - византийского.

ГЛАВА 9

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ И ОБРЯДНОСТИ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАПСТВА

Дискуссии, развернувшиеся в IV в. в христианской церкви, способствовали выдвижению нескольких епископов и толкователей текстов, которые вошли в категорию "отцы церкви". На Востоке кроме Афанасия и трех каппа-докийцев - Григория Нисского, Григория На-зианского и Василия Кесарийского - выделяется фигура Иоанна, прозванного Хризостомом или Златоустом. Личность сложная и противоречивая, Иоанн несомненно был выдающимся проповедником. Он одним из первых начал употреблять по-гречески термин "христианство". Призванный в 397 г. занять епископскую кафедру в Константинополе, он вскоре стал жертвой ревности и соперничества александрийских епископов, не желавших примириться с упадком своей епархии и александрийской школы, которую затмила новая столица империи. В 404 г. жена императора Аркадия Евдоксия заставила изгнать его с епископской кафедры. Иоанн не скрывал своей консервативной ориентации в социальной сфере. "Недостаточно рабу стать христианином, - утверждал он с безжалостной прямоотой, - чтобы его можно было считать свободным человеком".

На Западе в числе целой когорты менее значительных лиц мы встречаем миланского епископа Амвросия и Иеронима, умершего в Вифлееме в 420 г., приверженца аристократического аскетизма индивидуалистского толка, неутомимого редактора древних латинских переводов Ветхого и Нового заветов, которые он систематизировал в "Вульгате", или "народном" переводе, использовав свое знание еврейского и греческого языков. Особенно выделился живший в Северной Африке Гиппонский епископ Августин, ревностный и пристрастный теоретик божественного выбора "избранных", идеи двух противостоящих друг другу "градов" - божьего и человеческого.

ПАТРИСТИКА

Об отцах церкви начали говорить с середины IV в., и этим термином стали именовать группу особенно авторитетных церковных авторов. Но сам термин "патристика" [От греческого слова *pater* [патер], косвенный падеж *patros* [патрос] - "отец". - Прим. пер.], которым обозначали продолжительный период формирования христианской догматики, получил свое подлинное значение только в эпоху Реформации, когда протестанты противопоставили эпохе отцов, понимаемой как нечто целостное, школу средневековой мысли, и в первую очередь "схоластику", которую они отвергали как извращение евангельской проповеди. Патристика охватила целую эпоху: на Западе - вплоть до начала VII

в., где ее последним представителем стал Исидор Севильский, на Востоке - еще на несколько столетий дольше, вплоть до Иоанна Дамаскина, Фотия.

Термин "патристика" не является историческим. Еще менее историчен титул "учитель" ("доктор церкви"), присваивавшийся специальной декларацией соборов или папских властей. Все отцы - доктора, учителя [От латинского *docere* [доцере] - "учить", "обучать" (а не "лечить" - это значение закрепилось только в XIX в.); отсюда понятие "доктор наук", "доктрина" и т. п. - Прим. пер.], но не все доктора - отцы. Еще и теперь в духе католической традиции продолжают провозглашать докторами выдающихся теологов нашего времени. На определенное время подобная прерогатива была резервирована за четырьмя крупнейшими отцами греческой церкви (Афанасием, Василием Кесарийским, Григорием Назианским и Иоанном Златоустом) и четырьмя - латинской церкви (Амвросием, Иеронимом, Августином и Григорием Великим). Из их числа был исключен за оппозицию августинианской доктрине греховности и благодати Винцент Леринский, аскет полупелагианского направления, который, впрочем, оставил в истории догматики классическое определение истинности христианского вероучения: "Должно считать истинным то, во что веруют повсюду, всегда и все" (в "Трактате о древности и универсальности католической веры", написанном около 434 г. под псевдонимом "Перигрин" - "Странник", "Пилигрим").

К категории отцов церкви были приобщены и те, кто занимался сбором более или менее приемлемых сведений о христианских общинах первых веков и о событиях, которые привели к преобладанию новой религии. Их весьма неточно именовали "историками".

Первый из них, Евсевий Кесарийский, довел сбор "Церковную историю" до победы Константина над Лицинием в 324 г. За ним последовали продолжатели его дела, все писавшие по-гречески, - Сократ, Созомен, Феодорет и Филострогий. В совокупности они дают представление о периоде, начавшемся с отречения Диоклетиана в 305 г. и завершившемся смертью Феодосия II в 450 г. На Западе помимо Лактанция, историографа бесславного финала гонителей христианства, мы видим Руфина из Аквилеи, который перевел на латинский язык и дополнил "Историю" Евсевия, хрониста Сульпиция Севера, вовлеченного в бурные события религиозной жизни Аквитании и Галлии во второй половине IV в., и антиязыческого полемиста Арнобия из Сикка, африканца, жившего на рубеже третьего и четвертого столетий, автора трактата "Против язычников" - настоящего кладезя сведений для познания древних племенных и национальных культов, завершившего доконстантинианскую апологию христианства.

Позы рождаются, особенно на Западе, в атмосфере культа мучеников и святых и прославления их примера для массы верующих. Если исключить Пруденция, происходившего из Испании, стиль которого не всегда лишен элегантности, то все они, самое большее, лишь слабые подражатели поздней латинской поэзии. Паолин, нольский епископ с 409 г., описал жизнь и чудотворные деяния св. Феликса (заточенного во времена преследований христиан императором Децием) в не менее изощренных и напыщенных стихоплетениях, чем творения многих рифмоплетов эпохи упадка.

По мере христианизации империи более редкими стали пресловутые "ересиологи", которые, надо сказать, могли бы спасти от уничтожения и донести до нас непосредственную документацию о наиболее значительных группах инакомыслящих того времени, которые выражали протест некоторых слоев рядовых верующих, разуверившихся в официальном духовенстве. Все же отдельные сочинения представляют большой интерес. Это "Панарион", или "Картотека лекарств" для лечения ересей, написанный Епифанием Саламинским около 375 г., и труды ряда латинских авторов, например Филастрия Брешианского, почти неизменно заимствовавших сведения у своих восточных собратьев. Даже философские школы и мистические течения древности получили тогда наименование "ересей". Из 156 учений, осужденных Филастрием в качестве еретических, 28 - предшественники самого христианства.

Обильная экзегетическая литература, комментировавшая библейские тексты и труды наиболее почитаемых теологов, опирается преимущественно на александрийскую традицию и на аллегорическую интерпретацию Оригена. Она

включается в русло религиозного воспитания масс, историографический интерес к ней невелик, если не считать изучения внутренней жизни церкви, которое позволяет нам пополнить знание идеологии, стиля, языка и все более частого использования классической литературы, превращенной в служанку христианского вероучения. Иероним клял себя за то, что оказался более близким Цицерону, чем христианству. Об этом ему привиделся сон, который сильно его беспокоил.

То же можно сказать и об укоренившемся обычае сохранять и передавать тексты проповедей и молитв, которые произносились виднейшими представителями иерархии в минуту воодушевления для назидания верующих как на греческом языке восточных проповедников, среди которых выделяются Василий и Златоуст, так и на новом, гибком народном языке церковной латыни Амвросия и Августина, оставивших свыше четырех сотен проповедей.

Возникшие из потребностей религиозной полемики, они в конце концов приобрели самостоятельное значение, выходящее за пределы реальных намерений их авторов.

ДВА ГРАДА БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

Характерным примером превращения такого текста, порожденного вполне конкретными запросами времени и места, в трактат, применимый во все эпохи, определивший настроения не только всего средневековья, но и нового времени, служит главный труд гиппонского епископа, названный им "О граде божем".

Поводом для составления этого рода энциклопедии христианской концепции истории, разработке которой Августин посвятил значительную часть последнего периода своей жизни, послужило совершенно случайное, хотя и знаменательное событие: осада Рима вестготами Алариха, завершившаяся в 410 г. частичным разрушением города, не знавшего дотоле ни разорения, ни резни, ни бегства Жителей.

Аларих был арианцем. И как таковой, он пощадил многие памятники и сами владения христиан. Но впечатление от падения Рима было огромное. На пути от Балканского полуострова в Италию полчища Алариха встречали восставшие рабы, покидавшие земли своих господ и массами вступавшие во вторгнувшиеся в страну вооруженные отряды. В 408 г. вестготы дошли до ворот города и перерезали сообщение римлян с портом Остия, от которого зависела экономика города. И после длительной и тяжелой осады они проникли в древнюю столицу.

Не только последние защитники языческой идеологии, но также и многочисленные слои христиан неизбежно увидели в этом несчастье свидетельство гнева древних богов, под покровительством которых Рим стал великой империей, и возложили ответственность за катастрофу на новую религию, основанную на культе чуждого римским традициям бога. Августин следил издалека за развитием этой трагедии. Он стал свидетелем наплыва в Африку многочисленных уцелевших от резни людей и решил противодействовать неверию, пытаясь преодолеть ситуацию и превратить христианство из обвиняемого в обвинителя.

Он начал свой обширный трактат в 413 г. и закончил его в 427 г., за три года до смерти. Этот труд, состоящий из двадцати двух неравных по достоинству и нередко наивных по замыслу книг, можно разделить на две четко обособленные части.

В первых десяти книгах Августин стремился начертать обоснованную фактами историю возникновения и развития римской державы, не скрывая при этом своего восхищения ею. В них нет недостатка и в критических нотах, но они возникают в связи с реальной жизнью людей, их страданиями и чаяниями: их пробуждает в сознании Августина идея осуждения, выдвинутая богом, свободным от всякой ответственности за притеснения и жестокости, которыми римляне запятнали себя по отношению к другим народам. Эта идеологическая установка дополняется Августином в двенадцати следующих книгах изложением концепции истории, развертывающейся безотносительно к существованию Рима и его империи. Его концепция проникнута духом абстрактного космогонического и морального дуализма - таков результат интерпретации природы и жизни,

усвоенной Августином за долгое десятилетие его сближения с манихейством.

Не существует, согласно Августину, разных стран с различным устройством общества, разных народов и противостоящих друг другу империй, приведенных к единству под властью Рима. В становлении и разворачивании сообщества людей сосуществуют два града, град добра и град зла, град бога и град сатаны, благодати и осуждения. Начала того и другого включены во все государственные образования, они донныне оспаривают господство над миром и существуют также в лоне христианского общества. Конечно, "вне церкви нет спасения", как утверждал еще Киприан Карфагенский, но Августин допускает возможность приобщиться к граду божиему даже тогда, когда по независящим от человеческой воли обстоятельствам мы оказываемся исключенными из земной церкви. Отметим, впрочем: этот принцип никогда не был принят церковными иерархиями, хотя и укоренился среди августинианцев.

Оба града охватывают весь мир. Выбор между ними зависит не от свободного решения человека, а от вмешательства извне, определяемого законами, от действия которых никто не может уйти. Так мы попадаем с Августином в атмосферу не подлежащего критике теологического детерминизма. Учение о благодати и предначертании послужило иррациональным ответом на вопрос о происхождении и судьбе человека, продиктованным ситуацией того времени. И объяснение падения Рима от руки Алариха не выходит за рамки ирреального. Сам "град божий" был бы охвачен теми же противоречиями, если бы он не отождествлялся с официальной церковью, стоящей над всякой властью. Августин не определяет достаточно четко природы самой власти. Наделено ли государство божественной природой или же оно целиком пребывает в царстве зла - не ясно.

Теория "двух властей" пускает в это время корни. Представление Августина об истории, которое идет от метафизики более, чем от реальных отношений между людьми, открыло путь к построению замкнутых, жестких классовых структур мировидения, которые господствовали на протяжении всего средневековья и неизменно находили себе теологические оправдания на страницах сочинения Августина. Так, Павел Оросий развил идеи своего учителя в семи книгах "Истории против язычников" от сотворения мира до 417 г. В ней он пришел к заключению, что римская империя наказана только за свои преступления и за испорченность нравов.

Добро и зло живут по ту сторону этого мира. Не будучи в силах собственными средствами обеспечить себе лучшую участь, человек Августина направляет все свои помыслы и поиски счастья и справедливости в сторону вечности. И небесный град будет всегда отождествляться с правящими силами, с системой владычества над массами, растворяя в мифе все искушения добиться воздаяния и вся-, кую надежду на освобождение.

РАЗВИТИЕ БОГОСЛУЖЕБНОЙ ПРАКТИКИ

После признания церкви имперскими властями усиливается и закрепляется тенденция к отчуждению богослужебной и обрядовой практики.

Изучая это явление, историк не должен ограничиваться освещением функций отдельных наиболее выдающихся личностей, как это принято по большей части в буржуазной историографии. Идея, что в конечном счете массы верующих решают своим признанием или отказом судьбу каждого религиозного факта, всегда должна оставаться центральной для историка. Необходимо помнить, что означал для миллионов и миллионов простых людей переход в христианскую веру и какие глубокие мотивы побуждали их признать руководство новой иерархии, когда рушились устои античного общества.

Даже когда иссякло действие факторов, возникавших вследствие прямого столкновения христианской религии с государственной властью, посвящение в христианскую веру по-прежнему считалось "вторым рождением", альтернативой состоянию экономического и политического подчинения. Лишь отдельные обличения некоторыми отцами церкви наглости богачей и несправедливости владения частной собственностью бросали тень сомнения на это представление о

крещении. Пламенные осуждения такого рода мы встречаем и в некоторых проповедях Амвросия на Западе и Василия на Востоке. Но и они ограничиваются повторениями все того же утверждения, что положение вещей будет исправлено только в грядущей за гробом жизни.

Чтобы обеспечить себе право на эту надежду, решающим моментом для масс всегда оставалось вступление в новое общество "посвященных", как это веками было для приверженцев культов мистерий. Речь шла не о каком-либо простом приобщении, скрепленном подписью, но о выборе. И поэтому крещение по-прежнему принималось во взрослом состоянии. Обряд не носил того "священного" характера, который он получил много позже. Это было торжественное обещание, подобное клятве верности, принятию присяги. Не могло считаться "священнодействием" и исповедание грехов, наследие ессейско-иудаистской традиции.

Но и "священнодействие", то есть "мистерия", уже имело место с некоторого времени и становилось все более частым, чем было причастие, предназначенное поддерживать единство общины в память о самопожертвовании Христа. С IV в. особенно этот обряд превращался в жертвоприношение с использованием хлеба и вина, все еще не очень ясно символизирующих тело и кровь Иисуса. Отцы церкви пока еще не заботились о его более точном определении - это будет сделано теологами много позже.

По-прежнему к крещению требовалось готовиться в течение длительного периода приобщения. Оно состояло в усвоении положений христианского вероучения - это так называемый катехуменат, или "устное наставление" в сочетании с воздержанием от некоторых видов пищи, соответствующим современному посту. Обильная вероучительная, катахетическая, или катехизисная, литература, созданная епископами IV и V вв., берет свое начало из этой практической потребности. Отсюда также и монотонность этих текстов, напоминающая назидание. В крестильном посвящении сохраняются пережитки древнейших ритуалов: воздержание от пищи, которое постепенно было распространено на всех верующих ("пост"), отверзание уст для произнесения магических заклинаний, идущих от непонятных арамейских заклятий (например, "еффата" - "откройся"), увлажнение губ маслом (на Востоке) и слюной (на Западе), кропление освященной ("святой") водой и возложение рук на верующего.

В пасхальную ночь с субботы на воскресенье, посвященную поминанию воскресения Иисуса, принимающих крещение приглашали войти без одежд по колена в воду бассейна при церкви. Настоящий обряд состоял почти всегда в полном погружении в воду с повторением заимствованной из Евангелия от Матфея формулы: "Во имя отца, сына и святого духа" (28 : 19). Только после этой церемонии новообращенный надевал белую одежду, подобную одеяниям пифагорейцев и ессеев, и тогда он мог вступить в центральную часть богослужебного сооружения. Чтобы особо подчеркнуть этот "переход", крестильный бассейн бывал отдален от церкви на известное расстояние. Эти баптистерии и в средние века продолжали сооружать в некотором отдалении от соборов.

Обычай крещения детей внес некоторые изменения в обряд.

Во втором и третьем столетиях уже бывали случаи крещения "по замещительству", то есть при посредстве подставного лица, замещавшего покойного. Но к крещению новорожденных пришли только в конце IV в., когда возобладали идея Августина о грехе первого человека, предопределившем осуждение любой, не искупившей этот грех особы. Августин один из первых выступил в поддержку необходимости совершать крещение не позднее семи дней после рождения. В коптской и маронитской церквях этот срок был определен в 15 дней. Родители и крестные становились гарантами приобщения новорожденного к вере.

Культовый евхаристический отпраздновался каждое воскресенье с виноградным вином и хлебом из кислого теста при участии всего собрания верующих.

В церковном латинском языке причастительный хлеб получит впоследствии название *hostia* [гостия], то есть "жертвенное посвящение". Это слово несомненно сербского происхождения - память о жестоком заклинании животных во

времена языч"ства, до запрещения жертвоприношений. Оно употребляется и сейчас, но уже давно более распространенным обозначением причастительного хлеба стало слово *fermentum* [ферментум], или "хлеб" из теста, замешанного на дрожжах. Под влиянием древних библейских предписаний был принят, особенно на Западе, и "пресный" хлеб, приготовленный без бродила, как на еврейскую пасху. Но греческая церковь во всей совокупности осталась верной употреблению хлеба, испеченного из замешанного на дрожжах теста. Расхождения по этому вопросу тоже способствовали углублению разлада между византийским христианством и западным.

Хлеб для причастия развозили от имени римского епископа и других крупных митрополий настоятелям соседних приходов и порой в знак особого уважения - собратьям крупнейших епископских епархий в качестве символа "причастности" вере и дисциплине. Это понятие будет затем распространено на весь ритуал причастия.

Отсюда и концепция "отлучения": вначале - исключение из обряда причастия, а затем - из самой церкви. Слово "анафема" совсем иного происхождения. В классическом греческом языке им обозначалось всякое приношение богам, сделанное по обету, вклад в храм. Кто осмеливался взять их, оказывался жертвой божественного гнева. И библейский бог имел свои священные предметы, называвшиеся по-еврейски *herem* [герем]. В переводе семидесяти толковников этот термин передан именно словом "анафема" в его первичном значении чего-то неприкасаемого, "табу", и потому вредоносного, проклятого. В этом последнем смысле его и усвоили первые поколения христиан, говоривших по-гречески. Слово "отлучение" [От *excommunicare* [экскоммуникаре] в церковной латыни - "выдворять из общины". - Прим. пер.] становится его эквивалентом на Западе.

Исповедание грехов всегда было публичным и касалось более серьезных прегрешений, которые влекли за собой если не осуждение, то по крайней мере исключение из общины. В некоторых случаях прибегали к такому способу: записывали число и существо проступков и подавали эту запись епископу. Верующий, особенно если он лицо высокопоставленное, избегал тем самым унижения от общественного осуждения. Во второй половине IV в. римский епископ Дамасий счел себя вынужденным принять меры против этой уловки, которая, надо сказать, не была чрезмерно распространена. В течение двух последующих столетий вошла в обычай исповедь на ухо священнику, первоначально практиковавшаяся в монастырской жизни. Она послужила компромиссом в ситуациях, когда верующие чувствовали себя стесненными, сообщая о своих проступках.

Отпущение грехов провозглашалось священником без специальных предписаний искупить их. К "тарифу" искуплений грехов церковь придет через много столетий, на основе германского права. Принцип "вергельда", или пени, штрафа, который уплачивается за убийство свободного человека у германских племен, ляжет в основу своего рода градаций налоговых поборов, а затем и искупления грехов. Но это уже эпоха зрелого феодализма.

Число священных обрядов оставалось зыбким. Кроме крещения, исповеди и причастия, все они еще носили вспомогательный характер. Так, не носил подлинно сакраментального характера обряд бракосочетания; новая регламентация этого обряда вступила в силу только в XII в. Точно так же обстояло и с помазанием маслом; вначале оно входило в обряд крещения и только потом стало самостоятельным ритуалом, отдельным для конфирмации и для последнего причастия. Идея его состояла в приготовлении верующего в качестве воина Христа к борьбе со злом и против смерти.

Вера в дьяволов, которую питало превращение языческих божеств в демонические существа, тоже получила повсеместное распространение. Категория священников-заклинателей, наделенных особой магической властью изгонять злых духов из тела верующего, приобретает ошеломляющую силу. В лоне христианства сосредоточиваются все этнические, региональные и местные суеверия. Более или менее стихийное обращение в христианство воинственных народов из германских и славянских земель только увеличило наслоение народных верований, которые, так же как религия, служили выражением образа жизни и мышления народных

масс.

Учения отцов церкви и соборные каноны, как отмечает Антонио Лабриола, остаются "почти висящими в воздухе, будучи недоступной массам идеологией".

МОЛИТВА И БОГОСЛУЖЕНИЕ

В классическом греческом языке слово "литургия" (богослужение) означало любую общественно полезную службу, расходы на которую несли более состоятельные граждане. В древнем христианстве этот термин приобретает значение распорядка культовых действий, соответствующего национальным и местным традициям. На протяжении IV в. понятие "литургия" уточняется: Рим отказывается от греческого языка и переходит в богослужении на латинский. Тогда появляются первые наставления, требники, известные как "сакраментарии", "ан-тифонарии", "лекционарии", в которых закрепляются обряды и обрядовые формулы.

Замечания Антонио Лабриолы об истории христианства

Следует добавить еще одно замечание. <...> Масса, группировавшаяся в христианских ассоциациях, в точности никогда не знала и не понимала ничего относительно изменения догм и изощренных дискуссий мудрецов и учителей церкви. Нам не известно, какие именно страсти, интересы волновали плебеев Антиохии, Александрии, Константинополя и т. д., каким был образ их повседневной жизни, непосредственная, привычная рутина их существования. Мы не можем ее описать сейчас так, как описали бы жизнь Неаполя или Лондона. И не будем столь наивны, чтобы поверить, будто они понимали хоть на йоту, в чем состоит субстанция, или хотя бы "подобие, либо идентичность сына и отца". <...> В этом отношении история христианства остается по большей части темной, поскольку она неизменно доходит до нас в идеологическом облачении и в идеологической фразеологии тех, кто в литературной догматической форме отображали развитие ассоциаций христиан. И потому, что известно относительно мало об их практической жизни, и к тому же то малое, что нам известно, совсем сходит на нет, по мере того как мы восходим к первым векам новой эры. <...> Все эти христианские народы пережили и продолжают переживать свои многообразные верования. Вот почему затем они в самом деле преобразовали наиболее распространенные верования христианства в движущие мотивы и проявления новой, особой мифологии. В столкновении с этой конкретной варварской жизнью определения докторов и решения соборов оставались сотрясения воздуха, идеологией, лишенной контакта с массами, своего рода доктринальной утопией.

("Рассуждения о социализме и философии". Письмо к Сорелю, IX. 2 июля 1897 г.)

Система религиозных церемоний, которая охватывает все фазы существования человека, постоянно вбирает в себя все чаяния простого люда, надежды на независимость и равенство, которые будило в человеке раннее христианство. Она породила иллюзию того, что верующий с рождения и до смерти находится в центре богослужебной практики, и тем усиливала процесс его отчуждения от реального мира.

Отправление обряда становится исключительной привилегией определенной жреческой касты, чуждой и одновременно противостоящей совокупности прихожан. Как на Востоке, так и на Западе низшие категории духовенства - дьяки, послушники, причетники образуют своего рода простейшую связующую среду между иерархами церкви и массами. Им отводится роль ассистентов священников и диаконов на подготовительной стадии службы, на них возлагается чтение священных текстов и епископских проповедей на воскресных богослужениях. Термин "месса" - "обедня", "служба" (появился в конце VI в.) - происходит, по всей видимости, от выражения, которым дьякон сопровождал верующих по

завершении причастительного обряда: "Ite, missa est!" ("Идите, служба окончена!").

Первостепенной важности элементом богослужения остается молитва. Она не ограничивается простым повторением "Отче наш" - единственного текста, который предлагает евангелие. Теперь она включает коллективное чтение исповеди веры, никейско-константинопольского "Кredo" и целой серии искупительных призывов, нередко происходящих из литургии языческих мистерий [Так, богине Исиде. например, предназначались соответствующие "литании" (от греческого *lite* [лите] - "моление"). Они перешли почти полностью к матери Иисуса. Культ Марии еще был далек в первые столетия от тех форм и масштабов, которые впоследствии превратили его в основу народной набожности. Расплывчат еще и сам образ богородицы. Однако предание связывает ее с городом Эфесом, куда она якобы пришла вместе с апостолом Иоанном. Согласно другому преданию, она закончила свои дни в Иерусалиме, оставив после кончины лишь неопределенный аромат. Тем самым обрисовывается миф о ее телесном вознесении на небо, который станет догмой лишь в наше время. В начале V в. произойдет значительный взлет почитания Девы в ответ на попытки Нестория воспротивиться обычаю обращаться к Марии как к "матери божьей".].

Культ святых тоже пережил новый подъем.

Первоначально "святость" признавалась исключительной прерогативой мучеников и провозглашалась самими верующими. После окончания преследований прозвание святых получали персонажи почти всегда высокого общественного положения или члены церковной иерархии. Не существует еще канонической процедуры и юридических критериев для оценки достоинств "кандидата на святость". Процесс приобщения к лику святых типично феодального типа, с соответствующими формальностями, возникнет только в начале XI в.

Мученики возвеличивались как образец абсолютной преданности церкви, преображенные в сверхъестественные существа, наделенные чудодейственными способностями. Поиски места их захоронения и "открытие" ("инвенцио") их останков в течение четвертого столетия лихорадочными темпами увлекают весь христианский мир. Охоту за реликвиями подстегивал распространявшийся в то время обычай погребать "найденное" тело мученика в церкви под алтарем. Некоторые епископы, например Амвросий Миланский и Дамасий из Рима, специализировались в этой области. Захоронения мучеников обозначали надписями в латинских гекзаметрах, в которых искажались и имена, и географические названия.

Ипполит Римский был, например, перепутан с двумя или тремя мучениками того же имени, жившими на Востоке, и с легендарным героем греческой мифологии, сыном Тезея и амазонки. В катакомбах на Тибуртинской улице, за городской стеной, предполагалось захоронение, где покоились останки Ипполита, умершего в рудниках Сардинии. Этот квартал еще и сейчас носит его имя. В 1551 г. была обнаружена статуя III в. прекрасной работы, на одной стороне цоколя которой был скрыт перечень его трудов. В Риме ему были посвящены несколько церквей, словно Ипполит возглавлял какую-нибудь диссидентскую общину. Недавно между Остией и Фьюмичино открыты фундаменты посвященной ему древней базилики с надписью, которая свидетельствует о претензии портового прихода на владение гробницей Ипполита.

С такой же легкостью в Иерусалиме предпринимались поиски креста, "находка" которого в 326 г. была приписана св. Елене. О ней говорят Амвросий, Руфин а Сульпиций Север, но не Евсевий, который жил во времена Константина. День 3 мая ежегодно посвящается памяти об этом событии. В то же время фантазия примыслила существование некоего "подлинного" креста, будто бы обнаруженного при императоре Клавдии в середине I в.

Церкви утрачивают свой прежний простой, незатейливый облик, пожалуй лишь в деревнях он сохраняется без изменений. Первоначально, как уже отмечалось, богослужебные собрания имели место в домах состоятельных семей - отсюда греческий термин *куриаке* [кириаке] - "хозяйский дом", сохранившийся в германском слове *Kirche* [кирхе] и в англосаксонском *church* [чарч] - "церковь". При Константине и христианских императорах в главных городах были возведены пышные церковные сооружения, копировавшие с некоторыми

расхождением стиль греко-римской базилики (этимологически это слово означало "царский дворец", а затем место отправления правосудия). Это был атриум, подъезд (то есть паперть), за которым следовало вытянутое в длину четырехугольное помещение, разделенное двумя или четырьмя рядами колонн на три или пять "кораблей" или частей, нефов храма с приподнятой абсидой, перекрытой куполом или без купола. В центре храма помещался алтарь.

Внешний облик храмов отличался простотой. Внутри они были украшены росписями, скульптурами и мозаиками. Чтобы придать достоверность имени святого, которому посвящалась церковь, грабили катакомбы в поисках реликвий. Так случилось в Риме, когда построили одну из древнейших и красивейших базилик на улице Номентана, посвященную св. Агнесе, и особенно часто очищали захоронения в связи с освящением церквей во имя апостолов Петра и Павла. Хранившаяся в древней христианской литературе память о них была весьма смутной и не восходила далее III в, однако и их останки были "найжены" и перенесены без особых угрызений совести в соответствующие базилики.

Этот процесс, который вел к быстрой мифологизации христианской истории, не закончился и поныне. Об этом свидетельствует недавнее "отождествление", которого домогался Пий XII в течение своего правления, костей св. Петра, взятых из подземелья ватиканской базилики. "Отож" дествлением" занимались несколько университетских доцентов и археологи - специалисты по изучению ископаемых остатков скелетов, пока Иоанн XXIII не предал это дело забвению.

К УТВЕРЖДЕНИЮ ГЛАВЕНСТВА РИМА

И известно, что в первые века истории христианства духовенство привлекалось к исполнению своих функций по решению собрания верующих в соответствии с порядком, который мы можем определить как прямую демократию, с голосованием поднятием руки. Даже когда епископы присвоили себе прерогативу назначения членов низшего клира, сами они по-прежнему избирались по древнему обычаю - народом совместно с духовенством.

Выборы римского епископа не отличались по существу от выборов в других диоцезах. Однако он был наиболее видным кандидатом, и ему присваивали звание архидиакона, главы вспомогательной городской администрации. Титул кардинала (от латинского *cardo* [кардо] - "столп", "опора", "основа") присваивали священнослужителям (впоследствии также диаконам), управлявшим под руководством епископа сетью наиболее важных городских церквей, именовавшихся титульными. Позже этот титул был распространен на епископов семи пригородных диоцезов (Остия и Веллетри, Порто, С. Руфина, Альбано, Сабина, Тускуло и Палестрина). Но это произошло не раньше VIII в.

О римском епископе начали говорить как о понтифике только после упразднения языческого жречества. Это звание идет от наименования лица, которое руководило в древнейшие времена священным делом: строительством мостов через Тибр [Слово *pontifex* [понтифекс] означало "строителя мостов" (от *pons* [понс], косвенный падеж *pontis* [понтис] - "мост" и *facere* [фацере] - "делать"). - Прим. пер.]. Собрание пятнадцати понтификов было самой высокой коллегией, отправлявшей официальный языческий культ. Не приходится удивляться, что подобное звание первое время вызывало известное предубеждение в христианских кругах. И потому оно вновь появилось в качестве почетного титула не ранее V в. Званием "великий понтифик" официально величали императоров вплоть до Грациана (382 г.), практически же - до предшественника Юстиниана императора Юстина, умершего в 527 г. Папы присвоили его себе только на заре Возрождения, при Пие II Пикколомини (1458 - 1464).

Термин папа, напротив, был греческого происхождения - это латинизированное слово народного греческого языка *papas* [папас], вариант литературного *parras* [паппас] - "отец"; отсюда *parrhos* [паппос] - "дед" (со стороны отца). Ювенал употребляет его в "Сатирах" также и для обозначения старика, впавшего в детство. Нет ничего невероятного и в связи этого понятия с обрядовым воззванием к центральной фигуре одного из самых популярных

культов спасения - фригийской богине Ат-тис - "Папас".

В первые времена христианства наименование папа применялось ко всем священникам. Затем с годами оно стало присваиваться только епископам. В греческой церкви оно осталось в конце концов за главами крупных митрополий - патриархами Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима. На Западе вплоть до V в., когда право называться папой стало прерогативой римских епископов, любой епископ носил этот титул. Впрочем, еще несколько столетий папами продолжали называть также ти-туляриев из других епархий. В VII в. св. Галл применяет этот титул к епископу Дезидерию из Кагора. Только Григорий VII в 1073 г. добивается от синода решения о том, что никто, кроме римского епископа, не может пользоваться именем папы. Однако существительное "папа" вне наименования конкретной личности встречается не ранее конца XI в. в сочинениях Льва Остийского. В некоторых греко-византийских по происхождению деревнях на юге Италии до сих пор к приходскому священнику обращаются в знак уважения как к папе, подобно тому как это имеет место и в православной церкви [Русское "поп" может быть не только прямым заимствованием из греческого, но и косвенным через древне-верхне-немецкое слово *pfaffo* [пфаффо] - "священник". - Прим. пер.].

Что касается постепенного укрепления папской власти, то этот процесс связан в первую очередь с престижем древней столицы империи и лишь во вторую очередь с претензией Рима на обладание апостолическим престолом в память об апостолах Петре и Павле. В конце II в. Ире-ней утверждал, что согласие римской церкви поддержать или осудить определенную доктрину необходимо "по причине ее особо выдающегося значения" ("Против ересей", III, 3, 1 - 2; это место толковали по-разному, но оно, собственно, не говорит ничего другого). К середине следующего века Киприан объяснял, что первенство Петра перед другими апостолами символизировало только единство церкви, а не главенство Рима ("О единстве католической церкви", IV). И епископ Лиона, равно как и епископ Карфагена, не колеблясь, оспаривал при случае решения их римских коллег.

Денежные вклады Константина и начало строительства храма на месте нероновых садов, пресловутом месте мученической смерти Петра, придали особый престиж римскому епископу. Вокруг папы Сильвестра почти сразу сложилась тщательно разработанная легенда. Но сами детали этой легенды - поспешное бегство в Сораттские горы и оппозиция, которую он встретил со стороны греческих элементов столицы, - свидетельствуют о том, что он располагал незначительной властью в те времена, на заре константинопольской эры.

Именно перенесение имперской столицы на Восток спасло римского епископа от превращения в простой придаток гражданской власти.

На протяжении почти всего IV в. важнейшие гражданские должности в Риме по-прежнему занимали представители языческих культов. Их влияние на внутренние дела христианской церкви было, естественно, несущественным. Управление церковным имуществом предусматривало достаточно широкий круг занятий делами, поэтому выборы на должность епископа были чрезвычайно заманчивы. Отсутствие императорского двора придавало больше блеска и великолепия высшему духовенству. Языческий историк, друг Юлиана, Аммиан Марцеллин противопоставил скромность и воздержанность провинциальных епископов показной роскоши римского епископа. Он же говорил, что нечего удивляться кровавым стычкам по поводу его выборов.

Нейтралитет, или, лучше сказать, дух примирения, который римская церковь стремилась поддержать во времена единоборства с арианством, укрепил ее престиж как в вероучительной области, так и в сфере организации религиозной жизни. Собравшись особо в 343 г. в Сардике, западные епископы признали за римским епископом обширные права арбитража и фактического главенства. Восток никогда не признавал подобных решений.

Избрание епископом Дамасия (366 - 384) привело к решительному повороту в истории установления примата римского епископа. Выходец из низов, Дамасий столкнулся при своем восхождении на римский престол с диаконом Урсином, представителем более жестко настроенных иерархов, который действовал от имени аристократических кругов. И в вечер избрания Дамасия улицы города были

покрыты трупами. Поддержанный своими приверженцами из народа, несмотря на попытку привлечь его к суду по обвинению в человекоубийстве, Дамасий сумел добиться своего избрания, не гнушаясь никакими средствами, и затем железной рукой правил почти два десятка лет своей общиной. Он построил великолепные базилики, одну близ театра Помпея и другую на улице Ардеatina, и покрыл церкви и катакомбы надписями во славу мучеников и святых, большая часть которых еще и сегодня возглавляет перечни официальной агиографии.

Аммиан Марселлин о выборах Дамасия

Дамасий и Урсин горели оба необузданным желанием завладеть епископской кафедрой. Распря между ними привела к стычкам, в которых были и убитые и раненые и которые привлекали с обеих сторон многочисленные подкрепления. Префект Вивенций не сумел овладеть положением и был принужден удалиться в предместье. Дамасий вышел в конце концов победителем при поддержке своих приверженцев. В результате столкновений в базилике Сицинина, где христиане обычно собирались на свои обряды, в один только день насчитали 137 трупов, и было потом трудно утихомирить плебеев, коль они так не на шутку разошлись.

Учитывая это состояние дел в городах, кажется мне несомненным, что немало соперников в погоне за властью всеми силами пытались истребить друг друга. Они были уверены, что смогут впоследствии обогатиться вкладами матрон, будут разъезжать в каретах, в изысканных одеждах и угощаться за столь обильно уставленными яствами столами, что с ними не сравнятся и царские пиры.

Уважение, которым они могли бы пользоваться, было бы совсем иным, если бы, презрев величие Рима, источника всяческих пороков, они подражали бы образом жизни некоторым провинциальным прелатам, воздержанным в еде и питье, скромно одетым, с покорно потупленными долу взглядами, чистых и сдержанных перед вечным богом и его истинными служителями.

(Из книги XXVII, глава 3).

Чтобы придать большее значение своему правлению, Дамасий ввел в римскую церковную терминологию выражение "апостолический престол", которое было принято западными епископами и другими иерархиями как обозначение главенствующей епископской епархии. Но от своих восточных собратьев он добился лишь общих, неопределенных признаний. Тем не менее в 369 г. он собрал синод, чтобы привести к повиновению Никейскому собору иллирийских епископов, которые территориально относились к Востоку. Граница религиозной юрисдикции римского епископа проходила по реке По и обоим берегам Адриатики. В 375 г. Дамасий адресовал галльским епископам серию инструкций дисциплинарного порядка, которые были нацелены на введение римских обрядов крещения, богослужения и практики безбрачия.

К подобному вмешательству в дела епархий, которое, надо сказать, было обычным и со стороны других западных митрополичьих престолов (Карфагенского, Миланского, Арльского и позже Аквилейского), следует отнести также появление "Декреталий", которые в средние века использовались для утверждения главенства папы. Но пока еще все это далеко от реальных попыток переформировать каноническое право в интересах римского епископа.

Инициативу издания "Книги понтификов", или "Перечня житий первосвященников", невозможно возвести к Дамасию. Ее первая редакция, по-видимому, принадлежит какому-то неизвестному священнику, жившему в эпоху епископа Симмаха в конце V - начале VI в. Речь идет, однако, о важном произведении, которое основывается на списках, составленных Егесиппом около середины II в., когда он посетил ряд общин того времени. Но на этой основе автор "Книги понтификов" пытается восстановить в какой-то последовательности имена римских епископов, пользуясь легендами и мифами разного происхождения попеременно с относительно достоверными данными. От него мы узнаем, между прочим, что преемник Дамасия, епископ Сириций (384 - 398), побудил Феодосия издать в 389 г. декрет, осуждавший манихеев, которые все еще имели в Риме не

только приверженцев, но и организационный аппарат, построенный по христианскому образцу. Это был тот самый Феодосий, который за девять лет до того, едва провозглашенный Августом Востока, желая охладить вождельения своих епископов, провозгласил решение исповедовать только религию, "которой учит апостол Петр и которую ныне проповедует в Риме епископ Дамасий", ниже добавив, правда, и упоминание об александрийском епископе, дабы не нарушать приличий.

С некоторого времени императоры взяли в обыкновение предоставлять епископам полицейские силы - "светскую руку", чтобы заставлять инакомыслящих следовать решениям церкви. Вслед за языческими книгами, обреченными на уничтожение, исчезли сотни христианских писаний, которые отныне отвергались официальными властями. В Сирии к середине V в. епископ Феодорет Кирский еще отмечал сокрытие верующими его епархии более чем двух сотен "неканонических" текстов и повелевал их уничтожить.

В итоге соединения двух документов, одного конца IV в. и другого конца V в., приписанных епископу Геласию (492 - 496), в Риме был также разработан новый весьма обширный, часто неясный, но крайне интересный перечень теологических и нравственных учительских сочинений, подлежащих осуждению и уничтожению. Это и есть пресловутый "Геласиев декрет", который лег в основу "Индекса запрещенных книг", превращенного в официальный закон в первой половине XVI в., когда началась протестантская реформа. Приведением его в исполнение занималось специально созданное тогда учреждение, функционировавшее до недавнего времени и печально известное под именем "Конгрегации святой канцелярии".

Важнейшие последствия повлекло за собой в христианской богослужебной жизни принятое в Риме решение, которое фиксировало дату рождения Иисуса - 25 декабря, в противовес празднику зимнего солнцеворота. По-видимому, это случилось во время епископства Юлия I (337 - 352). На Востоке утвердилась дата 6 января, связанная с античными ритуальными церемониями культа Исиды, особенно распространенного в Александрии. На Западе римский обычай быстро распространился, а праздник 6 января совместился с праздником епифании, или богоявления - явления миру спасителя.

По примеру западных епископств восточные отцы - Григорий Нисский и Григорий Назианский приняли в своих епархиях дату 25 декабря. Но в других восточных епархиях датой празднования рождества осталось 6 января.

В северных странах рождественские праздники ассоциируются с праздником священного дерева, ели и Деда Мороза, который был отождествлен со св. Николаем - героем восточных христианских районов, праздник которого приходился на декабрь. Не случайно также буддийский Новый год, очень похожий на праздник рождества, приходится на тот же зимний период.

КОНЕЦ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Политическая изоляция Рима в V в. способствовала наращиванию в руках епископов обширных административных прав, которые распространялись из городской зоны на часть Центральной Италии. Таким образом, основы светской власти, которая сформировалась в зрелую структуру в эпоху усиления франков, закладывались уже в последние годы империи.

Не следует забывать, что в V в. Рим оказался трижды в осаде и трижды пережил разграбления: вестготы напали на Рим в 410 г., вандалы - в 455 г. и, в третий раз, в 472 г., Рим пострадал от рук Рицимера, светского военачальника, находившегося на службе у западного императора. Население города значительно сократилось. Часть жителей переселилась в сельскую местность, в долины Южного Лациума. Другая - группировалась вокруг новых религиозных и светских центров в излучине Тибра. Город был разделен на семь районов, каждый из которых поставлен под управление диакона. Тем самым расширялись административные права церкви, и, следовательно, росла ее власть.

Эту ситуацию хорошо передает легенда о епископе Льве Великом (440 -

461), который пришел в 452 г. к месту слияния рек По и Минцио, чтобы остановить наступление Атиллы силой "меча господнего" и защитить территории империи, брошенные на произвол судьбы. Об этом эпизоде Павел Диакон расскажет лишь через три столетия. Но сама по себе историческая обстановка воспроизведена им достаточно правдиво. Гунны отступили в Италию из Галлии после поражения в 451 г. в битве на Каталаунских полях с союзом франков, готов, бургундов и галло-римлян под командой римского полководца Аэция, служившего под началом западного императора Валентиниана III (425 - 455). Захват Рима удалось предотвратить. Но через три года город был разгромлен вандалами, которые оставили в языке память о своих систематических зверствах - "вандализме".

Не вызывает сомнений глубокая перестройка при Льве Великом всей структуры церкви как федерации самостоятельных епископов.

Уже в 422 г. Бонифаций I в письме епископам Фессалии напоминал, что церковь была основана Петром.

И поскольку Петр пришел в Рим, положение римской церкви по отношению ко всем прочим подобно отношению "головы к членам". Восток не желал признавать этого положения, но на Западе оно встретило гораздо более благосклонный прием. Епископы на деле признали факт их зависимости от римского престола в силу переданной ему власти от апостола Петра и, начиная с правления епископа Льва, нареченного Великим римской церковной традицией, считали себя простыми местоблюстителями, получившими власть от Рима в соответствующих епархиях.

Диспуты V в. по поводу двойственной природы Христа, так и не выясненной соборами в Никее и Константинополе, дали Риму последнюю возможность непосредственно воздействовать на восточных епископов.

Центром этой распри оказалось соперничество александрийской теологической школы, которая стремилась выделить единственную божественную природу Христа (монофизитское течение), и константинопольской, которая подчеркивала его человеческую природу (несторианское течение). Епископ Лев Великий выступил против монофизитской тенденции с трактатом, известным под названием "Фомус- и Флавиан", в поддержку высшего константинопольского духовенства тогда, когда связи между Византийской империей и Западной окончательно распались.

Последнему западному императору Ромулу, прозванному Августулом (475 - 476), наследовал германский кондотьер, скир Одоакр, который был преемником Атиллы и в 472 г. перешел в Италию на службу к римлянам. В 476 г. Одоакр отправил Зенону, правителю восточной части империи, знаки власти, объявив, что достаточно будет одного самодержца. После этого он совершенно самостоятельно правил Италией 17 лет (476 - 493).

Треть земель и доходов от них он раздал в качестве "царя" своим преданным рюбакам - эрулам, готам, ругам и туркилингам. Элементы германского права начали проникать в Италию.

Римские епископы извлекали новые возможности для политического маневра из отношений, которые установились между пресловутыми варварскими государствами и церковью, а также из отсутствия всякой более или менее стабильной власти. К этой совокупности исторических обстоятельств восходят истоки папской власти не только в религиозной области, но также и в административной и политической сферах.

ГЛАВА 10

ЮСТИНИАН И КОНЕЦ АНТИЧНОЙ ЭРЫ

Издание репрессивных законов по отношению к культам античного Рима сопровождалось со времен императора Феодосия целой серией мер, которые угрожали не менее суровыми наказаниями и еретикам. Язычество и ересь стали считаться государственными преступлениями: инакомыслие приняло характер раскола с гражданским обществом.

С появлением этих установлений христианская идеология возвысилась до ранга закона. Классовые отношения остаются без изменений. Самовластие и

насилие сохраняются, как и прежде, порой они дают себя знать еще сильнее. Не было ни реального облагораживания нравов, ни смягчения сложившихся в то время жестоких отношений в обществе, опустошенном и отброшенном к границам того, что может вынести человек. Одним из немногих исключений было упразднение казни на кресте для рабов, но и это послабление вызывалось более идеологическими, нежели нравственными соображениями.

Кровавые битвы гладиаторов оскорбляли чувства некоторых отцов церкви и части общества. Однако они продолжались все четвертое столетие, и лишь в начале V в. при императорах Гонории и Аркадии появились первые законы, которые покончили с играми гладиаторов. Во всяком случае, их постепенное упразднение было в первую очередь обусловлено утверждением "варварских" народов, которые всегда поставляли наибольшую часть военнопленных, обреченных на истребление в цирках.

Так или иначе, абсолютно невозможно говорить о быстрой христианизации римского права.

"КОДЕКС ФЕОДОСИЯ"

Верно, впрочем, что с конца IV в. дает себя знать потребность в сборе и систематизации наряду со все еще действовавшим прежним имперским законодательством новых "конституций", введенных после Константина. При восточном императоре Феодосии II, племяннике великого Феодосия, вступившем на престол в возрасте семи лет, после смерти императора Аркадия, возникает "Кодекс Феодосия" - важнейший до появления законодательства Юстиниана свод законов.

Долгое царствование Феодосия II (408 - 450) первоначально протекало, вполне естественно, под влиянием различных наставников и под защитой двух регентов - вначале префекта Анафемия, затем сестры императора Пульхерии, которая на деле и правила, подобно Августе, даже когда император достиг зрелого возраста.

Феодосии II стал самодержцем нового типа, который предоставляет другим долг управления государством и командования войсками (при нем, в частности, была осуществлена короткая победоносная экспедиция против персов и было отброшено наступление гуннов) и в отличие от своих предшественников перестает непрерывно передвигаться из одного конца империи в другой. Относительно образованный, прилежный переписчик древних кодексов, получивший даже прозвище "каллиграф", он основал в 425 г. в Константинополе Высшую школу, где велось изучение христианского вероучения. Эта школа должна была по замыслу императора стать подобием знаменитой Афинской школы, крупнейшего центра дохристианской философии, которая была закрыта через сто лет после того Юстинианом.

Аналогичное желание, видимо, побудило Феодосия II в 438 г. объявить о сборе и кодификации (скорее в назидательных, чем в практических целях) новых источников правоведения, "общих законов", обнародованных в IV в., а также приступить к систематизации текущего законодательства.

16 книг "Кодекса Феодосия" составлены в хронологическом порядке согласно критерию "Дигест" классической эпохи. Эти книги дошли до нас не в оригинальном тексте, а переделанные и соединенные с последующими вставками. Их ценность все же вне сомнения, хотя она выявляется лишь отчасти. Антиеретическое законодательство включено в последнюю, XVI книгу, носившую название "Об универсальной, или католической, вере". Этот раздел как бы венчает весь труд. Характерно, что соответствующая рубрика - "О высочайшей троице и об универсальной вере" - открывает "Кодекс Юстиниана", в котором заново осмыслены новые установки христианства.

Официальным языком права был по-прежнему латинский; на Востоке его больше не понимали, исключая некоторые интеллектуальные книги. Это обстоятельство помогло создать отношение почтительного непонимания к богослужебному языку католической церкви, которое употребление латыни порождало в людях, не знавших ее. На Западе "Кодекс" был сразу принят императором Валентинианом III (424 - 455), которому Феодосии дал в супруги

свою дочь Евдоксию Лицинию, чтобы упрочить, хотя бы на семейной почве, все более слабые и неустойчивые связи между двумя частями империи.

Для истории этого трудного и часто смутного переходного периода "Кодекс Феодосия" - незаменимый источник знаний не только о правовой и религиозной сферах жизни общества, но также о новых экономических и социальных структурах, о которых в нем есть прямые сведения. Мы обнаруживаем в нем, например, законы, регулировавшие установление колоната. Конституция Константина от октября 322 г. звучит так: "Кто бы ни нашел колона, который принадлежит другому, должен вернуть его по принадлежности господину, у которого он был рожден, и уплатить за то время, что тот провел у него. Колоны же, которые пытаются бежать, должны быть закованы в цепи подобно рабам" ("Кодекс Феодосия", V, 9, 1).

Колон, который пришел на смену рабу с его непроизводительным трудом, свободен, но это только видимость свободы, так как на деле он крепко привязан к земле. Он не может занимать общественные должности, которые потребовали бы отдалить его от земли, на которой он живет. Его нельзя посвящать в сан священника, если только не в пределах края, где он живет. Землевладелец, однако, не мог продать свое владение без колонов либо колонов без земли, разве что крестьянин умрет, не оставив наследников. Даже сами чиновники податного ведомства не могли прогнать колона с земли, если тот не уплатил налогов.

Рента фиксировалась законом и применялась от места к месту. В целом ее сумма оказывалась очень тягостной. Колон имел право вступать в брак по своему выбору, завещать имущество и обращаться в суд, но впоследствии эти свободы были у него отобраны. Еще важнее было освобождение от военной службы. (Оно продержалось до введения германского права.) В этом случае также решающими были соображения экономической пользы, а не гуманные побуждения. Один из законов Юстиниана придал колонату в 534 г. еще более жесткую структуру: "Колоны, хотя лично и свободные, должны считаться рабами земли, на которой они рождены" ("Кодекс Юстиниана", XI, 52). Так начиналось крепостное право.

В категорию колонов вошли крупные массы "варваров", бродяг, отверженных и даже свободных, которые работали по 30 лет на одного землевладельца. Юстиниан распространил это правило на детей, санкционируя такое положение вещей формулой, в которой классовые законы эксплуатации переданы в терминах религиозного фатализма: "Каждый должен следовать своей судьбе" ("Кодекс Юстиниана", XIII, 69, 4).

Это утверждение помогает нам понять систему, укрепляющуюся в разгар крушения античного общества. Каждый человек чувствовал себя под угрозой надвигающихся бедствий и искал способа избежать злой участи: раб бросал своего господина и просил убежища у германских племен, которые наводняли Западную Европу и Италию; крестьянин покидал поля, рабочий - свое ремесло, чиновник - свое учреждение. Государство видит только одно средство предотвратить всеобщий распад: блокировать подчиненные слои на их социальных позициях и преградить им все пути отступления. Уже в 395 г. императоры Аркадий и Гонорий угрожали крупными штрафами тому, кто даст приют работникам, дезертировавшим из своих ремесленных корпораций. Отныне эта практика распространяется и становится нормой.

Формируется настоящий тип "замкнутых каст", но не столько в результате стихийного развития, а как следствие осознанной государственной политики. Единственный класс, располагающий подлинной независимостью в условиях экономики, основанной на сельском хозяйстве, - это класс старых и новых латифундистов, заставлявших почувствовать свой вес внутри самого церковного общества, особенно на Западе. Их роль в управлении религиозными делами станет еще более явной с того момента, когда земельный собственник и епископ в конце концов совпадут в одном лице.

Лишь в итоге бенедиктинской реформы монастырская организация избегнет еще на несколько столетий - и то в известных пределах - общей участи церковных институтов.

РОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НЕСТОРИАНСКОЙ И МОНОФИЗИТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ

Очень трудно выяснить прямую связь между этим положением вещей, способствовавшим появлению новых отношений между людьми, и религиозной жизнью масс в период между Феодосием и Юстинианом.

Теологические диспуты, которые вновь разгорелись в лоне христианского мира после первой систематизации догмата о троичности, кажутся далекими от повседневной действительности. Но среди разнообразных явлений в структуре и надстройке существуют все же и взаимодействие и обратные связи. Стремление очертить концепцию сущности бога не менее жесткими рамками, чем те, что определяли человеческое существование, - это не простое и случайное совпадение, хотя подобное сравнение и не следует понимать слишком буквально.

Вариативность развития общественных отношений отражается в религиозных верованиях. Но идеи, однажды ставшие частью надстройки, следуют затем путем самостоятельного развития, предопределенного фактическими условиями, которые их породили?

В споре с арианством большинство теологов сумело утвердить тезис о том, что евангельский Христос не был низшим божеством и субстанционально был идентичен отцу. Теперь задались вопросом: как могло произойти слияние их субстанций? Сохранил ли при воплощении Христос свою божественную природу или же приобрел еще и другую, человеческую? Не стоило бы заниматься подобными ребяческими абстракциями, если бы из нового конфликта по этому вопросу не возник глубокий разлад в христианстве V в., который положил начало, с одной стороны, так называемой несторианской, а с другой - монофизитской церквям.

Массы верующих всегда понимали воплощение мифологически. Было ли тело Христа действительно реально, создано из плоти и крови, или оно было только кажущимся, как утверждали гностики, - все это имело влияние на принятие ими догмы о спасении. Но философские школы имели на этот счет вполне определенные взгляды. Платон, например, учил, что в человеке следует различать Две души, или "натуры": рациональную и чисто животную. Если спасение есть не только акт познания, но и приобщения к божественному началу посредством обряда, то теологи вынуждены были прийти к выводу о том, что Христос не мог быть исключительно божеством в человеческом облике, но был реальным человеком, наделенным телом и душой.

Один из осужденных на Константинопольском соборе 381 г. епископов - Апполинарий из Лаодикеи пытался обойти эту трудную проблему, доказывая, что так как у человека тело и душа нераздельны и образуют одну личность, так и в Христе следует видеть одну-единственную божественную индивидуальность. Это и было учение, которое преобладало в александрийской церкви со времен Афанасия. Но отцы антиохийской школы исходя из иной антропологии, более близкой к аристотелевской традиции, отрицали, что в Иисусе имело место полное слияние человеческого и божественного начал. Диодор из Тарса и Феодор из Мопсуестии пришли к утверждению о присутствии в Иисусе двух разных, завершенных в себе личностей. Однако "личность" и "природа" для многих означали одно и то же.

Некий монах из Евфратской части Сирии, по имени Несторий, получивший образование в Антиохии и возвысившийся к 428 г. до высокого сана константинопольского епископа, сделал из этих споров вывод, что Мария не может быть почитаема как "мать божья", или *theotokos* [теотокос], ибо она есть всего лишь "мать Христа", смертного, как и все другие. Это утверждение оскорбило большинство верующих и особенно весьма могущественных в новой имперской столице монахов. Начались беспорядки и волнения. Немедленно вмешались власти, оберегавшие общественные устои.

Александрийский епископ счел момент подходящим, чтобы унижить константинопольское епископство. Пользовавшийся большим престижем, особенно уважаемый из-за своей аскетической жизни Несторий подвергся ожесточенным нападкам. На римском синоде в 430 г. епископ Целестин одобрил критику. Феодосий II созвал тогда в 431 г. в Эфесе новый вселенский собор, третий по

счету. Не дожидаясь прибытия антиохийской делегации и представителей Рима, Кирилл спешно настоял на осуждении Нестория, который вынужден был в следующем году оставить епископские функции.

На первой сессии собора присутствовали всего 153 епископа. Когда прибыли опоздавшие, положение в корне изменилось, и Кирилл должен был бежать в Александрию, где занял откровенно враждебную соборным идеям позицию. Один из преданных ему монахов, Евтихий, разработал новое истолкование христологической доктрины, радикально противоположное взглядам Нестория. В новой доктрине считалось недопустимым помещать в одну плоскость человеческую природу Иисуса с обычными смертными. После ипостатического союза сына с отцом в Иисусе могла существовать только одна божественная природа.

Сторонники Евтихиевой теологии были прозваны по-гречески монофизитами, то есть "приверженцами одной природы". Положение еще больше запуталось.

В 448 г. новый константинопольский епископ Флавиан добился осуждения Евтихия местным синодом. Но преемник Кирилла, Диоскор Александрийский, пользовавшийся влиянием при дворе и поддержкой великого камергера Хрисафия, сумел в 449 г. созвать другой всеобщий собор в Эфесе, где был один из крупнейших центров культа Марии. Применив нажим и нарушив соборную процедуру, Диоскор реабилитировал при помощи императорской гвардии Евтихия и низложил Флавиана. Римский епископ, с которым даже не посоветовались на этот счет, назвал соборное собрание "бандой разбойников".

Целый период отмечен напряженными противоречиями между римским и константинопольским, александрийским и антиохийским епископствами. Массами голодных бедняков великих митрополий бессовестно манипулировали во имя религиозных принципов, которых они даже не могли понять. Доктринерские диспуты еще раз помогли увести в область ирреального их конкретные чаяния лучшей жизни и большей независимости.

Со смертью Феодосия II в 450 г. благосклонная к Евтихию партия потерпела поражение. Сестра покойного самодержца Пульхерия и ее муж сенатор Марциан, провозглашенный императором Востока (450 - 457), принадлежали к партии его противников. В Халкидонии в 451 г. состоялся IV вселенский собор, на который съехались более 500 епископов, но только с Востока. На нем присутствовали, впрочем, два посланца римского епископа. Требование особых прав для константинопольского епископского престола, санкционированное собором, вызвало протесты Льва Великого. На догматической почве было подтверждено осуждение как Нестория, так и Евтихия. Однако формула нового компромисса была не более чем игрой слов: "Две разные и нераздельные природы в одном лице". Несториане и монофизиты отвергли ее, и обе фракции организовали собственные церкви.

Уединившийся на некоторое время в одном из анти-охийских монастырей Несторий сумел сбежать в Аравию, потом в оазис Эль-Харга, где умер незадолго до начала Халкидонского собора. Его сподвижники были изгнаны с территории империи, многие перебрались в Персию. Все это заставляет думать, что за теологическими диспутами скрывались также и мотивы вражды к центральному константинопольскому правительству.

Под покровительством персидских царей несториане быстро образовали раскольническую церковь и основали патриархат в Селевкии - Ктесифоне, близ нынешнего Багдада. Воодушевленные идеями активной миссионерской деятельности, они проникли в Индию и Китай. Согласно преданию, именно несторианский монах просветил Мухха-меда относительно христианского вероучения. При мусульманских калифах несториане жили в мире и пользовались терпимым отношением к их вере. Но нашествие монголов в XIII в. привело их церковь к упадку. В XVI в. меньшая часть несториан вошла в сообщество с Римом и известна ныне как "халдейская церковь". Другие сохранили независимость и донныне относительно многочисленны в Курдистане, Сирии и на Кипре. Их патриарх всегда носит традиционное имя Симеон, священники вступают в брак, епископы воздерживаются от него.

Сложнее история монофизитской церкви, которая сохраняется в Египте благодаря особым этническим и социальным обстоятельствам. В нее входят главным образом местные жители из бедняков, говорящие на коптском языке,

порвавшие с эллинизированными группами в больших северных городах. Примечательно, что из ненависти к константинопольским властям они называли своих противников мельхитами (от сирийского слова, перешедшего в коптский язык, которое означает "приверженцы царя", "имперцы"). На некоторое время митрополичьи престолы

Антиохии и Иерусалима, а не только Александрии оказывались в руках епископов-монофизитов.

Константинополь - "новый Рим"

Настрожайше придерживаясь решений святых отцов и предложенного ста пятьюдесятью благочестивейшими епископами только что зачитанного канона, вот каковы вещи мы обсуждаем и решаем относительно привилегии святой церкви Константинополя, нового Рима. Отцы справедливо дали некогда привилегии кафедре древнего Рима ради царской власти, которой город располагал. По той же причине сто пятьдесят благочестивейших епископов передали те же привилегии святой кафедре нового Рима, справедливо почитая, что город местопребывания царствующего дома и сената должен пользоваться теми же прерогативами, что и древнейшее Римское царство, оказавшееся на втором месте в церковных делах после вышеназванного города по порядку следования властей предрержащих.

(Канон XXVIII Халкидонского собора 451 г.)

Преемник Марциана, император Лев I (457 - 474), попытался добиться примирения церкви с монофизитами, чтобы расположить к себе египетские провинции, которые еще были житницей Востока. Но когда узурпатор Василиск (475 - 476) решил осудить решения Халкидонского собора, более 500 епископов поставили свои подписи под соответствующим документом. Конфликт переродился в жесткую борьбу между константинопольским епископом Акакием и монофизитским архиепископом Александрии Петром Монгом, которого поддерживал Рим. Император Зенон (479 - 491) решил ввести единство декретом, издав пресловутый "эдикт о союзе", который только ухудшил положение, поскольку римские епископы после некоторых колебаний отказались принять его и выступили против обеих партий.

Религиозное примирение между Римом и Константинополем состоялось только при императоре Юстине I (518 - 527) по инициативе его племянника Юстиниана и римского епископа Ормизда. Отделение Египта от империи неизбежно шло своим путем. В момент его оккупации арабами, спустя чуть больше сотни лет, монофизиты встретили захватчиков как освободителей.

Кроме Египта монофизитская церковь существует еще в Сирии, Армении, Месопотамии и Эфиопии. Часть египетских коптов, примерно 100 тысяч человек, состоят в союзе с Римом; большинство же, свыше миллиона, на две трети монофизиты, остальные - католики. Монофизиты Сирии и Месопотамии зовутся также "якобитами", по имени эдесского епископа Иакова, который был одним из виднейших организаторов движения монофизитов во второй половине VI в.

ГОТЫ И ВИЗАНТИЙЦЫ В ИТАЛИИ -БОЭЦИЙ И КАССИОДОР

На Западе несторианский и монофизитский расколы сказались в области вероучения очень мало. Важнее оказались их последствия для решения проблем автономии епископов и главенства Рима, на которое вновь стала претендовать римская церковь.

В это время широко разливалось наводнение "варварских" нашествий. В Западной Европе консолидировались расселившиеся народности, усваивавшие христианство в его арианской версии. Каким бы ни был первичный мотив их обращения, не исключено, что идея Иисуса-героя обожествленного человека, была менее чуждой представлениям человека племенного общества и оказалась более приемлемой для него, чем идея Иисуса-логоса, воплощенного в человеке-боге, сконструированная по модели средиземноморской мифологии

мистерий. Во всяком случае, можно сказать, что насильственная экспроприация прежних имущих слоев населившими территорию империи народностями приобрела помимо всего и определенный аспект религиозного диссидентства.

Вестготы, или "западные готы", согласно наиболее убедительной этимологии, заповнив Грецию, Италию и часть Галлии, перебрались на Иберийский полуостров и обосновались в Испании, где оставались до арабского нашествия. По отношению к испанской духовной иерархии, преимущественно неарианской, они проявили достаточно терпимости. Столичный толедский епископ стал фактически историческим примасом Иберийского полуострова, со своим автономным законодательством и богослужебным ритуалом. Весьма сходным было поведение свевов и бургундов, которые первоначально расселились в нынешней Савойе и долине Верхней Роны. При них религиозный поэт и писатель Авит, выходец из правящих слоев Галлии, стал епископом Виенны в Дельфинате и способствовал их постепенному отходу от арианства.

Франки вошли в историю западного христианства только вместе с Хлодвигом в 496 г., не пройдя через фазу арианства. Коронованный в Реймсе св. Ремигием, после обращения в христианство своего народа Хлодвиг открыл эпоху постоянных вмешательств во внутренние дела церкви, которые остались неизменной чертой политики франкского королевства.

В Норике и Паннонии, у рогов, развернулась миссионерская деятельность св. Северина. На Британских островах, где все, как видно, приходилось начинать сызнова после развала имперского законопорядка, возникла новая волна христианизации. Бретонский епископ по имени Патриций, рукоположенный в Галлии, перебрался в Ирландию и распространил там евангелие на кельтском языке, несмотря на упорное противодействие друидов, жрецов местных культов. Его влияние оказалось столь значительным, что еще в конце VIII в., когда пришли "люди с Севера", облик, который он придал ирландскому христианству, уже невозможно было изменить.

Остготы, или "восточные готы", под предводительством своего короля Геодориха завоевали Италию в 493 г. После трехлетней осады Равенны Одоакр был разбит.

Пришедший в Италию из Мезии Геодорих изучал искусство ведения войны и управления государством в Константинополе. Но он быстро отдал себе отчет в разобщении между византийским Востоком и Западом. Ревностный арианин, он искал сближения между готской военной знатью и итальянской аристократией, враждебной арианству, прибегал к посредничеству некоторых выдающихся представителей культуры той эпохи - от Боэция до Кассиодора. Но планам этим не было суждено осуществиться как же, как и его проекту создания своего рода федерации новых государств Западной Европы под главенством самодержца германского происхождения, способного положить конец политике униженных соглашений с Византией.

Созданному им королевству со столицей в Равенне выпали на долю тяжелые испытания.

Провизантийская партия еще была сильна в Риме, и она доставила Теодориху немало хлопот. Репрессии были безжалостны. Епископ Иоанн, преемник Ормизда, умер в заточении; Боэций был обвинен в государственной измене и казнен в 524 г. Через два года умер и король. Препятствия сплоченности остготов уже не было, и войско Юсти-виана опустошило Италию, сломило сопротивление готов в ходе военных действий, продолжавшихся с 535 до 553 г. Рим был захвачен Велизарием в 536 г., и мало-помалу вся страна оказалась в руках византийцев. Италию они рассматривали как простую колонию. Но византийское владычество на Аппенинском полуострове продолжалось до 568 г., когда лангобарды оттеснили имперские силы к Равеннскому экзархату и в крайние южные районы.

Интересна патетическая фигура Северина Боэция (475 - 524), римского сенатора, человека обширной культуры, советника Теодориха. Он был убежден в необходимости развивать во всех областях сотрудничество италиков с готским режимом, который он считал более гуманным, чем предыдущие. Однако он был вовлечен в интриги и дворцовые заговоры провизантийскими элементами, озабоченными спасением того, что еще уцелело от их экономических и

социальных привилегий. В темнице, в ожидании смерти, Боэций написал трактат "Философское утешение", который пользовался исключительным успехом на протяжении всего средневековья как синтез христианской мысли. В действительности идея этого сочинения, аристотелевская и неоплатоническая одновременно, удивительно эклектична. Имя Христа в нем даже не упоминается и божество рассматривается лишь как "высшее благо". Но влияние христианской идеологии в труде Боэция неоспоримо, оно особенно сказывается в трактовке им проблемы существования зла в мире, которое направляет данные богом законы.

Кассиодор (480 - 570), будучи более ловким человеком, пережил бурю. Он мог поэтому отдаться занятиям хрониста остготского королевства и реорганизатора свободных искусств, грамматической науки, философии и музыки. После смерти Теодориха в 526 г. он стал официальным консультантом Амаласунты, Теодата и Витига в бурный период преемников первого готского короля. Но когда Велизарий захватил в Равенне в 540 г. Витига в плен, политика стала представляться Кассиодору бесполезной растратой религиозных ценностей. Он удалился тогда в

Сквиллац, в Калабрию, где родился. Кроме трактата о душе, дополнявшего сборник его "Разных сочинений", он переработал (15 книг) латинский перевод "Трехсторонней церковной истории" Сократа, Созомена и Феодорета. Кассиодор основал монастырь в Виварии, около Сквилла-ца, - то была как бы исследовательская община, специально занимавшаяся переводами и продажей кодексов. Этот центр, прекративший существование в IX в., оказал заметное влияние на церковную культуру раннего средневековья.

Появлялись все новые и новые местные власти, которые соперничали друг с другом и оказывались неспособными охранять гражданское население. В результате усиливался авторитет высшего и низшего духовенства, особенно в Центральной и Южной Италии. В подобных условиях возникла средневековая деревня, которая заменила еще уцелевший до той поры по чисто экономическим причинам "городок", поселок. Колоны, бедные крестьяне, сельские рабы и свободные труженики группировались вокруг церковного прихода, чтобы избежать грабежа и разорения. "Плебеи" стали прихожанами. Требование независимости епископов, в первую голову римского епископа, вело к установлению нового порядка в отношениях между государством и церковью.

Понтификат Геласия I (492 - 496) стал выдающимся периодом церковной истории не из-за "Декрета", который понапрасну носит его имя, а благодаря посланию Геласия, в самом деле подлинному, обращенному к византийскому императору Афанасию (491 - 518). Независимость римского епископа от общественной власти утверждается в этом документе в неизвестных дотеле терминах. Если истинно, говорит Геласий, что гражданские власти и церковные иерархии предназначены волею бога управлять человечеством в соответствии со своей компетенцией, то следует все же признать за церковью большее достоинство и право судить о поведении самих самодержцев, и при том не только в духовной сфере, но также в светских делах. Что же до римского епископа, то он обладает властью - принципатом - над всеми епископствами. В этом смысле термин "принципат" употреблялся впервые. Имперская канцелярия приняла его.

Геласий не колебался в осуществлении на практике своих идей. В Риме он, не дожидаясь чьего бы то ни было согласия, объявил о весьма суровых мерах против последних манихейских общин, которых еще терпели. Он выступил против сенатора Андромаха, намеревавшегося снова разрешить языческое празднество Луперкалий. Однако время для подобного всевластия не созрело. Еще долгое время, вплоть до возникновения лангобардского королевства, папы должны были покоряться решениям византийских императоров, и притом в религиозной сфере, особенно во время царствования Юстиниана.

УЧРЕЖДЕНИЕ БЕНЕДИКТИНСКОГО ОРДЕНА

В период великих теологических распрей васи" лианские монахи, беглецы или ссыльные, распространили на Западе нормы восточного аскетизма. В IV и V

вв. в Италии, Галлии, Африке и Испании широко распространились киновии. Недоставало, однако, Общей модели, которая помогла бы привести к единообразию их жизнь. Только в начале VI в. в центре готской оккупации возникает бенедиктинское монашество, которое добавляет к молитве труд как выражение божественного волеизъявления.

То было страшное время войн, голода, эпидемий, усугублявших эксплуатацию трудящихся масс, на долю которых выпали основные тяготы кризиса. Правдоподобно происхождение Бенедикта Нурсийского из семьи нобилей, но не следует забывать, что в его время возникло обыкновение превращать в святых выходцев из аристократических родов, чтобы подчеркнуть особенное божественное предрасположение к господствующим классам. Бенедикт жил на грани V и VI вв. (480 - 547), но дошедшие до нас документы той эпохи говорят о его жизни крайне мало.

Впервые о Бенедикте весьма неопределенно вспоминает Григорий Великий (590 - 604) во II книге "Диалогов". Это легендарная биография, сотканная из описания якобы сотворенных Бенедиктом чудес, написанная поздно и малодостоверная. Так, например, основание монастыря Монтекассино отнесено в ней к 529 г., тому самому году, когда Юстиниан повелел закрыть последний центр нехри" стианской философской культуры в Афинах. Такое совпадение должно было свидетельствовать о действии провидения. Можно не сомневаться, что Бенедикт учился в Риме, но неизвестны мотивы, побудившие его удалиться в

Чочарию, где он, должно быть, руководил небольшой монастырской общиной в Виковаро, а затем - в ущелье Аньене, близ Субиака. Еще сегодня там показывают "священную пещеру", где св. Бенедикт якобы долго жил в смятении между искушениями и покаяниями.

Вместе с группой учеников, среди которых Мавр и Плацид, Бенедикт, согласно преданию, основал 12 монастырей вокруг Субиака, пока ревность местного клира не вынудила его перебраться в Кассино, где на суровом холме он основал самое значительное аббатство бенедиктинского Ордена, пережившее средневековье и уцелевшее до нашего времени. Он учредил также и центр затворничества для женщин, который поручил сестре Схоластике.

К сожалению, оригинальный текст бенедиктинского "Устава", который мог бы послужить драгоценным первоисточником, утрачен. Похоже, что он был составлен на крайне упрощенном, народном латинском языке. Язык этого документа был впоследствии изменен при многочисленных переписках начиная с VIII в., как говорили, ради "большей ясности", на деле же - чтобы придать его стилю более возвышенный тон, соответствовавший настроениям каролингского Возрождения.

Основные черты этого "Устава", не говоря о дисциплине сплочения обитателей монастыря в одну большую семью под главенством одного отца-настоятеля, аббата, характеризуются отсутствием крайнего аскетического ригоризма ("ничего слишком резко, ничего слишком тягостно") и введением обязательного труда ("молитва и труд"), которому должно было первоначально отдавать вдвое больше времени, чем молитве. Община обязана была обеспечивать свое существование и не слишком полагаться на вклады богачей, которые стремятся определять ее жизнь. Сельскохозяйственное производство снизилось в те времена до очень низкого уровня. Новые методы вспашки целины и обработки полей, введенные бенедиктинцами, улучшили экономические условия Западной Европы, и в конце концов монастырь превратился в феодальное имение со своими крепостными, с которыми обходились не лучше, чем с другими крепостными.

Настоятель стал Христом киновия, монастырь - маленькой церковью. Послушники обязаны безусловно повиноваться своему главе, который для них - пожизненный Самодержец. Религиозное воспитание и изучение текстов занимает значительное место. Не забывается и изучение и сохранение древних рукописей, которые благодаря этому были частично спасены от уничтожения. Бенедиктинская реформа пользовалась известным влиянием также и на Востоке, какие бы легенды ни ходили на этот счет. Некоторые места "Кодекса Юстиниана", касающиеся выборов настоятелей, внутреннего распорядка, общих спален, мер наказания, несомненно отражают атмосферу, навеянную в христианском мире "Уставом" Бенедикта.

Было бы преувеличением утверждать, что бенедиктинское движение стало на Западе массовым. И все же для малообеспеченных простых людей приобщение к ордену бывало значительным событием, которое способствовало их культурному и социальному возвышению.

В последующие столетия крупные обители возникли в Фарфе, в Сабине, в Сан Винченцо на Вольтурно, в Сан Сальваторе на Монте Амиата, в Тралье, в Нонантоле, в Сан Микеле делла Кьюза, а за пределами Италии - в Швейцарии (СанГалло), в Бельгии (Ставело), в Германии (Фульда, Ларш, Рейхенау), в Англии (Йорк, Мальм-сбюри) и во Франции (Корби, Флери, Беке, Клуни). История этих монастырей стала составной частью истории христианского средневековья. Они способствовали охране наглухо замкнутого круга внушения и покорности, созданного средневековьем. И когда монастырская коррупция достигла высшей точки под сенью феодального режима, в недрах ордена зародилась сильная реакция на сложившийся порядок; она явилась предпосылкой реформы, имя которой дал один из бенедиктинских монастырей во Франции - Клуни.

ЮСТИНИАН: РЕСТАВРАЦИЯ ИЛИ КОНЕЦ ЭПОХИ?

Учение о единственной природе Христа по-прежнему имело влиятельных сторонников при византийском дворе, в окружении Феодоры - честолюбивой и склонной к интригам особы, ставшей супругой императора. Различные отклики на полемику по этому вопросу в значительной степени характеризуют правление Юстиниана (527 - 565).

Выходец из Скопле, в Верхней Македонии, родом из романизированной иллирийской семьи, Цезарь Флавий Юстиниан первоначально был приобщен к трону своего дяди Юстина в апреле 527 г. Когда через несколько месяцев государь умер, Юстиниан наследовал ему по праву. Юстиниан афишировал свои познания в теологии и любил дискутировать как равный с равными со своими епископами. Именно он предложил в 533 г. одну достаточно дипломатическую формулу для определения христологической догмы ("одно лицо из троицы было казнено на кресте"), которая, конечно, никого не удовлетворила, хотя и была одобрена римским епископом. Соперничество между Антиохией и Александрией еще более осложнило обстановку и толкнуло Юстиниана на крайние действия.

Не собирая синода и не советуясь с епископатами, император обнародовал эдикт, которым осуждал три сочинения антиохийской школы, ненавидимые александрийцами! труды учителя Нестория Феодора из Мопсуестии, Феодорета Кирского и послание некоего Ивы из Эдессы, который опровергал учение Кирилла Александрийского, победителя Эфесского собора. Разгорелась та самая полемика, которая получила наименование "трех капитулов" или "Трех авторов". На деле поддержку получили монофизитские тенденции, хотя император прежде всего стремился обеспечить себе приверженность Египта.

Императорский декрет был отвергнут почти всеми западными епископами. Римский епископ Вигилий (537 - 555), направленный в 547 г. в Константинополь с особой миссией по этому поводу, вынужден был делать хорошую мину при плохой игре и старался выгадать время. И когда Юстиниан, чтобы сделать свой эдикт действенным, ибо он преследовал скорее политические, чем религиозные цели, созвал в 553 г. в Константинополе новый вселенский собор, Вигилий укрылся в одной халкидонской церкви, чтобы не быть вынужденным принять в нем участие.

В его отсутствие незначительное число соборных отцов, 165 человек, признали волю императора и пригрозили отлучением всем тем, кто отвергал осуждение трех упомянутых текстов.

В целом Запад не капитулировал, но римский епископ, остававшийся на Востоке, в конце концов уступил и подтвердил решение собора, признав его Вселенским. Его преемник Пелагий (555 - 561) после некоторых колебаний подтвердил оба решения, вызвав обширный раскол в лоне западного христианства, от Иллирии до Северной Африки. Миланские епископы противились принятию решений собора до 570 г., африканские покорились еще через несколько лет. Церковная провинция Аквилея-Градо разделилась, и в ней

возникли две самостоятельные патриархии. В Градо раскол прекратился в 626 г., в Аквилле - только в 696 г. Эта деталь интересна тем, что в XII в. градский патриарх перенес свою резиденцию в Венецию, а в 1451 г., в момент окончательного крушения Византийской империи, градская патриархия была упразднена и титул патриархата перешел к Венеции, которая расширила свою юрисдикцию до Кастелло и Кьюджии.

Программа правительства Юстиниана - "одно государство, один закон, одна церковь" - сталкивалась с большими трудностями на протяжении 38 лет его правления.

Известное единство империи было достигнуто с обратным завоеванием части Западной Европы и африканских провинций. Однако обширные районы Испании и Галлии оставались в руках вестготских и франкских государств, Мавритания же не выходила из состояния постоянных мятежей вплоть до прихода арабов. Выдумка о том, что все суверены и местные военные вожди получили власть от Юстиниана, казалось, придавала вес его претензии на "реставрацию" империи в ее древних границах. Но действительность была совсем иной.

Что касается экономики и развития общественной жизни, то разрыв между Востоком и Западом стал еще шире. Близлежащие к Византии торговые центры пережили период известного подъема, чему способствовало, кроме всего прочего, разведение шелковичного червя, до того бывшее монополией Персии и Китая. Латифундия никогда не выполняла на Востоке, кроме некоторых пограничных территорий, тех функций, которые она сохраняла в Италии и вообще на Западе. 13 августа 554 г. Юстиниан выступил со своей "Прагматической санкцией". Он задался целью вернуть крупной земельной аристократии и церкви привилегии и владения, которых их лишили готы. Получившие свободу рабы и колонны должны были быть возвращены в их прежнее состояние. Но лонгобардская оккупация в-се эти намерения поставила под вопрос. Даже валютная и налоговая реформы были осуществлены лишь на Востоке. Ценность золотой монеты непоправимо упала на Западе.

Крупнейший след оставила в истории европейского общества попытка законодательного объединения империи, предпринятая Юстинианом в 529 г.

Под руководством группы юристов во главе с Трибо-нианом были собраны и изучены все римские законодательные акты, важнейшие основы которых были переданы в тексте из 150 тысяч строк. Этот труд донес до нас огромный материал, который еще и сейчас пронизывает всю юриспруденцию, свидетельствуя, кроме всего, о том, что базис социальной эксплуатации расширяется и модернизируется, но не меняется по существу.

С точки зрения Юстиниана, древние времена Рима "непогрешимы", но в VI в. мир уже не мог управляться старыми законами. Поэтому и предпринят крупнейший труд - составление кодекса, носящего его имя, который я вошел в 529 г. в так называемый "Свод гражданского законодательства".

Отжившие распоряжения и установления были переработаны и заменены новыми законами, или "Новеллами", вышедшими между 534 и 565 г., чтобы обеспечить эффективное руководство империей. Обрисовывалось государство, покоящееся на всепроникающей капиллярной бюрократической сети, которая направляет труд миллионов лишь частично свободных людей, зависящих от абсолютного главы государства, представителя бога на земле, ни перед кем не ответственного за свое правление. В преамбуле к "Новелле VI" Юстиниан рассматривал себя как монарха и священника, высшего светского и духовного правителя. Это триумф концепции восточного деспотизма, идущей дальше всего, что пытались ввести в правление сами языческие императоры.

"Исповедания веры" вселенских соборов от Никейско-го до Халкидонского были положены в основу гражданского общества с целью построения "доброго церковного порядка". Преследование еретиков, будь то ариане или несториане, монتانиты или донатисты, и "нехристей", включая иудеев и самаритян, положило начало режиму абсолютной нетерпимости, которая позже станет составной частью доктрины папства и войдет в практику всех средневековых государств. Сектантские церкви и синагоги должны были быть закрыты или переделаны в ортодоксальные храмы. Те, кто "более не почитают истинного бога", лишаются общественных, гражданских и муниципальных постов и

изгоняются из свободных профессий. Каждое проявление религиозного неповиновения сурово каралось, вплоть до конфискации собственности еретика в пользу верующих.

Различные социальные группы, которые свою оппозицию системе еще скрывали под религиозным обликом, перешли в результате в подполье, откуда они вышли как организованная сила только через несколько столетий, когда вспыхнули великие еретические движения средних веков, потрясшие как Восток, так и Запад.

Попытки политического, юридического и религиозного упрочения империи обычно представляют как результат возвращения Юстиниана к "римскому началу".

Нет сомнения, что таковы и были намерения императора и большинства его ближайших помощников. Но это был ложный, необоснованный план, предназначенный скрыть непреодолимые противоречия, которые проявлялись в византийском мире, в развитии экономической, социальной и культурной жизни. В действительности то был окончательный закат античной эры.

Об этом закате свидетельствуют, кстати, и изобразительные искусства, такие, как мозаики на общественных зданиях и базиликах того времени. Вспомним великолепные мозаики Равенны, византийского патриаршего престола, ставшего центром греческого влияния в Италии. Они вводят нас в область мистического преображения, озаренного блеском золотых и серебряных тонов, в мир имперских сановников, мужчин и женщин в позах богов. Они уже далеки от античной латинской традиции - реалистической, более связанной с человеком и условиями его жизни, которая отражена была и в самом примитивном христианском искусстве ранних времен.

В этих мозаиках, как и в византийском обществе, каждый должен был занимать место, отведенное ему "судьбой".

ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ НОВОЙ ЭРЫ

Представление о том, что с рождением Христа началась новая эра в истории человечества, возникло в гражданском и церковном обществе не сразу, даже после полного утверждения христианской империи. Осознание бытия всегда запаздывает по отношению к самому бытию. Счет времени по-прежнему вели от основания Рима или от того или иного государя либо начиная с какого-нибудь жизненно важного события в истории церкви, такого, например, как гонения Диоклетиана. Только теперь, именно в эпоху Юстиниана, появляется потребность начать его с новой даты, которая знаменует начало христианской эры.

Первые расчеты, в массе своей достаточно ребяческие, восходят к деятельности монаха Дионисия, возможно скифского происхождения, пришедшего в Рим к концу V в. из отдаленных земель на севере от Дуная, где чувство принадлежности к римскому миру было ослабленным. О Дионисии известно весьма немного. Упоминания о нем встречаются преимущественно в сочинении его друга Кассиодора "Установления божественных писаний" (I, 23), написанного в 556 г. Латинские источники именуют его "малым", в отличие от мифического Дионисия, прозванного Дреопагитом, которого якобы обратил апостол Павел и которому в первой половине VI в. приписывали многие сочинения неоплатоновского и мистического содержания.

По всей видимости, Дионисий мог происходить из состоятельной семьи и после пребывания в монастыре, в окрестностях Антиохии, он мог перебраться в Константинополь, чтобы усовершенствоваться в знании греческого и латинского языков. В Рим он прибыл не ранее 497 г. и нашел приют в монастыре св. Анастасия, на Палатинском холме, живя в котором он отдался переводам с греческого теологических текстов, житий аскетов, декретов и постановлений. Собранный им свод из нескольких сотен канонов, папских декреталий и соборных актов от Сириция до Анастасия II (496 - 498) известен под названием "Дио-ниссиана". Он также ввел на Западе таблицу пасхальных циклов Кирилла Александрийского, охватывающую период с 437 по 531 г.

Вероятно, в ходе этой работы, предназначенной всего лишь фиксировать на многие годы дату празднования пасхи, установленную в Никее, но еще не всеми

признанную, особенно на Западе, Дионисий ощутил потребность уточнить год рождения Иисуса на основе тех немногих туманных и противоречивых данных, которые сообщают евангелия.

Не имеет ни малейшего значения, что он пришел к выводу, будто Иисус родился 25 декабря 753 г., считая с основания Рима, и что 754 г. является тем самым первым годом новой эры. Вычисления Дионисия лишены какого бы то ни было исторического значения. Но идея начать летосчисление с этого события революционизировала весь календарь и в конце концов возобладала. Новая эра была прозвана "вульгарной", то есть народной.

Так родилось понятие "до и после Христа", которое ныне обычно для нашей хронологии. Но в те времена оно таким не казалось. Это настолько очевидно, что несколько столетий спустя его употребление оставалось лишь обычаем хронистов и немногих церковных авторов.

В общественных документах это понятие закрепилось лишь постепенно: во Франции и Англии - в VIII в., в Германии - в IX в., в Италии - между IX и X в. В Риме, в официальных актах понтификов, оно появляется впервые в 968 г., при Иоанне XIII. В Испании до XIV в. продолжали считать годы от эры Августа (38 г. до н. э.). В Византии исходили из даты сотворения мира, которое Константинопольский собор (681 г.) - третий под этим именем и VI вселенский - фиксировал в 5509 до н. э.

Летосчисление по Дионисию лучше, чем другие соображения, иллюстрирует ориентацию эпохи Юстиниана.

Это нововведение подводит нас к началу новой эпохи в истории. Восстановление римского мира было отныне невозможно. В момент крушения античных экономических и социальных структур стало фактом осознание на деформированной религиозной идеологической основе начала новой эры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1.

Проблема истоков: иудаизм и христианство в свете последних открытий

Буддизм, христианство и ислам

Проблема языка

Палестинский иудаизм и иудаизм диаспоры

Страна за пределами реальности

Оппозиционная литература

Социальные ферменты и религиозный дуализм

Мессианские общины

Подлинные истоки христианства

ГЛАВА 2.

Иисус в ранней евангельской традиции

Загадка Иосифа Флавия

Канонические евангелия и евангелия апокрифические

"Евангелие Иисуса"

Назарет или Вифлеем?

Дата рождения

Семья Иисуса

"Царство божье"

Мораль евангелия

Смерть и воскресение

ГЛАВА 3.

Павел из Тарса: возникновение и богослужebная деятельность первых христианских общин средиземноморского мира

Первые церкви в Малой Азии
Деяния святых апостолов
Христианство и библейские послания
Эпистолярный цикл Павла
Условная мораль и социальный иммобилизм
Антитеза плоти и духа
Предназначение и причастительное богослужение
Католические послания

ГЛАВА 4.

Окончательное размежевание христианства и иудаизма во II веке
Наставление о "двух путях"
Литература "апостолических отцов" ..
Конец национального и территориального единства иудеев
Апологеты II века
Абсолютный дуализм: гностицизм
Отказ от мира и мифологизация царства
Открытия в Хенобоскионе
Влияние гностицизма на обрядовую и богослужебную традицию христианства

ГЛАВА 5.

Первые теологические и дисциплинарные разработки и реакция
на них народного пророчества
Церковь Маркиона
Новое утверждение миллениаризма
Наследие пророчества: монтанизм
Христос-логос и угнетенные
Первые теоретические школы
Христианство в римской Африке

ГЛАВА 6.

Христианство и Римская империя.
Гонения Миф о религиозной терпимости Рима
Характер и границы преследований
Нероновы преследования христиан
Репрессии второго столетия
Христианство в Риме при Северах
Эдикт Деция и раскол Новатиана
Деяния мучеников

ГЛАВА 7.

Начало константиновской эры: политический, социальный
и религиозный кризис IV века
К реформе Диоклетиана
Последние гонения и победа Константина
Донатистский раскол и бунт циркумцеллионов
Происхождение христианского аскетизма и монашества
Оппозиция Пелагия

ГЛАВА 8.

Арианство, два первых вселенских собора и конец язычества
Неравномерное распространение христианства
Особенности арианства
I вселенский (экуменический) собор в Никее
Путь арианства от Никей до Константинополя

Утопия императора Юлиана
Закат язычества

ГЛАВА 9.

Эволюция религиозной жизни и обрядности. Возникновение папства

Патристика

Два града блаженного Августина

Развитие богослужебной практики

Молитва и богослужение

К утверждению главенства Рима

Конец западной Римской империи :

ГЛАВА 10.

Юстиниан и конец античной эры

"Кодекс Феодосия"

Рождение и развитие несторианской и монофизитской церквей

Готы и византийцы в Италии. Боэций и Кассиодор

Учреждение бенедиктинского ордена

Юстиниан: реставрация или конец эпохи?

Летосчисление новой эры

Амброджо Донини

У ИСТОКОВ ХРИСТИАНСТВА

Перевод с итальянского Заведующий редакцией А. В. БЕЛОВ

Редактор Л. И. ВОЛКОВА Младший редактор И. П. ГУРОВ

Художник А. Я. ГЛАДЫШЕВ

Художественный редактор В. А. ТОГОБИЦКИЙ

Технический редактор В. П. КРЫЛОВА

10509 - 318

Д-----297-79 0400000000

079(02) - 79

Донини А.

Д67 У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана): Пер. с итал. - М.: Политиздат, 1979. - 341 с. - (Б-ка атеист, лит.)

Новая работа Амброджо Донини, видного итальянского ученого-коммуниста, известного советскому читателю по книге "Люди, идолы и боги", освещает одну из драматических эпох европейской и мировой истории - крушение античного мира, Римской империи и возникновение в этих условиях христианства. В книге анализируются социальные, политические, идеологические истоки христианства, показан процесс объединения разрозненных групп верующих и превращение христианства в господствующую церковь Римской империи, а затем Византии и первых государств средневековой Европы.

Книга содержит ряд малоизвестных советскому читателю сведений из истории религиозных движений первых веков новой эры. Она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами религии и атеизма.